ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый

К. Говорскимъ.

ДЕКАБРЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

Печатать позволяется. Кіевъ. 29-го Декабря 1862 года.

Цензоръ Н. Щеголевъ.

X.

—

ТАЙНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ ОБЩЕСТВА ІЕЗУИТОВЪ.

(Окончаніе).

ГЛАВА IX.

О необходимости увеличивать доходы коллегій.

1) По возможности никого не должно допускать до послѣдняго обѣта, пока онъ ожидаетъ какое либо наслѣдство, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, если онъ имѣетъ въ обществѣ брата, младшаго себя, или по какимъ либо другимъ важнымъ причинамъ. Особенно же и прежде всего надобно заботиться о распространеніи Общества сообразно съ цѣлями, извѣстными лицамъ высшимъ, которыя общими силами должны стремиться по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы церковь къ большей славѣ Божіей была возстановлена въ первоначальномъ блескѣ и чтобы все духовенство имѣло одну душу. Съ этою цѣлію часто надобно увѣрять всѣхъ и повсюду разглашать, что общество состоитъ частію изъ братій, произнесшихъ полные обѣты (professis) до того бѣдныхъ, что, кромѣ ежедневныхъ подаяній, получаемыхъ отъ щедрости вѣрныхъ, они не имѣютъ рѣшительно ничего, частью же другихъ отцевъ, хотя и бѣдныхъ, но владѣющихъ недвижимыми имуществами, чтобы въ отправленіи своихъ занятій и

дѣлъ не быть, подобно другимъ нищимъ, въ тягость народу. Поэтому то духовники государей, вельможъ, вдовъ и другихъ лицъ (отъ которыхъ общество многаго можетъ надѣяться) должны старательно внушать имъ все относящееся къ этому предмету,—что т. е. взамѣнъ подаваемыхъ ими своимъ духовнымъ дѣтямъ благъ духовныхъ и божественныхъ, они должны принимать отъ нихъ по-крайней мѣрѣ блага земныя и временныя, и никогда не должны опускать случая взять, когда даютъ. Если же было бы дано какое нибудь обѣщаніе, но исполненіе его было отложено на неопредѣленное время, то надобно благоразумно напомнить объ немъ, скрывая впрочемъ по возможности всякую привязанность къ богатствамъ; если кто либо изъ духовниковъ вельможъ или другихъ лицъ окажется не совсѣмъ искуснымъ въ исполненіи всего этого на дѣлѣ, то его во время и осторожно надобно удалить, опредѣливъ на его мѣсто другаго и, если нужно для большаго удовлетворенія духовныхъ чадъ, отослать его въ отдаленнѣйшія коллегіи, сказавъ, что общество тамъ болѣе нуждается въ его услугахъ и умѣ; ибо мы недавно слышали, что молодыя вдовы, пораженныя преждевременною смертію, по нерадѣнію нашихъ, не упомянули въ своемъ завѣщаніи о драгоцѣнныхъ предметахъ, предназначавшихся для храмовъ общества, по той причинѣ, что они не были взяты во время: для принятія подобныхъ вещей надобно смотрѣть не на время, а на добрую волю духовныхъ чадъ.

2) Епископовъ, канониковъ, священниковъ и другихъ богатыхъ духовныхъ лицъ должно различными ухищреніями побуждать къ духовнымъ занятіямъ, и такимъ образомъ мало по малу при посредствѣ любви къ предметамъ духовнымъ, пробуждать въ нихъ доброе расположеніе къ обществу. Въ слѣдъ за тѣмъ мало по малу надобно вызывать ихъ на щедрыя подаянія.

3) Духовники не должны пренебрегать и тѣмъ, чтобы спрашивать (впрочемъ во время) у своихъ духовныхъ чадъ о ихъ имени, фамиліи, о лицахъ близкихъ имъ, родственникахъ, друзьяхъ, имуществѣ; потомъ освѣдомиться о порядкѣ наслѣдства, о ихъ состояніи, намѣре-

ніяхъ и рѣшеніяхъ, и если они еще не приняли рѣшеній благопріятствующихъ обществу, то убѣждать ихъ къ этому. Если при этомъ съ перваго взгляда блеснетъ надежда на какую нибудь выгоду,—то такъ какъ не слѣдуетъ выспрашивать все вмѣстѣ, надобно приказать имъ, подъ предлогомъ или болѣе полнаго очищенія ихъ совѣсти, или исправительнаго покаянія, исповѣдываться каждую недѣлю, и за этимъ тотъ же самый духовникъ долженъ почтительно приглашать ихъ къ себѣ, чтобы въ нѣсколько свиданій разузнать отъ нихъ то, чего онъ не былъ въ состояніи узнать въ одинъ разъ. Если бы это удалось по желанію, то если это женщина, ее всячески должно побуждать къ продолженію частыхъ исповѣдей и посѣщеній духовника, если же мущина, то уговаривать его часто бывать въ обществѣ нашихъ и сближаться съ нами.

4) Само собою разумѣется, что тоже самое, что было сказано о вдовахъ должно употреблять въ дѣло и съ купцами, съ гражданами богатыми и женатыми, но не имѣющими дѣтей: отъ нихъ Общество нерѣдко можетъ получить полное наслѣдство, если только благоразумно будутъ выполняться на дѣлѣ эти практическія замѣтки. Всего же болѣе соблюдать должно ихъ въ отношеніи къ богатымъ жинщинамъ, посвятившимъ себя благочестію и часто бывающимъ у нашихъ и если онѣ не очень знатнаго рода, то противъ сего народъ могъ бы очень возроптать.

5) Ректоры коллегій должны стараться имѣть свѣдѣнія о домахъ, садахъ, помѣстьяхъ, виноградникахъ, деревняхъ и другихъ имуществахъ, принадлежащихъ знатнымъ лицамъ, купцамъ и гражданамъ, и также, если можно, о получаемыхъ съ нихъ сборахъ и доходахъ; впрочемъ это должно дѣлать осторожно и всего вѣрнѣе на исповѣди, въ дружескихъ собраніяхъ и частныхъ разговорахъ, и если на исповѣди у духовника побывалъ человѣкъ богатый, то пусть онъ ни мало немедля увѣдомитъ объ этомъ ректора и всячески старается угождать ему.

6) Далѣе, сущность дѣла должно полагать въ томъ

чтобы всѣ наши во время умѣли овладѣть благосклонностію духовныхъ чадъ и другихъ лицъ, съ которыми они обращаются и приспособляться къ наклонностямъ каждаго. Поэтому начальники провинцій пусть заботятся о томъ, чтобы многіе изъ нашихъ были отправляемы въ тѣ мѣста, гдѣ живутъ богатые и знатные люди. А чтобы начальники провинцій могли дѣлать это съ большимъ благоразуміемъ и легкостію, для этого ректоры не должны забывать увѣдомлять ихъ въ свое время о жатвѣ.

7) Надобно также развѣдывать, не могутъ ли перейти въ руки общества вслѣдствіе принятія дѣтей въ число его братій, доходы и владѣнія, и если это возможно, то надобно освѣдомляться, могутъ ли быть уступлены коллегіи тѣ или другія имущества въ силу какого либо договора, или какимъ либо другимъ образомъ, такъ чтобъ по прошествіи извѣстнаго срока, они могли поступить въ полное владѣніе общества. Для этой цѣли всѣмъ и въ особенности вельможамъ и богатымъ людямъ надобно представлять нужды общества и тягость долговъ его.

8) Если бы случилось, что вдовы или богатые супруги, преданные намъ, имѣютъ только дочерей, то наши должны ласками склонять ихъ къ жизни благочестивой или монастырской и, оставивъ имъ какую либо часть наслѣдства, остальное пріобрѣтать мало по малу обществу. Если бы они имѣли сыновей, то тѣхъ изъ нихъ, которые способны вступить въ общество,—надобно привлекать къ нему, а другихъ надобно побуждать даже какими либо незначительными обѣщаніями ко вступленію въ другіе монашескіе ордена. Но если бы у нихъ былъ единственный сынъ, то его надобно какими бы то ни было средствами завлечь въ общество: надобно изгнать изъ души его всякую боязнь родителей и внушать ему мысль о томъ, что его призываетъ Христосъ, увѣряя даже его, что Богу будетъ самою пріятною жертвою, если онъ убѣжитъ противъ воли и безъ вѣдома родителей. Потомъ его должно отправить въ отдаленный новиціатъ, предувѣдомивъ объ этомъ генерала. Если бы наконецъ они имѣли и сыновей и дочерей, то прежде всего должно

склонить дочерей къ поступленію въ монастырь или къ жизни благочестивой, потомъ завлекать въ общество сыновей, съ правомъ наслѣдія имуществъ.

9) Лица начальствующія должны кротко, но съ твердостію внушать духовникамъ такого рода вдовъ и супруговъ, чтобы они, дѣйствовали сообразно съ этими постановленіями для блага общества. Если бы они не исполнили этого, то поставлять на ихъ мѣста другихъ, а ихъ удалять, такъ чтобы они не могли продолжать связей съ этимъ семействомъ.

10) Вдовъ и другихъ благочестивыхъ лицъ, которыя, по видимому съ большою любовію стремятся къ совершенству, надобно побуждать, какъ къ дѣствительнѣйшему средству для достиженія высшей степени совершенства, къ тому именно, чтобы онѣ уступили обществу всѣ свои владѣнія, и жили годовою пенсіею общества, которая будетъ немедленно высылаема имъ по надобности, чтобы такимъ образомъ, не имѣя заботъ и безпокойствъ, онѣ тѣмъ легче могли служить Богу.

11) Чтобы вѣрнѣе убѣдить всѣхъ въ бѣдности общества, лица высшія должны занимать у богатѣйшихъ людей, преданныхъ обществу, деньги подъ собственноручныя росписки и все далѣе и болѣе отлагать время ихъ уплаты. Потомъ во время болѣзни, особенно опасной, такія лица должно постоянно посѣщать и всѣми возможными доводами увѣрять ихъ въ своей несостоятельности, чтобы наконецъ они согласились возвратить росписки: такимъ образомъ объ нашихъ не узнаютъ изъ завѣщанія, а между тѣмъ мы получимъ выгоду, не возбуждая противъ себя ненависти наслѣдниковъ имѣнія умирающихъ.

12) Полезно будетъ также брать у нѣкоторыхъ лицъ деньги за годовые проценты, и за высшіе проценты отдавать ихъ въ другіе руки, чтобы такимъ образомъ проценты вознаграждали насъ за проценты. А между тѣмъ могло бы случиться, что друзья, ссудившіе насъ такимъ образомъ деньгами, будучи подвигнуты состраданіемъ къ намъ, уступили бы обществу, при постройкѣ коллегіи или сооруженіи храмовъ, проценты или даже первоначальный

капиталъ по духовному или своему завѣщанію, или сдѣлавъ изъ него подарокъ еще при жизни своей.

13) Съ пользою также общество могло бы заниматься торговлею, прикрываясь именами преданныхъ намъ богатыхъ купцовъ; но сверхъ сего этого должно заботиться о вѣрныхъ и значительныхъ выгодахъ въ Индіи, которая по настоящее время, при помощи Божіей, доставила обществу не только многія души, но и большія богатства.

14) Наши должны заботиться о томъ, чтобы имѣть въ мѣстахъ своего пребыванія какого либо врача, вѣрнаго обществу, котораго предпочтительно предъ другими они должны рекомендовать и хвалить больнымъ, чтобы и онъ въ свою очередь, одобряя нашихъ предпочтительно предъ другимъ духовенствомъ, сдѣлалъ то, чтобы насъ повсюду звали къ важнымъ больнымъ и особенно близкимъ къ смерти лицамъ.

15) Духовники должны усердно посѣщать больныхъ, особенно находящихся въ опасности, и чтобы приличнымъ образомъ удалять отъ нихъ другихъ монашествующихъ и духовныхъ, для этого высшія лица должны позаботиться о томъ, чтобы въ то время, когда духовникъ бываетъ вынужденъ оставить больнаго, его смѣняли другіе и постоянно поддерживали больнаго въ его добрыхъ намѣреніяхъ. Въ тоже время ему надобно благоразумно напоминать объ ужасахъ ада, или по крайней мѣрѣ чистилища, и въ слѣдъ за тѣмъ должно показать, что какъ вода погашаетъ огонь, такъ и милостыня погашаетъ грѣхъ, и что ни на что другое нельзя сдѣлать изъ милостыни лучшаго употребленія, какъ на пропитаніе и пособіе тѣмъ лицамъ, которыя по призванію своему занимаются дѣлами любви ко спасенію ближняго; потому что такимъ образомъ подающіе милостыню раздѣляютъ съ ними эту любовь и удовлетворяютъ за собственные грѣхи, такъ какъ любовь покрываетъ множество грѣховъ; любовь можно также представлять тою брачною одеждою, безъ которой никто не допускается къ трапезѣ небесной. Наконецъ изъ писанія и св. отцевъ надобно приводить

то, что смотря по расположенію больнаго, признано будетъ наиболѣе способнымъ убѣдить его.

16) Женъ, оплакивающихъ пороки или тяжелый нравъ своихъ мужей, надобно научать унести тайно какую либу сумму денегъ и принести её Богу для очищенія ихъ грѣховъ и испрошенія имъ милости.

ГЛАВА X.

Объ особенной строгости соблюденія въ обществѣ этихъ правилъ.

1) Какъ врага общества, должно подъ благовиднымъ предлогомъ удалять изъ среды его всякаго, кто бы онъ ни былъ, какое бы ни занималъ мѣсто и какихъ бы ни былъ лѣтъ, кто сталъ бы удалять преданныхъ намъ женщинъ или другихъ друзей отъ нашихъ храмовъ или отъ посѣщенія нашихъ, или кто сталъ бы переводить милостыни въ другіе храмы или къ другимъ монахамъ, или кто отсовѣтовалъ бы подавать ее какому нибудь богачу, расположенному къ обществу, кто даже, когда бы ему слѣдовало распоряженіе на счетъ его собственныхъ имуществъ, оказалъ бы въ этомъ дѣлѣ болѣе любви къ своимъ роднымъ, нежели къ обществу; потому что такое дѣйствіе есть выраженіе неумерщвленнаго духа, тогда какъ братіямъ, давшимъ полные обѣты, должно быть совершенно умерщвленными; также долженъ быть удаленъ и тотъ, кто передалъ бы своимъ бѣднымъ родственникамъ подаянія, полученныя отъ духовныхъ чадъ или друзей общества. А чтобы они послѣ не жаловались на причину своего удаленія, для этого не должно удалять ихъ вдругъ, но надобно сначала запретить имъ исповѣдывать, надобно притеснять и огорчать ихъ, употребляя ихъ для исполненія низшихъ обязанностей, принуждать въ положенные дни къ тому, къ чему они имѣютъ величайшее отвращеніе, удалять ихъ отъ высшихъ занятій и почетныхъ должностей, оскорблять ихъ публичными выговорами, не позволять имъ развлеченій и сношеній внѣшнихъ, отнимать отъ ихъ платья и изъ другихъ домашнихъ

предметовъ все то, что не можетъ быть совершенно необходимо, и поступать съ ними такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока они доведены будутъ до ропота и нетерпѣнія, и тогда удалять ихъ какъ совершенно не умертвившихъ себя и своимъ дурнымъ примѣромъ опасныхъ для другихъ. Если-же надобно будетъ объяснить причину удаленія ихъ родителямъ, или прелатамъ церкви, то должно сказать, что они не имѣли духа общества.

2) Сверхъ того должны быть удаляемы изъ общества тѣ, которые совѣстятся и затрудняются въ пріобрѣтеніи имуществъ для общества; объ нихъ надобно сказать, что они слишкомъ полагаются на свое собственное мнѣніе. Въ случаѣ если-бы они захотѣли дать отчетъ въ своемъ поступкѣ начальнику провинціи, то не слушать ихъ, а указать имъ на уставъ, который обязываетъ всѣхъ къ изъявленію слѣпаго повиновенія.

3) Не должно съ самаго начала, съ самаго ранняго возраста упускать изъ вида тѣхъ, кто нѣжно отличается особенною любовію къ обществу, а тѣхъ, за которыми будетъ замѣчено, что они питаютъ расположеніе къ другимъ орденамъ, или къ бѣднымъ или родителямъ, такъ какъ они были-бы безполезны въ будущемъ, должно располагать мало по малу вышесказаннымъ способомъ къ удаленію.

ГЛАВА XI.

Какимъ образомъ наши единодушно должны вести себя въ отношеніи къ удаленнымъ изъ общества.

1) Такъ какъ удаленнымъ извѣстны по крайней мѣрѣ нѣкоторыя тайны, то они много могутъ вредить обществу; вслѣдствіе этого надобно идти вопреки ихъ усиліямъ слѣдующими путями: прежде чѣмъ удалить ихъ изъ общества, надобно довести ихъ до того, чтобы они письменно обѣщались и поклялись никогда и ничего дурнаго ни писать, ни говорить объ обществѣ; между тѣмъ высшія лица будутъ хранить записку о дурныхъ наклонностяхъ, недостаткахъ и порокахъ ихъ, которые они нѣкогда обнаружили сами, раскрывая по обычаю общества свою

совѣсть, и которыми въ случаѣ нужды общество могло бы воспользоваться передъ вельможами и прелатами, чтобы воспрепятствовать ихъ повышенію.

2) Какъ можно скорѣе должно разсылать по коллегіямъ росписи тѣхъ, которые будутъ удалены, при чемъ надобно преувеличивать общія причины удаленія, недостатокъ сокрушенія духа, непослушаніе, слабое расположеніе къ духовнымъ занятіямъ, своемысліе и пр.; потомъ надобно увѣщавать всѣхъ другихъ, чтобы они ни подъ какимъ видомъ, не сообщались съ ними. Если-же кто-либо изъ постороннихъ упомянетъ объ удаленныхъ изъ общества, то всѣ должны одинаково и повсюду говорить, что общество не удаляетъ никого безъ важныхъ причинъ, что оно извергаетъ подобно тому, какъ море выбрасываетъ трупы и проч. Надобно также осторожно высказывать и такого рода поступки, за которые насъ ненавидятъ, чтобы удаленіе заслуживало большее одобреніе.

3) Въ домашнихъ увѣщаніяхъ должно увѣрять, что удаленные находятся въ самомъ безпокойномъ положеніи, и снова просятся въ общество, и въ преувеличенномъ видѣ представлять бѣдствія тѣхъ, которые по удаленіи изъ общества пострадали отъ нихъ несчастнымъ образомъ.

4) Надобно также противупоставлять обвиненіямъ, которыя могли-бы сдѣлать намъ удаленные изъ общества, авторитетъ людей важныхъ, которые бы повсюду объявляли, что общество никого не удаляетъ безъ важной причины и не отсѣкаетъ здоровыхъ членовъ, чему можетъ служить подтвержденіемъ та ревность, которую общество питаетъ и обнаруживаетъ вообще къ душамъ даже чуждыхъ ему людей, не тѣмъ-ли болѣе къ своимъ членамъ?

5) Потомъ общество должно осыпать и обязывать благодѣяніями всякаго рода тѣхъ вельможъ, или епископовъ, у которыхъ удаленные изъ него начали пользоваться нѣкоторымъ значеніемъ или довѣренностію; имъ надобно объяснить, какимъ образомъ общее благо цѣлаго ордена, столько же славнаго, сколько и полезнаго для церкви, должно имѣть перевѣсъ надъ частнымъ благомъ

какого-бы то ни было лица. Если-же расположеніе ихъ къ удаленнымъ будетъ продолжаться, то надобно изложить имъ причины удаленія, приводя при этомъ даже и такія, которыя не вполнѣ достовѣрны, лишь бы только онѣ имѣли видъ вѣроятности.

6) Должно принимать всѣ возможныя предосторожности, чтобы особенно тѣ, которые добровольно оставили общество, не были возводимы въ какія-либо должности или достоинства церковныя, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, если-бы они подчинили и предали обществу какъ самихъ себя, такъ и все свое, такъ чтобы всѣмъ было ясно, что они хотятъ вполнѣ зависѣть отъ общества.

7) Надобно принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы сколько возможно удалять ихъ отъ исполненія значительныхъ обязанностей въ церкви, каковы проповѣди, исповѣдь, изданіе книгъ и проч., изъ опасенія, чтобы они не снискали себѣ народной любви и одобренія. Съ этою цѣлію надобно дѣлать самые тщательные розыски о жизни и нравахъ, равно какъ объ обществѣ, занятіяхъ и проч. равно и о намѣреніяхъ удаленнаго. А для этого надобно устроить дѣло такъ, чтобы наши имѣли особенныя сношенія съ кѣмъ-либо изъ членовъ того семейства, въ которомъ живутъ удаленные. Какъ скоро замѣчено будетъ что-либо не совсѣмъ похвальное или достойное осужденія, тотчасъ надобно чрезъ посредство людей низшихъ, преданныхъ намъ, распространять молву объ этомъ въ народѣ; потомъ вельможъ или прелатовъ, покровительствующихъ удаленнымъ, надобно удерживать, внушая опасеніе о ихъ будущемъ безславіи. Если-бы они не дѣлали ничего, достойнаго порицанія и вели себя похвальнымъ образомъ, то хитрыми предположеніями и двусмысленными словами надобно умалять ихъ добродѣтели и похвальныя дѣла до тѣхъ поръ, пока не ослабѣютъ почтеніе и довѣренность, которыми они пользовались прежде. Ибо для общества весьма полезно совершенно уничтожить удаленныхъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которые оставили его добровольно.

8) Какъ можно скорѣе надобно обнародывать бѣдствія и несчастныя событія, которыя случаются съ ними,

испрашивая впрочемъ молитвъ за нихъ у людей благочестивыхъ, чтобы не подумали, будто наши дѣйствуютъ по внушенію какой-либо страсти; дома же эти несчастія надобно всячески преувеличивать, чтобы удержать другихъ.

ГЛАВА XII.

Какихъ людей должно беречь и покровительствовать въ обществѣ.

1) Первое мѣсто должны занимать ревностные дѣлатели, т. е. тѣ, которые столько же содѣйствуютъ временному, какъ и вѣчному благу общества, каковы по большей части духовники князей и вельможъ, богатыхъ вдовъ и благочестивыхъ женщинъ, проповѣдники и преподаватели и всѣ, знающіе эти тайны.

2) Ослабѣвшіе силами и обремененные лѣтами сообразно съ мѣрою, въ какой они употребили свои способности для временнаго блага общества, такъ чтобы было обращено должное вниманіе на прошедшую жатву, и сверхъ того потому, что они остаются еще способными орудіями для доноса настоятелямъ объ обыкновенныхъ недостаткахъ, которые они, оставаясь постоянно дома, замѣчаютъ въ другихъ служителяхъ.

3) По возможности, ихъ никогда не должно удалять изъ общества, чтобы о немъ не было дурныхъ слуховъ.

4) Сверхъ того надобно благопріятствовать всѣмъ тѣмъ, которые отличаются умомъ, знатностію или богатствами, особенно если они имѣютъ друзей и родственниковъ, преданныхъ обществу и сильныхъ и если сами питаютъ непритворную любовь къ обществу, какъ изложено выше. Ихъ должно посылать въ Римъ или въ знатнѣйшіе университеты для занятій науками. Въ случаѣ же, еслибъ они учились въ провинціи, ихъ должно отличать предъ другими, оказывая особенную любовь и покровительствомъ наставниковъ. До тѣхъ поръ, пока они не уступятъ своихъ имуществъ въ пользу общества, имъ не надобно отказывать ни въ чемъ; но послѣ того, какъ они это сдѣлали, ихъ надобно притѣснять какъ и прочихъ,

всегда впрочемъ оказывая нѣкоторое вниманіе къ прошедшему.

5) Настоятели будутъ также имѣть особенное уваженіе къ тѣмъ, которые привлекли къ обществу какихъ либо избранныхъ юношей, такъ какъ они не мало засвидѣтельствовали этимъ свою любовь къ обществу. Надобно впрочемъ наблюдать, чтобы во все время, пока они еще не дали послѣдняго обѣта, они не пользовались излишнею снисходительностію, чтобы по какому-либо случаю они снова не взяли изъ общества тѣхъ, которыхъ привели ему.

ГЛАВА XIII.

О выборѣ юношей, которые должны быть принимаемы въ общество, и о способѣ удерживать ихъ.

1) Съ величайшимъ благоразуміемъ надобно стремиться къ тому, чтобы были выбираемы юноши съ хорошими способностями, красивые собою, знатные по происхожденію, или по меньшей мѣрѣ имѣющіе какое-либо одно изъ этихъ качествъ.

2) Чтобы удобнѣе привлечь ихъ къ нашему обществу, для этого во все время ихъ ученія школьные префекты и учители должны оказывать имъ особенную любовь и въ часы свободные отъ занятій внушать имъ, какъ пріятно Богу, если кто посвятитъ Ему и себя и все свое, особенно въ обществѣ Сына Его.

3) При случаѣ, ихъ надобно водить по коллегіи, по саду, иногда даже брать на дачи; надобно, чтобы они бесѣдовали съ нашими во время отдыха, и мало по малу сближались съ ними, остерегаясь впрочемъ, чтобы сближеніе не родило презрѣнія.

4) Не позволять наставникамъ наказывать ихъ или поставлять наряду съ прочими учениками.

5) Надобно привязывать ихъ къ себѣ небольшими подарками и разными преимуществами, сообразными съ ихъ возрастомъ, особенно же одушевлять ихъ духовными бесѣдами.

6) Надобно внушать имъ, что это дѣлается съ ни-

ми по распоряженію Божественному, какъ съ избранными для общества предпочтительно предъ столькими другими, посѣщающими ту же гимназію.

7) Въ другихъ случаяхъ, особенно при увѣщаніяхъ, ихъ надобно устрашать угрозами вѣчнаго осужденія, если они не послушаются Божественнаго призванія.

8) Если бы они постоянно просили о вступленіи въ общество, то должно отлагать принятіе ихъ, пока они будутъ оставаться постоянными. А если бы они оказались непостоянными, то какъ можно скорѣе и всѣми средствами должно благопріятствовать имъ.

9) Надобно убѣдительно совѣтовать имъ, чтобы прежде своего вступленія въ общество они никому изъ своихъ друзей, ни даже своимъ родителямъ не открывали своего призванія, такъ что, если бы впослѣдствіи они подверглись какому либо искушенію отступиться отъ своего намѣренія, ни общество, ни они не будутъ связаны; если же искушеніе будетъ одолѣно, всегда представится случай воодушевлять ихъ послѣ напоминаніемъ случившагося,—случится ли это во время искуса (новиціата) или по произнесеніи ими перваго обѣта.

10) Такъ какъ весьма трудно привязать къ обществу дѣтей вельможъ, людей знатныхъ, сенаторовъ, пока они живутъ у родителей, которые ихъ воспитываютъ для занятія въ послѣдствіи своихъ должностей, то должно убѣждать родителей ихъ, и при томъ лучше чрезъ друзей общества, нежели чрезъ людей, принадлежащихъ къ нему, чтобы они помѣщали дѣтей своихъ въ другія провинціи, или въ отдаленные университеты, въ которыхъ преподаютъ наши, пославъ заранѣе къ наставникамъ увѣдомленія о ихъ званіи и состояніи, чтобы они легче и вѣрнѣе могли возбудить въ нихъ любовь къ обществу.

11) Когда они достигнутъ нѣсколько болѣе зрѣлаго возраста, то ихъ надобно пріучать къ нѣкоторымъ духовнымъ занятіямъ, которыя часто приносили пользу въ Германіи и Польшѣ.

12) Надобно будетъ утѣшать ихъ въ ихъ смущеніи и скорби, употребляя для этого, смотря по званію и состоянію каждаго, убѣжденія и частныя увѣщанія о худыхъ

послѣдствіяхъ богатствъ и о томъ, что не должно пренебрегать благомъ призванія подъ опасеніемъ подвергнуться адскому наказанію.

13) Чтобы родители легче уступили желанію своихъ дѣтей вступить въ общество, для этого должно указывать на превосходство учрежденій нашего общества предъ другими орденами, святость и превосходство ученія нашихъ отцевъ, полное уваженіе къ нимъ отъ всѣхъ, почтеніе и всеобщее одобреніе, оказываемыя обществу, какъ высшими, такъ и низшими; надобно перечислить имъ также князей и вельможъ, которые къ великому утѣшенію своей души жили и умерли, или живутъ еще въ этомъ обществѣ Іисуса, надобно показать имъ, какъ пріятно Богу, чтобы юноши предали себя Ему, особенно въ обществѣ Сына Его, и какъ хорошо для человѣка, если онъ съ юности своей носитъ иго Господа. Если бы дѣло коснулось нѣжности и несовершенства возраста, то надобно обявить имъ о легкости нашихъ постановленій, которыя, кромѣ соблюденія трехъ обѣтовъ, не содержатъ въ себѣ ничего очень тягостнаго, и, что достойно особеннаго вниманія, никакое правило не налагаетъ обязательства даже въ случаѣ непростительнаго грѣха.

ГЛАВА XIV.

Объ особенныхъ случаяхъ и причинѣ удаленія изъ общества.

1) Кромѣ случаевъ, изложенныхъ въ постановленіяхъ, въ которыхъ могъ бы дать разрѣшеніе одинъ только начальникъ, или обыкновенный духовникъ своею властію, есть грѣхи содомскіе, онанизмъ, любодѣяніе, блудъ, насиліе, безстыдное прикосновеніе къ мужчинѣ или женщинѣ. Кромѣ того если кто, движимый какими-либо побужденіями ревности и какимъ-бы то ни было образомъ замышлялъ что-либо важное противъ общества, противъ его чести и пользы, все это справедливыя причины удаленія.

2) Еслибъ кто на исповѣди признался въ чемъ-либо

подобномъ, то не прежде разрѣшать его, какъ послѣ даннаго имъ обѣщанія, что онъ, внѣ исповѣди, откроется, или самъ или чрезъ духовника, начальнику. Тогда начальникъ составитъ заключеніе о томъ, что будетъ казаться лучшимъ для общаго блага общества, и если-бы была вѣрная надежда скрыть преступленіе, то преступника должно связать сообразнымъ съ грѣхомъ наказаніемъ, если-же нѣтъ, то его должно какъ можно скорѣе удалить изъ общества. А между тѣмъ духовникъ долженъ остерегаться говорить кающемуся о томъ, что онъ подвергается опасности быть удаленнымъ.

3) Если-бы кто-либо изъ нашихъ духовниковъ услышалъ отъ какого-либо посторонняго лица, что оно совершило постыдное дѣло съ кѣмъ-либо изъ общества, то пусть не даетъ ему разрѣшенія прежде, нежели оно откроетъ, внѣ исповѣди, имя того, съ кѣмъ согрѣшило. Если имя сказано, то и въ такомъ случаѣ не давать еще разрѣшенія безъ клятвеннаго обязательства не открывать объ этомъ никому изъ смертныхъ безъ согласія общества.

4) Если-бы двое изъ нашихъ согрѣшили плотски, то открывшагося въ этомъ грѣхѣ прежде надобно удержать въ обществѣ, а другаго удалить. Но потомъ оставленнаго должно такъ угнетать и всячески оскорблять, чтобы онъ по тягости такой жизни и своему нетерпѣнію подалъ поводъ къ удаленію, которымъ тотчасъ и должно воспользоваться.

5) Общество, будучи благороднымъ и превосходнымъ учрежденіемъ въ церкви, можетъ отсѣкать отъ себя такого рода лица, которыя покажутся менѣе способными къ выполненію нашихъ постановленій, хотя-бы вначалѣ и удовлетворяли имъ. Для этого легко можетъ найтись и поводъ, если-бы т. е. они постоянно выносили оскорбленія и если-бы все дѣлалось вопреки ихъ наклонностямъ, если-бы ихъ подчиняли начальникамъ суровымъ, удаляли отъ болѣе почетныхъ занятій и должностей и проч., до тѣхъ поръ, пока бы они не начали роптать.

6) Никоимъ образомъ также не должно держать въ обществѣ тѣхъ, которые или явно возстаютъ противъ начальниковъ, или явно или тайно жалуются своимъ со-

братіямъ, а особенно людямъ посторонникъ; также тѣхъ, которые предъ своими ли или посторонними осуждаютъ образъ дѣйствій общества въ отношеніи къ пріобрѣтенію и употребленію временныхъ благъ, или другой образъ его дѣйствованія, напр. что общество старается затоптать и уничтожить всѣхъ, худо расположенныхъ къ нему, или удаленныхъ изъ него и проч. Равнымъ образомъ должно удалять и тѣхъ, которые въ разговорахъ поддерживаютъ и защищаютъ венеціанъ, французовъ, или другіе народы, отъ которыхъ общество потерпѣло большой вредъ.

7) Прежде удаленія надобно самымъ жестокимъ образомъ обращаться съ тѣми, которые должны быть удалены, должно удалять ихъ отъ обычныхъ занятій, поручать имъ то то, то другое, и между тѣмъ, какъ бы хорошо они ни выполняли все это, имъ должно дѣлать укоризны въ неисправности, и подъ этимъ предлогомъ поручать имъ еще что либо другое. За малѣйшій проступокъ какой бы они случайно сдѣлали, должно предписывать имъ тяжелыя наказанія, срамить ихъ публично до тѣхъ поръ, пока они будутъ приведены въ нетерпѣніе, и наконецъ, какъ опасныхъ другимъ, удалять. Для этого должно выбрать мѣсто, о которомъ бы они всего менѣе думали.

8) Если бы была вѣрная надежда, что кто либо изъ нашихъ получитъ епископство или какое либо церковное достоинство, то, кромѣ обыкновенныхъ обѣтовъ общества, его надобно заставить дать другіе, что онъ всегда будетъ питать добрыя чувства къ обществу и хорошо отзываться о его учрежденіяхъ, и не будетъ имѣть другаго духовника, кромѣ того, который будетъ при немъ отъ общества, что онъ также ни въ какихъ дѣлахъ болѣе или менѣе важныхъ не будетъ дѣлать никакихъ распоряженій, не выслушавъ мнѣній общества. Такъ какъ это не было соблюдено толедскимъ кардиналомъ, то общество испросило у св. престола, чтобы послѣ того ни одинъ маронитъ, наслѣдникъ іудейскаго или магометанскаго вѣроломства, который бы не захотѣлъ дать такого обѣта, не былъ допускаемъ (до вышесказанныхъ церковныхъ должностей) и, какъ жесточайшій врагъ общества, былъ удаляемъ, какъ бы ни былъ знаменитъ.

ГЛАВА XV.

Какимъ образомъ должно вести себя съ монахинями и женщинами, давшими тѣ или другіе обѣты.

1) Духовники и проповѣдники должны весьма остерегаться оскорблять монахинь, или подавать имъ поводъ къ искушенію противному ихъ призванію, но напротивъ, снискавъ себѣ любовь прежде всего начальницъ, должны домогаться того, чтобы слушать, по крайней мѣрѣ, исповѣди со всей жизни и говорить у нихъ проповѣди, если это будетъ имъ нравиться, потому что силою могутъ помогать обществу особенно знатныя и богатыя игуменіи, какъ сами по себѣ, такъ и чрезъ своихъ родныхъ и друзей, такъ что при посредствѣ знакомства съ главнѣйшими монастырями общество могло бы познакомиться и войти въ дружескія отношенія почти съ цѣлымъ государствомъ.

2) Съ другой стороны однакожъ должно запрещать женщинамъ, давшимъ по внушенію нашихъ тѣ или другіе обѣты, посѣщать женскіе монастыри, чтобы образъ жизни въ нихъ не понравился имъ болѣе, и чтобы обществу не пришлось напрасно ожидать тѣхъ имуществъ, которыми онѣ владѣютъ. Ихъ надобно побуждать къ тому, чтобы онѣ дали духовнику своему обѣтъ дѣвства и послушанія, объясняя имъ, что такой образъ жизни сообразенъ съ обычаями первоначальной церкви, такъ какъ онъ освящаетъ домъ, а не скрывается подъ спудомъ безъ созиданія ближняго и плода для другихъ душъ, и что сверхъ того онѣ, живя такимъ образомъ по примѣру оныхъ евангельскихъ вдовъ, оказываютъ благотворенія изъ своихъ имуществъ Христу, въ лицѣ Его общниковъ. Наконецъ должно изложить все, что относится къ предосужденію жизни затворнической. Впрочемъ такого рода наставленія должно дѣлать имъ подъ условіемъ ненарушимаго молчанія, чтобы они случайно не дошли до слуха монаховъ.

ГЛАВА XVI.

Должно показывать видъ явнаго презрѣнія къ богатствамъ.

1) Чтобы мірскіе люди не приписывали намъ излиш-

ней привязанности къ богатствамъ, для этого полезно будетъ отказываться иногда отъ небольшихъ подаяній, которыя предлагаются за услуги, оказанныя обществомъ, хотя отъ людей вполнѣ преданныхъ намъ слѣдуетъ принимать даже и самыя незначительныя какія-бы то ни было подаянія, чтобы насъ не осудили въ жадности, если будемъ принимать только дары болѣе значительные.

2) Въ нашихъ храмахъ должно отказывать въ погребеніи людямъ незначительнымъ, хотя бы они были и очень преданы обществу, чтобы не показалось, что, погребая множество умершихъ, мы гоняемся за богатствами и чтобы не обнаружились тѣ благодѣянія, которыя мы получаемъ отъ умершаго.

3) Со вдовами и другими лицами, которыя отдали обществу значительную часть своихъ имуществъ, должно будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе и суровѣе, нежели съ другими въ подобныхъ обстоятельствахъ, чтобы не показалось, будто мы благопріятствуемъ имъ болѣе, нежели другимъ, по уваженію къ временнымъ благамъ. Тоже самое слѣдуетъ наблюдать и по отношенію къ лицамъ, состоящимъ въ обществѣ, но уже послѣ того какъ они отказались отъ своихъ имуществъ и уступили ихъ въ пользу общества. Въ случаѣ необходимости, ихъ надобно удалять изъ общества, но со всякою осторожностью, чтобы они оставили или завѣщали обществу по крайней мѣрѣ часть того, что прежде дали ему.

ГЛАВА XVII.

О средствахъ возвышенія общества.

1) Всѣ главнымъ образомъ должны заботиться о томъ, чтобы даже въ маловажныхъ дѣлахъ сохранять единомысліе по крайней мѣрѣ на словахъ; ибо чрезъ это общество непремѣнно будетъ возрастать и укрѣпляться, какъ бы ни были смутны дѣла міра сего.

2) Всѣ должны усиливаться сіять ученіемъ и примѣромъ такъ, чтобы превзойти другихъ монаховъ, особенно же людей, принадлежащихъ къ клиру, священниковъ

и проч., чтобы наконецъ народъ пожелалъ исполненія всѣхъ церковныхъ требъ одними только нашими. А между тѣмъ должно открыто говорить, что отъ священниковъ не требуется большой учености, только бы они хорошо выполняли свои обязанности, потому что имъ можетъ помогать своими совѣтами общество, которое поэтому-то и занимается науками.

3) Государямъ и князьямъ надобно льстить ученіемъ о томъ, что католическая вѣра не могла бы оставаться въ настоящемъ положеніи безъ политики,—но для этого необходима большая осторожность. Чрезъ это наши будутъ нравиться вельможамъ и они будутъ призывать ихъ для самыхъ тайныхъ совѣщаній.

4) Можно будетъ располагать ихъ въ свою пользу, сообщая имъ важныя и достовѣрнѣйшія свѣдѣнія, заимствованныя изъ всѣхъ возможныхъ источниковъ.

5) Не мало пользы было бы отъ того, если бы наши осторожно и тайно возбуждали несогласія между вельможами и князьями, такъ чтобы взаимно сокрушались силы обѣихъ сторонъ. Если же съ вѣроятностію было бы замѣчено, что они намѣрены примириться, то общество должно какъ можно скорѣе употребить всѣ усилія къ ихъ примиренію, чтобы въ этомъ не предупредили его другіе.

6) Всѣми средствами надобно внушать особенно народу и вельможамъ мысль объ устроеніи общества по особенному Божественному Провидѣнію, согласно съ пророчествами аббата Іоакима, для того, чтобы церковь, утѣсненная еретиками, была возстановлена.

7) Снискавъ разположеніе вельможъ и епископовъ, должно занимать мѣста священниковъ и канониковъ для болѣе успѣшнаго преобразованія духовенства, которое въ древности жило съ своими епископами по извѣстному уставу и стремилось къ совершенному. Наконецъ должно простирать виды на аббатства и прелатства, которыя, если взять во вниманіе безпечность и невѣжество монаховъ, нетрудно будетъ захватить тамъ, гдѣ они не заняты; потому что для церкви было бы весьма полезно, если бы всѣ епископскія мѣста были въ рукахъ общества, если бы оно владѣло даже и апостольскою каѳедрою, особенно

если бы первосвященникъ былъ вмѣстѣ и временнымъ владѣльцемъ всѣхъ имуществъ. Поэтому всѣми средствами должно мало по малу увеличивать временныя блага общества, дѣйствуя однакожъ благоразумно и тайно. И нѣтъ сомнѣнія, что послѣ всего этого настанетъ золотой вѣкъ, и постоянный, всеобщій миръ, а въ слѣдъ за нимъ и благословеніе Божіе будетъ сопутствовать церкви.

8) Если бы не было надежды достигнуть этого, такъ какъ въ этомъ случаѣ неизбѣжно произойдутъ соблазны, то, смотря по обстоятельствамъ, должно возмущать состояніе политическое и даже возбуждать государей, находящихся въ близкихъ отношеніяхъ съ нашими, къ междоусобнымъ тягостнымъ войнамъ, чтобы общество повсюду призывали и употребляли для примиренія народовъ, чтобы его почитали распространителемъ общаго блага и награждали наибольшими благодѣяніями и значительнѣйшими достоинствами въ церкви.

9) Снискавъ расположеніе къ себѣ государей и пользуясь ихъ вліяніемъ, общество будетъ стараться наконецъ достигнуть, хотя того, чтобы его, по крайней мѣрѣ боялись тѣ, которые его не любятъ.

Примѣчаніе. При окончаніи печатанія этой статьи, намъ попалось въ руки ее изданіе на латинскомъ языкѣ, съ французскимъ переводомъ, въ Парижѣ 1861 года. Изъ предисловія къ сему изданію видно, что этихъ секретныхъ правилъ іезуитовъ, послѣ изданія 1654 г., было еще три изданія: два на латинскомъ языкѣ въ 1661 г. въ Прагѣ и Павіи и 3-е на французскомъ 1824.

Въ слѣдующей книжкѣ, мы помѣстимъ въ нашемъ журналѣ краткую исторію іезуитскаго ордена.

№ 16.

ДЕКРЕТЪ

короля Сигизмунда III по дѣлу Іоасафата Кунцевича, уніятскаго полоцкаго архіепископа—съ одной стороны,—а съ другой — мѣщанъ могилевскихъ, несогласившихся признать духовную властъ сего епископа, отступника отъ православной вѣры, — присуждающій всѣ могилевскія православныя церкви и монастыри на вѣчныя времена подъ власть и судъ полоцкихъ уніятскихъ архіепископовъ. 1619 года, мѣсяца марта 22-го дня, въ Варшавѣ *).

(Изъ архива б. уніятскихъ митрополитовъ, находящагося въ св. сунодѣ. Прибав. катал. подъ букв. Б. № 216).

(Подлинникъ).

Zygmunt III z Bożey Łaski Król Polski Wielki Xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Żmuydzki, Mazowiecki Inflantski a Szwedzki, Wandalski dziedziczny Król.

My Król z PP. Radami naszemi przy boku Naszym będącemi na relacyach naszych tey sprawy wysłuchawszy, y dobrze ję wyrozumiawszy, a bacząc nietylko z dowodow Oyca Archiepiskopa Połockiego ale zwłasnych wywodow

(Переводъ).

Сигизмундъ III-й милостію Божіею король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, жмудскій, мазовецкій, инфляндскій, наслѣдственный король шведскій и вандальскій.

Мы король съ нашими радными панами, бывшими при насъ на совѣтѣ нашемъ, выслушавъ и хорошо разсмотрѣвъ это дѣло, и усмотрѣвъ не только изъ доказательствъ о. архіепископа полоцкаго, но и

*) Приложеніе къ статьѣ «Іоасафатъ Кунцевичъ,» въ 1 и 2 книжкѣ Вѣстника, Отд. II и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство гоненія православныхъ русиновъ, со стороны польскаго правительства.

Pań. Tysiąc sześć set dziewiętnastego.

Sigismundus Rex.
(L. S.) Leo Sapiecha Kanclerz W. X. L.

жества литовскаго — выдать отцу Іоасафату Кунцевичу, архіепископу полоцкому. Писанъ въ Варшавѣ 22-го марта 1619 года.

Сигизмундъ король.
(М. П.) Леонъ Сапѣга Канцлеръ В. Княжества Литовскаго.

№ 17.

РЕСКРИПТЪ

короля польскаго Августа II, уничтожающій привилегію на епископію могилевскую и всей Бѣлой Руси, прежде имъ же самимъ данную архимандриту и настоятелю витебскаго православнаго Маркова монастыря Серапіону Полховскому. Данъ 1699 года, августа 9-го дня*).

(Изъ архива б. уніятскихъ митрополитовъ, находящагося въ св. сvнодѣ. Приб. кат. подъ букв. Б. № 219).

(Подлинникъ).

August Wtory z Bożey Łaski Krol Polski Wielki Xiąże Litewski Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmuydzki Kijowski, Wołynski, Podolski Podlaski Inflantski, Smolenski, Siewierski y Czernichowski a Dziedziczny Xiąże Saski y Elektor.

Oznaymuiemy tym Listem Naszym, komu o tym wiedzieć należy iż iako osobliwie Panowania

(Переводъ).

Августъ II-й Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовскій, самогитскій, кіевскій, волынскій, подольскій, инфляндскій, смоленскій, сѣверскій и черниговскій, наслѣдственный король и курфирстъ саксонскій.

Этимъ нашимъ указомъ объявляемъ кому надлежитъ знать о семъ, что мы какъ утвержденіе

*) Образчикъ непостоянства польскихъ королей и слабости ихъ власти и доказательство гоненій православія со стороны сихъ королей и римской пропаганды.

Naszego założylismy Fundamenta w Wierze S. Rzym. Katolickiey tak one w Państwie Naszym nie tylko nienaruszenie zachować ale promowować usiłuiemy, Przeto gdy Wiel. w Bogu X. Michał Marcyan Białłozor Archiepiskop Witepski, Mcisław. Orszanski Mohilewski y całey białey Russi Episkop przełożył Nam przez Panow Rad Naszych a osobliwie przez Wiel. w Bogu X. Nuncyusza sanctae sedis Apostolicae przy liscie breve od teyże stolicy Apostolskiey Nam oddany iż Honoratus Serapion Połhowski w Dyzunij zostający przeciwko słusznosci, Prawu, Przywilejom, Reskryptom S. P. Krolow Imci Antecesserow Naszych y przeciwko dawney possessyi Wiel: X. Białłozora smiał sobie Dyzunitowi ad Sinistram Kancellaryi Naszey informationem podstępnie na osobę swoję Przywiley od Nas podpisany otrzymać na Episkopią całey Białey Rusi Mscisławską, Orszanską, Mohilewską, *ettc.* Na Wielką szkodę Wiary S. Katolickiey, Cerkwi Jednosci S. przezco chyzma nietylko w Biało Ruskiey Episkopij, ale, y po całym W. X. L. naybarziey przez poswięcanie na stan Duchowny kapłanski y inne postępki z uszczerbkiem wiary S. Katolickiey Jednosci S. Dusz pozyskanych odrywaniem Mnożyc się y rozciągać poczeła Dobra y Cerkwie niesłusznie y przeciw prawu ocupando y disponendo na większe zamieszanie w Panstwie Naszym. Ktory chcąc Ausum et Errorem suum

нашего царствованія положили преимущественно въ святой римско - католической вѣрѣ, такъ и въ продолженіи нашего царствованія стараемся не только ненарушимо сохранить эту вѣру, но и покровительствовать ей. Поэтому, когда преосвященный о. Михаилъ - Маркіанъ Бяллозоръ, архіепископъ витебскій, мстиславскій, оршанскій, могилевскій, и всей Бѣлой Руси донесъ намъ чрезъ нашихъ радныхъ пановъ, и особенно чрезъ врученное намъ преосвященнѣйшимъ нунціемъ святаго апостольскаго престола бреве, при посланіи отъ тогожъ апостольскаго престола, что честный Серапіонъ Полховскій — дизунитъ, вопреки справедливости, правъ, привиллегій, рескриптовъ свѣтлѣйшихъ королей - предшественниковъ нашихъ и вопреки давняго владѣнія преосвященнаго о. Бяллозора, осмѣлился черезъ коварство и подлогъ получить изъ собственной нашей канцеляріи и удержать у себя дизунита, подписанную нами привиллегію — на епископію всей Бѣлой Руси, мстиславскую, оршанскую, могилевскую и проч., — къ великому вреду св. католической вѣры и св. уніи. По причинѣ чего схизма, — не только въ бѣлорусской епископіи, но и по всему вел. кн. литовскому, преимущественно чрезъ посвященіе

pokryć, podał subreptitie, Nam do podpisu Przywiley a że iest Contra jura et aeqvitatem, tedy za nieważny Uznaiemy on kassuiemy y Annihiluiemy, i że żadną miarą walorem nigdzie mieć nie może, ninieyszym tym listem Naszym iako ad malam informationem subreptitie, otrzymany deklaruiemy, żeby się tedy nieważył pod Protextem Przywileju albo listu Naszego ad sinistram informationem et subreptitie wyprawionego nie czynić in prejudicium wiary S. Katolickiey zjednosci Ś. Stolice Apostolskiey y Wiel: w Bogu X. Białłozora Archiepiskopa Połockiego y całey Rusi Białey Episkopa y wszystkich Pasterzow po Dyecezyach W. X. Lit. zostających serio et sub gravi Nostra Regia nad sobą animadversione przykazuiemy, Inaczey Jeżeli Sobie pomienioną Episkopią usurpować będzie ad Penar. Extensionem przeciw niemu postąpić przyrzekamy. Zaś wszystkie Przywileje, Reskrypta y Pretensyie do Dobr Jednosci Ś. Należące, iako zdawna y swieżo Archiepiskopowie Połoccy do pomienioney Episkopij Białoruskiey, y.... Dyecezyi mieli, mają, y mieć mogą y Przywiley od Antecessora Naszego J S. Jana Trzeciego dany teraznieyszemu Possessorowi Wieleb: X. Białozorowi Konfirmuiemy Authoritate Nostra Regia. A dla dostatecznieyszego Utwierdzenia Praw Wiary S. Katolickiey Jednosci S. z Kancellaryi Naszey pozew Albo Mandat.... Pomienionego Honorandum Seraphi-

въ священническій санъ и другіе поступки къ ущербу католической вѣры, чрезъ совращеніе душъ пріобрѣтенныхъ въ св. унію,—начала множиться и чрезъ несправедливое и противузаконное завладѣніе и распоряженіе имѣніями и церквами,—къ большему возмущенію въ нашемъ государствѣ,—стала распространяться. Который (Полховскій), желая прикрыть свою смѣлость и обманъ, подалъ намъ къ подписи привиллегію; но такъ какъ эта привиллегія противна праву и справедливости, то мы признаемъ ее недѣйствительною и уничтожаемъ — и что она ни подъ какимъ видомъ не можетъ имѣть никакой силы, этою нынѣшнею нашею грамотою объявляемъ ее, одержанную посредствомъ обмана. А чтобы онъ не осмѣлился, подъ предлогомъ привиллегіи или грамоты нашей, коварно и обманомъ полученной, ничего дѣлать во вредъ св. католической, въ единеніи со св. апостольскимъ престоломъ (находящейся) вѣры, строго повелѣваемъ нашею королевскою властію признать ему надъ собою преосвященнаго О. Бялдозера, архіепископа полоцкаго и всея Бѣлой Руси епископа и всѣхъ пастырей, находящихся въ епархіяхъ в. кн. литовскаго. Въ противномъ случаѣ, если будетъ (Полховскій) присвоивать себѣ помя-

onem Połhowski ad reponendum przed Sąd Nasz subreptitium Privilegium na Episkopią Biało Ruską Mscisławską Orszanską, Mohylowską *ettc. ettc.* subreptitie wyprawionego y od Nas podpisanego. Na co dla lepszey wiary ręką się Naszą podpisawszy, Pieczęć Wielkiego Xięstwa Litewskiego przycisnąc rozkazalismy, Datt w Warszawie Dnia dziewiątego miesiąca Augusta Roku Pańskiego 1699. Panowania Naszego wtorego Roku.

Augustus Rex. (L. S.)

нутую епископію, то мы обѣщаемъ поступить съ нимъ по закону. А всѣ привиллегіи, рескрипты и права на владѣніе имѣніями, принадлежащими къ св. уніи, которыми издавна и теперь архіепископы полоцкіе пользовались, пользуются и будуть пользоваться, также привиллегію, данную предшественникомъ нашимъ королемъ Яномъ III-мъ теперешнему владѣльцу преосв. О. Бяллозору, утверждаемъ нашею королевскою властію. А для большаго утвержденія правъ въ св. католической уніятской вѣрѣ изъ канцеляріи нашей позывъ, или указъ.... Помянутаго честнаго Серапіона Полховскаго, чтобы возвратилъ въ нашъ судъ эту подложную привиллегію, полученную и подписанную нами на епископію бѣлорусскую, мстиславскую, оршанскую, могилевскую и проч. Для большей достовѣрности, мы, собственноручно подписавшись, приказали приложить печать в. к. литовскаго. Данъ въ Варшавѣ августа 9-го дня, 1699 года, царствованія же нашего 2-го.

(М. П.) Августъ король.

№ 18.

КОПІЯ

(въ польскомъ переводѣ съ древне-русскаго языка) привиллегіи короля Стефана Баторія, данной отцу Мелетію Хребтовичу*) на санъ архимандрита и настоятеля кіево-печерскаго монастыря. 1576 г. ноября 13.

(Изъ архива б. уніятскихъ митрополитовъ, находящагося въ св. сунодѣ. Приб. кат. буква Б. №....)

Выпись изъ книгъ гродскихъ луцкаго замка.

(Подлинникъ).

Roku Tysiąc Pięcset Siedmdziesiąt Szostego Miesiąca Nowembra, Trzydziestego Dnia.

Przyszedłszy na Urząd Jego Krolewskiey Mosci do Zamku Łuckiego do mnie Jarofeia Hostskiego Sprawcy Starostwa Łuckiego Jegomosc Ociec Melenty Chrebtowicz Archymandryta monastera Pieczarskiego Kiiowskiego pokazawszy y dawszy mnie do rąk List Jego Krolewskiey Mosci otworzony z pieczęcią, y z podpisem własney ręki Jegomosci Hospodarskiey, prosił aby ten List Jego Krolewskiey Mosci był wyczytany, y w xięgi Grodzkie Łuckie słowo od

(Переводъ).

Тысяча пятсотъ семдесятъ шестаго года, мѣсяца ноября тридцатаго дня.

Его милость о. Мелетій Хребтовичъ, архимандритъ кіевскаго печерскаго монастыря пришелъ ко мнѣ — Іероѳею Гостцкому, правителю луцкаго староства, въ луцкій замокъ его королевскаго величества, заявилъ и отдалъ мнѣ въ руки открытую королевскую грамоту за печатью и подлинною подписью его милости господарскою—и просилъ меня, чтобы эта грамота была прочитана и отъ слова до слова вписана въ градскія луцкія кни-

---

*) Мелетій Хребтовичъ происходилъ отъ древнихъ бѣлорусскихъ бояръ, въ послѣдствіи, онъ былъ возведенъ въ санъ епископа владимірскаго и брестскаго и въ 1590 году находился на брестскомъ соборѣ, созванномъ для разсужденія о мѣрахъ къ прекращенію гоненій, уже тогда претерпѣваемыхъ православными отъ римско-католиковъ и объ устройствѣ церковномъ. Его дядя *Гермогенъ* Хребтовичъ, скончавшійся въ 1558 году, былъ полоцкимъ архіепископомъ. Хребтовичи (впрочемъ не всѣ) измѣнили православію только подъ конецъ 18 столѣтія. Въ архивѣ полоцкаго уѣзднаго суда, въ одной изъ актовыхъ книгъ начала сего столѣтія, находится духовное завѣщаніе предка

słowa wpisany, ktorego ia oglądawszy przed sobą czytac kazałem, y tak się w sobie ma:

Stefan Bożą miłoscią Krol Polski, wielki Xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Zmudzki, Kiiowski, Wołynski, Podlaski, Inflantski, Pan, y xiąże Ziemi Siemigrodzkiey. Wszystkim wobec, y każdemu z osobna, Wielmożnym, Urodzonym, Xiążętom, Panom, Woiewodom, Kasztelanom, Starostom, dzierzawcom, y wszystkim innym Dygnitarzom, Urzędnikom, Szlachcie, Obywatelom w panstwach naszych Koronie Polskiey, y wielkim Xięstwie Litewskim. Uprzeymie, wiernie nam miłym Łaską nasza Krolewska, wielmożni, Urodzeni, uprzeymie wierne, nam miłe oznaymuiemy wiernosci waszey. Co ktore Archymandrytги. Осмотрѣвъ эту грамоту, я приказалъ прочитать ее въ присутствіи своемъ: и вотъ ее содержаніе.

«Стефанъ Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, кіевскій, волынскій, подлясскій, инфляндскій, господинъ и князь земли семиградской. Всѣмъ вообще и каждому порознь — вельможнымъ, урожденнымъ (потомственнымъ дворянамъ), князьямъ, панамъ, воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, владѣльцамъ и всѣмъ другимъ сановникамъ, чиновникамъ, шляхтѣ, обывателямъ во владѣніяхъ царства польскаго и великаго княжества литовскаго. Искренно и по истинѣ намъ любезнымъ наша королевская милость. Вель-

---

Хребтовичей бѣлорусскихъ (бѣшенковицкаго, щерсовскаго и другихъ), въ которомъ, подъ страшною клятвою, обязываетъ своихъ трехъ сыновей, между которыми раздѣлилъ свои громадныя имѣнія, чтобъ они пребыли непоколебимо въ греческой, православной вѣрѣ и, если-бы который нибудь изъ нихъ измѣнилъ сей вѣрѣ и перешелъ въ унію или латинство, то лишался права на владѣніе завѣщанною ему частію имѣнія,—въ пользу оставшихся въ православіи братьевъ; если-бы и всѣ они измѣнили вѣрѣ — то имѣнія должны, по силѣ завѣщанія, перейти къ ближайшимъ родственникамъ, если-бы и эти отреклись отъ вѣры, то всѣ имѣнія свои отписывалъ въ пользу православныхъ церквей и монастырей, съ тѣмъ, чтобъ эти монастыри и церкви тоже оставались непоколебимыми въ православіи, а въ случаѣ насильнаго ихъ захвата уніятами или р.-католиками, предоставилъ право россійскимъ государямъ требовать у польскаго правительсгва возвращенія сихъ имѣній въ вѣдѣніе православнаго духовенства. О Мелетіѣ Хребтовичѣ смотри Акты относ. къ Ист. Зап. Росс. Т. III. № 111, стр. 241, № 117, стр. 250 и Т. IV № 25, стр. 34; Кальнофойскій въ книгѣ о чудес. Пр. Бог. тракт. 1. § 2, стр. 65; Stebelski Przyd. do Chron. str. 217; Niesiecki Korona Polska; Leon Kiszka Życie Pocieja и друг. О Гермогенѣ — Акты относ. къ Ист. Зап. Россіи Т. II. № 12. стр. 46 и 50.

stwo monastera naszego Pieczarskiego w Kiiowie po smierci bywszego Archymandryta Ilaryona Piasoczynskiego przez czas nie mały przed tym wakowało, na ktore wedle praw, y przywileiow temu monasterowi od przodkow naszych Krolow Polskich nadanych, Starcy tego monastera, wszyscy bracia Czerncy, Kryłoszanie Zastołpniki, y wszystka kapituła obrali zgodnie człowieka pobożnego, Bogoboinego, w pismie Swiętym dobrze nauczonego według zakonu Chrzescianśkiego Greckiego, z domu starożytnego Szlacheckiego na imie Melentego Chrebtowicza; ktorego cnoty, godnosc, y statek zalecaiąc z posrodku Siebie do Krola Henryka przodka naszego bracią swoią Tyta ustawnika, Sylwestra, Teofila przysyłali, iakoż przodek nasz Krol Henryk zaczołobiciem ich wedle praw, y wolnosci monasterskich pomienionego Melentego Chrebtowicza iako zgodnie od nich wszystkich na tę Archymandrytstwo obranego Archymandrytą w ten monastyr Pieczarski starszym nad niemi dac, y Listem swoim umocnic raczył. Zaczym Melenty Chrebtowicz tego Archymandrytstwa w używaniu będąc, teraz do nas Hospodara przyiechawszy znowu List na one dobrowolne obranie od wszystkich Czernców za Archymandrytę, y przywiley na to Henryka Krola, do tego prawa, y przywileia monasterskie przed nami pokładał, za ktorym Panowie rady nasze Korony Polskiey, y wielkiego Księ-

можные и урожденные, пріятно намъ вѣрные, намъ любезные, извѣщаемъ вашему вѣрноподданству, что, старцы кіевскаго печерскаго монастыря, вся иноческая братія, клиръ и вся капитула (монастырскій соборъ), въ силу правъ и привилегій, дарованныхъ печерскому монастырю предками нашими—королями польскими, единодушно выбрали на печер. архимандрію — долго вакантную, — со времени смерти занимавшаго это мѣсто архимандрита Иларіона Пясочинскаго,— Мелетія Хребтовича, человѣка благочестиваго, богобоязненнаго, хорошо знакомаго съ св. писаніемъ, вѣры христіанской, греческой (православной), изъ древняго благороднаго дома, котораго рекомендуя добродѣтели, достоинство и честное поведеніе, иноки посылали изъ среды - себя къ предку нашему — королю Генриху—братію: Тита уставщика, Сильвестра и Θеофила, вслѣдствіе чего нашъ предокъ, король Генрихъ, согласно съ правами и привилегіями монастырскими, по челобитью ихъ, благоволилъ назначить архимандритомъ и настоятелемъ того печерскаго монастыря, упомянутаго Мелетія Хребтовича, какъ единогласно всѣми выбраннаго на архимандрію, — и подтвердилъ это своею грамотою. Въ силу чего, уже имѣющій въ своемъ владѣніи печерскую архимандрію, Мелетій

stwa Litewskiego, także y posłowie ziemi Kiiowskiey na Seymie teraznieyszym w Toruniu przy nas będące imieniem wszystkich xiążąt, Panow, Szlachty, obywatelow ziemi Kiiowskiey maiąc od nich zlecenie na Melentego Chrebtowicza iednostaynie zezwalaiąc z Czerncami pieczarskiemi nas w przyczynie żądali abysmy go iako człowieka godnego przy tym chlebie duchownym Archymandrytstwie Pieczarskim zostawiwszy, to iemu naszym Listem utwierdzili. A tak my widząc, że się takowey wolności ku obieraniu Archymandryty monaster Pieczarski od przodkow naszych nadaney dosyć stało z łaski naszey za przyczyną Panow Rad naszych tosmy uczynili, a przerzeczonego Melentego Chrebtowicza przy tym Archymandrytstwie monastera Pieczarskiego w Kiiowie zostawili, to osobliwym Listem przywileiem naszym iemuśmy utwierdzili do iego żywota, iakoż na uwiązanie y podanie tego monastera naszego Pieczarskiego, y wszystkich imien monasterskich w Ziemi Kiiowskiey, Wołynskiey, y w wielkim xięstwie Litewskim leżących do tego monastera zdawna należących y powinnych teraz znowu z dworu naszego Urodzonego Piotra Czernikowskiego dworzanina naszego posyłamy rozkazawszy iemu mocą zwierzchnosci naszey Hospodarskiey wszystkie Imienia do tego monastera zdawna należące y powinne, także wszy-

Хребтовичъ, теперь, прибывъ къ намъ — господарю, опять представилъ нашъ актъ добровольнагò со стороны всѣхъ чернцевъ избранія во архимандрита, привиллегію короля Генриха и кромѣ того, права и привиллегіи монастырскія. Наши паны рады (государственные чины) короны польской и великаго княжества литовскаго, также и послы земли кіевской, бывшіе при насъ въ Торунѣ — на теперешнемъ сеймѣ — отъ имени всѣхъ князей, пановъ, шляхты, обывателей земли кіевской, имѣя отъ нихъ уполномочіе, совершенно соглашаясь съ печерскими чернцами на счетъ Мелетія Хребтовича, ходатайствовали, чтобы мы оставивъ ему, какъ человѣку достойному это духовное достояніе — печерское архимандритство — утвердили сіе послѣднее за нимъ нашею грамотою. Поэтому, мы, увидѣвъ что это согласно съ даннымъ предками нашими, сказаннымъ правомъ печерскаго монастыря свободнаго выбора въ архимандриты, милостію нашею, въ силу ходатайства нашихъ пановъ радъ это сдѣлали, а упомянутаго Мелетія Хребтовича оставили при сей архимандріи кіевскаго печ. монастыря, въ г. Кіевѣ, и ее за нимъ пожизненно утвердили особенною нашею грамотою. Для ввода же его во владѣніе и подачи ему сего печерскаго нашегò монастыря и всѣхъ искони при-

stkie skarby tego monastera spisawszy na regestr dostatecznie przerzeczonemu Meleńtemu Chrebtowiczowi Archymandrycie monastera Pieczarskiego w moc, dzierzenie, y używanie podać, y tak chcemy mieć po waszey wiernosci, y przykazuiemy aby wierność wasza o tym wiedząc przerzeczonego Melentego Chrebtowicza za własnego Archymandrytę monastera Pieczarskiego mieli, y wszystkie Imienia do tego monastera Pieczarskiego zdawna należące iemu postąpili, y inne wszelakie dochody, y pożytki zdawna do tego monastera przychodzące oddawali, y tym ktorym to należy oddawać rozkazali, y ni w czym temu dworzaninowi naszemu przeciwni nie byli, trudnosci y przeszkody iemu w tym nie czynili, y czynić nie kazali, a dla ubespieczenia tego dworzanina naszego zdrowia pokładamy zakład nasz Dwa Tysiące kop. groszy Litewskich dla łaski naszey Krolewskiey y powinnósci swoiey aby wiernosc wasza inaczey czynic nie smiała koniecznie. Dan w Toruniu na seymie walnym Koronnym Dnia Trzynastego. Nowembra Miesiąca. Roku

надлежащихъ сему монастырю имѣній, находящихся въ земли кіевской, волынской и — великаго к. литовскаго,—нынѣ опять посылаемъ отъ нашего двора благороднаго Петра Черниковскаго, нашего придворнаго, повелѣвъ ему нашею королевскою властію всѣ имѣнія искони сему монастырю принадлежащія и все имущество, составивъ имъ обстоятельную вѣдомость, отдать въ вѣдѣніе, владѣніе и пользованіе вышеупомянутому Мелетію Хребтовичу, архимандриту печерскаго монастыря, исполненія чего требуемъ отъ вашего вѣрноподданничества и повелѣваемъ, дабы ваша вѣрность, извѣщенные объ этой волѣ нашей, считали названнаго Мелетія Хребтовича за своего собственнаго архимандрита печер. монастыря,—и отдали ему всѣ имѣнія, издавна-принадлежащія этому монастырю, вручили всѣ, получаемые на монастырь доходы и прибытки и тѣмъ лицамъ, которымъ сдѣдуетъ, приказали отдавать, а чтобы вы—ни въ чемъ не противились посланному придворному нашему, не дѣлали и другимъ запрещали дѣлать какія нибудь затрудненія и помѣхи въ исполненіи даннаго ему порученія, то для безопасности жизни этого нашего придворнаго, по своей королевской милости и обязанности, назначаемъ въ пользу его залогъ въ двѣ тысячи копъ грошей литовскихъ.

Tysiąc, Pięcset, Siedmdziesiąt Szostego. A krolowania naszego Roku pierwszego Stephanus Rex. Jachym Wysocki pisarz.

A tak ia za prozbą Jegomosci Oyca Archymandryty monastera Pieczarskiego ten List Jego Krolewskiey Mosci z początku aż do konca do xiag Grodzkich Łuckich zapisać kazał. Z ktorych y ten wypis pod pieczęcią Grodzką Łucką iest wydany, pisany w Zamku Łuckim.

(M. P.) Correxit Stroiewski.

Да не смѣетъ ваша вѣрность вопреки сему что нибудь дѣлать, — непремѣнно. Данъ въ Торунѣ, на генеральномъ коронномъ сеймѣ, мѣсяца ноября 13 дня, 1576 года, царствованія же нашего перваго. Стефанъ король. Яхимъ Высоцкій писаръ.»

И такъ я, по просьбѣ его милости о. архимандрита печерскаго монастыря, велѣлъ записать эту королевскую грамоту, съ начала—до конца, въ книги городскаго луцкаго замка. Изъ этихъ книгъ выдана и эта выпись за печатью градскою луцкою, писанная въ луцкомъ замкѣ.

(М. П.) Провѣрилъ Строевскій.

Согласно съ актами
Сацѣвичъ.

№ 19.

КОПІИ ПРОШЕНІЙ,

поданныхъ духовнымъ мѣстамъ и лицамъ уніятскими священниками и мірянами о пріобщеніи ихъ къ православной церкви.

I.

Въ духовное уѣзда липовецкаго благочинное правленіе.

Отъ нижеподписавшихся........

Прошеніе.

Мы нижеподписавшіися губерніи брацлавской.......... жители церкви........ прихожани отъ предковъ своихъ будучи православно восточной церквы синове, а во владѣніе господствую-

щія католицкія религіи властьми нуждею въ унію съ латинами совращенни, Увѣдомывся же отъ гласопризиванія православнаго Минскаго Архіепископа Вѵктора Архипастыря о свободности содержанія благочестія небоязненно и возвращенія въ нѣдро Грекороссійской православно-восточной церкви всѣ обще присоединитися желая нижайше просимъ насъ ко благочестію принять и къ православному сословію присовокупить къ чему и усердное наше желаніе во вѣрность своимъ и цѣлой Громади именемъ подписали: *)

(Слѣдуютъ подписи).

Копія прошенія священника.......

I.

Я нижеподписавшійся губерніи бряцлавской.......... Уніатской Священникъ чувствительно познавъ въ неправой своей съ латинами Уніи вѣрованіе и догматамъ противное Святія православнія Церквы исповѣданіе, по обнародованіи преосвященнаго Архіепископа Минскаго Вѵктора грамоти о свободномъ возвращеніи къ праотеческой релѣгіи желая усердно приєоединится покорнѣйше прошу съ покаяніемъ приходящаго присоединить православно Грекороссійской Церквы къ чему и усердное мое желаніе во вѣрность своеручно подписую. *(Слѣдуютъ подписи)*.

II.

. . . . познавъ въ неправой Латинской Уніи неправедное и погрѣшительное исповѣданіе догматовъ и вѣры содержаніе во всемъ несогласное святой восточной Церквы, увѣдомиться же . . . . о свободномъ возвращеніи къ праотеческой релѣгіи смиреннѣйше прошу повелить мене по усердномъ моемъ желаніи присоединить.......... *(Подпись)*.

---

*) Замѣчательно то, что этихъ подписей по большей части немного (около 10, рѣдко 20). Это не значитъ, впрочемъ, чтобы остальные жители села или мѣстечка не желали присоединиться къ православію, а только то, что подписавшіеся были почетнѣйшіе прихожане (быть-можетъ, братчики) извѣстной церкви, уполномоченные отъ всего прихода на заявленіе согласія его присоединиться къ православію. Это подтверждается какъ тѣмъ, что въ числѣ подписавшихся на первомъ мѣстѣ всегда стоитъ ктиторъ (староста), такъ и фразою: «своимъ и цѣлой громади именемъ подписали.»

III.

. . . . познавъ в неправильной Уніи неправославное вѣрованіе и погрѣшительное въ отправленіи обрядъ и таинствъ церковныхъ исправленіе, пришелъ въ чувство и раскаяніе, а уведомился . . . . о свободномъ содержаніи православія и возвращенія къ праотеческой религіи осмѣливаюсь нижайшѣ съ усерднымъ моимъ желаніемъ просить..........

(Подпись).

IV.

Ниже именованіи познаиъ я суевѣріе уніяцкое въ коемъ чрезъ утисненіе поляковъ прымушенъ былъ зоставать нынѣ оной изрекаюсь и прибѣгаю къ Вашему Высокопревелебію *) съ прошеніемъ присоединить меня къ Грековосточной россійск. Церкви.......... дабы я былъ Участникомъ православіи какъ родители и прародители мои въ томъ исповѣданіи были потому и я желаю вседушно жить и умѣрѣтъ..... *(Слѣдуютъ подписи).*

V.

Изъ давнихъ временъ вѣдая что Грекороссійское Православное вѣры исповѣданіе есть истинное и к спасительному путы ведущее, желалъ я унѣяцкую религію, яко основанную болѣе на суевѣрие ведущее человѣкъ къ вѣчной погибелы оставить и присоединиться къ православной церквѣ . . . . а нинѣ . . . . прибѣгаю къ вамъ съ онимъ моимъ усерднѣйшимъ желаніемъ, и по оному прошу не лишить меня присоединенія къ святой восточной Православной Церкви . . . . . . (на имя Тополскаго). *(Подпись).*

VI.

Я ныже именованій . . . . чувствительно познавъ въ неправой Латинской уніи неправое мудрствованія вѣрованіе прійшолъ въ истинное заблужденія моего раскаяніе, изслѣдовавъ же моихъ праотцовъ и отцовъ вѣри содержаніе явственно нахожу что они были содержатели вѣры Грековосточной православной церкви, почему и я возимѣвъ подражаніе моимъ подражателемъ, хощу и желаю быть неуклоно во исповѣданіи и во обьятіяхъ, святія православно восточнія церкви, навсегда и не-

*) Прошеніе это подано на имя «Липовецкой Округи протоіерея Тополскаго.»

уклоно содержать ея истиное вѣрованіе, съ принадлежащимъ моимъ преосвященному Выктору трехъ губерній Архіепископу дѣйствительному православному архипастыру по жизнъ мою повиновеніемъ для чего . . . . усерднѣйше прошу . . . . принять меня и присоединить святѣй соборной православной церкви и избранному Христову стаду . . . . . . (подано на имя дѣйствительнаго липовецкаго благочиннаго протоіерея*) Строцкаго священникомъ Пѣсончинскимъ).

Примѣчаніе. Всѣ эти прошенія заимствованы изъ дѣла бердичевскаго духовнаго правленія 1795 года подъ № 1, о присоединеніи разныхъ лицъ отъ уніи къ православію. Въ этомъ дѣлѣ всѣхъ прошеній, поданныхъ отъ прихожанъ 16, а отъ священниковъ 23. Разность этихъ цифръ позволяетъ думать, что инициатива обращенія отъ уніи къ православію индѣ шла отъ прихожанъ, а индѣ отъ священниковъ. Послѣдній путь— естественнѣе и законнѣе перваго; отъ того и прошеній, поданныхъ представителями извѣстныхъ приходовъ, далеко больше поданныхъ прихожанами; тогда какъ сіи послѣдніе просили о принятіи въ православіе тогда только, когда священники не раздѣляли ихъ убѣжденій и, по разнымъ видамъ и отношеніямъ къ помѣщикамъ, упорствовали въ уніи съ римскою церковью. Прошенія эти, при всей ихъ простотѣ, не лишены историческаго интереса. Изъ нихъ мы убѣждаемся не только въ той извѣстной всякому исторической истинѣ, что православные были совращаемы въ унію *насилно, нуждею, властми;* но и въ томъ, что они возвращались на лоно православія охотно, съ любовію, съ раскаяніемъ въ своемъ заблужденіи,—какъ грѣхѣ тяжкомъ. Послѣдняя истина, кромѣ доказательствъ, какія можно заимствовать изъ представленныхъ недавно прошеній, полныхъ задушевной грусти, вызванной отступленіемъ отъ правой вѣры, непритворнаго чувства раскаянія и нетерпѣливаго желанія скорѣе возвратиться къ вѣрѣ предковъ, — подтверждается еще и тѣмъ, что православные, безъ всякаго насилія со стороны пра-

*) *Дѣйствительными* благочинными назывались окружные благочинные (большею частію на уѣздъ), благочинные какъ-бы надъ благочинными, а сіи послѣдніе назывались именемъ, заимствованнымъ отъ количества подвѣдомыхъ имъ церквей,—большею частію десятоначальниками.

вительства, безъ всякой пропаганды со стороны православнаго духовенства, охотно, цѣлыми сонмами спѣшили въ матернія объятія церкви, изъ которыхъ предки ихъ были отторгнуты когда-то насиліемъ. Лишь только совѣсть православныхъ почувствовала свою свободу отъ узъ, какими связывала ее римская пропаганда, лишь только разрозненные на время братья снова очутились въ кругу одной семьи русской, православные съ нетерпѣніемъ сокрушили эти узы, съ любовію стали закрѣплять единство племенное съ сѣверо-восточными братьями своими единствомъ вѣры. На зовъ исповѣдника православія, узника варшавскаго, минскаго архіепископа и коадъютора кіевской митрополіи Виктора Садковскаго, выраженный въ окружномъ его посланіи и предоставившій совѣсти каждаго, совращеннаго въ унію, свободный выборъ между ею и православіемъ, единодушно и единогласно со всѣхъ концевъ южно-западнаго края Россіи отозвались тысячи голосовъ, вопіявшихъ о принятіи на лоно православной церкви *нуждею* совращенныхъ *въ унію съ латинами*.

Правда, и послѣ этого перваго возсоединенія съ церковью православною, въ южнозападныхъ областяхъ Россіи (особенно Литвѣ и Бѣлорусіи) все еще оставалось много уніятовъ; но это явленіе сильнѣе только убѣждаетъ каждаго въ томъ, что пропаганда — не въ духѣ православія, что русское правительство считало и считаетъ безчестнымъ насиліе совѣсти подвластныхъ ему народовъ. Съ другой стороны, это же самое явленіе убѣждаетъ насъ и въ томъ, что римская пропаганда и польская деспотія только были ослаблены присоединеніемъ къ великой Россіи южно-русскихъ ея областей, но не подавлены. Въ этихъ областяхъ все еще неутомимо работали о.о. іезуиты, сильно сжимало умъ и волю злосчастныхъ холоповъ крѣпостное право, поставлявшее ихъ въ неизбѣжной зависимости отъ пана-католика, отъ его ненависти къ Россіи и православію и подавлявшее у нихъ всякій произволъ, а тѣмъ болѣе свободную перемѣну уніи на православіе.

Ив. Эремичъ.

№ 20.

НѢСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВЪ

о гоненіи православія польскими панами.

Когда православные укоряютъ поляковъ за тѣ гоненія, какія терпѣли когда-то первые отъ послѣднихъ, поляки, обыкновенно, сваливаютъ вину свою или на уніятовъ, измѣнниковъ, то есть, самаго же православія, или іезуитовъ (брошюра: Rzecz, że się pojednamy, помѣщенная въ III отдѣлѣ настоящей книжки «Вѣстника» и друг.), но всячески стараются доказать, что истый панъ и польское правительство чужды были всякой пропаганды и что православные получали отъ нихъ однѣ льготы и благодѣянія. То, что можно было сказать въ обличеніе этой лжи исторической, не вмѣстилось бы ни въ какую книгу. Фактами ее обличающими: протестами, жалобами, позвами православныхъ завалены присутственныя мѣста югозападнаго края Россіи. А сколько было безмолвныхъ жертвъ панскаго своеволія и фанатическаго изувѣрства католиковъ! И куда, и кому было жаловаться, когда подобныя жалобы, даже на сеймахъ, даже въ устахъ Конисскихъ ни къ чему не вели, кромѣ развѣ похвалы оратора, защищавшаго православіе! И теперь мы не намѣрены доказывать то, что не нуждается въ доказательствахъ, а только сочли нужнымъ подѣлиться съ нашими читателями нѣкоторыми образчиками довольно оригинальнаго, не всѣмъ извѣстнаго, способа угнетенія православныхъ церквей. Эти образчики угнетенія тѣмъ замѣчательнѣе, что ихъ заявлено нѣсколько, въ незначительный промежутокъ времени, въ одной небольшой околицѣ, въ такую эпоху, когда области русскія, стонавшія подъ владычествомъ Польши, уже вошли въ составъ одного русскаго царства, когда православные управлялись русскими законами, когда религія ихъ состояла подъ покровительствомъ роднаго, православнаго правительства. Сколько же и какъ страдало православіе на всемъ пространствѣ областей русскихъ, захваченныхъ Польшею, — въ эпоху безконтрольнаго и беззащитнаго угнетенія ею всего русскаго, всего православнаго! Вотъ эти образчики угнетенія православныхъ:

I.

«Недоволенъ [1]) Господинъ Собаньскій тѣмъ что чрезъ нѣсколько лѣтъ накидами [2]) на Церкви Меду, Пива, водки, Мяса, риби и протчего привелъ Оныя къ крайнему запустѣнію, но и паки когда въ селѣ Василъковцахъ въ наблюдаемимъ мною приходѣ сего Августа дня 30 принудилъ насиліемъ къ тому братство, что они на праздникъ Рождества Богоматере на щотъ церковній у Господина Собаньскаго взяли бочку прѣснаго меду и дозволилъ жиду дать насилно и спустъ водки; то явно сіе извѣщаетъ, что Онъ Господинъ разорить церкви непремѣнно хощетъ. И таковое то его дѣло понудило меня къ тоей ревности дабимъ [3]) о сихъ его качествахъ и озлобленіи святимъ Церквамъ......... въ Липовецкое Духовное Правленіе зарепортовавъ покорнѣйше просилъ о поданіе средства какъ бы можна въ таковихъ обидахъ взискать защиту и покровительство......... [4]).»

II.

Дня 17 сего Декабря бивъ я въ селѣ Степанкахъ для виправки о отлучки тамошняго Священника Андрея Бѣлоцерковскаго отъ своего прихода безъ вѣдома власти Духовной, засталъ я Увѣдомленъ отъ тамошнихъ жителей, что Ктиторъ и братство степанковскіи не имѣя денегъ заплатить Господину Собанскому за насильно данній имъ медъ, а отъ приказчика тамошняго принявъ за тое тѣлесное истязаніе, взяли сами изъ Церкви Чашу новую еще къ священнодѣйствованію не употребляемую и завѣсъ 3 [5]) дали оніе взаимъ тамошнему жителю Шляхтичу Городискому за рублей 13 и оними деньгами заплатили медъ Господину Собаньскому.......

---

[1]) Мало того, недовольно того-что.

[2]) Навязываньемъ, приказаніемъ взять.

[3]) Чтобы я.

[4]) Многоточіе означаетъ и здѣсь и въ другихъ мѣстахъ опущеніе фразъ, не относящихся къ существу дѣла, каково, наприм., формenное окончаніе дѣловой бумаги и друг.

[5]) Занавѣсей къ иконамъ, жертвуемыхъ набожными прихожанами, преимущественно по обѣту, и, смотря по достатку жертвователей, болѣе или менѣе цѣнныхъ—бумажныхъ или шелковыхъ и даже парчевыхъ. Упоминаемыя въ репортѣ о. Леоновича, конечно, не принадлежали къ числу первыхъ, такъ какъ онѣ немного могли бы пособить братству удовлетворить претензіямъ подстолія Собаньскаго. Но какія бы ни были эго завѣсы, насиліе нисколько не теряетъ отъ того своего значенія.

III.

«Сего декабря 8 дня, села Жидовецъ Церкви Святопокровской священникъ Ананій Ковальскій представилъ ко мнѣ репортомъ, что Господинъ, Помѣщикъ Собаньскій........ далъ приказъ села Булаивъ диспозитору Сонсѣдскому, даби онъ Церкви жидовецкой Дьячка штатного Савви Вайдецкаго къ владѣнію помѣщиковъ отъ рода непринадлежащего сина именемъ Елисея въ старости и болѣзни отца его Савви въ должности дьячковской заступающаго взялъ въ рекруты, которій то диспозиторъ Сонсѣдскій по данному ему отъ Господина Собаньскаго приказу, напавъ ночью съ десятскими булаивскими на школу жидовецкую и похитивъ насилно дячка Савви сина Елисея отправилъ какъ найскоріе въ Винницу, о таковомъ то насиліи такъ причетникамъ какъ и домамъ церковнымъ Господиномъ помѣщикомъ Собаньскимъ чрезъ приказчика Сонсѣдскаго здѣланномъ........»

IV.

«Во время битности моей въ селеніи Люлинцахъ, тамощнимъ священникомъ Стефаномъ Костецкимъ обявленно мнѣ, что тамошній помѣщикъ господинъ Гойжевскіи невѣдомо по какимъ резонамъ покладніе[6]) церковніе денги прошедшаго 1795 года отъ Ктитора Церкви Люлинецкой насилно отобралъ и оніе своимъ Крестьянамъ.......... на платежъ казенній взыскуемій имъ роздалъ, а сего года онъ помѣщикъ Гойжевскій увѣдомлясь о церковной бочки прѣсного меду состоящей въ Церкви, приказуетъ Ктитору продавать и денги на окладъ за тѣхже Крестьянъ употребить.........»

ПРИМѢЧАНІЕ. Всѣ репорты[7]) сейчасъ воспроизведенные въ нашемъ изданіи, поданы въ 1736 г. въ липовецкое духовное правленіе однимъ лицемъ,— сперва подоскимъ, потомъ погребискимъ десятоначальникомъ, священникомъ Корниліемъ Леоновичемъ. Онъ потому называется въ этихъ репортахъ десятоначальникомъ, что въ административномъ вѣдѣніи его (равно какъ и подобныхъ ему чиновниковъ) было 10 церквей; а власть

[6]) Внесенныя, пожертвованныя.

[7]) Выписаны изъ архива бердичевскаго духовнаго правленія, изъ дѣла 1796 года подъ № 7.

и обязанности десятоначальника ничѣмъ почти не отличались отъ власти и обязанностей теперашнихъ благочинныхъ. Были, правда, и благочинные, но они, въ отличіе отъ десятоначальниковъ, назывались благочинными *дѣйствительными*. Эти репорты, кромѣ своего содержанія и характера замѣчательны для насъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Они рисуютъ предъ нами обликъ одного изъ зоркихъ блюстителей и энергичныхъ защитниковъ православія, которыхъ, безъ сомнѣнія, было не мало на русской территоріи, ознаменованной насиліями католической пропаганды, но подвиги которыхъ, подобно подвигамъ о. Леоновича, развѣ какъ нибудь случайно, сдѣлаются извѣстными ихъ потомкамъ. Репорты о. Леоновича замѣчательны для насъ и потому, что въ нихъ есть намеки на православныя корпораціи, извѣстныя подъ именемъ братствъ, на ихъ значеніе, силу [8]), обязанности, на сельскія школы, какъ на обыкновенную принадлежность церкви,—на такіе церковные расходы, каковы расходы на покупку меду, водки, пива, мяса, рыбы и проч. Всѣ эти продукты заготовляемы были братчиками къ великимъ праздникамъ (каковы Рождество и Воскресеніе Христово), а преимущественно къ храмовому празднику, для угощенія мужей (замѣтьте, не женщинъ, не юношей и дѣвицъ) не только своего прихода, но и родныхъ, друзей и знакомыхъ, пришедшихъ на *одпустъ* или *кермашъ* (сельская ярмарка, по случаю одпуста или храмоваго праздника) изъ сосѣднихъ селеній и приселковъ. Барышами, вырученными отъ продажи меду и пива покрывались издержки на другіе предметы угощенія православныхъ, на покупку самаго меду и пива и даже кое-что изъ этихъ барышей поступало въ церковную *скриню* (сундукъ) братчиковъ. Не менѣе наконецъ, замѣчательны репорты о. Леоновича и въ филологическомъ отношеніи. Мы не улучшили ихъ ни на одну іоту, а между тѣмъ какъ они грамотны! Кромѣ едва замѣтнаго польскаго акцента, какъ они по-русски написаны! Сравните ихъ съ языкомъ, хоть Іоасафата Кунцевича въ письмѣ къ митрополиту Іосифу Рутскому, какая выйдетъ громадная разница въ изложеніи! Отъ чего это? Причина этого измѣненія къ лучшему даже въ языкѣ жителей югозападныхъ областей русскихъ — очевидна. Отъ самаго восшествія на престолъ всероссійскій и во все продолжительное царствованіе великой

---

[8]) Которыя впрочемъ оказывалась иногда безсильною въ братствахъ сельскихъ, въ столкновеніи съ насиліемъ разныхъ Гойжевскихъ.

Екатерины, Великая Россія сильно вліяла на судьбы русскихъ областей, отторгнутыхъ когда-то отъ нея Польшею; тяготѣніе надъ ними сей послѣдней всякій день больше и больше слабѣло; русская жизнь и православіе глубже и шире проникала во всѣ, такъ сказать, поры народной жизни южнозападныхъ членовъ одной семьи русской; на время разрозненныхъ съ единовѣрною и единокровною Россіею (великою). Сорокъ лѣтъ они прислушивались къ русскому говору, отсѣкали отъ своей обрядности чужеродные наросты, вообще проникались элементами русской народности, искаженной подъ продолжительнымъ гнетомъ Польши. Можно сказать, что совокупленіе частей Россіи въ одно цѣлое совершилось de jure раньше 40 годами совокупленія ихъ de facto. Вотъ отчего и языкъ о. Леоновича, жителя оконечности настоящей даже Россіи, чище языка какого нибудь ректора кіевской академіи сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія.

XII.

—

ЛИТВА
ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ РОССІИ И ПОЛЬШѢ.

(Окончаніе).

IV.

УНІЯ И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Въ 1595 г. кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза, полоцкій архіепископъ Германъ-Григорій Загорскій, владимірскій епископъ, прототроній Ипатій Поцѣй, луцкій епископъ, эксархъ Кириллъ Терлецкій, пинскій епископъ Леонтій Пельчицкій и хелмскій епископъ Діонисій Збируйскій согласились предаться папѣ, потому что константинопольскій патріархъ Іеремія показалъ примѣръ справедливой строгости на предмѣстникѣ Рагозы, митрополитѣ Онисифорѣ Дѣвочкѣ, и низложилъ его съ митрополіи, Поцѣй и Терлецкій отправились въ Римъ, поверглись къ ногамъ папы, и признали унію или соединеніе восточной церкви съ западною; а дабы новость эта не возмутила народа, оставили всѣ обряды православной церкви неприкосновенными, включили условіе, что въ символѣ вѣры *) не будутъ читать о происхожденіи Св. Духа *и отъ Сына*, и выпросили у папы письмо къ польскому королю Сигизмунду о дозволеніи уніятскимъ епископамъ засѣдать въ польскомъ сенатѣ наравнѣ съ епископами римско-католическими [301]).

Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ обнародовалъ протестъ, что отступленіе произведено клятвопреступниками безъ

---

*) Слово *и отъ Сына* включено въ символъ въ 1720 г., на Замойскомъ соборѣ.

[301]) Исторія уніи стр. 39—48.

вѣдома и согласія народа и духовныхъ властей; кіевскій воевода князь Константинъ Острожскій и благочестивые вельможи также отвергли унію; въ народѣ произошло негодованіе и ропотъ [302]). Митрополитъ, не зная, какъ заглушить всеобщее волненіе, въ 1596 г. назначилъ въ Брестѣ литовскомъ соборъ для примиренія уніатовъ съ православными; но не посмѣлъ явиться на соборъ; когда началось засѣданіе, православные подали протестъ, въ которомъ, обнаруживъ темныя дѣйствія уніатовъ, требовали, чтобы всѣ духовные, отступившіе отъ константинопольскаго патріарха, лишены были своего сана. Уніяты, видя, что всѣ происки ихъ разрушаются, рѣшились открыться уже во всемъ, тамъ же на соборѣ 9 октября 1596 г. въ церкви всенародно провозгласили унію. Вотъ какъ совершилась унія! Отъ дѣйствія, совершеннаго по недостойнымъ побужденіямъ, съ своекорыстными цѣлями, можно ли ожидать святыхъ послѣдствій?

Не забудемъ, что въ это время на польскомъ престолѣ былъ Сигизмундъ III-й, слуга іезуитовъ. Православные отправили къ королю прозьбу, чтобы онъ, на основаніи законовъ, привиллегій и конституцій «повелѣлъ всѣхъ, принявшихъ унію епископовъ, удалить изъ епархій, а на ихъ мѣста избраннымъ благочестивымъ кандидатамъ учинить нареченіе. Просьба сія была тщетна. Король не только на сіе не согласился, но и всѣ мѣры употребилъ еще къ защищенію уніатовъ, давъ притомъ строгое повелѣніе никого изъ пріѣзжающихъ отъ константинопольскаго патріарха не впускать въ предѣлы его государства, и *не допускать строить благочестивымъ церкви, а паче въ Вильнѣ*. Съ сего времени уніяты всегда возрастали, а благочестивые со дня на день умалялись. *Уніяты насильно присвоили себѣ знатнѣйшіе монастыри и приходскія церкви, прочіе же храмы, особливо по городамъ, иные разоряли, другіе запечатывали*, священниковъ ловили и мучили, и народъ, собиравшійся на молитву въ построенныхъ за городомъ шалашахъ, всегда разгоняли [303]). Оставленные безъ всякой помощи въ гоненіяхъ и бѣдствіи, благочестивые въ Польшѣ и Литвѣ жители, многократно прибѣгая къ правосудію польскихъ королей на сеймы и трибуналы, просили себѣ отъ озлобителей уніятовъ и римско-католиковъ защиты въ свободномъ вѣры своея отправленіи, и возвращеніи отнятыхъ ими православныхъ монастырей и церквей. Рѣдкій проходилъ сеймъ, на которомъ бы они не

[302]) Тамъ же стр. 50 и 51.
[303]) Тамъ же стр. 57 и 58.

были обнадежены удовлетвореніемъ въ ихъ требованіяхъ; но исполненія по онымъ никогда не было; ибо прошенія всегда отлагаемы были отъ сейма до сейма» [304]).

Выведенные изъ терпѣнія, православные въ Вильнѣ 30 мая 1599 г. составили, вмѣстѣ съ лицами лютеранскаго исповѣданія, актъ, коимъ обязались помогать другъ другу противъ притѣснителей,—и послѣ того не разъ лилась кровь при храмахъ и среди самыхъ храмовъ [305]).

Въ 1660 г. Сигизмундъ III-й, по наущенію Ипатія Поцѣя, уже достигшаго митрополіи, издалъ законъ—не давать духовныхъ властей не обучавшимся въ школахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ *православныхъ не принимать въ училища* [306]); слѣдовательно православные въ Литвѣ, чтобы достигнуть духовной власти, должны были оставлять отечество для своего воспитанія, или на открывающіяся мѣста брать пришлецовъ. Въ 1608 г. Поцѣй изъ числа *девятнадцати православныхъ церквей въ Вильнѣ, отобралъ для уніятовъ двѣнадцать*, а православнымъ оставилъ только семь: Святодуховскую, Пятнинскую, Іоанна Крестителя, Воскресенскую, Благовѣщенскую, Никольскую и Юрьевскую [307]). Сверхъ того въ православіи остался виленскій Троицкій монастырь, котораго архимандритомъ былъ твердый въ вѣрѣ Самуилъ Сенчыло; но въ 1609 г. Самуилъ съ архимандріи низложенъ, и Сигизмундъ на мѣсто его поставилъ архимандритомъ іеромонаха тогоже монастыря Іосифа (Веніамина) Рутскаго, принявшаго унію вмѣстѣ съ другими иноками. Дворянинъ Буйвидъ, пріѣхавъ въ монастырь, передалъ его Рутскому *«з рамени его королоевской милсти»;* узнавъ объ этомъ, православные тотчасъ явились въ монастырь съ королевскою привиллегіею, по коей монастырь безъ ихъ вѣдома никому не могъ быть переданъ (городъ Вильно управлялся своимъ судомъ по праву Магдебургскому), и передать его Рутскому не позволяли; но Буйвидъ отвѣчалъ, что читать привиллегію не его дѣло, монастырь онъ Рутскому уже передалъ [308]). Такой перевѣсъ уніятовъ увлекъ многихъ православныхъ на

---

304) Тамъ же стр. 59.

305) O Lit. i Pol. pr. Czack. T. I. стр. 299 въ примѣч.

306) W.lno. Krasz. T. III стр. 59.

307) Тамъ же стр. 61.

308) Собр. др. гр. и акт. Вильно 1843 г. ч. II стр. 74—76. Здѣсь Буйвидъ неправильно называется Буйвиломъ: такой фамиліи въ Литвѣ не было, а существовала и существуетъ фамилія *Буйвидъ*. Должно полагать, что переписчикъ не умѣлъ правильно прочитать старинное письмо.

ихъ сторону. Одинъ изъ радцовъ (гласныхъ) Вильна, явившійся стоять за Сенчылу и не дозволять передачи Троицкаго монастыря Рутскому, Иванъ Тупека, чрезъ нѣсколько дней, вторгнувшись въ Пятницкую церковь, казну, священные сосуды и одежны забралъ, а послѣ напалъ на домъ священника Львова, въ его отсуствіе; жену и слугъ выгналъ, и домъ своимъ замкомъ заперъ. Львовъ приносилъ жалобу духовному Трибуналу, состоявшему изъ духовныхъ и свѣтскихъ депутатовъ; но Тупека объявилъ, что дѣло это подлежитъ свѣтскому суду, и хотя предложены были статьи статута, постановляющія противное, но свѣтскіе депутаты жалобу Львова не позволили внести въ трибунальныя книги [309]), и Пятницкая церковь осталась во власти уніятовъ. Въ 1633 г. хотѣли возвратить ее православнымъ, но не возвратили.

Въ 1620 г. на варшавскомъ сеймѣ депутатъ и чашникъ земли волынской Лаврентій Древинскій, въ присутствіи сената, изображая королю печальную картину преслѣдованія православныхъ, между прочимъ сказалъ: «Кто-жъ, о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій (разумѣется, православный) народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ? Начну отъ Кракова. Какое распространеніе славы Божіей помощію сея новоизобрѣтенныя уніи является? Уже въ большихъ городахъ *церкви запечаты, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ скотъ запираютъ. Прейдемъ въ княжество литовское*, Тамъ въ пограничныхъ московскому государству городахъ тоже самое дѣлается. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны; въ Пинскѣ тоже учинено; *монастырь Лещинскаго, въ пишейный домъ превращенъ;* въ слѣдствіе сего *дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ вывозятся;* народъ безъ благословенія браковъ въ непотребствѣ живетъ; безъ исповѣди, *безъ пріобщенія Св. Таинъ умираетъ*. Неужели сіе не *самому Богу обида?* Неужели за то отмщевать не будетъ Богъ?... *Въ Вильнѣ-же* не вопіющее ли притѣсненіе? Слыханное ли до сего? *Тѣло мертвое благочестиваго*, когда хотятъ за городъ проводить, то тѣ самыя ворота, коими всѣ ходятъ и ѣздятъ, даже жиды и татаре, запираютъ такъ, что принужденными находятъ себя православные *въ тѣ ворота, коими одну только нечистоту городскую вывозятъ, мертвеца своего выносить*. Даже въ полученіи воды бѣдные крайне нуждаются; *монаховъ, непреклонныхъ къ уніи,*

---

[309]) Тамъ же стр. 50—56.

ловятъ, бьютъ, или на вольной дорогѣ ихъ имая, въ узилища заключаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ за то только, что съ уніею не соединены, не производятъ; но простяками и невѣждами, такъ что иной не знаетъ, что есть правосудіе и справедливость, въ поношеніе сторонѣ россійской, праздныя мѣста наполняютъ. Суммы денежныя отъ невинныхъ благочестивыхъ безъ всякой основательной причины исторгаютъ [310]) и проч.»

Въ томъ же 1620 году патріархъ іерусалимскій Θеофанъ, возвращаясь изъ Москвы, и имѣя дозволеніе отъ патріарха константинопольскаго посѣтить паству его, посвятилъ въ Кіевѣ безъ дозволенія королевскаго во всѣ епархіи, уніятами занятыя, православныхъ іерарховъ: Іоанна Борецкаго на митрополію кіевскую, Іезекіиля Курчевича на епископію владимірскую, Исакія Черчицкаго на архіепископію полоцкую, Исаія Копинскаго на перемышльскую, Паисія Ииолитовича на хельмскую и неизвѣстнаго по имени на епархію пинскую. Король тотчасъ велѣлъ новопоставленныхъ архіереевъ переловить и предать смерти; почему они и принуждены были укрываться; а новопоставленные на мѣсто ихъ уніятскіе архіереи поступали такъ жестоко, что даже сами римскіе католики за это выражали свое неудовольствіе. Іосафатъ Кунцевичъ, полоцкій архіепископъ, не только самъ больше всѣхъ угнеталъ православныхъ, но и возбуждалъ къ тому всячески польскихъ вельможъ. Извѣстный отвѣтъ ему Льва Сапѣги, канцлера литовскаго, лучше всего показываетъ и духъ уніи и несчастное положеніе православныхъ[311]).

Хотя письмо это касается не прямо Литвы—Кунцевичь свирѣпствовалъ въ Бѣлоруссіи,—но онъ обнаруживаетъ духъ уніи, которая вездѣ дѣйствовала одинаковыми средствами, и распространители ея въ Литвѣ хотѣли отличаться не меньше своихъ собратій. Напрасно православные вопіяли на сеймахъ: королю и сенату нѣкогда было ими заниматься *по множеству другихъ дѣлъ*, какъ будто спокойствіе цѣлыхъ областей не должно быть первою заботою власти. На варшавскомъ сеймѣ 1623 г. въ конституціи сказано: «примиреніе людей въ греческой вѣрѣ раздѣленныхъ, *для множества дѣлъ* Рѣчи посполитой, *на предбудущій сеймъ отлагаемъ*»[313]). Предбудущій сеймъ также не принесъ никакой отрады православнымъ: въ конституціи варшавскаго сейма 1627 г. также постановлено: «понеже

310) Истор. объ уніи стр. 70 и 71.
311) Отвѣтъ смотри 2 кн. Вѣст. I Отд. № 6.
312) Росс. Магаз. Туман. 1793 ч. III. стр. 474.
313) Konstituc. T. III. стр. 450.

на нынѣшнемъ сеймѣ, *для скудости времени*, вѣра греческая не могла получить примиренія, того ради сіе *на другой сеймъ отлагаемъ*»[314]). Не примиренія требовали православные съ буйными братіями своими—уніятами, а одного только спокойствія. Правда, на всѣхъ этихъ сеймахъ въ конституціяхъ писали: «а между тѣмъ, дабы съ обѣихъ сторонъ жители въ тишинѣ сохранены были, *обнадеживаемъ*»[315]); но православные страдали и страдали.

Въ 1632 г. умеръ Сигизмундъ III-й. Новому королю, во время самаго избранія была поднесена на сеймѣ книга *Синопсисъ*, въ которой о православныхъ между прочимъ сказано: «Въ *Вильнѣ* церкви на кабаки, кухни и на гостинные домы превращены. Люди невинные изъ магистратовъ и цеховъ изгоняемы, и въ подземныя ратушныя тюрьмы безвинно посаждаемы были; а естьли кто, по усердію своему, на церковь благочестивую духовнымъ завѣщаніемъ что нибудь опредѣлялъ, сего принимать запрещаемо было. Указами отъ надворныхъ судовъ, отъ прочихъ же позывами всякое безпокойствіе причиняемо, и прочія несносныя угнѣтенія и обиды разными способами наносимы были. Въ *Ковнѣ* церковь разграблена, и земля церковная отобрана. Монастыри *Троцкій, Лаврешевскій, Граденскій* (Гродненскій) и прочіе опустошены. Въ *Бѣльску* такое опредѣленіе состоялось: что естьли бы кто изъ мѣщанъ за крестнымъ ходомъ изъ церкви въ костелъ не пошелъ, таковый смертію казненъ будетъ. Въ *Мятзелѣ* православные въ унію отъ тамошняго старосты насильно принуждаемы и въ ссылку изъ города, какъ аріане, декретомъ осуждены были; и прочія нестерпимыя обиды, узы, темницы, гонененія и муки въ королевствѣ польскомъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ претерпѣваютъ православные для того единственно, что не дѣлаютъ послушанія уніятамъ по ихъ оклеветанію и доносамъ.— А что все сіе, по причинѣ обширности, на самомъ мѣстѣ не свидѣтельствовано (хотя на всякую изъ сихъ вещей имѣются законныя доказательства); не наша есть вина, но несчастіе временъ, сего не допущающее, есть причиною. А естьли въ семъ будетъ состоять надобность, мы учинить сіе обязуемся; а наипаче что относится до виленскаго братства, всѣ вышесказанныя обиды и насилія совершенно исчислить и перечнемъ изъ

314) Тамъ же стр. 547.
315) Тамъ же.

книгъ трибунальскихъ, земскихъ, гродскихъ, доказать можемъ; а сіе подлинно сдѣлаютъ и прочіе, какъ польскіе, такъ и литовскіе жители»[316]).

Генеральная конфедерація для избранія короля, а особенно новоизбранный король Владиславъ IV-й сдѣлали такъ долго обѣщанное примиреніе, и православныхъ дѣйствительно успокоили, раздѣлили православныя и уніятскія епархіи, и нѣкоторыя церкви возвратили[317]); однакожъ другія, какъ то: Пятницкая и св. Іоанна Крестителя въ Вильнѣ, не смотря на повелѣніе короля, удержаны уніятами[318]); въ нѣкоторыхъ же городахъ, какъ, на примѣръ, въ Новогрудкѣ въ 1635 г. вовсе запрещено имѣть православныя церкви—по домогательству іезуитовъ[319]), а въ 1638 г. Троцкій монастырь и Троцкая Воскресенская Церковъ отданы виленскому Троицкому монастырю, оставшемуся въ рукахъ уніятовъ[320]).

Въ Маѣ 1648 г. Владиславъ скончался. Едва вступилъ на престолъ Іоаннъ Казиміръ, какъ грозное войско запорожское, подъ начальствомъ храбраго Богдана Хмѣльницкаго, ополчилось на защиту православія, и требовало между прочимъ, чтобы «*святыя церкви, отданныя уніятамъ... въ Литвѣ и по другимъ мѣстамъ, опять могли оставаться при всѣхъ стародавнихъ правахъ*»[321]). Побѣды Хмѣльницкаго заставили поляковъ заключить въ 1649 г. 15 Августа мирный договоръ, въ которомъ между прочимъ постановлено православному митрополиту кіевскому (Литва состояла въ его паствѣ) засѣдать въ варшавскомъ сенатѣ, а «*унію въ Польшѣ и во всемъ княжествѣ литовскомъ искоренить*»[322]). Казалось, все дѣло кончено: православіе одержало побѣду надъ врагами, вѣрные сыны его успокоются послѣ бурныхъ треволненій, а отпадшіе отъ вѣры возвратятся въ нѣдра матери своей церкви; сдержали ль поляки свое обязательство, увидимъ.

Въ 1650 г. на варшавскомъ сеймѣ, въ присутствіи и митрополита Сильвестра Коссова, и гетманскихъ пословъ, король

---

316) Ист. объ уніи стр. 93 94.

317) Тамъ же стр. 95—110.

318) Собр. др. гр. и акт. Вильно. 1843 стр. LXIV. ч. II. стр. 207 и 208.

319) Chronol. Stebel. стр. 227.

320) Собр. др. гр. и акт. Вильно. 1843 г. Ч. II стр. 154.

321) Памят. изд. врем. ком. для разб. др. акт. Кіевъ. 1345 т. 1 стр. 123.

322) Ист. объ уніи. стр. III.

привилегіею 12 Генваря подтвердилъ зборовскій договоръ; въ привилегіи между прочимъ сказано: «объявляемъ сею привилегіею нашею нынѣ и на всегдашнія времена: понеже соединеніе славныхъ народовъ *польскаго, литовскаго и русскаго* въ сей Рѣчи посполитой, которую угодно было Богу учинить оплотомъ всего христіанства, есть наибольшее утвержденіе; а потому и предмѣстники наши наияснѣйшіе короли польскіе наблюдали паче всего, дабы симъ славнымъ народамъ являть всегда согласіе и милость неразрывную, и общія силы ихъ противуставить врагу креста Христова; и для того блаженныя памяти король *Владиславъ* IV, братъ нашъ, при избраніи своемъ, усматривая славный народъ *русской* вѣры, по поводу уніи разведенный, старался свято присоединить оный къ себѣ, дабы Рѣчь посполитая ни малѣйшаго отъ того не имѣла затрудненія. Равнымъ образомъ и мы, бывъ счастливо вольными голосами избраны на сіе отъ Бога ввѣренное намъ достоинство паче всего прилагали тщаніе, дабы внутреннее замѣшательство и кровопролитіе (во время междоцарствія попущеніемъ Божіимъ воздвигнутое) прекративши, возстановить Рѣчи посполитой спокойствіе; и Богъ сіе наше намѣреніе благословилъ... По силѣ деклараціи нашей подъ *Зборовомъ*... народъ русской весь духовнаго и мірскаго, шляхетскаго и мѣщанскаго чина при древнихъ правахъ и вольностяхъ сохраняя, обѣщали мы на нынѣшнемъ сеймѣ, по учиненному съ кіевскимъ митрополитомъ и духовенствомъ условію, *унію истребить,* и весь народъ русской успокоить и въ ихъ религіи греческой учинить удовлетвореніе. Въ слѣдствіе сего таковое королевское обѣщаніе, по силѣ данной отъ насъ и сеймомъ утвержденной подъ Зборовомъ деклараціи, дѣломъ восполняя..., *позволяемъ всему русскому народу, не въ уніи состоящему, во всемъ королевствѣ польскомъ и вел. кн. литовскомъ, какъ и прежде было, свободное отправленіе вѣры, а митрополиту ношеніе въ своей епархіи креста,* яко отличный знакъ митрополитской. Отдаемъ всѣ церкви, въ статьяхъ короля Владислава назначенныя, то есть монастырь подъ *Гродномъ* [323]), въ *Вильнѣ* церковъ Воскресенія Христова, другую св. Іоанна, третію въ предмѣстіи св. Георгія; въ *Трокахъ* Пресвятыя Богородицы и въ *Гроднѣ* Воскресенія Христова; въ *Кобрынѣ* Рождества Богородицы; въ *Новогродку* св. Іоанна; въ *Лидзѣ* св. Спаса. Утверждаемъ еще, дабы имѣнія церковныя греко-россійской вѣры никогда отъ нихъ не были отъемлемы. Также

---

323) **Борисохлѣбскій Коложанскій.**

естьли у нихъ зашли какіе споры или неудовольствія какъ въ отправленіи богослуженія, такъ и въ ихъ самихъ свободностяхъ, всѣ оныя уничтожаемъ, и гдѣ бы въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ по прежнимъ ихъ правамъ и привиллегіямъ народъ русскій до уряду ни принадлежалъ, оной на равнѣ съ прочими принимаемъ да будетъ, и никакого да не имѣетъ притѣсненія. Прежнія права ихъ сохраняемъ, а противныя учрежденія и произшествія, гдѣ бы оныя ни были, уничтожаемъ» [324]).

Всѣ эти обѣщанія были большею частію на словахъ. Скоро гетманъ принужденъ былъ просить защиты царя Алексѣя Михайловича. Въ 1653 г. наши послы—бояринъ князь Рѣпнинъ-Оболенскій, окольничій Хитрово и дьякъ Алмазъ Ивановъ требовали исполненія зборовскаго договора. Польскіе магнаты имъ отвѣчали: «что *не нарушивъ присяги, не можетъ король истребить уніи;* да и подъ *Зборовомъ* никогда онъ не обѣщалъ, чтобъ не-униты, то есть одна Русь только въ Польшѣ жительствовала, но позволилъ и утвердилъ права обоего духовенства, слѣдуя въ томъ примѣру своихъ предшественниковъ: истребить въ Россіи стародавную греческаго закона вѣру» [325]). Таковый отвѣтъ почтенъ за нарушеніе всѣхъ мирныхъ съ Россіею договоровъ, и началась война; россійскому оружію покорено все великое княжество литовское и бѣлорусское. Поляки просили прекратить войну, и для сего въ 1656 г. отправлены полномочные послы. 3 Ноября подъ Вильною учиненъ договоръ о перемиріи; но касательно уничтоженія въ Польшѣ и Литвѣ уніи польскіе послы и слушать не хотѣли. Въ 1658 г. вновь отправлены на съѣздъ подъ Вильну наши послы, которымъ подтверждено домогаться дабы «ненавистную христіанскому роду унію, для несогласія съ греческою церковію, во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ искоренить, и превращеннымъ греческимъ храмамъ въ костелы и уніятскія церкви дозволить прежнее отправленіе вѣры, купно съ возвращеніемъ отнятыхъ у нихъ маетностей [326]). Съѣздъ кончился безъ пользы. Подобныя сношенія происходили очень часто, и они-то доказываютъ, что всѣ обѣщанія поляковъ на словахъ и на бумагѣ не приводились въ исполненіе: такъ въ 1660 г. царь Алексѣй Михайловичъ чрезъ пословъ своихъ на минскомъ съѣздѣ требовалъ

324) Тамъ же стр. 112—116.
325) Тамъ же стр. 121.
326) Тамъ же стр. 123.

«унію, яко въ недавныхъ временахъ въ королевствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ возникшую, истребить; вольное повсюду греческой вѣры исповѣданіе исходатайствовать и чинимое единовѣрнымъ въ Польшѣ жителямъ гоненіе отвратить» [327]). Когда приходила бѣда, поляки соглашались на все; короли, вступая на престолъ, присягали успокоить всѣ споры за вѣру, а между тѣмъ политика польскихъ магнатовъ и іезуитовъ шла своимъ обыкновеннымъ путемъ.

Петръ великій, подобно отцу своему, ходатайствовалъ за православныхъ, и въ грамотѣ 29 Февраля 1700 г. къ польскому королю Августу II писалъ: «Въ договорахъ вѣчнаго мира межъ Нами великимъ Государемъ, и братомъ нашимъ Яномъ III, Королемъ и Рѣчью посполитою обоихъ народовъ, короны польской и вел. княжества литовскаго, въ IX статьѣ постановлено: церквамъ Божіимъ и епископіямъ, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ, игуменствамъ и братствамъ, въ которыхъ обрѣталося и нынѣ обрѣтается употребленіе православныя греко-россійскія вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ въ коронѣ польской и вел. княжествѣ литовскомъ никакова утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ уніи принужденія быти не имѣетъ; но по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ соблюдаемымъ быть. А нынѣ намъ великому государю донесено, что православныхъ греко-россійскія вѣры обрѣтающихся въ Польшѣ и Литвѣ людей, а именно, виленскихъ и минскихъ городовыхъ и уѣздныхъ жителей, въ Литвѣ бискупы и езуиты, и доминиканы, и прежніе уніяты, и шляхта нѣкакимъ попущеніемъ разоряютъ и въ унію насилуютъ, и бьютъ, а монастыри и святыя церкви отнимаютъ, и заѣзжаютъ, и обращаютъ въ унію. А именно нынѣ не вдавнѣ въ *пинскомъ* повѣтѣ монастырь *Цѣперскій*, надлежащій къ братству *виленскому, Сошествія Святаго Духа,* отнялъ насильно и въ унію отдалъ кн. Радзивилъ, канцлеръ вел. кн. литовскаго, и приобщилъ во владѣніе митрополиту уніятскому виленскому. Въ воеводствѣ же *минскомъ* новоумышленною злобою оныежъ гонители преставльшихся православныхъ христіанъ, по обыкновенію христіанскому, какъ издревле довелось, и хоронить явно не даютъ. А тотъ помянутой монастырь цѣперскій по стародавнымъ правамъ до кн. Радзивила и не надлежитъ. И такова злобнаго и противнаго вѣчному мирному договору гоненія на православныхъ греческія вѣры людей, какъ нынѣ въ сторонѣ

---

[327]) Тамъ же стр. 128.

вашего королевскаго величества чинится, никогда не бывало; о чемъ намъ великому государю удивительно и болѣзненно показалось слышать. И того ради мы великій государь, по должности съ вами великимъ государемъ нашея братскія дружбы и любови, о вышепомянутомъ нарушеніи въ договорахъ вѣчнаго мира IX статьи съ вашей кор. величества стороны, и что такая тому договору вѣчнаго мира за позволеніемъ велик. княж. литовскаго начальнѣйшаго сенатора и инныхъ противность, и неволя и гоненіе святымъ церквамъ Божіимъ и православному народу чинится, любительно объявляемъ, и желаемъ: дабы ваше кор. величество, по должности тогожъ вѣчнаго мира, повелѣлъ оный насилованный въ пинскомъ повѣтѣ монастырь Цѣперскій возвратить по прежнему къ братству православному виленскому и православныхъ христіанъ греко-россійскія вѣры въ унію не обращать, и представльшихся изъ нихъ по древнему обыковенію хоронить невозбранно, и впредь на таковое неистовство онымъ дерзать и къ нарушенію вѣчнаго мира и межъ государствы нашими до недружбы и до ссоры причинъ распространять, заказать изволилъ своими корол. величества жестокими указами [328]). На эту грамоту отвѣта не дано, и домогательства нашего резидента въ Варшавѣ Судейкина передъ сенаторими остались безъ всякихъ послѣдствій.

Въ 1717 г. на сеймѣ явился проэктъ совершеннаго истребленія вѣры православной и даже уніятской [329]), и обнаружилъ цѣль дѣйствій поляковъ.

Въ 1718 г. мѣра терпѣнія православныхъ истощилась. Настоятели всѣхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ монастырей подали Петру великому прошеніе, гдѣ, между прочимъ, писали: «аще въ нынѣшне нужное гонительное время отъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, единаго намъ по Бозѣ упованія, яко крѣпкаго помощника и заступника о православіи восточномъ, вскорѣ не получимъ помощи, то весьма, яко въ королевствѣ польскомъ истреблено, такожде и въ великомъ княжествѣ литовскомъ отъ - древле насажденное благочестіе въ конецъ искоренится, и всегдашнее о здравіи вашего величества богомоліе весьма престанетъ» [330]).

Петръ великій въ грамотѣ къ Августу, 9 Марта 1718 г.,

---

[328]) Тамъ же стр. 152—155.
[329]) Suppl. ad Histor. Rus. Monum. p. 122.
[330]) Ист. объ уніи стр. 165—167.

упомянувъ о прежнихъ своихъ ходотайствахъ за православныхъ, писалъ: «нынѣ къ вящщему нашему прискорбію, принуждены слышать, что не токмо то наше прадставленіе у вашего корол. величества и у чиновъ Рѣчи посполитой никакого дѣйства не воспріяло, но многія благочестивыя нашея вѣры греческаго исповѣданія епархіи, святыя церкви и монастыри, въ государствѣ вашего корол. величества обрѣтающіяся, чрезъ принужденіе и гоненіе противно договора вѣчнаго мира, въ унію превращены; такожъ и достальные, которые, еще благочестіе содержатъ, передъ другими несносными налогами, обидами и поборами нынѣ отягощаются, дабы чрезъ то принуждены были и оные унію принять. И понеже то не токмо явное нарушеніе договору вѣчнаго мира, но и противно всенароднымъ правамъ; ибо совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать.—Сверхъ того въ постановленномъ между нами и вашимъ корол. величествомъ и Рѣчью посполитою договорѣ вѣчнаго мира имянно изображено и заключено, чтобъ тѣмъ епархіямъ, церквамъ и монастырямъ и къ нимъ принадлежащимъ духовнымъ и мірскимъ людямъ, которые православнаго греческаго исповѣданія, свободное и невозбранное имѣть отправленіе вѣры. Того ради не могли мы оставить вашему корол. величеству и всей Рѣчи посполитой симъ наше дружебно братское представленіе паки учинить и просить: дабы въ государствахъ вашего корол. величества православіе издревле обрѣтающееся, по постановленному и съ нашей стороны до нынѣ свято содержимому договору вѣчнаго мира, свободное и безъ припятствія отправленіе своея вѣры имѣло, и никакого принужденія къ принятію уніи не было чинено, и отъ всѣхъ нынѣ чинившихся обидъ, налоговъ и чрезвычайныхъ и несносныхъ поборовъ освобождены, и во всемъ по постановленному договору вѣчнаго мира, по привилегіямъ и правамъ противъ другихъ въ Польшѣ содержаны, и тѣмъ упомянутому договору вѣчнаго мира нарушеніе учинено не было. Мы уповаемъ, что отъ вашего корол. величества и отъ всей Рѣчи посполитой въ семъ нашемъ справедливомъ желаніи удовольство показано будетъ» [331]). Но и это упованіе не оправдалось.

Въ 1720 г. Императоръ вновь возобновилъ свое ходатайство о прекращеніи обидъ православнымъ, чрезъ посла своего

[331]) Тамъ же стр. 169 и 170.

князя Долгорукова[332]) такъ, что король Августъ, не смотря на неудовольствія магнатовъ, 28 Ноября 1720 г. издалъ привиллегію, которою подтвердилъ всѣ «данные отъ прежнихъ польскихъ королей дипломы, чрез договоры, конституціи и постановленія сеймовыя издревле, въ книгахъ правъ о свободности содержанія закона церкви старо-греческой описанныя; въ своей важности и силѣ»[333]). И такъ Литва успокоеніемъ преслѣдованія за вѣру обязана государю русскому. Правда, гоненія не прекращались; фанатизмъ римскаго духовенства не могъ заключиться въ границы благоразумія и вѣротерпимости; но не было уже преслѣдованія всеобщаго; даже папскій нунцій архіепископъ Сантини, находившійся въ Варшавѣ, въ 1722 г. послалъ католическому луцкому епископу Стефану Рупіевскому за нападеніе на православныхъ въ Пинскѣ выговоръ, какъ потому, что римскимъ католикамъ, находящимся въ Москвѣ, «русскіе архіереи дѣлаютъ помощь», такъ и для того, чтобы угнетаемые *«жалобою своею пресвѣтлѣйшаго царя благоволенія на нашу* (католиковъ) *не превратили гибель»*[334]), и вмѣстѣ съ тѣмъ по всей Литвѣ и Польшѣ, особою граматою опубликовать сдѣланныя насилія въ Пинскѣ, строжайше запретилъ подобныя дѣйствія[335]).

Петру великому опять принесены были жалобы, и онъ, прописавъ ихъ королю, требовалъ коммисаровъ для изслѣдованія; въ заключеніи грамоты сказано: «Буде же, паче чаянія по сему Нашему представленію и прошенію удовольствія по силѣ помянутыхъ вѣчнаго мира договоровъ не воспослѣдуетъ, то принуждены Мы будемъ въ вышеозначенныхъ толь великихъ обидахъ греческаго исповѣданія людемъ, такожъ и подданнымъ Нашимъ на тѣхъ партикулярныхъ людей, которые имъ такое утесненіе и гоненіе противно вѣчному мирному постановленію чинить дерзаютъ, сами удовольствія искать» ([336]).

Равно о всѣхъ жестокостяхъ распространителей уніи сообщено было папѣ чрезъ первенствующаго кардинала Спиноли ([337]). Король луцкаго епископа Рупіевскаго потребовалъ на судъ ([338]), а въ грамотѣ къ митрополиту, хотя и прикрывалъ

---

332) Тамъ же стр. 185 и 186.
333) Тамъ же стр. 189—19?.
334) Тамъ же стр. 198.
335) Тамъ же стр, 199—204.
336) Тамъ же стр. 211.
337) Тамъ же стр 212—217.
338) Тамъ же стр. 220.

гонителей, однако увѣрялъ въ своемъ «старанiи и истинномъ желанiи» сохранить миръ и устранить всѣ непрiятности[339]. Преслѣдованiе въ Литвѣ замолкло, и съ ужаснымъ безчеловѣчiемъ свирѣпствовало въ Минскѣ и Бѣлоруссiи.

Въ 1732 г. начальникъ виленскаго монастыря Амвросiй Юскевичь донесъ кiевскому архiепископу, что «не многое число въ правовѣрiи и благочестiи христiанскомъ съ нами жителей виленскихъ обрѣтается; но и тѣхъ противники наши римляне до конца отъ вѣры православно-каѳолической тщатся отвратити. Понеже не токмо наговоромъ своимъ, но и насилiемъ уже многихъ разными образами, вину изобрѣтающи, къ унiятской вѣрѣ хотя и не хотящихъ притягаютъ, претяще узами, темницами и лишенiемъ имѣнiя и всякой чести, какъ-то и нынѣ въ прошломъ 1731 году отъ консисторiи капитулы виленской нѣкоторые правовѣрные наши позваны были по таковой винѣ: сказываютъ, будто бы изъ нихъ имѣли иной отца, иной мать римской вѣры, а сынъ теперь въ благочестiи нашемъ, убо долженъ есть отцу или матерѣ своей въ вѣрѣ послѣдовать. Иной хотя отъ благочестивыхъ родителей, но когда по случаю крещенъ въ римскомъ ихъ костелѣ, а воспитанъ въ церквѣ благочестивой, убо и таковый долженъ быть римляниномъ. Не дивно же, аще бы и такъ было; но жаль, что никакого свидѣтельства не показуютъ; наши же невинно въ томъ обнесенные люди ясно оправдаются, яко родителей и прародителей своихъ благочестивыхъ имѣли; того ради и сами, совершенный возрастъ и разумъ имуще, въ томъ же правовѣрiи животъ свой хотятъ окончати. И такъ неповинно позванные братства православнаго виленскаго люди предъ консисторомъ капитулы виленской жестокое терпятъ истязанiе. А что вящше, бискупъ виленскiй Зенкевичь запретилъ имъ, подъ лишенiемъ всего имѣнiя и чести, къ православной нашей ходить церквѣ, желая, дабы весьма отъ оной отлучилися. Какой же декретъ трибунальскiй будетъ, явно и непотѣшно есть; ибо всѣми силами вооружилися на останки благочестия виленскаго. И сiе толь великое гоненiе на церковь нашу предупреждая, многiе подъяхомъ труды, первѣе при отданiи листа отъ Преосвященства Вашего, а потомъ многократно прося какъ сами чрезъ себя, такъ и чрезъ упрошенныхъ отъ насъ о ходатайствѣ римскихъ же важныхъ особъ, дабы хотя до будущаго вывода и расправы невинно оклеветаннымъ вольно было ходить въ церковь; но

---

339) Тамъ же стр. 225.

ничтоже успѣхомъ. Сего ради яко неимѣющіе и ненадѣющіеся ни отъ кого инаго помощи и защищенія, упадаемъ до стопъ Вашего преосвященства, всесмиренно прося милостивѣйшаго архипастыря своего, сколько можно, подати намъ руку помощи» ([340]). Архіепископъ Рафаилъ письмо это представилъ святѣйшему правительствующему Синоду, прося защиты. Между тѣмъ насилія и притѣсненія въ Вильнѣ на православныхъ продолжались ([341]).

Новый король Августъ III, вступивъ на престолъ въ 1733 г., по обыкновенію своихъ предшественниковъ, обѣщалъ спокойствіе и вѣротерпимость, однакожъ скоро открылись жалобы. Нашъ полномочный министръ въ Варшавѣ баронъ Кейзерлингъ и резидентъ Голембовскій въ 1739 г. подали статьи о насильствѣ уніятовъ, изъ которыхъ видно, что въ Литвѣ учинены тогда величайшія притѣсненія и жестокости особенно монастырямъ: дрогичинскому-Спасскому дрогичинскому-Преображенскому, бѣльскому, брестскому, виленскому и дятеловицкому[342]). Но напрасно Кейзерлингъ и Голембовскій вопіяли въ Варшавѣ на всѣ эти жестокости; ихъ жалобы и протесты были гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Императрица Елисавета Петровна, вступивъ на престолъ въ 1742 г. тотчасъ повелѣла Кейзерлингу и Голембовскому требовать отъ польскаго правительства удовлетворенія жалобъ православныхъ въ Литвѣ. Коронный вице-канцлеръ именемъ короля обѣщалъ прекратить всѣ обиды, но пока шла переписка съ папскимъ нунціемъ, притѣсненія православныхъ по прежнему продолжались[343]). Императрица повторила королю свое ходатайство за православныхъ въ Литвѣ; Августъ отвѣчалъ, что если жалобы справедливы, то употреблено будетъ все стараніе къ прекращенію зла; а между тѣмъ открылось, что онъ уже употреблялъ всю власть свою къ обузданію фанатиковъ, но они не покарялись ему[344]). Въ 1749 г. король подтвердилъ виленскому римско-католическому епископу не дѣлать православнымъ препятствія въ постройкѣ церквей, на мѣсто сгорѣвшихъ[345]); но епископъ Зенкевичъ не обращалъ на это внима-

---

340) Тамъ же стр. 266—268.
341) Тамъ же стр. 268—270.
342) Истор. объ уніи стр. 282 285.
343) Тамъ же стр. 299—301.
344) Тамъ же стр. 307—309.
345) Тамъ же стр. 320.

нія, дѣйствуя *«по заповѣдямъ папы»* [346]), и на увѣщанія канцлера литовскаго князя Чарторижскаго о прекращеніи угнѣтеній, въ 1753 г. далъ ему отвѣтъ сколько не опредѣленный, столько и дерзкій [347]). Для расмотрѣнія жалобъ, король учреждалъ нарочную коммиссію, но назначенные присутствовать въ ней польскіе коммисары отъ своей обязанности уклонились, и дѣло кончилось ничѣмъ [348]).

Игумены брестскаго и яблочанскаго монастырей требовали у базиліянъ возврата захваченныхъ земель и имущества. Базиліяне не только не удовлетворяли ихъ, но грозили и самые монастыри отнять. За тѣмъ базиліяне съ запальчивостью устремились бить игуменовъ, но шляхта защитила ихъ [349]). По повелѣнію императрицы, посланникъ нашъ въ Варшавѣ Гросъ подалъ ноту; но канцлеры и вице-канцлеры литовскіе и польскіе отвѣчали, что для разбирательства жалобъ есть судьи, которые творятъ судъ и расправу [350]).

V.

ПРІСОЕДИНЕНІЕ ЛИТВЫ КЪ РОССІИ.

Судьба Литвы измѣняется къ лучшему въ концѣ XVIII вѣка: съ 1792 по 1795 г. литовскія земли переходятъ во власть Россіи; исполняется желаніе благомыслящихъ Литовцевъ—быть подъ скипетромъ государей самодержавныхъ и наслѣдственныхъ! И какая разница въ дѣйствіяхъ россійской императрицы противу прежнихъ утѣсненій Польши!

Во время смятеній въ Польшѣ и Литвѣ, въ 1792 г. ввела наши войска въ разныя области польскія; въ томъ числѣ заняты 10 уѣздовъ литовскихъ, но управленіе тамъ учреждено въ духѣ благотворительности, съ желаніемъ доставить миръ и благоденствіе. Въ Указѣ генералъ-аншефу Кречетникову, 8 Декабря 1792 г., предписано:

«Главное попеченіе ваше будетъ о сохраненіи тишины и спокойствія общаго и частнаго въ сихъ провинціяхъ; и для того наистрожайше надзирать надъ всѣми подчиненными вамъ,

346) Тамъ же стр. 329.
347) Тамъ же стр. 332.
348) Тамъ же стр. 333.
349) Тамъ же стр. 335.
350) Тамъ же стр. 339.

дабы ни малѣйшей обиды или притѣсненія обывателямъ отъ нихъ чинено не было. Вы всемѣрно стараться будете, чтобы со вступленіемъ новыхъ областей подъ скипертъ Нашъ, пресѣклись въ оныхъ всякія злоупотребленія, несправедливости, угнѣтенія, разбои, смертоубійства и тому подобные безпорядки, а въ изслѣдованіи дѣлъ мерзскія пытки, обвиняющія виноватаго, какъ и невиннаго, и всякія суровыя казни. Однимъ словомъ, Мы желаемъ, чтобы сіи области не токмо силою оружія были Намъ покорены, но чтобы вы среди людей, въ оныхъ живущихъ, добрымъ, порядочнымъ, правосуднымъ снисходительнымъ, кроткимъ и человѣколюбивымъ управленіемъ Россійской Имперіи присвоили, дабы они сами причину имѣли почитать отторженіе свое отъ анархіи республики польской за первый шагъ къ ихъ благоденствію. Мы уже постановили за правило единожды навсегда во всей Россійской Имперіи, что въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности для своихъ гражданъ безпорядокъ запрещенія или недозволенія ихъ различныхъ вѣръ. Вы во всей точности *имѣете сохранить* во ввѣренныхъ вамъ нынѣ областяхъ сіи *статьи*, яко коренныя, *основанныя на правилѣ православія, политики и здраваго разсудка*. Блаженство народное, бывъ предметомъ всякаго добраго правленія, и Мы, имѣвъ всегда предъ глазами споспѣшествованіе всѣми Намъ отъ Бога дарованными силами къ доставленію благоденствія всѣмъ тѣмъ народамъ, кои Намъ въ вѣрности присягу учинили, предписуемъ и нынѣ всѣхъ жителей, какого бы званія они ни были, кои въ тишинѣ и спокойствіи живутъ и присягу въ вѣрности учинятъ и оную нелицемѣрно сохранять будутъ, не токмо оставить при всемъ томъ, что каждый законно имѣетъ, но всячески ихъ сохранять въ безопасности какъ личной, такъ и преимущественной» [351]).

Вотъ высокія начала, на коихъ утверждалась власть русская въ Литвѣ! То, о чемъ такъ долго воздыхали литовцы по соединеніи съ Польшею, чего добивались на безчисленныхъ сеймахъ, — подъ скипетромъ русскимъ даровано имъ безъ просьбъ и домогательствъ.

По трактату Іюля 11 1792 г. между императрицею, королемъ прусскимъ, королемъ и Рѣчью Посполитою польскою,

---

[351]) Полн. Собр. зак. Рос. Имп. Ч. XXIII, стр. 390.

Россіи уступлены земли, въ 1792 г. занятыя нашими войсками, заключающіяся въ чертѣ отъ селенія Друи на лѣвомъ берегу Двины при углѣ границы Семигалліи, чрезъ Нарочь, Дуброву, по рубежу воеводства виленскаго, далѣе на Несвижъ, Пинскъ, чрезъ Куневъ къ Егорлыку. Эта черта обхватываетъ значительную часть Литвы. Хотя со стороны императрицы самодержавной не требовалось никакихъ условій; но, по духу русскаго правленія, сдѣлано обезпеченіе всѣхъ правъ католиковъ; для православныхъ это не требовалось: они были природныя дѣти православнаго царства. Въ VII статьѣ трактата постановлено:

«Римляне обоихъ церковныхъ обрядовъ-католики, которые по силѣ сего трактата поступаютъ въ подданство Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссійской, будутъ пользоваться во всей имперіи россійской полнымъ и свободнымъ отправленіемъ ихъ закона, согласно съ правиломъ снисхожденія по сему пункту въ оной принятымъ. Въ слѣдствіе того, Ея Величество, Императрица Всероссійская обѣщаетъ безотмѣнно за себя, наслѣдниковъ и преемниковъ своихъ оставить оныхъ римскихъ католиковъ обоихъ церковныхъ обрядовъ на вѣчныя времена при свободномъ отправленіи ихъ богослуженія и церковнаго порядка, и при всѣхъ правахъ къ оному принадлежащихъ, объявляя за Себя и преемниковъ своихъ, что никогда не соизволитъ употребить права Самодержанія въ предосужденіе римско-католическому обоихъ обрядовъ закону въ земляхъ, по силѣ сего договора въ ея подданство поступившихъ» [352]). Генералъ-Аншефъ Кречетниковъ, объявя о присоединеніи упомянутыхъ областей, выразилъ все, чего слѣдовало ожидать отъ милостей русской монархини:

«Имѣю я, какъ учрежденный отъ Ея Величества Генералъ-Губернаторъ, точное Высочайшее повелѣніе торжественно обнадежить прежде всего собственнымъ Ея священнымъ именемъ и словомъ (какъ то симъ торжественнымъ Манифестомъ для всеобщаго свѣдѣнія и удостовѣренія дѣйствительно и исполняю) всѣхъ Ея Величества новыхъ подданныхъ, а мнѣ любезныхъ теперь согражданъ, что Всемилостивѣйшая Государыня изволитъ не токмо всѣхъ ихъ подтверждать при совершенной и ничѣмъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры, также и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ; но и совершенно ихъ подъ державою своею усыновляя и пріобщая ко славѣ и благоденствію Россійской Имперіи,

---

[352]) Тамъ же стр. 446.

по примѣру вѣрноподданныхъ ея жителей бѣлорусскихъ, живущихъ въ полномъ спокойствіи и изобиліи подъ мудрымъ и кроткимъ Ея царствованіемъ, всѣхъ и каждаго награждать еще отъ нынѣ въ полной мѣрѣ и безъ всякаго изъятія всѣми тѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные Ея пользуются, такъ что каждое состояніе изъ жителей присоединенныхъ земель вступаетъ съ самаго сего дня во всѣ оному свойственныя выгоды по всему пространству Имперіи Россійской, ожидая и требуя Ея Величество взаимно отъ признанія и благодарности новыхъ своихъ подданныхъ, что они, будучи милостію Ея поставляемы въ равное съ Россіянами благоденствіе, потщатся съ своей стороны содѣлать себя и имени сего достойными истинною къ новому нынѣ, *но прежде давнему* ихъ отечеству любовію и непоколебимою впредь вѣрностію къ толь сильной и великодушной Государынѣ» [353]).

И такъ не малая часть Литвы отъ насилій Польши освободилась; но также еще значительная часть была подъ чуждою властію. Промыслу угодно было расторженныхъ чадъ Литвы въ короткое время собрать воедино, и ввѣрить счастіе ихъ русскимъ вѣнценосцамъ. Средствомъ къ тому были сами поляки, столько вѣковъ домагавшіеся власти надъ Литвою: цѣль достигнута средствами противудѣйствующими!

Часть Литвы, какъ извѣстно, была завоевана ливонскими рыцарями. Въ 1561 г. орденъ уничтоженъ, и поддался Польшѣ, а изъ земель его составлено герцогство курляндское. Въ 1794 г., во время мятежа въ Польшѣ и Литвѣ, агенты польскіе старались возмутить пильтенскій округъ герцогства, и, не успѣвъ въ своихъ намѣреніяхъ, поступили съ нимъ, какъ съ завоеванною страною. По укрощеніи мятежа, курляндскій герцогъ и чины, въ 1795 г. объявивъ нарушеніе Польшею всѣхъ прежнихъ договоровъ, поддались нашей императрицѣ. Россія пріобрѣла княжество курляндское и семигальское и пильтенскій округъ [354]),— часть коренной Литвы и народъ литовскаго племени, извѣстный подъ именемъ Литвы.

Въ томъ же году, по 3-му раздѣлу Польши, Россіи достались воеводства виленское, гродненское, самогитское, новогрудское, хелмское и часть Волыни. Государыня, принимая эти земли въ свое подданство, обнадежила всѣхъ жителей не только въ свободномъ исповѣданіи вѣры, но и въ томъ, что

---

[353]) Тамъ же стр. 411.
[354]) Тамъ же стр. 635.

каждое состоянiе народное прiобрѣтенныхъ областей имѣетъ пользоваться всѣми правами и преимуществами, какими древнiе подданные россiйскiе, по милости монарховъ своихъ, пользуются [355]).

Внѣ предѣловъ Россiи оставалась одна толко небольшая земля литовскаго народа Ятвяговъ — область бѣлостокская; въ 1807 г. по тильзитскому миру и она присоединена къ Россiи. Такимъ образомъ всѣ вѣтви народа литовскаго собрались подъ державу нашихъ вѣнценосцевъ. Святая Русь нѣкогда одушевлявшая литовцевъ православiемъ, подарившая на престолъ ихъ великихъ княгинь, послѣ вѣковыхъ треволненiй Литвы прижала ихъ какъ родныхъ дѣтей, къ своему лону; земли, истоптанныя вражескими конями и смутами, народъ испытавшiй всѣ мѣры утѣсненiя, прикрыла своею блистательною порфирою.

Литвѣ оставалось ожить прежнимъ русскимъ духомъ, прикрыться русскими законами и задышать древнимъ православiемъ. Всеблагому Промыслу угодно было совершить это великое дѣло передъ глазами нашими—въ царствованiе Николая Перваго: воспитанiе юношества уже совершаетъ свой кругъ въ духѣ православiя, самодержавiя и русской народности; русскiе законы заняли мѣсто статута литовскаго; наконецъ и унiя, заблуждшая дочь православiя, возвратилась къ своей Матери.

---

355) Тамъ же стр. 849.

ПАДЕНІЕ

ШЛЯХЕТСКАГО ГОСПОДСТВА

ВЪ УКРАЙНѢ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА, ВЪ XVII ВѢКѢ.

(Продолженіе).

ГЛАВА IV.

Кіевская армата. — Павлюкъ и Конашевичъ-Сагайдачный. — Накопленіе голышей и дороговизна на Запорожьѣ. — Посольство павлюковцевъ къ реестровикамъ. — Превратное толкованіе Круковской коммиссіи. — Сава Кононовичъ во главѣ реестровиковъ. — Схваченъ и казненъ павлюковцами. — Преслѣдованіе старшинъ и грабежъ шляхты. — Угрозы Конецпольскаго. — Онъ проситъ козаковъ на помощь противъ турокъ. — Павлюковцы отказываютъ. — Бѣгство пановъ изъ Украины. — Миръ поляковъ съ турками; дань хану; походъ въ Украину. — Бунтъ въ коронномъ войскѣ. — Крайняя опасность панской республики. — Перемѣна обстоятельствъ. — Походъ на козаковъ.

Во время реестровки козаковъ, весною 1637 года, коммиссаръ убѣждаетъ между прочимъ, козаковъ отложить свое намѣреніе касательно кіевской арматы (какъ это ужъ извѣстно читателямъ изъ предыдущей главы). Козаки, по видимому, согласились съ коммиссарами, что не стóитъ изъ-закакихъ-нибудь четырехъ орудій огорчать его королевскую милость; но то были голоса людей, расположенныхъ ладить съ панами. Лишь только представители панскаго правительства удалились, партія недовольныхъ восторжествовала надъ людьми умѣренными, и козаки привели въ исполненіе свою угрозу—отнять у кіевлянъ армату. Коммиссары донесли объ этомъ королю и именемъ его королевской милости требовали отъ козаковъ возврата кіевскихъ

пушекъ. Напрасныя требованія! Представители козацкаго самоуправленія, въ подобныхъ случаяхъ, всегда ссылались на людей своевольныхъ, какъ это часто дѣлало и панское правительство. Своевольные люди въ польскомъ государствѣ играли уже тогда роль какого-то неизбѣжнаго зла,—ту роль, какую передъ войнами Хмельницкаго присвоили себѣ Лащовщики, приверженцы короннаго стражника Лаща, который не только грабилъ козаковъ, но постоянно воевалъ и съ управителями украинскихъ имѣній князей Вишневецкихъ, Корецкаго и кіевскаго воеводы Тышкевича (о чемъ распространимся въ своемъ мѣстѣ). Овладѣніе кіевскою арматою не мѣшало козакамъ посылать на сеймъ пословъ своихъ; а польское правительство, обезсиленное панскими злоупотребленіями власти, отвѣчало козакамъ угрозами, которыя отъ частаго повторенія дѣлались почти смѣшными.

При такихъ-то обстоятельствахъ великій коронный гетманъ Конецпольскій получилъ извѣстіе, что Павлюкъ, возвратясь отъ хана, наѣхалъ на Черкасы и овладѣлъ насильственно стоявшею тамъ козацкою арматою. Сообщая объ этомъ въ Варшаву отъ 12 іюня изъ своего имѣнія Оборъ, онъ увѣдомлялъ коронняго подканцлера, подъ какимъ предлогомъ дѣйствовалъ такимъ образомъ козацкій демагогъ. Какъ не странно оправданіе Павлюка передъ панскимъ правительствомъ, но это заслуживаетъ нашего вниманія. Въ немъ выражается желаніе сохранить добрый ладъ съ панскою республикою; а мысль, что уже было имъ сдѣлано, характеризуетъ взаимныя отношенія установившейся шляхетской рѣчи посполитой и формировавшейся, въ своемъ броженіи, украинской республики. Вотъ слова Конецпольскаго: «Пришло извѣстіе изъ Переяслава, что между козаками происходитъ волненіе. Павлюкъ, котораго канцлеръ спасъ отъ казни, возвратясь отъ хана, вторгнулся въ Черкасы, овладѣлъ насильственно артиллеріею и увезъ ее въ Крыловъ. Въ оправданіе свое онъ представляетъ тотъ предлогъ, что когда они были у хана, то здѣшніе козаки надѣлали въ Крыму много убытковъ и набрали множество плѣнниковъ, а они обѣщали все это хану возвратить и оставили у него нѣсколько заложниковъ, а потому и желаютъ быть вѣрными своему слову. Но у нихъ совсѣмъ не то на умѣ, ибо къ Павлюку пристаетъ множество своевольныхъ людей; поэтому и реестровые козаки собираются уже въ Черкасахъ въ купу».

Поступки Павлюка (которые мы изложимъ ниже во всѣхъ подробностяхъ) могутъ показаться намъ безсмысленною, если мы

упустимъ изъ виду безпримѣрную въ исторіи безурядицу, которою, по польской пословицѣ, держалось польское государство [1]). Чтобы яснѣе понять ихъ политическій смыслъ, возвратимся на минуту во времена Конашевича-Сагайдачнаго, который очевидно служилъ образцомъ для Павлюка. Кстати намъ попалъ подъ руку отзывъ поляка о тогдашней панской политикѣ относительно знаменитаго козацкаго гетмана. Онъ будетъ убѣдительнѣе нашего собственнаго отзыва.

«Послѣ паденія Наливайка, пишетъ Людвикъ Повидай въ своемъ критическомъ обзорѣ козачества [2]), много козаковъ укрылось на Низу и тамъ, вмѣстѣ съ запорожскими козаками, избрали гетманомъ славнаго въ польской исторіи Петра Конашевича-Сагайдачнаго. До тѣхъ поръ вее шло путемъ легальнымъ, ибо запорожцы пользовались обычаемъ и правомъ избирать себѣ кошевого; но Конашевичъ тотчасъ принялъ на себя титулъ гетмана войска Запорожскаго на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, то есть всей Украины, гдѣ власть гетманская была уничтожена конституціею 1588 года. Этотъ своевольный поступокъ былъ бунтомъ, ибо Конашевичъ не ограничивался только титуломъ, но повелѣвалъ всѣмъ козачествомъ, за исключеніемъ реестровыхъ полковъ. Рѣчь посполитая, будучи занята шведскою войною, а потомъ рокошемъ Зебржидовскаго, смотрѣла на это сквозь пальцы. Осмѣленный такою поблажкою и безсиліемъ правительства, Конашевичъ вторгается, въ 1612 году, моремъ въ Турцію и производитъ на Крымскомъ полуостровѣ и въ Анатоліи великія опустошенія. Турки готовились уже къ войнѣ, когда польскій посолъ, торжественнымъ удостовѣреніемъ, что это дѣлается безъ воли правительства, и обѣщаніемъ укротить на будущее время своевольство козаковъ, успѣлъ на тотъ разъ успокоить Порту. Запутавшись въ московской войнѣ, Рѣчь посполитая ухватилась за полумѣры, которыя всего опаснѣе въ бурныя времена, ибо не удовлетворяютъ никого, а раздражаютъ всѣхъ, какъ приверженцевъ, такъ и противниковъ. Желая отвлечь украинцевъ отъ Конашевича, она дозволила реестровымъ козакамъ избрать собственнаго гетмана и освободила ихъ отъ непосредственнаго послушанія гетманамъ короннымъ. Это значило—сдѣлать шагъ назадъ и отречься отъ побѣдъ Жолкѣвскаго надъ Наливайкомъ. На Конашевича она смотрѣла только, какъ на кошеваго и потребовала отъ него письменнаго

[1]) Polska bezrządem stoi.
[2]) *Kozacy Zaporożcy*. Lwów, 1862, str. 39.

обѣщанія, что, безъ воли короля и коронныхъ гетмановъ, не станетъ сзывать козаковъ для новыхъ походовъ. Не отказалъ ей въ этой бездѣлицѣ Конашевичъ. Но еще не совсѣмъ высохли чернилы заключеннаго съ нимъ условія, какъ онъ вторгнулся въ Турцію и произвелъ еще бо́льшія прежняго опустошенія. Рѣчь посполитая на такое пренебреженіе ея повѣленіями отвѣчала конституціею 1616 года. Въ этой конституціи она объявила всѣхъ козаковъ, которые осмѣлятся ходить за границы сосѣднихъ владѣній, pro hostibus, perduelibus et rebellibus patriae. (*Voll. Legg.* III, 157). Еще большее уничтоженіе ожидало Рѣчь-посполитую, когда реестровые козаки, по смерти своего гетмана Демьяна Кукши, призвали на гетманство того же Конашевича. Напрасно король обращался къ господствующимъ обычаямъ, по которымъ кошевой никогда не бывалъ гетманомъ; напрасно отказалъ въ своемъ утвержденіи. Дурной поворотъ обстоятельствъ въ Москвѣ принудилъ Сигизмунда III къ переговорамъ съ Конашевичемъ о высылкѣ подмоги Ходкевичу. Украинскій гетманъ не отказалъ королю въ его просьбѣ. Онъ собственной особой поспѣшилъ на театръ войны, предводительствуя 20,000 «добрыхъ молодцевъ», и оказалъ Польшѣ много услугъ. Еще до соединенія съ королевичемъ Владиславомъ, разбилъ онъ три московскіе отряда, которыми предводительствовали князья: Черкаскій, Волконскій и бояринъ Бутурлинъ. Этого послѣдняго онъ собственноручно убилъ булавою. Не могло быть ничего безтолковѣе всего этого дѣла: что гетманъ, не утвержденный королемъ, пользующійся властію мимо его воли, слѣдовательно въ нѣкоторомъ родѣ бунтовщикъ, получаетъ приглашеніе къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Польшею. Шагъ этотъ должны были козаки, размышляя логически, объяснить себѣ такимъ образомъ: что съ этихъ поръ гетманъ запорожскій не нуждается въ королевской санкціи, и что уже самый выборъ его со стороны козаковъ даетъ законность его власти. Это былъ какъ-бы поворотъ ко временамъ до-баторіевскимъ. Но еще не конецъ. Королевичь Владиславъ, частію для популярности, частію для того, чтобъ заохотить Конашевича къ дальнѣйшимъ услугамъ, оказываетъ ему почесть, какой не удостоивался ни одинъ его предшественникъ. Узнавъ о приближеніи къ польскому обозу запорожца, прославившагося недавними побѣдами, онъ высылаетъ къ нему съ привѣтствіемъ пана Мадалинскаго, мстиславскаго воеводу. Подобный почетъ, сдѣланный человѣку, пренебрегающему королевскую волю, долженъ былъ пробудить въ козакахъ сознаніе своего могущества

и обнаружить передъ ними всю слабость польской организаціи».

Съ того времени прошло всего только двадцать лѣтъ. Живы еще были свидѣтели и соучастники подвиговъ Конашевичъ-Сагайдачнаго. Самъ Павлюкъ могъ участвовать въ его торжествахъ надъ магнатскою гордостію и шляхетскимъ высокомѣріемъ. Стеченіе обстоятельствъ поставило Павлюка въ положеніе, которое не могло не напомнить козакамъ ихъ лучшаго времени. Мы ужъ видѣли въ III-й главѣ нашей повѣсти о паденіи шляхетскаго господства въ Украинѣ, какъ легкомысленно королевская канцелярія придала законность его дѣйствіямъ, предписавъ королевскому послу не только не удерживать козаковъ отъ службы у хана, но всячески поощрять къ ней лучшихъ людей. Это дало Павлюку право писать къ коронному гетману, что онъ „былъ на службѣ у хана не своевольно, но съ вѣдома и повелѣнія его королевской милости, что онъ побѣдилъ непріятеля Рѣчи посполитой Кантемира и загналъ его въ отдаленнѣйшіе предѣлы Турціи“. Это сдѣлало его прямымъ гетманомъ козацкимъ въ глазахъ реестровыхъ козаковъ, или по крайней мѣрѣ лучшихъ изъ нихъ. Это дало ему возможность овладѣть артиллеріею и сосредоточить вокругъ себя силу, дѣлавшую перевѣсъ надъ покорными реестровиками, такъ что и само правительство, какъ мы видѣли, не знало уже, къ кому обращаться въ своихъ надобностяхъ: къ старшинѣ ли de jure, находившейся въ городахъ, или къ старшинѣ de facto, образовавшейся, мимо его воли, за Порогами. До насъ не дошли подробности о томъ, какъ именно достигалъ Конашевичъ-Сагайдачный утвержденія своей власти надъ реестровыми козаками, остававшимися послушными короннымъ гетманамъ. Весьма быть можетъ, что дѣйствія Павлюка были только повтореніемъ дѣйствій его знаменитаго прототипа. Какъ бы то ни было, но, пріобрѣвъ громкую извѣстность побѣдами надъ *Кровавымъ Мечомъ* Кантемиромъ, Павлюкъ во всѣхъ недовольныхъ панскимъ правительствомъ пробудилъ надежды на возвращеніе временъ Сагайдачнаго. Всѣ были увѣрены, что онъ откроетъ цѣлый рядъ морскихъ походовъ въ Турцію, по примѣру Конашевича, а Турція въ то время была охраняема съ моря плохо; судоходство ея состояло большею частію изъ греблыхъ галеръ, называвшихся каторгами, потому что гребцами на нихъ были невольники-каторжники. Эти невольники жаждали встрѣчи съ козацкими чайками и, во время рукопашнаго боя, служили для козаковъ готовою засадою противъ ту-

рокъ. Стоило только чайкамъ ухватиться крючьями за каторгу—и побѣда несомнѣнно была на сторонѣ козаковъ, тѣмъ болѣе, что, по отзыву турецкихъ лѣтописцевъ, не было въ мирѣ народа, болѣе равнодушнаго къ смерти, какъ козаки[3]). Поэтому идти въ морской походъ значило идти за добычею, которая вознаграждала украинцевъ за все, что они теряли дома отъ жадности старостъ, державцевъ и ихъ арендаторовъ-жидовъ. Къ Павлюку сходились отчаянные люди со всей Украины и большею частію тѣ, у которыхъ не было никакой собственности, которые перебивались работами въ винокурняхъ, броваpняхъ (гдѣ варилось пиво), будахъ (гдѣ выдѣлывался поташъ) и тому подобныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. При тогдашнемъ устройствѣ или лучше сказать неустройствѣ польскихъ провинцій, такого народу было множество, и общее имя этому народу, на языкѣ пановъ и даже законодательства, было—swawola (вольница). Эта *сваволя* служила готовымъ матеріаломъ для всякаго отважнаго предпріятія въ родѣ возстаній Косинскаго и Наливайки; собственно говоря, ей было мало дѣла до идеи возстанія: она имѣла въ виду одну добычу, и кто умѣлъ питать ее поживами и надеждами на новыя поживы, тотъ могъ достигнуть какой угодно цѣли. Поэтому-то панско-козацкія войны такъ быстро загарались и такъ загадочно для насъ погасали. Все зависѣло отъ того, есть, или нѣтъ пищи для *пожара*, какъ справедливо называли эти войны паны въ своихъ бумагахъ. Въ настоящій моментъ бездомную сваволю гнала изъ Украины на Низъ не одна жажда поживы. 1637 годъ былъ годъ голодный. Работы въ винокурняхъ, броварахъ и будахъ во многихъ мѣстахъ прекратились. Голышамъ дѣваться было некуда, и они, взявъ на плеча кій, за неимѣніемъ другаго оружія, тянулись, мановцáми и татарскими шляхами, (то есть безлюдными и беззаставными пустынями) на Запорожье, откуда—выражаясь словами народной пѣсни—разливалась козацкая слава по всей Украинѣ. Ихъ набралось такое множество въ низовьяхъ Днѣпра, вокругъ Павлюкова коша, расположеннаго противъ Микитина Рога, что предводитель завзятой украинской партіи не зналъ, что́ съ ними дѣлать, и хотѣлъ было, какъ говорятъ поляки, прогонять ихъ обратно въ

[3]) *Collectanea z Dziejopisów Tureckich*, przez Sienkowskiego I, 181: „Śmiało powiedzieć można, iż zuchwalszego narodu od Kozaków, mniéj dbającego o życie mniéj czującego wstrętu do śmierci, na ziemi znaleść niepodobna". (Слова турецкаго лѣтописца, переведенныя Сенковскимъ).

Украину, выбравъ изъ нихъ только людей, хорошо вооруженныхъ, но всеобщій бунтъ въ его войскѣ заставилъ его терпѣть вокругъ себя дармоѣдовъ. Дороговизна, отъ которой страдало коронное войско, собранное на Днѣстрѣ для наблюденія за Турками, чувствовалось и здѣсь. Бочка муки продавалась по 70 копъ[4]); а между тѣмъ противники Павлюка хлопотали, чтобы украинскія власти пріостановили торговлю съѣстными припасами между Украиной и Запорожьемъ. Положеніе его становилось затруднительнымъ. Отправиться со всѣми своими силами въ морской походъ значило бы оставить у себя въ тылу партію умѣренныхъ козаковъ, которую паны окончателтно перетянутъ на свою сторону угрозами и посулами и заставятъ ее смотрѣть на завзятыхъ, какъ на измѣнниковъ и враговъ отечества. Тогда некому будетъ охранять ни семействъ, ни имущества павлюковцевъ, на которыя шляхта не смѣла покамѣсть насѣдать ни открытою силою, ни посредствомъ *кадуковаго права*[5]). Умѣренная партія, разрозненная съ завзятыми, легко будетъ приведена къ реестровому числу шести или семи тысячь, а когда между козацкихъ владѣній врѣжется шляхта съ помощью своихъ кадуковъ, *баницій*[6]) и конфинскацій, тогда украинская республика сама собой уничтожится: на ея мѣстѣ территорія шляхетская, которая станетъ разростаться на счетъ земель козацкихъ, какъ это было уже сдѣлано по ту сторону Канева, Корсуня и Бѣлой Церкви, пока козацкія поселенія превратятся только въ оазисы, свободныя отъ панской юрисдикціи, а наконецъ и совсѣмъ изчезнутъ. Вотъ почему Павлюкъ не могъ рѣшиться на то, чего отъ него ожидала эгоистическая чернь и чего боялась по-своему эгоистическая шляхта. Товарищъ славнаго морскими походами Сулимы, онъ, безъ сомнѣнія, направлялъ на Турцію небольшія флотиліи чаекъ, хотя и показывалъ видъ, какъ-будто онѣ ходили въ море мимо его воли. Это было ему нужно и для того, чтобы держать коронное войско въ опасеніи войны съ раздражаемою козаками Турціею, и для того, чтобы добывать средства для прокормленія своей голоты. Между тѣмъ главная забота его состояла

---

[4]) Въ *бочкѣ* заключалось 4 корца. *Копа*—60 грошей.

[5]) *Кадукомъ* называлось имѣніе, остававшееся безъ наслѣдниковъ. Получивъ изъ королевской канцеляріи кадуковое право на козацкую собственность, шляхта захватывала ее въ свои руки безвозвратно. См. гл. III.

[6]) Изгнаній. Быть осужденнымъ на баницію значило лишиться правъ собственности и состоянія, быть внѣ закона.

въ томъ, чтобы перезвать къ себѣ изъ Украины реестровыхъ козаковъ, принадлежавшихъ къ умѣренной партіи. Тогда бы онъ былъ избранъ гетманомъ отъ лица всѣхъ представителей украинской республики и могъ въ турецкой войнѣ разыграть съ панской республикой ту самую роль, какую разыгралъ съ нею Конашевичъ-Сагайдачный въ войнѣ московской. Созвавъ раду, въ своемъ кошу, Павлюкъ предложилъ ей отправить къ реестровымъ козакамъ торжественное посольство съ увѣщаніемъ не разъединяться съ выписчиками. На радѣ старшина «упросила» двухъ вліятельнѣйшихъ товарищей: Корнія Куджу и Ивана Стефановича, отправиться къ гетману Томиленку и уладить съ нимъ общее козацкое дѣло. Посламъ врученъ былъ «листъ слѣдующаго содержанія[7]).

Изволите вы писать къ намъ, своимъ товарищамъ, о войсковыхъ клейнотахъ, тоесть объ арматѣ, которую мы къ себѣ забрали. Это мы сдѣлали потому, что, по возвращеніи съ войскомъ Запорожскимъ изъ ханской службы, увидѣли между козаками большіе непорядки и услышали объ униженіи войсковой нашей арматы, что ужъ ей нѣтъ мѣста въ украинскихъ волостяхъ. Огорченные этимъ до глубины души, принуждены мы были выдти изъ Запорожья и, по милости Божіей, овладѣли арматою не причинивъ ни малѣйшей обиды ни товарищамъ нашимъ, ни панамъ королевскимъ урядникамъ. Нигдѣ никого не заставили мы жаловаться на насъ. Мы взяли войсковые скарбы и клейноты, какъ свою собственность, и теперь, благодаря Бога и его святой милости, поставили ее на обычномъ ея мѣстѣ, откуда она и явилась во времена славной памяти старинныхъ предковъ нашихъ, добрыхъ молодцовъ войска его королевской милости запорожскаго, которые наши предки, добрые молодцы старинные, становились за нее грудью и проливали кровь свою на разныхъ услугахъ королямъ, нашимъ милостивымъ панамъ, и всей Рѣчи-посполитой. Выходя изъ Запорожья на эти услуги съ арматою, во славу королей, нашихъ милостивыхъ пановъ, они добывали, подъ ихъ предводительствомъ, славы Запорожскому войску и утверждали въ немъ по-

---

[7]) Этотъ *листъ* писанъ по-польски, и до-того не складно, что подстрочный переводъ его затруднилъ бы читателей множествомъ темныхъ и двусмысленныхъ мѣстъ. Поэтому я разбилъ его на свои періоды и, переводя съ возможною точностію, сообщилъ ему литературную отчетливость. Тоже самое сдѣлано мною и съ другими актами, приводимыми въ текстѣ.

рядокъ. Никогда они не стояли постоемъ въ волостяхъ и не причиняли никакой несправедливости подданнымъ его королевской милости. Точно такъ поступали они, бывая и въ шляхетскихъ имѣніяхъ на королевской службѣ. Получивъ заслуженное кровью жалованье, они обыкновенно становили армату на Запорожьѣ. Такъ было заведено у нашихъ предковъ, и все шло хорошо. Никто тогда не жаловался на насъ ни королю, ни украинскимъ властямъ. Есть и теперь еще много старинныхъ добрыхъ молодцовъ въ запорожскомъ войскѣ, которые помнятъ эти порядки. Но нынѣ одинъ только Богъ святый знаетъ, что у насъ дѣлается. Старшіе наши — да благословитъ ихъ Богъ не сообразуются съ жизнію предковъ нашихъ и не ревнуютъ славѣ тѣхъ гетмановъ запорожскаго войска, которые постоянно находились на Запорожьѣ съ арматою и войсковыми клейнотами. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ, какъ они, затащивши на волость армату и войсковой скарбъ, не могли вытащить оттуда лошадьми пушекъ, точно медвѣдя изъ лозъ, и поставить на обычномъ мѣстѣ, гдѣ и лошадей не нужно. Одинъ Богъ милосердый знаетъ, что̀ это значитъ. Видно, армата наша отяжелѣла и, по причинѣ своей великой тягости, не имѣла и мѣста на волости. Поставило было войско армату въ Корсунѣ, но паны жолнеры прогоняли ее оттуда, а о Кіевѣ и Бѣлой Церкви нечего и думать, хотя оттуда бывало получаетъ армата содержаніе. Неужели вы позабыли постановленіе Круковской коммиссіи, что по сю сторону Кіева и Бѣлой Церкви паны жолнеры не должны ступить и ногой? Значитъ, нарушили они свою присягу и отдали на содержаніе нашей войсковой арматы только Черкасы, Чигиринъ и Крыловъ, гдѣ ужъ и людей такихъ нѣтъ, съ которыхъ можно было бы содержать армату. Но и оттуда прогнали ее паны урядники. Не гнѣвайтесь на насъ за то, что мы взяли армату и поставили на обычномъ ея мѣстѣ. Сами согласитесь, что когда армата находилась на волости, то часто бывали у васъ и *выписы*, за то, что паны урядники, при нашей невинности, обвиняли насъ передъ королемъ, паномъ нашимъ милостивымъ. За то перестали насъ уважать, повыгоняли изъ шляхетскихъ имѣній, грабили нашихъ заслуженныхъ товарищей и подвернули ихъ подъ свои права, и вдовъ также ограбили. А почему все это сдѣлалось? Потому, что наши старшіе брали частыя и несносныя *стаціи* на волости въ шляхетскихъ имѣніяхъ и обращали ихъ въ свою корысть. По этой причинѣ наши товарищи были прогнаны изъ шляхетскихъ владѣній и имущество ихъ ограблено; ибо паны

урядники, лишь только кто провинится, хотя бы и не товарищъ нашъ, тотчасъ обвиняютъ все наше войско передъ паномъ коронnымъ гетманомъ, а панъ коронный гетманъ — передъ его королевскою милостію. Отсюда — на войско безвинное порицаніе, отсюда—ссоры и гнѣвъ короля, пана нашего милостиваго, а потому и заслуженное жалованье не доходитъ до нашего войска. Было бы для насъ полезнѣе, когда бы мы составляли одну компанію, одно войско и имѣли одного старшаго, а не двоихъ. Тогда бы мы жили всѣ вмѣстѣ при войсковомъ скарбѣ, стояли братъ за брата, въ боязни Божіей, въ добродѣтели и вѣрѣ, уважая одинъ другаго, какъ жили наши предки. Тогда бы мы не радовали своихъ вряговъ и попирали бы ихъ ногами. Напрасно вы убѣждаете насъ воротиться къ вамъ съ арматою, угрожая намъ панами жолнерами. Какъ мертвый не встаетъ уже изъ гроба, такъ и мы о томъ не думаемъ. Лучше вы обратитесь къ намъ съ добрыми чувствами и прибывайте сюда всѣ единодушно и охотно съ остальными войсковыми клейнотами. Будемъ жить всѣ вмѣстѣ при войсковомъ скарбѣ, и, ей Богу, все пойдетъ хорошо въ Запорожскомъ войскѣ, при счастливомъ царствованіи его королевской милости, пана нашего милостиваго, и всей Рѣчи-посполитой. А когда понадобится королю войско, то можетъ онъ найти насъ и здѣсь и прикажетъ намъ ласковымъ своимъ писаніемъ, чтобы мы шли противъ его непріятеля. Тогда во всемъ намъ будетъ лучше. Мы будемъ выходить въ походъ изъ обычныхъ своихъ мѣстъ, какъ хаживали наши предки изъ Запорожья на службу его королевской милости. Авось-либо и мы войдемъ къ нему въ ласку. Полемъ ли, или моремъ прикажетъ онъ намъ идти,—мы всегда будемъ готовы. А если-бы наша земля находилась въ мирномъ состояніи и намъ бы не велѣно было ходить ни на море, ни на поле, тогда мы, живя сдѣсь всѣ единодушно при войсковомъ скарбѣ, будемъ наблюдать, чтобъ никто этого не дѣлалъ. Ибо изъ города того и смотри—вырвется какой-нибудь ватажка [8]) на море или на поле, а все войско подвергается за то безславію и гнѣву его королевской милости, и оттого возгорается огонь междоусобія. Вы пишете къ намъ, что этотъ огонь возгарается по нашей винѣ; но мы въ томъ вовсе не виноваты. Соединимся же въ одну компанію и погасимъ его. Вмѣстѣ съ этимъ мы посылаемъ пословъ и къ его королевской милости съ объясненіемъ, что арматѣ отказано въ помѣщеніи на волости, но что

[8]) Атаманъ, предводитель ватаги. Иначе—*ватажо́къ*.

если-бы кто вздумалъ искать на войскѣ причиненныя ему обиды, то пусть этого не дѣлаетъ: войско присягнуло жить побратски и больше о томъ не вспоминать. Впрочемъ, если-бы вы, сохрани Богъ, оказались нашими врагами и, въ одной компаніи съ панами жолнерами, поднялись на наше имущество, на нашихъ женъ и дѣтей, то навѣрное прежде достанется отъ насъ вашимъ женамъ, дѣтямъ и имуществамъ; чего мы, ваши товарищи, какъ себѣ, такъ и вамъ не желаемъ, ибо ваша родная земля такъ же мила намъ, какъ и вамъ, только вы не хотите къ намъ прихилиться и жить съ нами въ добромъ согласіи. Слышали мы, что ваша милость, пане гетмане, хотѣлъ идти на Запорожье, только ваши совѣтники васъ не пустили, а именно премудрый писарь панъ Онушкевичъ. Былъ уже у насъ въ войскѣ такой мудрый писарь Волкъ, который войско сбивалъ съ добраго пути и самъ измѣнилъ. Такъ будетъ и съ этимъ мудрымъ писаремъ, что умѣетъ только туманить войско. Дай же Боже увидѣть васъ здѣсь на Запорожьѣ съ остальными клейнотами.»

Листъ этотъ написанъ такимъ образомъ, чтобы его могло читать шляхетское правительство и возъимѣть о козакахъ-выписчикахъ выгодное понятіе, какъ о людяхъ, уважающихъ основанія, на которыхъ стоитъ Рѣчь-посполитая и добивающихся только возстановленія старыхъ козацкихъ порядковъ, нарушенныхъ самоуправствомъ старшинъ, и старыхъ козацкихъ правъ, потерянныхъ по ихъ винѣ. Запорожскіе послы, конечно, получили словесный наказъ внушить реестровымъ козакамъ то, чего въ листѣ не было сказано. Для насъ въ этомъ документѣ всего интереснѣе взглядъ Павлюка и его завзятой партіи на королевскую власть, осуществляемую коронными гетманами. При всемъ уваженіи къ этой власти, козаки-выписчики считали себя въ-правѣ сопротивляться жолнерамъ и реестровымъ козакамъ, которые могли противъ нихъ дѣйствовать не иначе, какъ отъ имени короннаго гетмана. Это значитъ, что въ польскомъ государствѣ иначе стояли вещи de jure, и иначе — de facto. Собственно говоря, единственное право, которымъ держались въ Польшѣ провинціи, сословія, городскія общины и всѣ корпораціи, было право сильнаго. Этому праву подчинялся каждый съ невольнымъ уваженіемъ. Желѣзные доводы (żelazne racye) такъ долго прилагались въ этомъ странномъ государствѣ къ рѣшенію всевозможныхъ споровъ и недоразумѣній, что по нимъ образовалась уже и логика народная. Сознавая за собой силу, партія Павлюка выросла не только въ собственномъ мнѣніи,

но и во мнѣніи другихъ. Вотъ почему сквозь почтительный и покорный тонъ Павлюкова листа пробивается насмѣшливость, а подъ конецъ — и прямая угроза. Онъ хорошо зналъ тѣхъ, кому о томъ надлежало вѣдать. Онъ понималъ, что перевѣсъ общественнаго мнѣнія склоняется на его сторону. Не даромъ королевскіе коммиссары употребляли всѣ средства, чтобъ отклонить козаковъ отъ выхода на Запорожье. Тамъ козаки дѣлались сильными уже одною возможностію предъявлять правительству свои требованія и опровергать условія, заключенныя съ ними на Украинѣ посредствомъ извѣстной политики со стороны шляхетекихъ уполномоченныхъ, подъ грозой короннаго войска. То и другое мы видимъ уже и въ листѣ Павлюка, хотя онъ и не сказалъ еще въ этомъ документѣ своего послѣдняго слова. Онъ былъ еще предводителемъ только выписчиковъ и сравнительно небольшаго числа реестровыхъ козаковъ, которыхъ называетъ старинными и которыхъ имущества и семейства не были еще обезпечены отъ грабежа и разоренія. Онъ хлопоталъ покамѣсть только о томъ, чтобы надъ козаками былъ одинъ старшій, вмѣсто двухъ, а этимъ однимъ подразумѣвалъ онъ не кого другаго, какъ самого себя. Но его отзывъ о Круковскомъ договорѣ многозначителенъ. Лично онъ не могъ не знать его сущности, но ему нужно было, чтобы выраженное имъ понятіе перешло въ массу, которая, по всей вѣроятности, добивалась именно того, чтобы по сю сторону Кіева и Бѣлой Церкви жолнеры не смѣли ступить и ногою. Очень искусно представляетъ онъ нарушеніемъ договора то, что составляло его сущность. Противорѣча письменному акту, онъ косвенно нападаетъ на тѣ мѣры, съ помощію которыхъ этотъ актъ былъ утвержденъ шляхетскими и козацкими подписями. Правительство не иначе могло разувѣрить поднимаемую Павлюкомъ массу въ ошибочномъ пониманіи Круковскихъ пунктовъ, какъ *желѣзными раціями*, а въ этого рода спорѣ козаки могли одержать верхъ надъ королевскими дипломатами. Между тѣмъ у козаковъ былъ благовидный предлогъ къ борьбѣ съ жолнерами и тѣми козаками, которые будутъ повиноваться распоряженіямъ короннаго гетмана. Они — вѣрные слуги его королевской милости, но, какъ люди заслуженные, не могутъ сносить ни отъ кого изъ прочихъ королевскихъ слугъ нарушенія своихъ правъ. Такой смыслъ придавалъ Павлюкъ своему предпріятію, желая окончательно склонить на свою сторону общественное мнѣніе, противъ котораго не дѣйствовалъ ни одинъ демагогъ, какъ бы онъ ни казался безпутнымъ въ глазахъ государственниковъ.

Приведенное нами посланіе къ реестровымъ козакамъ писано было 6-го іюня. По поводу его реестровые козаки 23-го іюня имѣли въ Каневѣ раду, а черезъ три дня бѣлоцерковскій подстаростій имѣлъ уже копію съ Павлюкова листа и зналъ обо всемъ, что было говорено въ Каневѣ. Бѣлоцерковское староство принадлежало, вмѣстѣ съ другими староствами, рускому воеводѣ. Въ качествѣ его намѣстника пана старосты, подстаростій препроводилъ ему упомянутую копію и доносилъ, между прочимъ, что каневская рада отвѣчала запорожскимъ посламъ такъ: „Безъ воли короля его милости и *совѣта* его милости пана коронняго гетмана (Конецпольскаго) ничего дѣлать не станемъ. Послали мы къ нему своихъ пословъ, по полученіи отъ него отвѣта, будемъ имѣть полную раду и, что на ней постановимъ, о томъ васъ увѣдомимъ". Но— прибавляетъ отъ себя бѣлоцерковскій подстаростій—на то, чтобы идти къ нимъ на Запорожье, большая часть войска и самъ гетманъ Томиленко охотно соглашаются. Въ самомъ дѣлѣ Томиленко еще до созванія въ Каневѣ рады, разослалъ ко всѣмъ полковникамъ универсалъ, чтобы козаки готовились выступить поголовно въ походъ и, по первому требованію, собрались на томъ мѣстѣ, которое онъ назначитъ.

„Собралъ войско на войну, а войны не было, замѣчаетъ современный авторъ записокъ о Павлюкѣ и Остряницѣ [9]). Значитъ, готовился онъ не противъ Павлюка, а вмѣстѣ съ Павлюкомъ противъ коронныхъ пановъ".

Когда вѣсть обо всемъ этомъ достигла коронныхъ гетмановъ, они находилися въ самомъ затруднительномъ положеніи. Они узнали, что Турки стелютъ черезъ Дунай два моста, чтобы переправить свои войска въ концѣ іюля съ весьма вѣроятнымъ намѣреніемъ двинуть ихъ въ Польшу. Конецпольскій послалъ къ козакамъ свой универсалъ, чтобъ они были готовы по первому извѣстію къ походу, и въ то же время разослалъ просьбы о помощи коронному войску ко всѣмъ панамъ, у которыхъ были собственные полки и роты. Что касается козаковъ, то Николай Потоцкій, въ письмѣ къ подканцлеру, отъ 13 іюля, выражалъ сомнѣніе, чтобъ они, въ извѣстныхъ уже ему обстоятельствахъ, явились на помощь къ коронному войску, которому, по его словамъ, было бы очень трудно стоять противъ Турокъ при своей малочисленности. А паны, содержавшіе собственное войско, не отозвались на призывъ корон-

---

9) Окольскій, Dyaryusz etc. 1637, стр. 11.

наго гетмана и черезъ полтора мѣсяца, глядя на государство, какъ на свободный федеративный союзъ разныхъ силъ и преслѣдуя свои ближайшіе, фамильные интересы. Да и коронное или кварцяное войско, содержавшееся на четвертую часть королевскихъ доходовъ (кварту) получило жалованье только за половину прослуженной четверти года и до того обѣднѣло при дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, что его оружіе и сбруя находились уже давно въ закладѣ у маркитантовъ. Зналъ обо всемъ этомъ Павлюкъ и дожидался, пока коронный гетманъ обратится съ просьбой о помощи къ нему, а не къ соперничающей съ нимъ козацкой партіи.

Не смотря на готовность гетмана Томиленка и большей части реестровыхъ козаковъ идти къ нему на Запорожье, между ними все еще было много вліятельныхъ людей, и они повернули дѣломъ согласно съ волею украинской шляхты. Запорожскіе послы были задержаны, и противъ Томиленка тотчасъ же началось движеніе въ пользу новаго претендента на гетманство—переяславскаго полковника Савы Кононовича.

Кононовичъ былъ выходецъ изъ великой Руси, и потому относился къ нашей Руси не покозацки. Кто въ ней господствовалъ—козацкая или панская республика—для него это было все равно, лишь бы ему лично было поприводьнѣе. Это была одна изъ многаго множества тѣхъ личностей, которыя характеризовали себя пословицею: *Поѣдемъ-ка, братцы, въ глупую сторонку густую кашицу есть.* Видя, что козаки—народъ большею частію убогій, Сава Кононовичъ старался ладить большею частію съ тѣми, которые умѣли пользоваться ихъ внутренними раздорами, ихъ простоватостію и недальновидностію, для составленія себѣ *маiонтковъ* легальнымъ и нелегальнымъ путемъ, то есть—съ шляхтою (подъ которою не всегда должно разумѣть однихъ католиковъ или поляковъ). Долго ли, нѣтъ ли, жилъ Кононовичъ между козаками, намъ не извѣстно, но, видно, ловко повернулъ онъ московскимъ умышкой, что успѣлъ обогатиться и возвыситься на степень полковника. Происходя изъ страны, въ которой тогда умѣли кланяться низко и воздавать подобающую честь всякой вещественной силѣ, онъ расположилъ въ свою пользу коронныхъ пановъ, такъ что паны удостоивали его и его подручниковъ приглашенія на свои обѣды, ужины и банкеты. За это Сава Кононовичъ платилъ имъ услугами, которыя сдѣлали его предметомъ похвалъ между шляхтой и глубокой ненависти между завзятыми козаками. Опираясь на партію такъ называемыхъ благоразумныхъ

людей, онъ хваталъ опасныхъ для правительства козацкихъ ватажковъ и предавалъ ихъ въ руки правосудія, то есть лишалъ возможности оправдываться покозацки—или бѣгствомъ на Запорожье, или присоединеніемь дома къ смѣлой массѣ, которая не поддавалась панской юрисдикціи. Мы уже знаемъ, какъ паны, владѣвшіе въ Украинѣ староствами, пользовались правомъ сильнаго, правомъ, господствовавшимъ надъ всѣмъ въ безпорядочной рѣчи посполитой. Они умѣли не только овладѣвать козацкою территоріею, но присвоивать себѣ и верховный судъ надъ членами козацко-украинской республики. Для острастки другимъ, они карали пойманыхъ Савою Кононовичемъ ватажковъ безъ всякой пощады: однихъ казнили смертью, другихъ, съ обрѣзанными ушами, отправляли въ Гадячъ, пограничную отъ Московіи крѣпость, на земляныя работы[10]). До сихъ поръ Сава Кононовичъ былъ силенъ только на лѣвой сторонѣ Днѣпра; теперъ къ нему присоединился войсковой писарь Ѳедоръ Онушкевичъ, которому Павлюкъ погрозилъ изъ Запорожья участію его предшественника Волка. Такъ какъ Томиленко выразилъ готовность соединиться съ Павлюкомъ, то они общими усиліями вооружили противъ него умѣренную козацкую партію. Томиленко и прежде готовъ былъ отказываться отъ гетманства, не желая брать на себя отвѣтственности за то, что̀ выйдетъ изъ похода на Запорожье. Поэтому весьма естественно предположить, что онъ охотно передалъ булаву тому, кто вызывался повернуть козаковъ въ другую сторону. Собралась рада на Росавѣ. Сава Кононовичъ, провозглашенный гетманомъ, не смотря на множество противодѣйствовавшихъ ему козаковъ, отписалъ въ запорожскій кошъ презрительно, называя тамошнихъ козаковъ недостойными товарищества съ вѣрными слугами короля и Рѣчи посполитой и угрожая имъ жолнерами, которые помогутъ вѣрнымъ сынамъ отечества, реестровымъ козакамъ, обуздать мятежниковъ. О приглашеніи къ войнѣ съ турками со стороны короннаго гетмана онъ умолчалъ. Сообщить объ этомъ призывѣ Павлюку и вызвать его изъ Запорожья съ арматою значило бы почти тоже, что предоставить ему старшинство надъ войскомъ, такъ какъ Сава Кононовичъ былъ выбранъ сравнительно малочисленною партіею, а у Павлюка было выписчиковъ вдвое больше всѣхъ реестровыхъ козаковъ, не говоря уже о недавно окозачившейся голотѣ. Чтобы придать себѣ грозный видъ, новый гетманъ

---

[10]) *Dyaryusz* etc. Szymona Okolskiego, 12.

забралъ изъ Трехтимирова пушки, которыя, по словамъ Павлюка, «были подарены на Божію церковь богобоязливыми козацкими предками», и, оправивъ ихъ, готовился вступить въ королевскія владѣнія для взиманія обычныхъ стацій на армату съ людей, обложенныхъ податями и повинностями.

Между тѣмъ Павлюкъ, провѣдавъ стороною, что на Украинѣ соперничающая съ нимъ партія подрываетъ общественное къ нему довѣріе, но еще не зная о выборѣ новаго гетмана, писалъ къ Томиленку, отъ 29-го іюня новое увѣщаніе, въ которомъ выразилъ, между прочимъ, удивленіе, почему такъ долго не возвращаются къ нему запорожскіе послы. «Еслибы вы, писалъ онъ, обращаясь къ гетману и всему войску, за что-нибудь на насъ гнѣвались, то не годится изливать свою месть на пословъ, ибо посолъ—все равно, что мѣшокъ: что́ въ него положимъ, то онъ и несетъ. Да сохранитъ васъ Богъ причинить имъ какое-нибудь оскорбленіе!» — Относительно вызова всѣхъ козаковъ на Запорожье съ остальными войсковыми клейнотами, онъ проводилъ въ этомъ посланіи такую мысль, что, сдѣлавъ Запорожскій кошъ главнымъ сѣдалищемъ козацкой силы, козаки заставили бы шляхетское правительство обращаться туда съ вызовомъ на войну не иначе, какъ посредствомъ почетнаго посольства, которое должно́ было бы привозить имъ королевскіе знаки и королевскую грамоту; въ мирное же время предоставлялось бы каждому на выборъ: или оставаться на Запорожьѣ при войсковыхъ клейнотахъ, или жить свободно на Украинѣ, присматривая за своимъ имуществомъ. «Тогда бы—писалъ Павлюкъ—мы, общимъ совѣтомъ отъ всего войска, отправляли къ королю своихъ пословъ съ жалобами на жолнеровъ и украинскихъ старостъ, которые нашимъ товарищамъ, козацкимъ вдовамъ и осиротѣлымъ потомкамъ заслуженныхъ людей причиняютъ великія обиды и насильно подчиняютъ ихъ своей правительственной юрисдикціи [11]). Тогда—продолжалъ онъ далѣе—жолнеры не смѣли бы того дѣлать, что теперь они дѣлаютъ какъ мы слышимъ, съ нашими товарищами, въ Корсунѣ и Стебловѣ. Униженно просимъ васъ, не поддавайте заслуженныхъ товарищей и козацкихъ вдовъ подъ *претѐкстъ* [12]) старостъ и жолнеровъ. Пусть они на насъ не пла-

---

[11]) Подлинныя слова документа: Pod swoję iurisdictią urzędową siło mocnie ich przyciągają.

[12]) Мы сохранили въ переводѣ слово praetext, характеризующее способъ завладѣнія козацкими имуществами и обращенія козаковъ въ

чутся. Недопускайте также разорять имущества и тѣхъ товарищей, которые находятся на кошу при войсковыхъ клейнотахъ.

На это-то посланіе отвѣчала партія новаго гетмана ругательствами, а самый документъ отправила къ коронному гетману съ собственными послами, которыхъ имена были: Левко Ивановичъ и Гаврило Кулешенко. Этимъ посламъ наказано было объяснить подробно коронному гетману: что Павлюкъ разослалъ уже изъ Запорожья свои универсалы, которыми освобождалъ изъ-подъ шляхетсккой юрисдикціи каждаго, кто бы ни объявилъ себя козакомъ, независимо отъ реестровъ; что онъ изобрѣлъ себѣ какую-то печать; что бывшій гетманъ Томиленко оказался человѣкомъ двоедушнымъ, и что, въ предупрежденіе вреднаго предпріятія, на которое онъ рѣшался, вѣрные козаки нашлись вынужденными немедленно избрать новаго гетмана.

Достойно замѣчанія, что и умѣренная партія, при всей своей покорности волѣ правительства, не считала нужнымъ ни извиняться въ нарушеніи главнаго пункта Круковскаго договора, ни испрашивать у короннаго гетмана и короля подтвержденія Савы Кононовича на гетманствѣ. Такъ глубоко лежало въ основаніи козачества избирательное начало или начало самоуправленія, противъ котораго воевала деспотически-либеральная шляхта. Оно ослабѣло въ козакахъ только тогда, когда они перестали сознавать себя козаками, то есть людьми свободными.

П. Кулишъ.

(Окончаніе IV-й главы въ слѣдующей книжкѣ).

обыкновенныхъ посполитыхъ, подчиненныхъ шляхетской юрисдикціи. Достаточно было для шляхты *предлога*, чтобъ облечь свои дѣйствія въ форму *права*, устанавливаемаго шляхтою же, и только одною шляхтою.

ХАРАКТЕРЪ

ЦЕРКОВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РУСИ ПРЕДЪ БРЕСТСКОЮ УНІЕЮ.

(*Продолженіе*).

Изъ предъидущей исторіи мы замѣчали какъ разнообразилось состояніе церковной іерархіи въ различное время, видѣли также отчасти, на сколько эти пастыри воспользовались глубокою довѣренностію къ нему народа и какъ они употребляли свою власть для религіознаго просвѣщенія и нравственнаго возвышенія народа. Съ точки безпристрастнаго историческаго изслѣдованія, мы не можемъ быть слишкомъ строги въ своихъ приговорахъ такимъ людямъ, какихъ мы уже видѣли: Лазовскіе, Красенскіе, Збируйскіе и подобные имъ, и съ какими еще встрѣтимся: Онисифоръ Дѣвочка, Поцѣй и другіе. Извѣстно, что вліяніе вѣка и современныхъ обстоятельствъ бываетъ чрезвычайно сильно, особенно на натуры слабыя, мелко-эгоистическія и неразвитыя, которыя не въ состояніи подняться выше того уровня, въ которомъ они поставлены, на толкнувшемъ ихъ случаѣ жизни. Иначе долженъ былъ отнестись къ нимъ народъ, судъ котораго былъ также безпрепятственъ: боль, причиненная ему разочарованіемъ, была тяжела и рана, нанесенная своими родными и близкими была глубока. Народъ всегда и вездѣ дорого расплачивается, когда пастыри церкви оказываются несостоятельными въ дѣлѣ великаго служенія церкви, и когда они забываются и погружаются въ нравственную спячку, народъ никогда не оставитъ этого незамѣченнымъ. Такъ должно быть и теперь. Пастыри не воспользовались, данною имъ народомъ властію въ церковномъ управленіи, должна же была перейти эта власть послѣ этого или опять къ народу, который ее далъ имъ, или къ кому-нибудь другому. Высшіе іерархи

церкви, какъ совершенно уже разобщившіеся съ жизнію народною и преданіями святой отеческой старины, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе народа. Ихъ безнравственная жизнь, управленіе церковью, начинавшее теперь принимать уже характеръ деспотизма въ отношеніи къ пасомымъ, въ которомъ не видно было никакой пастырской любви,—все это глубоко оскорбляетъ народную гордость. Своимъ невниманіемъ и равнодушіемъ къ интересамъ церкви, а иногда и живымъ участіемъ въ злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ польскаго правительства противъ православной церкви, они какъ-бы зло посмѣивались надъ всѣмъ, что такъ было священно и дорого для народа.

Галицко-русское дворянство и патроны первые поднимаютъ свой голосъ и открыто указываютъ на современные недостатки церкви и ея пастырей, потому-что они одни только имѣли теперь право голоса, узаконенною варшавскою конфедераціею[1]). Кромѣ того, галицкое дворянство, больше другихъ испытывавшее на себѣ вліяніе религіознаго католическаго фанатизма, старалось утверждать за собою, на различныхъ сеймахъ, гораздо больше власти и правъ, въ силу еще древнихъ узаконеній князей русскихъ, чѣмъ дворянство Литвы и кіевскаго воеводства. Такъ Константинъ Острожскій въ 1511 году получилъ титло верховнаго охранителя и попечителя всѣхъ церквей[2]), какъ награду за свои подвиги, оказанные Польшѣ на ратномъ полѣ. Какъ сильный вельможа, его голосъ, въ защиту православной церкви, имѣлъ много значенія на сеймахъ. Кромѣ того, его вліяніе и благочестивый примѣръ приверженности къ церкви и православію, много способствовалъ къ объединенію всего галицкаго дворянства и соединенію его теперь въ одно цѣлое на защиту церкви. И вотъ, когда католичество такъ нагло начало поднимать теперь свою свято-таинственную руку на неприкосновенность ихъ святыни и вѣры, они прямо и рѣшительно обратились съ упрекомъ, послѣ варшавскаго сейма, къ своему первосвятителю. Въ 1585 году они прислали съ этого сейма весьма любопытную, во всѣхъ отношеніяхъ, грамоту, кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ. Считаемъ не лишнимъ привесть цѣликомъ эту грамоту галицко-русскихъ православныхъ дворянъ, которые высказываютъ впрочемъ свои замѣчанія сво-

[1]) Здѣсь сказано было, чтобы они въ церквахъ, находящихся въ ихъ имѣніяхъ, не позволяли никакихъ перемѣнъ въ религіи и смотрѣли бы за порядкомъ церковнымъ. (Арх. югозап. Рос. Т. I. стр. 535).

[2]) А. З. Р. Т. II, N 65.

ему верховному іерарху не сами только отъ себя, но вмѣстѣ и отъ всего посполитства. Въ этой грамотѣ мы въ первый разъ слышимъ голосъ всего народа, принявшаго на себя великое дѣло исправленія церковныхъ недостатковъ, здѣсь же мы увидимъ и полную картину современнаго состоянія церкви: «Великому не-«счастію своему, говорятъ они, приписать должны мы то, что «во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, пла-«чемъ и скитаемся, какъ овцы пастыря не имущія. Хотя вашу «милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость не «заботился о томъ, чтобы словесныхъ овецъ своихъ отъ губи-«тельныхъ волковъ оборонять и нисколько не заботимся о благо-«честіи. Съ жалобою на великія несправедливости намъ сдѣ-«лаемыя, мы съѣхались въ Варшаву, на вольный сеймъ, въ силу «вашего обѣщанія, вмѣстѣ съ вами, какъ пастыремъ своимъ «господарю королю бить челомъ, чтобы охранялись права и «вольности закона нашего греческаго и церкви Божіей. Но «ваша милость не хочешь исполнять своихъ обязанностей, не «хочешь быть ревностнымъ и старательнымъ при такихъ вели-«кихъ бѣдахъ, больше которыхъ никогда не было и впредь не «будетъ. Во время пастырской вашей милости довольно всего «злаго въ законѣ нашемъ сталось: насилія святыни, замыканіе «св. таинъ, запечатаніе св. церквей, запрещеніе звонить, вы-«волакиваніе отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ и какъ «будто-бы злодѣевъ сажаютъ ихъ въ тюрмы, а мірскимъ лю-«дямъ запрещаютъ въ церквахъ Божіихъ молиться: такихъ на-«силій пе дѣлается и подъ поганскими царями, и все это дѣ-«лается въ пастырствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ «кресты святые, захватываютъ колокола въ замокъ, отдаютъ «ихъ въ распоряженіе жидамъ и еще ваша милость листы свои «открытые противъ церкви Божіей жидамъ на помогу даешъ «къ ихъ утѣшенію, а къ большему униженію нашего закона «греческаго и къ жалю нашему... Изъ церквей дѣлаются ко-«стелы іезуитскіе, имѣнія церкви Божіей данныя, теперь къ ко-«стеламъ привергнуты. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игу-«меновъ и братіи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церк-«вами святыми владѣютъ; изъ большихъ крестовъ маленькія «дѣлаютъ, что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того «святотатство сдѣлано: изъ вещей церковныхъ дѣлаютъ себѣ «пояса, ложки, сосуды, изъ ризъ саяны, изъ епитрахилей брамы. «Но что еще хуже, — ваша милость поставляешъ однѣхъ епи-«скоповъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братіи своей, что и пра-«вила запрещаютъ, вслѣдствіи чего негодные люди становятся

«епископами и на столицахъ съ жонами своими живутъ безъ «всякаго стыда и дѣтокъ плодятъ..... И другихъ, и другихъ, и «другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множество!... Наставилось епископовъ много, на одну эпархію по два: отъ того «порядокъ згибъ. Мы по обязанности своей вашу милость остерегаемъ, молимъ и просимъ: Бога ради, вспомни святыхъ пред«шественниковъ своихъ, архіепископовъ кіевскихъ и возревнуй «благочестію ихъ, а на насъ не прогнѣвайся,— есмо братія ва«шой милости: жаль намъ души и совѣсти вашей: за все от«вѣтъ вы должны Господу Богу отдать[1]).»

Но этотъ упрекъ, высказанный представителями народа своему высшему іерарху, съ такою горечью и болью сердца, былъ не больше какъ домашній, дружескій и братскій совѣтъ. Несмотря на такія вопіющія несправедливости своего верховнаго іерарха по отношенію къ ихъ церкви, они не хотять дѣлать гласнымъ и открытымъ своего обличенія и выставлять всѣмъ на показъ, почти начинавшаго уже разлагаться церковнаго организма іерархической власти. Но во всякомъ случаѣ, если народъ уже разъ заговорилъ объ интересахъ близкихъ его сердцу, если въ его душѣ разъ возникло ясное, глубокое и разумное сознаніе новыхъ требованій и недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ; то уже ничто и никто не заставитъ его молчать больше, если только при этомъ, съ одной стороны будетъ дана ему полная свобода высказываться смѣло и свободно, а съ другой—если къ прежнимъ сильнымъ толчкамъ будутъ присоединяться еще новые болѣе сильнѣйшіе. Такъ было и здѣсь на югозападѣ Руси, во второй половинѣ XVI в. Дворянство, своимъ заявленіемъ великихъ нуждъ церкви отъ всего посполитства, какъ бы подало только сигналъ. Вслѣдъ за дворянствомъ выступаетъ въ Галицкой Руси и народъ, но съ болѣе сильнымъ и могучимъ голосомъ и съ совершенно другимъ характеромъ отношеній къ своей церкви, чѣмъ было до сего времени.

Лучшіе мѣщане городовъ еще прежде составляли извѣстныя общины при храмахъ и ихъ обязанностію было смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ церквахъ Божіихъ все было благообразно и по чину. Не отдѣляя себя отъ церкви и ея нуждъ, они взяли на себя, при помощи различныхъ доброхотныхъ подаяній, покрывать церковные расходы и исполнять часть тѣхъ службъ, которыя лежали, въ это время, на попеченіи всѣхъ

---

[1]) Арх. З. Р. Т. III. N 146.

членовъ церкви; какъ-то: починки и украшенія храмовъ, содержаніе слугъ и священниковъ церкви, госпиталь и попеченія о бѣдныхъ. Всѣ эти дѣла христіанской благотворительности подлежали непосредственному вѣденію церкви, какъ это было на востокѣ, и ихъ-то взяло на себя, въ югозападной церкви, общество, извѣстное подъ именемъ братства; подъ руководствомъ пастырей церкви. Такое общество при православныхъ храмахъ, на югозападѣ Руси, служило болѣе или менѣе звѣномъ, связующимъ и остальныхъ членовъ церкви въ одно цѣлое. Они, какъ посредствующіе представители между духовенствомъ и народомъ, ставили народъ ближе къ нуждамъ церкви и ихъ пастырей и побуждали ихъ удовлетворять этимъ нуждамъ; старались выяснить и уничтожить всякіе недоразумѣнія между народомъ и духовенствомъ, а слѣдовательно, не могло быть въ такихъ мѣстахъ, гдѣ только существовало подобное общество, того раздѣленія духовенства съ обществомъ и народомъ, какое замѣчается въ настоящее время. Общество въ это время сталкивалось съ духовенствомъ въ однихъ общихъ интересахъ и духовенство шло рядомъ съ жизнію народною, и также близко было къ его нуждамъ, какъ народъ, въ свою очередь, былъ близокъ къ нуждамъ своего духовенства: одни для другихъ нужны были въ жизни и для жизни насущной.

Само собою разумѣется, что подобное явленіе въ югозападной церкви можно объяснить не иначе, какъ только изъ примѣра первыхъ вѣковъ христіанства, гдѣ церковь брала на себя заботливость о бѣдныхъ и неимущихъ, и, эти обязанности христіанскаго милосердія, раздѣляла между своими членами. Такъ собственно было и здѣсь.

Впослѣдствіи времени, при болѣе правильномъ устройствѣ государственнаго управленія, когда промышленность и торговля стали переходить въ вѣденіе власти государственной и дѣлаться монополіею извѣстныхъ лицъ, братства стали испрашивать и себѣ у польскихъ королей извѣстныхъ привиллегій и льготъ, какъ-то: торговля медомъ въ извѣстные праздники, типографіи и проч., чтобы имѣть больше возможности достигать цѣлей христіанской благотворительности. Короли своими грамотами давали имъ привиллегіи, въ извѣстные дни праздниковъ заниматься продажею меду и деньги, выручаемыя отъ этой продажи, они должны были употреблять на нужды церкви и дѣла христіанской благотворительности [1]).

[1]) Съ этими привилейными грамотами можно встрѣчаться очень

Югозападныя братства, прежде всего, съ характеромъ однихъ только попечителей о церкви, выродились прямо изъ цеховаго городоваго устройства, а магдебурское право, съ которымъ они начали ближе знакомиться въ XV, а особенно въ началѣ XVI в., начало ихъ глубже приводить къ сознанію, насколько можетъ быть благотворна ихъ сила въ церкви, при тогдашнемъ ея положеніи среди католичества, и вообще, что они могутъ сдѣлать для благоустройства церковнаго. И, дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что мѣщане тѣхъ городовъ, которые раньше другихъ начали пользоваться магдебурскимъ правомъ (какъ наприм. Полоцкъ), они уже въ первой половинѣ XVI в. имѣли вліяніе на церковно-административныя дѣла.

Между цехами и братствами мы находимъ не малое сходство. И цехи и православныя братства составляли собою свободныя общины. Форма магдебурскаго управленія, съ теченіемъ времени, переходя въ цеховое устройство, отражалась въ тоже время и на братствахъ, которыя, вслѣдствіе этого, начали постепенно организоваться въ общину. И православныя братства весьма легко могли переносить во внутреннее устройство своего общества нѣкоторыя черты изъ устройства магдебурскихъ общинъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ сами къ нимъ принадлежали [1]. Вслѣдствіе этого вліянія на братства магдебурскаго права, они завели у себя свое внутреннее управленіе, свой судъ и расправу и свои особые уставы [2]. У братствъ были также свои особыя мѣста для собраній и совѣщаній, по дѣламъ церковнаго благочинія и внѣшняго устройства храмовъ. Получившій обиду въ братскомъ домѣ не жалуется никакому другому начальству — ни духовному, ни свѣтскому, ни земскому, ни городовому, но обязывается судиться предъ старостами и братьями въ томъ домѣ, гдѣ произошла ссора [3]. Далѣе—какъ въ цеховомъ устройствѣ ежего-

---

часто: въ Арх. З. Р. Т. III. NN 109, 131; въ собраніи древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губерніи; въ собраніи древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ и проч. и въ Архивѣ югозапад. Россіи въ 1 части. Братства на югозападѣ Руси не имѣли ничего общаго съ братчиками новгородскими и древнерусскими уже потому, что тамъ собирались пить медъ совершенно для другихъ цѣлей, чѣмъ здѣсь.

[1]) Библ. для чтенія 1843 г. LX. въ отдѣлѣ критики стр. 37 и 38.

[2]) Рус. Бесѣда 1856 г. к. IV стр. 12.

[3]) Ibid.

дно избирались извѣстные члены, такъ и въ братствѣ ежегодно избирали братчиковъ для управленія братскими дѣлами; тѣ и другія имѣли общія обязанности, какъ то: должны были снабжать свою церковь всѣмъ необходимымъ [1]), обязывались заботиться о распространеніи славы Божіей, присутствовать во дни праздниковъ при богослуженіи и находиться при погребеніи умершихъ братьевъ [2]).

Съ теченіемъ времени братская община правильно организованная и имѣвшая свои неизсякаемые доходы, дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе и становилась, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ такое отношеніе къ церкви и съ такою же силою власти, какъ и патроны церквей, даже, можно сказать, съ большею. Ихъ попеченію ввѣряются не только особыя церкви, построенные ими монастыри и дается имъ право охраненія ихъ и наблюденія надъ духовенствомъ (jus patronatus) [3]); но даже мѣстному епископу не позволялось имѣть никакого права надъ братскими монастырями. Когда въ 1551 году, львовскій епископъ, Арсеній Болабанъ, хотѣлъ присвоить себѣ духовную власть и управленіе братскимъ онуфріевскимъ монастыремъ, то монахи вмѣстѣ съ братствомъ протестовали противъ этого королю [4]). Они подлежали непосредственному вѣденію митрополита [5]). Вспомнимъ при этомъ также жалобу полоцкихъ мѣщанъ на своего архіепископа Симеона (1544 г.): здѣсь высказывается сила братства и его значеніе въ церковномъ управленіи еще съ болѣе широкимъ характеромъ, чѣмъ это мы видѣли сейчасъ въ братствѣ Львовскомъ. Ихъ власть замкнута не въ одномъ только извѣстномъ монастырѣ и не ограничивается только однимъ городомъ ихъ: они слѣдятъ за дѣятельностію своего архіепископа по всей епархіи. Полоцкіе мѣщане,

---

[1]) Собр. вил. гр. ч. II. N 4.

[2]) Собр. вил. граж. прилож. IV. стр. XLII.

[3]) А. З. Р. Т. III. N 144.

[4]) Лѣт. Льв. ст. брат. Зубрицкаго. Ж М Н. П. 1849 г. м. Апрѣль стр. 7.

[5]) Для разбирательства дѣлъ епархіальныхъ церковныхъ, епископъ имѣлъ свой капитулъ, который составляли: клирошане, протопопы и попы соборные; окончательное рѣшеніе дѣлъ большей важности, какъ напр. дѣла объ имѣніяхъ церковныхъ, зависѣло отъ митрополита (Ар. югозап. Р. ч. 1. N 46). Всѣ дѣла уголовныя, въ которыхъ замѣшаны были лица духовныхъ, разбирались въ судѣ градскомъ. Сюда, для разбирательства своихъ дѣлъ, отправлялся епископъ и священники (Ар. югозап. Р. ч. 1. N 35).

жалуясь на своего архіепископа королю польскому Сигизмунду, обвиняютъ его въ симоніи, въ незаконномъ пользованіи монастырскими имуществами, въ самовольномъ поставленіи за деньги архимандритовъ и также въ томъ, что онъ *попомъ и людемъ въ мѣстѣ и по селамъ и по всей парафіи своей, кривды и шкоды великіи дѣлаетъ.* Сигизмундъ не смотритъ на это заявленіе голоса народнаго, какъ на незаконное вмѣшательство его въ права власти своего епископа: онъ посылаетъ митрополита изслѣдовать это дѣло законнымъ порядкомъ [1]). Братство въ этой жалобѣ выходитъ изъ побужденій чисто религіозно-нравственныхъ и, въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ высшей іерархической власти, оно видитъ неуваженіе къ народу, какъ членамъ церкви. Церковь, по ихъ понятію, существуетъ не для одного епископа и не въ епископѣ, а для всего народа и въ цѣломъ народѣ; а потому-то онъ желаетъ, чтобы у него все дѣлалось съ-обща, міромъ. Вотъ съ какимъ характеромъ отношеній къ дѣламъ церковнымъ, мы застаемъ нѣкоторыя братства еще далеко предъ брестскою уніею и предъ временемъ того устройства его, которое оно получило уже во второй половинѣ XVI вѣка [2])! Но все это было только началомъ и основою, изъ ко-

---

[1]) А. З. Р. Т. II. N 234.

[2]) Обычай подкрѣплять церковное правленіе братствами былъ тогда въ употребленіи и въ католической церкви; но онъ перенятъ былъ отъ другихъ, какъ наприм. отъ православныхъ и протестантовъ (чтенія въ имп. общ. ис. и древ. 1848 г. N 7 стр. 9) и совершенно не съ такимъ характеромъ, съ какимъ существовали эти братства въ церкви православной. Уже одинъ взглядъ католичества на народъ и его отношенія къ церковной іерархіи, не могъ допустить никогда ничего подобнаго. Братское общество при католической церкви было не больше какъ извѣстный орденъ (напр. братство св. Анны, которое признано было папою и королемъ), который былъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи католическаго духовенства, или это было общество людей кающихся. Ихъ обязанности опредѣлялись самимъ духовенствомъ и они назывались братчиками потому только, что всѣ несли на себѣ степень одного духовнаго наказанія; но въ ихъ общей дѣятельности, по отношенію къ духовенству и народу, ничего не было живаго и самостоятельнаго. Они должны были каждый день бывать при богослуженіи, принимать св. тайны, прочитывать каждый день извѣстныя молитвы и извѣстное число ихъ, служить нищимъ и бѣднымъ. Отличительными достоинствами ихъ должны быть: скромность, набожность, молчаніе и исполненіе, безъ разсужденія, всего того, что повелѣваетъ дѣлать и чему учатъ св. костелъ. Кто желаетъ поближе познакомиться

торыхъ будетъ развиваться послѣдующій характеръ церковнаго управленія, когда югозападный народъ, съ новою силою, вступитъ въ открытую борьбу съ узкими началами католичества, съ фанатическимъ польскимъ правительствомъ и съ своею іерархическою властію, неоправдавшею желаній народа и требованій его жизни.

Д. Синицкій.

(Окончаніе впредь).

съ устройствомъ и значеніемъ этихъ братьевъ, отсылаемъ любопытныхъ въ маленькой книжечкѣ „ustawy bractwa, które pod tytułem Nayświętszych serc Jezusa y Maryi zaprowadzone iest w Połockim Xięży. 1759 г.“ Братства съ подобнымъ характеромъ можно видѣть въ католической церкви и въ настоящее время: это общество составляютъ ханжи бабы съ корунками (чотками) и съ шкаплирками—съ знаками посвященія ихъ въ общество сестеръ св. костела. Къ корункамъ, въ настоящее время, они навѣшиваютъ еще чорные кресты, какъ знакъ печали, по убитыхъ въ Варшавѣ.

ОЧЕРКЪ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

ВЪ МАЛОРОССІИ

НА ПРАВОМЪ БЕРЕГУ ДНѢПРА ВЪ XVI ВѢКѢ.

(Окончаніе).

Самое подробное описаніе помѣщичьихъ имѣній мы находимъ въ инвентаряхъ. Инвентари эти, изображая съ точностью хозяйственное положеніе имѣнія, опредѣляя его мѣстность, величину получаемаго хлѣбнаго сбора, размѣръ крестьянскихъ повинностей вообще и въ частности, могли приносить значительную пользу при продажѣ имѣнія, при отдачѣ его въ арендное состояніе или въ залогъ. Инвентари представляютъ самую полную картину хозяйства помѣщика, давая впрочемъ довольно слабое понятіе о хозяйствѣ крестьянъ: они указываютъ только на отрицательную сторону ихъ экономическаго быта—на повинности и обязанности, не указывая на то, какимъ образомъ они могли добыть средства, къ правильному исполненію этихъ повинностей.

Къ сожалѣнію, всѣ изданные до сихъ поръ инвентари, на сколько намъ извѣстно, принадлежатъ только имѣніямъ богатыхъ магнатовъ. Только эти инвентари и представляютъ сколько-нибудь полную картину помѣщичьяго хозяйства. Инвентари-же малыхъ имѣній представляютъ только весьма поверхностныя данныя, и притомъ нѣтъ ни одного изъ нихъ изданнаго въ цѣлости. Между тѣмъ, по инвентарямъ богатыхъ имѣній не возможно составить себѣ вѣрнаго понятія о положеніи вообще крестьянъ въ здѣшнемъ краѣ. Богатыя имѣнія не составляли большинства. По своей обширности, по значительности получаемаго съ нихъ дохода, они обезпечивали положеніе помѣщика и не заставляли его прибѣгать къ *выжиманію* доходовъ изъ крестьянъ. Мы видѣли и въ недавнее время, что крестьяне мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ гораздо

болѣе бѣдствовали, нежели крестьяне богатыхъ помѣщиковъ. Чѣмъ болѣе благоденствовалъ помѣщикъ, тѣмъ менѣе бѣдствовали его крестьяне. Многіе изъ помѣщиковъ въ Руси, несмотря на свою неограниченную власть надъ крестьянами, были сами очень бѣдны. Трудность сбыта хлѣба, значительныя государственыя повинности, плохое положеніе вообще хозяйства въ это время, дѣлали пріобрѣтеніе какихъ-бы то ни-было доходовъ весьма труднымъ. Такіе помѣщики и дѣлались настоящими плантаторами. Это можно сказать a priori; это же подтверждается a posteriori всеобщимъ возстаніемъ, во времена Богдана Хмѣльницкаго, которое, что ни говори, было не только возстаніемъ народа за поруганную вѣру и народность, но и возстаніемъ крестьянъ противъ притѣснителей помѣщиковъ.

Мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь разборъ самаго подробнаго изъ извѣстныхъ намъ инвентарей—именно инвентаря полонскаго имѣнія князя Григорія Сангушко. Инвентарь этотъ принадлежитъ къ концу XVI в. именно къ 1598 г. онъ не дастъ вѣрнаго понятія о положеніи крестьянъ въ польской Украйнѣ, потому что въ князѣ Сангушко мы не видимъ пана-притѣснителя, какими были, по большей части, паны въ то время, да, впрочемъ, и не только въ то время. Но инвентарь этотъ важенъ, по нашему мнѣнію, въ другомъ отношеніи: онъ можетъ представить довольно вѣрную картину правильнаго хозяйства въ то время, хозяйства, въ которомъ помѣщикъ, извлекая выгоды изъ своей земли, оставлялъ извѣстную долю выгодъ и для крестьянъ, хозяйства, въ которомъ какъ помѣщикъ, такъ и крестьянинъ получали, по крайцей мѣрѣ приблизительно, справедливое вознагражденіе одинъ за свой капиталъ, другой за свой трудъ. Инвентарь этотъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о поземельномъ доходѣ, о вознагражденіи за трудъ и т. п. Мы думаемъ, не смѣя утверждать положительно, что имѣніе князя Сангушко было именно однимъ изъ тѣхъ нормальныхъ имѣній, гдѣ поземельный владѣлецъ состоитъ въ самыхъ правильныхъ отношеніяхъ къ наемщикамъ его земли. Въ этомъ смыслѣ мы думаемъ, что положеніе крестьянъ его было далеко не бѣдственное, и что положеніе прочихъ крестьянъ этого края, можетъ быть за весьма немногими исключеніями, не могло-бы и приблизительно быть сравнено съ нимъ [1]).

---

[1]) Князь Григорій Сангушко, ревностный христіанинъ православ-

Имѣніе полонское состояло изъ нѣсколькихъ селъ и деревень. Такъ какъ они находились не въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, то необходимо, прежде нежели выводить общія заключенія, разсмотрѣть положеніе каждаго изъ нихъ въъ отдѣльности

Первое село, о которомъ упоминается въ инвентарѣ, это

село *Городище* [1]).

Въ немъ: пахатныхъ крестьянъ мужескаго пола — 105.
огородниковъ- - - - - - - - - - - - - - - - 7.

О подсусѣдкахъ, хотя и упоминается, но число ихъ не обозначено. Вѣроятно оно было весьма незначительно.

Пахатные крестьяне составляютъ 56 отдѣльныхъ семействъ, составляющихъ въ свою очередь 32 хозяйства, на каждое изъ которыхъ приходится по одной волокѣ земли. Слѣдовательно на одно хозяйство приходится среднимъ числомъ около $3^1/_2$ душъ муж. пола. Найбольшее число душъ на хозяйство - - 7.
найменьшее - - - - - - - - - - - - - - - - 1.

Изъ числа этихъ 32 хозяйствъ, три, такъ называемые *осадники*, платятъ денежный оброкъ въ три копы грошей (9 рублей) каждый и затѣмъ уже не исполняютъ никакихъ повинностей. Эти три хозяйства состоятъ изъ 3 семействъ и изъ 8 душъ муж. пола.

Затѣмъ остается пахатныхъ крестьянъ, отбывающихъ извѣстныя повинности: 29 хозяйствъ, 53 семейства и 97 душъ муж. пола.

Общій надѣлъ ихъ, по одной волокѣ на хозяйство—29 волокъ или, считая волоку въ $19^2/_3$ дес., мы получимъ цифру общаго крестьянскаго надѣла въ 570 десятинъ, или на каждое хозяйство среднимъ числомъ $10^3/_4$ десятинъ; на каждую душу $5^3/_4$ десятинъ.

Впрочемъ распредѣленіе земли по семействамъ не было равномѣрно.

Болѣе волоки имѣло одно семейство изъ 3 душъ.
По волокѣ - - - - - 8 семействъ изъ 19 —

наго исповѣданія, былъ сынъ извѣстнаго князя Романа Сангушко и до совершеннолѣтія находился подъ опекою матери, а послѣ смерти ея—князя Константина Острожскаго.

[1]) Полонское имѣніе находилось въ нынѣшней волынской губерніи, луцкаго уѣзда (въ южной, самой плодородной части его).

По $^2/_3$ волоки	имѣло	1 семейство	изъ	1 души.
- $^1/_2$ волоки	- - - -	9	- - - - - - - -	13 —
- $^1/_3$ волоки	- - - -	4	- - - - - - - -	6 —
- $^1/_2$ волоки на двухъ		2	- - - - - - - -	2 —
Менѣе волоки	- - - -	28	- - - - - - - -	58 —

Всего земли на нихъ приходилось $12^1/_3$ волокъ, слѣдовательно на каждое изъ 28 семействъ среднимъ числомъ немного менѣе $^1/_2$ волоки. Эти 28 семействъ составляли 12 хозяйствъ. Семейства, составлявшія одно хозяйство не дѣлили между собою земли, а составляли товарищество, отбывая всѣ денежныя и прочія повинности съобща, вѣроятно по заключенному между собою условію.

Мы могли-бы здѣсь вывести среднюю цифру надѣла на душу, по различнымъ приведеннымъ здѣсь категоріямъ, но думаемъ, что эта цифра не могла-бы привести ни къ какимъ результатамъ, вслѣдствіе того, что малолѣтніе въ инвентарѣ не отдѣлены отъ взрослыхъ и что, слѣдовательно, нельзя по числу душъ судить о суммѣ рабочихъ силъ. Гораздо вѣрнѣе брать за норму семейство.

Количество скота показано отдѣльно на каждое хозяйство но не показано отдѣльно на каждое семейство. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ выводить заключенія, будто-бы семейства составляющіе вмѣстѣ одно хозяйство владѣли имъ собща. Легко могло быть, что количество скота не обозначалось отдѣльно на семейство, потому что инвентарь составлялся для помѣщика, а не для крестьянъ, а такъ какъ повинности отбывались отъ волоки, то не было ему никакой надобности знать сколько воловъ или лошадей принадлежало каждому крестьянину въ отдѣльности; достаточно было знать, сколько приходилось скота на волоку.

На осадниковъ приходилось 7 лошадей и 9 воловъ.

На прочихъ пахатныхъ крестьянъ 46 лошадей и 83 вола, слѣдовательно, среднимъ числомъ, на каждую волоку по 3 вола и на каждыя 2 волоки по 3 лошади.

5	хозяйствъ	(на 5 волокахъ)	имѣютъ	по 3	лошади.
9	——	(на 9 волокахъ)	——	— 2	—
13	——	(на 13 волокахъ)	——	— 1	—
2	——	(на 2 волокахъ)	не имѣютъ		лошадей.

Затѣмъ:

2	хозяйства	(на 2 волокахъ)	имѣютъ	по 5	воловъ.
8	——	(на 8 волокахъ)	——	— 4	—
5	——	(на 5 волокахъ)	——	— 3	—
12	——	(на 12 волокахъ)	——	— 2	—
2	——	(на 2 волокахъ)	——	— 1	—

Наибольшее количество скота на волоку - - - - - 7.
Наименьшее - 2.

Не было ни одного хозяйства, которое не имѣло-бы вовсе скота.

Среднимъ числомъ на одну душу приходилось немного менѣе вола, и по одной лошади на 2 души.

Г. Мордовцевъ, съ напередъ заданною цѣлью представить положеніе крестьянъ во времена польскаго владычества самымъ бѣдственнымъ, въ своемъ изслѣдованіи о крестьянахъ XVI вѣка, находитъ такую цифру весьма неудовлетворительною. Мы думаемъ, напротивъ, что такая цифра была весьма удовлетворительна, и что если-бы всѣ крестьяне Украины имѣли столько рабочаго скота, сколько крестьяне князя Сангушко, то положеніе ихъ могло-бы считаться блистательнымъ. Едва-ли и въ настоящее время наберется много имѣній, гдѣ у каждаго крестьянскаго семейства былъ-бы свой скотъ, какъ мы это видимъ въ полонскомъ имѣніи.

Денежная повинность крестьянъ была слѣдующая:

Для осадниковъ, какъ мы уже сказали, 3 копы грошей, или 9 рублей.

Для пахатныхъ крестьянъ 2 копы и 40 грошей или 8 рублей съ волока.

(О натуральныхъ и рабочихъ повинностяхъ, мы будемъ говорить въ концѣ).

Въ общей сложности городищскіе крестьяне платили денежнаго оброку:

3 хозяйства крестьянъ осадниковъ—9 копъ или 540 грошей.
29 хозяйствъ пахатныхъ крестьянъ—80 копъ или 4640 грош.

И того на нынѣшнія деньги, считая по 5 коп. серебр. грош [1]) — 259 рублей серебромъ, изъ которыхъ 27 руб. съ осадниковъ.

Сравнивая эту цифру съ полученною цифрою общаго поземельнаго надѣла крестьянъ 570 десятинъ, мы найдемъ, что за каждую десятину платилось поземельнаго оброку 40 коп. серебромъ.

Городищскіе осадные крестьяне, считавшіеся льготными крестьянами, и платившіе одинъ только поземельный оброкъ,

---

[1]) Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ барона С. де-Шодуара. Санктпетербургъ. 1838. г. Т. I. стр. 75.—Także monety dawnéj Polski. Przez Edwarda Rostawieckiego. Warszawa, 1845.

вносили въ общей сложности 27 руб., при поземельномъ надѣлѣ въ 59 десятинъ, что составляетъ 45 коп. съ десятины.

Сравнивъ денежный оброкъ съ числомъ городищскихъ пахатныхъ крестьянъ мужескаго пола, мы получимъ на каждую душу среднимъ числомъ по 2 руб. 40 коп. денежнаго оброку.

Село *Баіовъ*.

Душъ мужескаго пола 136.

Изъ нихъ осадниковъ - - 5.

Пахатныхъ крестьянъ - 94.

Крестьянъ, поселенныхъ на господской пашнѣ и платящихъ за всѣ повинности по три копы грошей—30.

Огородниковъ—7.

Осадники составляютъ 2 хозяйства и 4 семейства.

Пахатные крестьяне составляютъ 23 хозяйства и 40 семействъ, каждое хозяйство съ надѣломъ по 1 волокѣ.

Среднее число душъ на хозяйство - 4.

Найбольшее - - - - - - - - - - - - 10.

Найменьшее - - - - - - - - - - - - -2.

Крестьяне, поселенные на господской пашнѣ составляютъ 8 хозяйствъ и 23 семейства.

Общій надѣлъ пахатныхъ крестьянъ—23 волока или 36 $^1/_3$ десятинъ.

Слѣдовательно среднимъ числомъ на каждое хозяйство 19 $^2/_3$ д.
на каждое семейство 11 $^1/_4$ д.
на каждую душу: 4 $^3/_4$ д.

Распредѣленіе земли по семействамъ:

По волокѣ	8 семействъ	изъ 34	душъ.
- $^5/_6$ волоки	1	изъ 1	—
- $^3/_4$ волоки	2	изъ 6	—
- $^2/_3$	3	изъ 5	—
- $^1/_2$	8	изъ 18	—
- $^1/_3$	9	изъ 18	—
- $^1/_4$	2	изъ 2	—
- $^1/_6$	1	изъ 1	—
Менѣе волоки	6	изъ 13	—

(Имѣютъ вмѣстѣ 3 волоки, среднимъ числомъ по $^1/_2$ волока на семейство).

Общій надѣлъ крестьянъ поселенныхъ на господской пашнѣ—8 волокъ или 158 десятинъ.

Количество скота:

У осадниковъ - - - - - - - - - - - 3 вола и 1 лошадь.
У пахотныхъ крестьянъ: - - - - -71 волъ и 46 лошадей.
У крестьянъ, поселенныхъ на господской пашнѣ, количество скота необозначено.

Распредѣленіе скота по волокамъ:

2 волоки имѣютъ - - - - - - - - - - - - - по 6 воловъ.
3 - 4 —
12 - 3 —
5 - 2 —
1 - 1 —
Затѣмъ:
1 волока имѣютъ - - - - - - - - - - - - - - - 5 лошадей.
5 - по 3 —
12 - по 2 —
5 - по 1 —
1 - на одной.

Денежныя новинности крестьянъ:

Осадники платятъ: 1 хозяйство 3 копы или 9 рублей.
1 хозяйство 3 ко. 20 грош. или 10 руб.

И того—19 руб.
Слѣдовательно на десятину: $48^3/_4$ копѣекъ.
на душу - - 3 руб. 80 коп.
Пахатные крестьяне платятъ по 2 копы 40 грошей съ волока или по 8 рублей. Слѣдовательно общая сумма платимаго ими оброка 61 копа и 20 грошей или 184 руб.
Слѣдовательно на десятину: 40 коп.
на душу: 1 руб. 95 коп.

Село *Оздовъ*.

Душъ муж. пола 57.
Изъ нихъ бояръ листовныхъ: 3 (т. е. исполнявшихъ почтовую или листовную службу.)

Надѣленныхъ землею безплатно: 3.
Бояръ конныхъ - - - - - - - - - 2[1]).
Осадниковъ - - - - - - - - - - - 2.
Пахатныхъ крестьянъ - - - - 44.
Огородниковъ - - - - - - - - - - 3.

Крестьяне, надѣленные землею безплатно, имѣли одинъ—двѣ волоки, остальные два—по одной волокѣ.

Бояре конные имѣли каждый по 4 волоки.

Осадники составляли - - - - - - 2 хозяйства и 2 семейства; общій надѣлъ ихъ былъ 2 волоки или $39\frac{1}{3}$ десятинъ.

Пахатные крестьяне составляли 22 хозяйства и 35 семействъ.

Среднее число душъ на хозяйство: 2.
Найбольшее - - - - - - - - - - - - 4.
Найменьшее - - - - - - - - - - - - 1.
Общій надѣлъ ихъ: 22 волоки или 433 десятины.

Среднимъ числомъ на хозяйство:	$19\frac{2}{3}$	—	—
на семейство -	$12\frac{1}{3}$	—	—
на душу - - - -	$9\frac{3}{4}$	—	—

Распредѣленіе земли по семействамъ:

$1\frac{1}{3}$ волоки - - - -	1 семейство	изъ 1	души.
По 1 волокѣ - - -	10 - - - - - -	изъ 15	—
- $\frac{2}{3}$ волоки - - - -	1 - - - - - -	изъ 1	—
- $\frac{1}{2}$ волоки - - - -	2 - - - - - -	изъ 4	—
- $\frac{1}{3}$ волоки - - -	18 - - - - - -	изъ 19	—

(Съ надѣломъ въ 7 волокъ, слѣдовательно среднимъ числомъ по 0,4 волоки на семейство).

Количество скота:

У осадниковъ — — — 3 вола и 1 лошадь[2]).
У пахатныхъ крестьянъ 48 воловъ и 39 лошадей.

---

1) Каждый помѣщикъ исполнялъ военную службу, отправляясь на войну лично, и поставляя опредѣленное сеймомъ число вооруженныхъ воиновъ. Чтобы всегда имѣть готовыхъ всадниковъ, помѣщики раздавали участки своихъ земель частью безземельнымъ шляхтичамъ, частью своимъ крестьянамъ, обязывая ихъ исполнять конную военную службу. Это-то и были бояре конные или панцырные. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, имѣніяхъ, они были кромѣ того обременены значительными повинностями.

2) Количество скота показано только у одного осадника. Дру-

Распредѣленіе скота по волокамъ у пахатныхъ крестьянъ:

2 волока имѣетъ по 4 вола.
7 — — — по 3 —
7 — — — по 2 —
5 — — — по 1 —
1 — — — ни одного.

Затѣмъ:

1 волока имѣетъ 5 лошадей.
1 — — — 4 — —
1 — — — 3 — —
9 — — — по 2 — —
9 — — — по 1 — —
1 — — — —ни одной.

Найбольшее число скота на волоку:—9 штукъ.
Найменьшее — — — — — 1 —
Среднее — — — — — — 4 штуки.

Денежныя повинности крестьянъ:

Осадники платятъ по 3 копы съ волоки, и того 6 копъ, или 10 рублей, что составляетъ 45 коп. съ десятины, или по 9 рублей съ души.

Пахатные крестьяне платятъ 2 копы 40 грошей съ волоки, и того 58 копъ 40 грошей, или 176 рублей, что составляетъ на десятину 40 коп. к на душу 4 руб [1]).

гой-же, можетъ быть и не имѣлъ его, такъ какъ онъ былъ служилый человѣкъ.

[1]) Эти три селенія находятся въ луцкомъ уѣздѣ волынской губерніи. Въ настоящее время они составляютъ одно имѣніе, которое по качеству земли на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 15 Марта 1862г. отнесено къ 4-й мѣстности, въ которой крестьянскія повинности составляютъ 15 пѣшихъ дней въ году, или 2 руб. 50 коп. въ годъ оброку съ десятины. Въ свѣденіяхъ, представленныхъ уѣздными предводителями для губернскихъ комитетовъ въ 1858 г., цифры не показаны отдѣльно для каждаго изъ этихъ трехъ селеній, а вообще для всего имѣнія. Намъ кажется, что сравненіе этихъ цифръ съ цифрами приведенныхъ нами инвентарей, не лишено будетъ нѣкотораго интереса.

Вотъ, что мы узнаемъ изъ свѣденій для губернскихъ комитетовъ:
Въ деревнѣ Городищѣ — 87 душъ муж. пола 115 душъ женск. пола.
Въ селѣ Баевѣ — — — 97 — — — — — 115 — — — — —
Въ дер. Озбовѣ — — — 5 — — — — — 11 — — — — —

Село *Горки.*

Душъ мужескаго пола — 32.
Изъ нихъ осадниковъ — 2.
Мельникъ, получающій безплатно 1/2 волоки земли 1.
Пахатныхъ крестьянъ — 29.

Пахатные крестьяне составляютъ 10 хозяйствъ, изъ которыхъ 9 имѣютъ надѣлъ по 1 волокѣ, а одно 1/2 волоки. Семействъ 11.

Среднее число душъ на семейство 2, 9.
Найбольшее — — — — — 7.
Найменьшее — — — — — 1.

Крестьяне осадники составляютъ 2 хозяйства и 2 семейства.
Общій надѣлъ ихъ — 1 волока или 19 2/3 десятинъ.
Одно хозяйство имѣетъ 2/3 волоки.
Другое — — — 1/3 волоки.

Общій надѣлъ пахатныхъ крестьянъ 9 1/2 волокъ или 186 1/2 десятинъ.

Среднимъ числомъ на каждое хозяйство: 18 1/2 десятинъ.
на каждое семейство: 17 — —
на каждую душу — 6 1/2 — —

Распредѣленіе земли по семействамъ:

По волокѣ — — —	8	семействъ	изъ	24 душъ.
1/2 волоки — — —	1	— —	изъ	2 —
Менѣе волоки — —	2	— —	изъ	3 —

(Среднимъ числомъ по 1/2 волоки).

Всѣ они составляютъ 79 тяглыхъ и 2 огородничьихъ хозяйства.

Общій надѣлъ тяглыхъ крестьянъ: 76 дес. и 2020 саж. усадебной, 889 десятинъ пахатной и 133 д. 1009 с. сѣнокосной земли.

Въ частности на каждаго хозяина приходится: 2068 саж. усадебн. 11 д. 623 с. пахатн. и 1 д. 1653 с. сѣнокосной.—Общее количество земли въ имѣніи 2540 дес.

По инвентарю 1598 г. въ этихъ трехъ селеніяхъ 305 душъ м. п.
По свѣдѣніямъ 1858 г. — — — — — — — — — — 189 — — — —

По инв. 1598 г. они составляли 89 тягл. хозяйствъ. По свѣден. 1858 г. 79 тягл. хоз. слѣдовательно отношеніе числа душъ къ числу хозяйствъ въ 1598 г. было какъ 3 1/3 къ 1. въ 1858 г. какъ 2 къ 1.

Общая цифра поземельнаго надѣла тяглыхъ крестьянъ въ 1598 году было 1750 десятинъ, среднимъ числомъ 19 2/3 десятинъ на хозяйство.

Общая цифра надѣла тяглыхъ крестьянъ въ 1858 году была 1099 дес. среднимъ числомъ 14 1/4 десятинъ на хозяйство.

Количество скота:

У осадниковъ — — — — — не показано.
У пахатныхъ крестьянъ 26 воловъ и 15 лошадей.

Распредѣленіе скота по волокамъ:

2 волоки имѣютъ по 4 вола
3 — — — по 3 —
3 — — — по 2 —
$^1/_2$ волоки — — 2 —
1 — — — — 1 —

Затѣмъ:
1 волока имѣетъ 5 лошадей.
1 — — — — 3 —
2 — — — по 2 —
3 — — — по 1 —
$2^1/_2$— — — ни одной.
Наибольшее количество скота на волоку — — — 9.
Наименьшее — — — — — — — — — 2.
Среднее — — — — — — — — — — 4,3.

Денежныя повинности крестьянъ:

Осадники по 3 копы грошей съ волоки, итого одна копа или 9 рублей.

Слѣдовательно на десятину 45 коп.

На душу: — — — — 3 рубля.

Пахатныхъ крестьянъ по 2 копъ 40 грошей съ волоки или по 8 рублей. И того 25 копъ 20 грошей или 76 рублей.

Слѣдовательно на десятину 40 коп.

На душу — — — 2 р. 65 коп.

Село *Полонна.*

Душъ мужескаго пола — — — 100.
Изъ нихъ бояръ листовныхъ — — 11.

Изъ этаго сравненія замѣтно: 1-е—увеличеніе числа хозяйствъ, сравнительно съ числомъ душъ.

2-е уменьшеніе крестьянскаго надѣла.

Прибавимъ къ этому, что, по завѣренію-же предводителя дворянства, почва въ этомъ имѣніи черноземная. Урожай озимаго хлѣба самъ-семь, а яроваго самъ-четверть.

Осадниковъ — — — — — 8.
Пахатныхъ крестьянъ — — — 75.
Войтъ, свободный отъ повинностей— 1.
Огородниковъ — — — — — 5.

Осадники составляютъ 4 хозяйства и 7 семействъ.

Общій надѣлъ ихъ — $3^1/_2$ волоки или 69 десятинъ.

Три хозяйства имѣютъ по 1 волокѣ.

Одно — — — — $^1/_2$ волоки.

Податные крестьяне составляютъ 24 хозяйства, изъ которыхъ двадцать три съ надѣломъ по одномъ волокѣ и одно съ надѣломъ въ $^1/_2$ волоки, семействъ 39.

Среднее число душъ на хозяйство 3.
Наибольшее — — — — — 6.
Наименьшее — — — — — 1.

Общій надѣлъ пахатныхъ крестьянъ $23^1/_2$ волоки или около 463 десятинъ.

Среднимъ числомъ на хозяйство: $19^1/_3$ десятинъ.
1 — — — на семейство 12 — — —
на душу — 6. — — —

Распредѣленіе земли по семействамъ:

По волокѣ — — — —	12	семействъ	изъ	35 душъ.
— $^2/_3$ волоки — — —	4	— —	изъ	6 —
— $^1/_2$ волоки — — —	6	— —	изъ	13 —
— $^1/_3$ волоки — — —	4	— —	изъ	4 —
— $^1/_4$ волоки — — —	6	— —	изъ	7 —
Менѣе волоки, — — —	8	— —	изъ	10 —

(Среднимъ числомъ по $^1/_2$ волоки),

Количество скота:

У осадниковъ: 10 воловъ и 4 лошади.
У пахатныхъ крестьянъ: 61 волъ и 36 лошадей.
У войта — — — 6 воловъ и 3 лошади.

Распредѣленіе скота по волокамъ у пахатныхъ крестьянъ:

1 волока имѣетъ 6 воловъ.
4 волоки — по 4 вола.
7 — — по 3 —
7 — — по 2 —
4 — — по 1 —
$^1/_2$ — — ни одного.

Затѣмъ:

1	волока	имѣетъ	4	лошади.
3	волоки	— по	3	—
6	—	— по	2	—
11	—	— по	1	—
$2^1/_2$	—	—		не имѣютъ лошадей.

Наибольшее количество скота на волоку 9 штукъ.
Наименьшее — — — — — — 1 —
Среднее — — — — — — — — 4,26—

Денежныя повинности крестьянъ:

Осадники по 3 копы грошей съ волоки итого съ $3^1/_2$ волокъ $10^1/_2$ копъ или $31^1/_2$ рубль. Слѣдовательно по 45 коп. съ десятины и по 3 руб. 95 коп. съ души.

Пахатные крестьяне по 2 копы 40 грошей съ волоки, итого 188 рублей или 62 копы 40 грошей. Слѣдовательно съ десятины 49 коп. и съ души 2 р. 50 коп.

Мы уже сказали, что кромѣ денежныхъ повинностей, пахатные крестьяне несли еще нѣкоторыя натуральныя и рабочія повинности. Натуральныя повинности состояли изъ извѣстнаго количества ржи и овса съ волоки; кромѣ того, въ случаѣ пріѣзда князя, крестьяне должны были давать одну яловку съ 10 волокъ; съ каждой волоки по гусю, по 2 курицы, по 10 яицъ и по возу сѣна.

Рабочія повинности этихъ пяти селъ были слѣдующія: полъ-мѣры ржи, взимающуюся съ каждой волоки, крестьянинъ долженъ былъ свезти на господскую пашню, посѣять и заборонoвать.

Сверхъ того, крестьяне обязаны были лѣтомъ съ каждой волоки пахать одинъ день для озимы, на господской пашнѣ, бороновать одинъ день, наряжая по одной боронѣ съ каждой волоки. Сколько-бы ни-было посѣяно хлѣба на господской пашнѣ, всѣ вышепоименованныя села обязаны пожать его сгономъ, свезти въ гумно и сложить въ скирды.

Крестьяне, съ каждой волоки обязаны привезти въ дворъ полонскій ежегодно по четыре воза дровъ, изъ лѣсовъ полонскихъ, коршевскихъ [1]) и чужихъ лѣсовъ, если приказано будетъ управляющимъ.

[1]) Коршево, одно изъ селъ, входящихъ въ составъ полонскаго имѣнія.

Каждое село обязано скосить сгономъ назначенную ему часть господскихъ сѣнокосовъ, по указанію и оповѣщенію управителя. Всего сѣнокосу на эти села приходится 42 морга [1]). Высушивъ сѣно, каждое село обязано свезти его въ дворъ полонскій и сложить въ скирды.

Стражу для двора полонскаго обязаны давать всѣ села поочередно, наряжая по два сторожа въ недѣлю, а когда пріѣдетъ князь, то обязаны наряжать сторожей по мѣрѣ надобности.

Также и подводы всѣ эти села обязаны давать поочередно, наряжая ежегодно по одной подводѣ съ волоки, не долѣе 20 миль. Если подвода уже была разъ наряжена, то крестьяне въ другой разъ уже не обязаны давать ее.

Крестьяне обязаны являться сгономъ для починки гребли пагорской и полонской, для загачиванія прорывовъ, для насыпки отмелей, для доставки хвороста и соломы, откуда прикажетъ управитель. Всѣ эти работы они должны отбывать во всякое время, когда надобность укажетъ.

Господской пашни при полонскомъ фольваркѣ находилось 6 волокъ и 28 морговъ или около 118 десятинъ; слѣдовательно на каждое хозяйство приходилось не болѣе 1 десятины 450 саженъ господской пашни для обработки, считая во всѣхъ поименованныхъ 5 селахъ 99 хозяйствъ.

Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, какъ великъ былъ доходъ, получаемый помѣщикомъ съ этихъ пяти селъ, и сравнить эту цифру съ количествомъ земли и съ населеніемъ.

Общая сумма денежнаго оброка, получаемаго помѣщикомъ со всѣхъ крестьянъ, какъ бояръ конныхъ и листовныхъ, такъ и осадниковъ, пахатныхъ крестьянъ и огородниковъ, составляла 361 копу и 20 грошей или 1084 рубля. Кромѣ того съ 118 десятинъ фольварковой земли, считая 50 коп. доходу съ десятины [2]) 59 рублей, или всего 1143 рубля. Затѣмъ ржи $54\frac{1}{2}$ мѣры (на нашъ счетъ $27\frac{1}{4}$ четвертей) и 25 мѣръ овса ($12\frac{1}{2}$ четвертей).

---

[1]) Въ одной волокѣ—30 морговъ.

[2]) Мы считаемъ 50 коп. доходу съ десятины фольварковой земли потому, что фольварковая земля была лучше остальной земли а также и потому, что въ селѣ Коршевѣ (составлявшемъ часть полонскаго имѣнія) крестьяне, за розданную имъ фольварковую землю платили денежный оброкъ въ 50 копѣекъ съ десятины.

Всей земли въ поименованныхъ пяти селахъ, считая здѣсь землю помѣщичью, рѣзанныя волоки, землю въ застѣнкахъ, въ пользованіи огородниковъ, бояръ конныхъ и листовныхъ, сѣнокосы, землю отдаваемую подъ церкви, корчмы и въ безплатное пользованіе 30970 десятинъ. Итого средняго доходу съ десятины 28½ копѣекъ, а съ души, считая въ поименованныхъ селахъ 437 душъ, 2 р. 60 копѣекъ.

Мы не включаемъ сюда арендныхъ денегъ и денегъ, получаемыхъ за спускъ прудовъ, которыя вмѣстѣ составляютъ для всего полонскаго имѣнія 327 копъ 45 грошей или 972 рубля 25 коп. Не считаемъ ихъ здѣсь потому, что они не составляли дохода съ земли, а составляли особенную статью помѣщичьяго дохода, которая возникла вслѣдствіе извѣстной затраты капитала на устройство мельницъ, на копку прудовъ и т. п.

Необходимо было-бы сравнить цифру получаемаго поземельнаго дохода съ цифрою стоимости земли въ то время. Но мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для этого, и единственное, извѣстное намъ указаніе на цѣну земли въ 16 вѣкѣ, хотя и имѣетъ нѣкоторую долю вѣрности, но не достаточно для того, чтобы совершенно разъяснить дѣло. Это подтвердительная грамота князя Курбскаго землянину ковельскому Ивану Дворецкому на продажу четырехъ волокъ въ селѣ Добрынскѣ (составлявшемъ часть ковельскаго имѣнія, въ 1570 году)[1]. Этотъ землянинъ продалъ зятю своему четыре волоки земли за 40 копъ литовскихъ грошей. Слѣдовательно каждая волока стоила 10 копъ грошей или 30 рублей, или каждая десятина 1 руб. 65 копѣекъ.

Мы-бы болѣе вѣрили этому документу и придавали-бы ему большую важность, если-бы цифра стоимости земли не была до такой степени невѣроятна. Весьма можетъ быть, что землянинъ этотъ, продавая землю своему зятю взялъ съ него сумму гораздо меньше настоящей цѣнности земли. Съ другой стороны, можетъ быть земля эта была очень плоха[2]). Наконецъ въ третьихъ, такъ какъ ковельское имѣніе принадлежало князю Курб-

---

[1]) Жизнь князя Курбскаго—Т. I. стр. 27.

[2]) Села Добрынска нѣтъ теперь въ числѣ помѣщичьихъ имѣній; если оно существуетъ, то вѣроятно принадлежитъ къ казеннымъ селеніямъ; такъ какъ Ковельскій уѣздъ, (за весьма не многими исключеніями, допущенными на основаніи особаго Высоч. пов., послѣдовавшаго 15 Марта 1862 г.) отнесенъ по Положенію 12 Февраля къ девятой мѣстности, то это и доказываетъ плохое качество его земли.

скому, а леннымъ правомъ надъ нимъ пользовался король, то можетъ быть земля эта не составляла полной собственности Дворецкаго, а только находилась у него въ пользованіи. Это отчасти подтверждается тѣмъ, что князь Курбскій *дозволяетъ* продажу этой земли, что предполагаетъ возможность непозволенія съ его стороны; но опровергается съ другой стороны тѣмъ, что земля эта продается въ вѣчное владѣніе. Во всякомъ случаѣ цифра стоимости этой земли не можетъ быть принята за основаніе для оцѣнки земли въ полонскомъ имѣніи; нельзя же предполагать, чтобы крестьяне платили оброкъ, составлявшій отъ 25 до 30 процентовъ со стоимости земли. Они едва могли бы существовать при такихъ условіяхъ; а между тѣмъ количество скота, находящагося въ ихъ владѣніи доказываетъ извѣстную степень благосостоянія.

Но весьма вѣроятно, что земля въ то время была еще очень дешева: значительная цифра выдѣла крестьянъ, цифра, которая въ полонскомъ имѣніи князя Сангушко была гораздо меньше, нежели во многихъ другихъ имѣніяхъ, явно доказываетъ, что населеніе было довольно рѣдко и что въ рабочихъ ощущался нѣкоторый недостатокъ. Это подтверждается еще и незначительною долею земли оставленной для господской запашки, изъ чего видно, что для помѣщика гораздо выгоднѣе было получать съ земли извѣстный оброкъ, нежели обработывать ее самому, хотя-бы и даровымъ трудомъ. — Указаніе на излишекъ земли и на недостатокъ рабочихъ силъ мы видимъ также въ запрещеніи крестьянамъ князя Сангушко нанимать землю для обработки въ другихъ имѣніяхъ. У ослушниковъ отбирался весь хлѣбъ, собранный съ наемной земли. Вообще же крестьяне, которые считали надѣлъ свой недостаточнымъ, должны были просить добавочнаго надѣла изъ свободныхъ участковъ, принадлежавшихъ къ полонскому имѣнію. — Кромѣ свободныхъ участковъ земли, въ полонскомъ имѣніи значительное количество земли раздавалось то въ безплатное пользованіе, то подъ церкви и корчмы. Такъ подъ церковь въ Оздовѣ отдано было 2 волоки, въ Полонной 1 волока. Подъ корчмы въ Горкахъ, Оздовѣ, Баіовѣ и Полонной по волокѣ. Нѣсколькимъ крестьянамъ въ безплатное пользованіе по волокѣ, а одному крестьянину въ Оздовѣ, по старости и убожеству (?) 2 волоки.

Поземельный оброкъ, получаемый съ полонскаго имѣнія былъ не слишкомъ великъ, даже если мы откинемъ изъ общей суммы земли всю ту долю ея, которая не приносила никакого дохода. Доходъ въ 1150 рублей съ 3000 десятинъ земли былъ

бы въ настоящее время баснословно малымъ доходомъ; въ то время онъ могъ удовлетворить развѣ богатаго помѣщика-магната, рѣдко посѣщавшаго свои имѣнія и получавшаго, кромѣ того, значительную прибыль съ оброчныхъ статей своего имѣнія.

Обращаясь теперь къ крестьянамъ, мы предупреждаемъ, что беремъ во вниманіе исключительно тяглыхъ, пахатныхъ крестьянъ, отбывающихъ извѣстныя повинности, кромѣ денежнаго оброка.

Мы видѣли, что въ пяти поименованныхъ селахъ такихъ крестьянъ мужескаго пола 339 всѣ они составляли 108 хозяйствъ, среднимъ числомъ по 3 души на хозяйство.

Общая сумма поземельнаго надѣла ихъ составляла 107 волокъ или 2076 десятинъ земли.

Средняя сумма надѣла на хозяйство: одна волюка или $19^2/_3$ десятинъ.

Средняя сумма надѣла на душу 6 десятинъ.

Общая сумма скота принадлежавшаго крестьянамъ, составляла 289 воловъ и 182 лошади.

Слѣдовательно $5^1/_2$ воловъ и $3^1/_2$ лошади на 2 хозяйства или вообще $4^1/_2$ штуки скота на каждое хозяйство.

На каждыя двѣ души по 3 штуки скота.

На каждыя двѣ волоки $5^1/_2$ воловъ и $3^1/_2$ лошади или вообще по $4^1/_2$ штуки скота на волоку.

На каждыя 7 десятинъ по одному волу и на каждыя $11^1/_3$ десятинъ по одной лошади или на каждыя $4^1/_3$ десятины по одной штукѣ скота.

Можно подумать съ перваго взгляда, что такое отношеніе рабочаго скота къ пространству не представляетъ достаточнаго обезпеченія для крестьянскихъ хозяйствъ. Дѣйствительно, мы видимъ въ имѣніяхъ кіевской губерніи позднѣйшаго времени (по статистикѣ Журавскаго) отношеніе количества скота къ землѣ, принадлежащей *тяглымъ* крестьянамъ, гораздо болѣе благопріятное для крестьянскаго хозяйства. Но такое сравненіе будетъ уже потому самому ошибочно, что во всѣхъ почти имѣніяхъ кіевской губерніи (находящейся въ хозяйственномъ отношеніи въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели волынская губернія) позднѣйшаго времени, тяглыя крестьянскія хозяйства составляютъ значительное меньшинство, между тѣмъ какъ число пѣшихъ хозяйствъ представляетъ иногда огромную цифру. Здѣсь же, напротивъ, мы видимъ очень мало такъ-называемыхъ пѣшихъ хозяйствъ, т. е. такихъ, которые не имѣли-бы вовсе рабочаго скота.

Чтобы подтвердить это, мы думаемъ, что не безполезно будетъ сравнить все количество рабочаго крестьянскаго скота въ полонскомъ имѣніи, со всѣмъ количествомъ земли въ этомъ имѣніи, находящемся въ пользованіи крестьянъ и затѣмъ сравнить полученное отношеніе, съ отношеніемъ количества рабочаго скота къ землѣ, находящейся въ пользованіи крестьянъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ имѣній (40-выхъ годовъ).

Мы заимствуемъ цифры для позднѣйшихъ имѣній изъ статистики кіевской губерніи, изданной Фундуклеемъ.

Общее количество земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ въ пяти селахъ, о которыхъ мы говорили, за исключеніемъ господскаго фольварка земель отданныхъ въ безплатное пользованіе и земель бояръ конныхъ и листовныхъ составляетъ 2438 десятинъ.

У крестьянъ этихъ селеній находилось 321 волъ и 198 лош.

Сравнивая количество воловъ и лошадей отдѣльно и потомъ общее количество рабочаго скота съ пространствомъ земли, мы получимъ:

Одинъ волъ на $7^1/_2$ десятинъ.

Одна лошадь на $12^1/_3$ десятинъ.

Одн. шт. ск. на $4^1/_2$ десятины.

Возьмемъ теперь пять селеній позднѣйшихъ временъ (1847 года) въ кіевской губерніи.

Общее количество земли, находящейся въ пользованіи крестьянъ этихъ селеній, слѣдующее:

Въ 1-мъ:	489	десятинъ пахатной и сѣнокосной земли.
Во 2-мъ:	1316	— — — — — — —
Въ 3-мъ:	933	— — — — — — —
Въ 4-мъ:	1057	— — — — — — —
Въ 5-мъ:	1055	— — — — — — —

Общее количество крестьянскаго скота въ каждомъ изъ этихъ имѣній слѣдующее:

Въ 1-мъ:	73	штуки
Во 2-мъ:	132	—
Въ 3-мъ:	237	—
Въ 4-мъ:	129	—
Въ 5-мъ:	214	—

Слѣдовательно въ первомъ селеніи приходится одна штука скота на 6, 6 десятинъ.

Во 2-мъ	— — — — — —	на 10 десятинъ.
Въ 3-мъ	— — — — — —	на 4,5 десятинъ.
Въ 4-мъ	— — — — — —	на 8 десятинъ.
Въ 5-мъ	— — — — — —	на 5 десятинъ.

Среднiй выводъ: одна штука скота на 6, 7 десятинъ.

Если сравнимъ количество рабочаго скота съ количествомъ крестьянскихъ хозяйствъ, какъ тяглыхъ такъ и пѣшихъ, то найдемъ слѣдующiя отношенiя.

Въ 5 селахъ полонскаго имѣнiя на 148 хозяйствъ приходится 519 штукъ рабочаго скота, слѣдовательно приходится на каждое хозяйство 3,5 штукъ скота.

Въ 5 селахъ позднѣйшихъ временъ:

Въ 1-мъ всѣхъ хозяйствъ, какъ тяглыхъ, такъ и пѣшихъ — — — — — — — — 124.
Во 2-мъ — — — — — — 196.
Въ 3-мъ — — — — — — 297.
Въ 4-мъ — — — — — — 221.
Въ 5-мъ — — — — — — 196.

Сравнивая эти цифры съ количествомъ скота въ тѣхъ-же селенiяхъ, мы получимъ:

Въ 1-мъ селенiи 0, 59 штукъ на одно хозяйство
Во 2-мъ — — 0, 70 — — — — —
Въ 3-мъ — — 0, 87 — — — — —
Въ 4-мъ — — 0, 58 — — — — —
Въ 5-мъ — — 1, 09 — — — — —

Среднiй выводъ: 0, 76. — — — — —

И такъ, мы получимъ отношенiе 0, 76 на хозяйство въ позднѣйшихъ селенiяхъ и 3,5 въ полонскомъ имѣнiи. Преимущество полонскаго имѣнiя въ этомъ случаѣ очевидно, даже если мы возьмемъ въ расчетъ гораздо—болѣе значительный поземельный надѣлъ на хозяйство въ этомъ имѣнiи.

Приведенныя цифры обнаруживаютъ гораздо—болѣе равномѣрное распредѣленiе рабочихъ силъ и вообще имущества между крестьянами въ полонскомъ имѣнiи, нежели въ пяти селенiяхъ кiевской губернiи. Мы видимъ и въ полонскомъ имѣнiи огородниковъ и подсусѣдковъ, изъ которыхъ первые получали весьма незначительный поземельный надѣлъ (около 2 десятинъ), а вторые не имѣли ровно никакого надѣла и жили у зажиточныхъ крестьянъ въ качествѣ работниковъ, или-же нанимали у нихъ уголъ въ хатѣ. Но въ полонскомъ имѣнiи огородники являются какъ-бы исключенiемъ и число огородничьихъ хозяйствъ относится къ числу тяглыхъ хозяйствъ какъ 1 къ 10.

Между тѣмъ въ пяти имѣнiяхъ кiевской губернiи мы видимъ совершенно иное число пѣшихъ хозяйствъ относится къ числу тяглыхъ какъ 4 къ 1.

Мы попробуемъ теперь, хотя приблизительно, оцѣнить

натуральныя и рабочія повинности полонскихъ крестьянъ. Мы вычислили, что на каждое хозяйство приходилось среднимъ числомъ 1 десятина 450 сажень господской земли для обработки. Доходъ съ десятины господскаго поля мы опредѣлили въ 50 коп., потому что фольварковая земля была лучше крестьянской и, что по инвентарю села Коршева (составлявшаго также часть полонскаго имѣнія), гдѣ фольварковая земля была роздана въ пользованіе крестьянамъ, поземельный оброкъ съ десятины такой земли равнялся 50 копѣйкамъ. Такимъ образомъ мы получимъ съ 1 десятины 450 сажень, приходящихся на каждое хозяйство, доходъ въ 60 копѣекъ. Оцѣнивая производительность крестьянскаго труда наравнѣ съ производительностью земли (разумѣется приблизительно), мы получимъ оцѣнку этаго труда въ 30 копѣекъ.

Крестьяне за тѣмъ обязаны были съ каждой волоки (или съ каждаго хозяйства) привезти по 4 воза дровъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ. Такая работа могла быть исполнена приблизительно въ четыре дня, считая время, нужное для порубки дровъ, складки ихъ на телѣгу и т. д., если принять, что крестьянинъ отправляется по дрова только съ однимъ возомъ. И того мы получимъ 4 тяглыхъ дня съ волоки.

Затѣмъ на каждое село опредѣлено было извѣстное пространство сѣнокосной земли, на которой сѣно должно было быть скошено, свезено и сложено. Всего сѣнокосной земли на всѣ 5 селъ приходилось 1 волока и 12 морговъ, или $27^1/_2$ десятинъ. Слѣдовательно, на каждое хозяйство не много болѣе $^1/_4$ десятины. Чтобы скосить, свезти и сложить сѣно съ $^1/_4$ десятины достаточно одного дня и одного работника съ парою воловъ. И того на каждое хозяйство 1 тяглый день въ году.

Всѣ пять селъ обязаны были поставлять по два сторожа въ день, а въ случаѣ пріѣзда князя, по мѣрѣ надобности. Такъ какъ число стражи во время присутствія князя, могло быть произвольно увеличено, то можно полагать на каждое хозяйство среднимъ числомъ по 10 сторожевыхъ дней въ году; иногда болѣе, иногда-же менѣе.

Каждая волока обязана была разъ въ годъ поставить подводу не далѣе 20 миль, что могло составить до 2 тяглыхъ дней въ году на хозяйство.

И того мы получимъ на каждое хозяйство рабочей повинности, кромѣ обработки фольварковой земли, которую мы оцѣнили на деньги: 7 тяглыхъ и 10 пѣшихъ дней въ году.

Не имѣя данныхъ для оцѣнки (хотя-бы даже и прибли-

зительной) одного рабочаго крестьянскаго дня, мы можемъ только сравнить число дней, которые крестьянинъ посвящалъ на помѣщичьи работы, съ числомъ дней, остававшихся у него свободными.

Мы высчитали, что на каждое хозяйство приходилось въ полонскомъ имѣніи среднимъ числомъ по $3^1/2$ души мужескаго пола. Если половина изъ нихъ была по возрасту способна къ работѣ, то мы получимъ среднимъ числомъ до 550 рабочихъ дней въ году на хозяйство, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ которые крестьяне по всей вѣроятности не работали, по крайней мѣрѣ въ этомъ имѣніи.

Изъ этого можно видѣть, что барщинная повинность, лежавшая на полонскихъ крестьянахъ, не была обременительна и отнимала у нихъ только незначительную часть ихъ времени.

Вообще изъ всего сказаннаго можно заключить, что крестьянскій трудъ въ то время былъ очень дорогъ. Мы видѣли, что, не смотря на всю относительную незначительность барщиннаго труда тяглаго крестьянина, крестьяне осадники за освобожденіе отъ этого труда платили 20 грошей (1 рубль) и вдобавокъ считались еще льготными крестьянами. Очевидно, что сумма повинностей, падавшая на крестьянское хозяйство, стоила болѣе 20 грошей.

Мы могли-бы, основываясь на этомъ, оцѣнить всѣ рабочія повинности тяглаго крестянскаго хозяйства въ 20 грошей и узнавъ среднюю цифру стоимости крестьянскаго рабочаго дня вывести цифру дохода, получаемаго крестьянскимъ хозяйствомъ въ годъ и найти сумму прибыли, которую оно получало, за исключеніемъ денежнаго оброка, платимаго помѣщику. Но мы воздерживаемся отъ этого, опасаясь слишкомъ смѣлыхъ заключеній, такъ какъ рабочія повинности крестьянъ мы распредѣлили по днямъ приблизительно, а съ другой стороны, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для опредѣленія суммы работъ не постоянныхъ, но случайныхъ, какъ напр. починка греблей или что-нибудь подобное. Также и натуральныя повинности, обусловливаемыя присутствіемъ князя въ имѣніи, не могутъ быть, даже приблизительно приведены къ извѣстной формѣ.

Вообще-же мы можемъ сказать, что положеніе крестьянъ является гораздо—болѣе благопріятнымъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ главную повинность составлялъ денежный оброкъ, а не работа, и гдѣ работа составляла самую наименѣе значительную долю повинностей, и притомъ опредѣлялась не извѣстнымъ числомъ дней а извѣстнымъ урокомъ, который могъ быть испол-

ненъ крестьяниномъ въ болѣе или менѣе короткое время, сообразно съ его трудолюбіемъ. По всей вѣроятности, крестьяне, имѣвшіе большой запасъ времени въ своемъ распоряженіи, занимались не однимъ только хлѣбопашествомъ. Легко могло быть, что многіе изъ нихъ знали какое-нибудь ремесло, которое приносило имъ значительную прибыль, при недостаткѣ въ то время торговыхъ центровъ, по близости отъ каждаго села.

Представивъ, хотя и далеко не полную, картину положенія крестьянъ и отношеній ихъ къ помѣщику въ такомъ имѣніи, которое выходило изъ ряда обыкновенныхъ, по правильности этихъ взаимныхъ отношеній, мы должны по крайней мѣрѣ указать на такія хозяйства, которыя составляли не исключенія, но которыя встрѣчались сплошь да рядомъ, и которыя лучше всего обнаруживаютъ то горькое положеніе бѣдныхъ крестьянъ, которое такъ трогательно выражается въ пѣсни, еще съ сихъ поръ существующей на Волыни.

Ходыть попокъ по церковці,
У книжку читае:
—Ой, чомъ-же васъ, добрі люди,
У церкві не мае.
—Ой, якъ-же намъ, наноченьку
До церкві ходити:
Од неділі до неділі
Маемъ молотити [1]).

Инвентари подобныхъ имѣній, далеко не представляютъ той полноты, какую представляетъ инвентарь полонскаго имѣнія.

Мы имѣемъ извлеченія изъ четырехъ инвентарей имѣній Луцкаго повѣта;

1) Село Галичанское, Зборошевское и Скригаловское.

2) Дворъ Берестскій и дворецъ Зубелка

3) Замокъ Голятинскій.

Дворъ Козинскій.

Ни въ одномъ изъ этихъ инвентарей мы не находимъ никакихъ свѣденій о хозяйствѣ крестьянъ. Мы не знаемъ ни объема поземельнаго надѣла, ни количества скота, находившагося у нихъ во владѣніи. Мы знаемъ только, что они обязаны были работать *ежедневно*, платили денежный оброкъ отъ 12 до 60 грошей, слѣдовательно отъ 60 копѣекъ до 3 рублей и

---

[1]) Изъ Волынскихъ пѣсень, Костомарова (крестьяне юго-западной Россіи въ XVI в. Статья Мордовцова въ Архивѣ Калачова. Кн. III 1862 года стр. 39).

кромѣ того давали небольшой взносъ натурою. Мы можемъ сдѣлать только одно замѣчаніе, что чѣмъ больше, тѣмъ тяжелѣе дѣлались эти повинности. Первый изъ этихъ инвентарей относится къ 1563 году. Денежный оброкъ въ этомъ имѣніи состоялъ изъ 12 грошей. Послѣдній, относящійся къ 1596 году представляетъ уже оброкъ изъ 30 грошей.

Это единственные образчики, имѣющіеся у насъ подъ рукою, но и этихъ образчиковъ достаточно, чтобы получить нѣкоторое понятіе о положеніи крестьянъ на Волыни.

Въ нынѣшней кіевской губерніи, положеніе это было нѣсколько лучше, но не потому, чтобы кіевскіе помѣщики были гуманнѣе волынскихъ, а потому что у нихъ было гораздо менѣе средствъ безнаказанно притѣснять крестьянъ. Съ одной стороны, близость запорожской сѣчи, куда притѣсненные крестьяне бѣжали толпами, съ другой постоянная возможность нападенія со стороны крымскихъ татаръ, на сторону которыхъ могли перейти обиженные крестьяне, все это нѣсколько сдерживало помѣщиковъ.

Имѣющійся у нясъ рукописный инвентарь селъ Котельной и Паволочи[1]) 1682 года свидѣтельствуетъ, что повинности въ Паволочи *до бунтовъ* были слѣдующія: тѣ крестьяне, которые пользовались пол-волокою (pół-łanek) земли, работали отъ св. Войцеха до св. Мартина (лѣтнее время) по три дня и отъ св. Мартина до св. Войцеха (зимнее время) по два дня въ недѣлю. Имѣвшіе-же только по ¼ волоки земли работали лѣтомъ по два дня, а зимою по одному дню въ недѣлю. Кромѣ того платили десятину пчельную и давали по одному каплуну и по ½ мѣры овса въ годъ. Въ Котельной (нынѣ селеніе Житомирскаго уѣзда, почти на границѣ кіевской губерніи), крестьяне; имѣвшіе по волокѣ земли, платили 6 копъ грошей (18 рублей въ годъ), имѣвшіе полъ-волоки—3 копы грошей. Неимѣвшіе-же вовсе земли платили доброю монетою по злотому.

Здѣсь мы останавливаемся, не имѣя данныхъ для опредѣленія положенія помѣщичьихъ крестьянъ въ 1-й половинѣ XVII вѣка, до временъ Богдана Хмѣльницкаго. Со времени-же этихъ войнъ начинается порядокъ нѣсколько отличный отъ того, который существовалъ въ XVI вѣкѣ.

Вѣроятно богатыя хранилища матеріаловъ въ Вильнѣ и

---

[1]) Inwentarz osiadłosci miasta Kotelnicy, spisany 10 Oct. 1682 и—inwentarz osiadłosci miasta Pawołoczy, spisany 14 Oct. 1682. (Рукопись, принадлежащая М. А. Грабовскому).

въ Кіевѣ содержать много источниковъ, которые могутъ освѣтить хозяйственное положеніе помѣщиковъ и крестьянъ во все время польскаго владычества въ Малороссіи. Изученіе этихъ матеріаловъ представляетъ большой интересъ. Если-бы была возможность, взявъ за точку отправленія время послѣ татарскаго нашествія, когда слѣды этого нашествія уже немного изгладились, прослѣдить за развитіемъ хозяйственныхъ отношеній въ здѣшнемъ краѣ до нашего времени, то это изученіе моглобы принесть очень богатые плоды. Съ тѣхъ поръ, какъ Южная Русь, начала жить отдѣльною жизнью отъ Сѣверной, каждая изъ нихъ пошла въ своемъ историческомъ развитіи по отдѣльному пути. Узнать на сколько различныя условія вліяли на историческій ходъ жизни каждой изъ нихъ, къ какимъ результатамъ они привели, на сколько экономическій бытъ той и другой сохранилъ общія обѣимъ типическія черты и на сколько обѣ онѣ разошлись въ главныхъ основаніяхъ экономическаго быта, вотъ вопросы не разрѣшенные; разрѣшить ихъ не легко, но близкое ознакомленіе съ *народною* жизнью въ различныя переходныя точки ихъ историческаго развитія, открытіе причинъ, вліявшихъ на различныя измѣненія въ этомъ развитіи, все это можетъ значительно содѣйствовать правильному разрѣшенію вопроса, важность котораго, едва-ли кто-нибудь станетъ отвергать.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ указать на фактъ, имѣющій, по нашему мнѣнію, чрезвычайно важное значеніе: это именно тотъ фактъ, что произволъ помѣщика надъ крестьяниномъ и постепенное, систематическое окарнаніе (если можно такъ выразиться) правъ низшихъ сословій шли паралельно съ ослабленіемъ королевской власти и съ усиленіемъ дворянскаго сословія.

Такой фактъ невольно приводитъ къ мысли, что есть извѣстные періоды въ исторической жизни народовъ, когда необходима строгая централизація правительственной власти, хотя-бы даже и деспотическая.

Произволъ одного лица значительно обусловливается его личнымъ характеромъ; но исторія доказываетъ, что не всѣ государи были злодѣями. Произволъ-же отдѣльнаго сословія, при низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, при положительномъ невѣденіи самыхъ основныхъ правъ человѣка, падаетъ гораздо болѣе тяжелымъ гнетомъ на страну, нежели произволъ лица. Произволъ лица, при благопріятныхъ условіяхъ, не упускаетъ изъ виду ни одной части всего народнаго тѣла;

при произволѣ-же сословія благопріятныхъ условій не существуютъ. Составляя себѣ преувеличенное понятіе о своихъ правахъ и какъ будто забывая о своихъ обязанностяхъ, привилегированное сословіе старается эманципировать себя, и знать не хочетъ тѣхъ, которые не могутъ еще поднять голоса для своей защиты; оно кричитъ о свободѣ и на каждомъ шагу топчетъ ее ногами. Къ чему ведетъ конституціонное управленіе тамъ, гдѣ законность и права личности не вошли еще въ общественное сознаніе? Къ возмутительной монополіи одного сословія, въ ущербъ другимъ, къ совершенному раздвоенію народной жизни между сословіемъ привилегированнымъ и сословіемъ угнетеннымъ, къ деспотизму массы, проявляющемуся въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ.

Много бѣдствій можетъ породить и деспотизмъ лица: но такой деспотизмъ падаетъ на всѣхъ равномѣрно и притомъ рѣдко доходитъ до неограниченнаго произвола, если масса, вслѣдствіе укоренившихся историческихъ вѣрованій, не подчиняется этому произволу какъ-бы добровольно. Въ деспотизмѣ лица мы иногда встрѣчаемъ благородныя стремленія, искреннія или-же основанныя на расчетахъ самолюбія, это не наше дѣло. Когда эти благопріятныя условія не существуютъ, мы видимъ, что деспотъ разитъ всѣхъ. Царствованіе его падаетъ тяжелымъ гнетомъ на весь его народъ; оно является не слыханнымъ бѣдствіемъ, но когда оно окончилось, когда развитіе начинаетъ мало по малу проникать въ массы, когда безусловная вѣра въ авторитеты мало по малу изглаживается, тогда является одинъ народъ, раздѣленный, положимъ, на сословныя перегородки, но на перегородки весьма шаткія, не имѣющія никакой прочности, никакой исторической основы. Царствованіе деспота является бѣдствіемъ, пока оно продолжается. Но въ исторической жизни народа оно проходитъ незамѣтнымъ, а еще чаще приноситъ даже отрицательную пользу, вызывая реакцію.—

Деспотизмъ-же сословія не подвергается колебаніямъ: онъ идетъ своимъ путемъ черезъ цѣлые вѣка. Онъ укореняетъ взглядъ на сословныя преимущества. Привилегированное сословіе сростается съ этими преимуществами и не можетъ уже отъ нихъ отрѣшиться. Блистательный образчикъ этого мы видимъ и въ теперешнемъ польскомъ дворянствѣ, которое и подъ гуманной оболочкой не можетъ отрѣшиться отъ допотопнаго взгляда на свои сословныя права; мы видѣли какъ безсовѣстно пользова-

лись этими правами въ XVI вѣкѣ предки нынѣшнихъ польскихъ дворянъ, тоже, подобно имъ, прикрывавшіеся иногда либеральными и гуманными идеями.

Владиміръ Юзефовичъ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

III.

ОТВѢТЪ

»ОСНОВѢ«, вызванный статьею ея: »Историческая неправда и западно-россійскій патріотизмъ«.

(Основа. Іюль, 1862 г., стр. 1—13).

Со штыками на перевѣсъ, мы тихо подвигались къ непріятельскому лагеру. Прошли мы одну версту, и въ насъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ, какъ будто изъ нашихъ же укрѣпленій. Мы слышали свистъ чугуна въ воздухѣ; мы невольно остановились. Не раненъ ли кто, былъ почти единогласный вопросъ, вырвавшійся изъ устъ нашего отряда. Со всѣхъ сторонъ послышались отрицателные отвѣты. Мы успокоились. Выстрѣлъ былъ направленъ фальшиво. При всемъ томъ не благоразумно было бы идти впередъ, не развѣдавъ, что такое позади насъ— непріятель или измѣна? Мы поворотили назадъ. Входимъ въ свою крѣпость; на площади толпится множество народа, не менѣе насъ изумленнаго таинственностію предательскаго выстрѣла. На вопросъ нашъ: кто выстрѣлилъ, нѣкоторые отвѣчали, что видѣли, какъ, послѣ выстрѣла, побѣжалъ отъ дымившагося крѣпостнаго орудія пожилой тщедушный человѣчекъ и скрылся за развалинами и мусоромъ *основанія* какого то оригинальнаго и уродливаго зданія, которое какъ видно давно уже начато, но по всѣмъ примѣтамъ, никогда небудетъ окончено, частію по-

тому, что оно затѣяно на неудобномъ и спорномъ мѣстѣ, частію потому, что оно перемѣнило многихъ хозяевъ, равно несостоятельныхъ.

Смыслъ парободы слѣдующій: люди, сдѣлавшіе вылазку противъ непріятеля, это мы,—дѣлатели Вѣстника; выстрѣлъ, заставившій на время отложить вылазку, это статья Основы, поцитованная въ заголовкѣ настоящаго отзыва. Смыслъ побочныхъ вѣтвей этого сравненія такъ ясенъ, что мы боимся оскорбить догадливость нашихъ читателей дальнѣйшимъ его истолкованіемъ. Прибавимъ только, по поводу этого сближенія, кое что назидательное для самой Основы. Это вотъ что. Приведенная недавно парабола употреблена не для закрасы только настоящей статьи, а по требованію дѣла. Она такъ наглядно рисуетъ характеръ и направленіе Основы, такъ вѣрно и округло окачествливаетъ мысли и намѣренія дѣятелей ея, что мы могли бы здѣсь и остановиться, еслибъ Основа не имѣла нужды и, такъ сказать, не напрашивалась на отзывъ болѣе опредѣлительный и неизбѣжный. Мы бы простили Основѣ выстрѣлъ, сдѣланный по Вѣстнику, но мы не смѣемъ простить ей выстрѣла, направленнаго противъ *исторической истины*, пахнущаго дымомъ враговъ русскаго единодушія; мы бы не обратили даже вниманія на ея выходку, если бы менѣе были увѣрены въ томъ, что враги наши припишутъ ей много чести и значенія, построятъ на ней цѣлый рядъ миражей о законности своихъ тенденцій, объ отсутствіи родства между малою и великою Россіею, о враждебныхъ между ними отношеніяхъ, о желаніи первой комбинаціи съ Польшею и проч. и проч. ...

Какъ ни сдерживаетъ себя критикъ Основы, намѣренія его сквозятъ чрезъ восторженное желаніе, грустное воспоминаніе, натяжку историческихъ фактовъ, своеобразное толкованіе явленій прошедшей жизни, словомъ: тенденціи его очевидны. Далеко не такъ опредѣлительна теоретическая сторона критики. Она поражаетъ вниманіе читателя недомолвками, подъ вывѣскою частыхъ многоточій, обмолвками, нечаянно сорвавшимися съ языка, рѣдкою непослѣдовательностію въ развитіи мыслей, поминутными скачками отъ предмета къ предмету и другими качествами рѣчи нелогичной, несостоятельной, задорной. Мы

сказали—задорной, потому что этотъ задоръ и былъ едвали не главною причиною той несостоятельности и грубости критики Основы, которая сей часъ обрисована въ общихъ чертахъ. Когда человѣкъ сердитъ (а онъ чаще всего бываетъ сердитъ тогда, когда неправъ), онъ не можетъ удержаться въ сферѣ логичнаго обозрѣнія предмета; непослѣдовательность чувства мѣшаетъ послѣдовательности мысли, человѣкъ хватается за что попало, лишь бы поставить на своемъ, въ его скороговоркѣ вразсыпную не ищите ни связи, ни соображенія. Мы для того вынуждены были сдѣлать скорѣй эту оговорку, чтобъ имѣть право объединить положенія безименнаго критика Основы, разгруппировать ихъ по сходству предметовъ. Безъ этаго мы никакъ не угонялись бы за хаотическимъ смѣшеніемъ его сентенцій, софизмовъ и парадоксовъ. У всякаго свой талантъ, а намъ то особенно Богъ и не далъ таланту безименнаго критика—говорить обо всемъ вдругъ.

Вотъ главныя положенія критики Основы.

1. Въ изданіи и примѣненіи къ дѣлу Вѣстникомъ историческихъ матеріаловъ видны: односторонность, пристрастіе и недобросовѣстность.

2. Причиною угнетеній, которыя терпѣли русскіе въ эпоху тяготѣнія Польши надъ областями русскими, были не поляки и не польское правительство, а частію духъ времени, частію сами же русскіе.

3. Между великою и малою Россіею нѣтъ родства племеннаго и навязывать его первой не слѣдуетъ, подъ опасеніемъ передѣлки ея (*хоть*) въ нѣмцевъ.

4. *Поляно-руссы*—народъ неизвѣстный. Желаніе Основы, чтобы Вѣстникъ удѣлялъ больше *вниманія современному положенію края. (?)* Надѣемся, что Основа не уличитъ насъ въ невѣрной передачѣ ея положеній.

I.

Послѣ глумленія надъ нашимъ патріотизмомъ (который не безъ умысла названъ *россійскимъ)*, послѣ ненужнаго для дѣла, невольно приводящаго на память лобзаніе Іудино, комплимента редактору-издателю Вѣстника юго-западной и западной Россіи, критикъ Основы, съ нелогичностію, доходящею до противорѣчія, начинаетъ уличать Вѣстникъ въ недобросовѣстномъ употребленіи тѣхъ самыхъ матеріаловъ, которыхъ *обработка*, нѣсколькими строками выше, названа *добросовѣстною.* По на-

шему крайнему убѣжденію добросовѣстно обработанный документъ, подлинность и достовѣрность котораго не подлежитъ сомнѣнію, не можетъ уже ни въ какомъ отношеніи названъ быть недобросовѣстнымъ, смыслъ его остается яснымъ и неизмѣннымъ, фактъ, вызвавшій его—существующимъ, вопреки безсильной злости людей, желающихъ его исчезновенія. Въ такомъ случаѣ даже документъ противоположный добросовѣстно обработанному и несомнѣнному матеріалу не можетъ ослабить его крѣпости, переиначить характеръ и значеніе воспроизводимаго или подтверждаемаго имъ историческаго явленія. Очевидно, что одинъ изъ двухъ документовъ не имѣетъ исторической достовѣрности и, конечно, не тотъ, который обработанъ добросовѣстно и непобѣдимость котораго аттестована. Если же подобныхъ документовъ будетъ обработана цѣлая группа, если они станутъ рядомъ и будутъ вопіять въ одинъ голосъ то, а не другое о характерѣ извѣстныхъ явленій прошедшей жизни, то эти явленія должно понимать только такъ, какъ онѣ заявлены въ документахъ, не иначе, то пререкать силѣ и значенію этихъ документовъ—значитъ нарочно закрывать глаза, чтобы невидѣть непріятнаго предмета, значитъ страдать болѣзнію абсолютнаго отрицанія. Такимъ образомъ, чѣмъ больше будетъ воспроизведено документовъ, *относящихся къ одной группѣ явленій*, тѣмъ менѣе смыслъ этихъ явленій можетъ быть для насъ загадоченъ, тѣмъ менѣе возможно логичное сомнѣніе въ ихъ достовѣрности, тѣмъ менѣе мыслимо противоположное толкованіе ихъ смысла. Если, наприм., всѣ документы историческіе говорятъ, что Византія была разорена и покорена музульманами, что послѣ Павла I вступилъ на престолъ сынъ его Александръ I; если всѣ документы говорятъ, что Польша угнетала подвластныя ей области русскія, хотѣла убить въ русинахъ ихъ языкъ и религію, ихъ народность и автономію, то все это было такъ, а неиначе; то *окрасить*—или точнѣе—перекрасить эти документы *нравящимися для насъ цвѣтами* — выше силъ человѣческихъ; окрасить ихъ можно неиначе, какъ заливъ чернилами. Таковы именно и документы, воспроизводимые Вѣстникомъ. Ихъ достовѣрность непобѣдима; одинаковость ихъ характера, ручается за одинаковость и непрерывность *группы явленій;* ихъ сила въ ихъ согласіи; они отрицаютъ всякую возможность противоположнаго толкованія этихъ явленій,—въ нихъ *историческая истина.* Собранія другихъ документовъ, еслибъ они и были возможны, мы недѣлали своею задачею; это дѣло поляковъ и ихъ клевретовъ. Мы и предоставляемъ имъ это право, а сами будемъ идти тою

дорогой, на которую вступили и на которой свѣтитъ намъ путеводная звѣзда, красующаяся на нашемъ знамени богини исторіи. Мы не можемъ противорѣчить себѣ или точнѣй истинѣ въ одно и тоже время. Странный былъ бы тотъ журналъ, который бы отвергалъ самъ себя, служилъ и дѣлу Польши и Россіи, усиливался бы доказать и *да* и *нѣтъ*, преслѣдовалъ два противоположныя направленія, рѣшалъ двѣ противорѣчащія одна другой задачи. Впрочемъ мы съ удовольствіемъ отмежуемъ на страницахъ Вѣстника мѣсто и такому документу, который будетъ противорѣчить нашимъ, лишь бы этотъ документъ выдержалъ историческую критику, не былъ такою отрывочною частію, по которой никакъ нельзя составить понятія о характерѣ цѣлаго. Но въ томъ то и дѣло, что подобныхъ документовъ доселѣ не открывается и никогда не откроется. Какъ ни бились и ни бьются наши супостаты, они доселѣ не могли противопоставить ничего путнаго, воззрѣніямъ, проводимымъ Вѣстникомъ, доселѣ не могли доказать, что тенденціи его *противны чистой наукѣ*, что на историческихъ матеріалахъ ето виднѣется цвѣтъ искуственный, а не самородный.

После сказаннаго, критикъ не имѣетъ никакого права гнѣваться на Вѣстникъ, что онъ не нашелъ и не можетъ и не станетъ находить документовъ, нравящихся Основѣ, относящихся къ *другой* группѣ явленій, никогда не бывалыхъ, тѣмъ болѣе не станетъ въ угодность критику прятаться съ тѣми, которые подтверждаютъ несомнѣнность *одинаковой* группы явленій, или окрашивать ихъ любимымъ цвѣтомъ Основы, навязывать имъ *свой* смыслъ, вмѣсто подлиннаго, несомнѣннаго. Послѣ сказаннаго критикъ пойметъ (если захочетъ) и то, отъ чего Кіевская Археографическая Коммиссія доселѣ находила и издавала въ свѣтъ такіе только старые акты, которые можно назвать, вмѣстѣ съ г. Падалицею, *кислицами* и отъ чего г. Юзефовичъ »не отвергая точности этой метафоры, сказалъ съ грустію непобѣдимую истину:« чтожъ дѣлать, когда негдѣ взять другихъ плодовъ и приходится подчивать поляковъ такими, какіе насадили (или точнѣе привили и выростили) ихъ предки«. Да, ихъ взять не гдѣ, потому что, въ примѣненіи ихъ къ рѣшенію международныхъ, русско - польскихъ вопросовъ ихъ не было. Критику видимо хотѣлось и хочется отвлечь только вниманіе наше и другихъ отъ этихъ терпкихъ фруктовъ и устремить его на *изслѣдованія быта шляхетскаго, духовнаго, городскаго, сельскаго* и проч. и проч. Какъ будто мы отрекались отъ этихъ изслѣдованій, какъ будто въ одной книжкѣ Вѣстника

можно было уловить все проявленіе прошедшей жизни, съ различными *схожденіями, расхожденіями, сплетеніями, перемѣнами понятій* (нечего сказать—понятія плетутся на славу!) и какъ будто, наконецъ, подобныя изслѣдованія поведутъ къ угощенію поляковъ и ихъ сотрапезниковъ чѣмъ либо другимъ, кромѣ тѣхъ же кислицъ. Сколько уже бьются и наши и чужіе, и разные коммиссіи, общества, и частныя лица, чтобы поставить на столъ что либо посоложе, однакожъ доселѣ *труды* ихъ для этой цѣли остаются безплодными,—сплошь да рядомъ—все кислицы да кислицы. Вотъ ужъ и мы являемся предъ читающею публикою съ 6 книжкою Вѣстника и порылись таки въ пыли архивной не меньше кого либо другаго, а что же вышло? Лишь только поднесемъ фруктикъ непрошенымъ гостямъ, кисло, говорятъ, и кривляются, и чихаютъ, а проглотить не могутъ. Пусть себѣ критикъ Основы соуслаждается надеждою обрѣтенія въ исторіи Польши какой то живой воды; мы только можемъ пожалѣть о его самообольщеніи, а за предлагаемую имъ воду не дадимъ и стакана воздуха. Да и сравненіе-то его ниже всякой критики. Сравненіе—не доказательство, говорятъ французы; но они правы только на половину. Не будучи доказательствомъ, въ буквальномъ значеніи этого слова, достаточною, то есть, причиной для подтвержденія извѣстнаго положенія, сравненіе тѣмъ не менѣе есть самый лучшій пріемъ къ истолкованію предмета, къ наглядному уясненію того, что ускользаетъ отъ осязанія нашихъ чувствъ. Человѣку, обладающему не однимъ только физическимъ зрѣніемъ, должно быть извѣстно, что между міромъ физическимъ и нравственнымъ нѣтъ противорѣчія, что между явленіями этихъ міровъ есть прямая и очевидная аналогія, есть точки соприкосновенія, дѣлающія возможнымъ совмѣстное ихъ существованіе и непозволяющія имъ распасться. Найдти эти точки, эту аналогію предмета видимаго, извѣстнаго съ невидимымъ, X, значитъ построить самое удачное сближеніе. Кто, наприм., не видитъ, что свѣтъ и истина — одно явленіе, только лишь принадлежащее разнымъ отдѣламъ міра и проявляющееся разными способами! Кто не видитъ въ бурѣ физической подобія бурь душевныхъ, въ тучахъ—сходства съ печалью,—дождѣ—съ слезами, въ веснѣ съ юностью, въ тихомъ, безоблачномъ днѣ осеннемъ—подобія мирной старости, въ зимѣ—символа смерти и т. п! Къ такому роду сближеній относится и то, которое, въ несчастную для г. Падалицы секунду, сорвалось съ его языка,—уподобленіе польскихъ дѣяній кислицамъ, уподобленіе, которое такъ удачно подхватилъ, развилъ и при-

мѣнилъ къ дѣлу г. Юзефовичъ. Это сравненіе дѣлъ человѣческихъ съ плодами дерева—болѣе чѣмъ удачно: оно единственное,—еще болѣе—оно библейское; оно любимое сближеніе Небеснаго Учителя, который сказалъ: *отъ плодовъ ихъ* (людей), *узнаете ихъ, злое дерево не можетъ приносить добрыхъ плодовъ* * и проч. Не таково подобіе критика Основы. Оно и не логично, и не естественно. Г. Юзефовичъ говоритъ о плодахъ, а критикъ его о водѣ, то есть вноситъ въ силлогизмъ лишнюю идею. Критикъ не могъ втиснуть своей идеи въ сферу сближенія, подхваченнаго г. Юзефовичемъ и метнулся въ сторону. Да и много ли сходства между водою и дѣлами человѣческими? Почти столько же, сколько между фруктомъ и влагою, которою питается дерево. Да и могутъ ли быть дѣянія человѣческія такъ безвкусны, какъ вода? Нужно имѣть вкусъ критика, чтобы не ощущать въ нихъ ни горечи, ни кислоты, ни сладости. Назовите хоть одно дѣяніе *историческое*, которое неимѣло бы ни одного изъ этихъ оттѣнковъ вкуса, было совершенно безцвѣтно, безразлично. Всякое изъ нихъ непремѣнно или сѣмячко изъ фрукта, или самый фруктъ, или прививокъ къ дереву,—всякое, то есть, можетъ быть объясняемо сближеніемъ съ фруктами. Мы отъ того такъ на долго остановились возлѣ сравненія критика Основы, что онъ какъ-то особенно самодовольно выдвигаетъ его на первый планъ картины и даже положилъ его въ фундаментъ для цѣлой постройки разнаго *сплетенія понятій*.

Мы могли бы пройдти молчаніемъ упреки критика за перепечатыванье разныхъ документовъ, за полемическое направленіе Вѣстника, если бы могли быть увѣрены, что критикъ сочтетъ наше молчаніе знакомъ скромности, а не согласія и безсилія. Замашка его не такъ мирна, чтобы съ нимъ можно было встрѣтиться безоружному. Вотъ только почему мы вынуждены сказать критику назиданіе въ родѣ этаго: ваши придирки изъ рукъ вонъ дики и капризны. Развѣ отъ того, что документъ перепечатается, онъ дѣлается менѣе важенъ, менѣе достовѣренъ? Развѣ существуетъ законъ, возбраняющій печатанье до-

*) Отъ того и метафора естественнѣе и выразительнѣе та, которая попадаетъ на эти точки соприкосновенія. Таковы популярныя метафоры: свѣтъ истины, буря страстей, туча скорби, небо плачетъ, весна нашей жизни, безоблачная осень жизни, зима смерть и т. п. Но сказать: вода дѣлъ человѣческихъ, можетъ только тотъ, кто не стѣсняется сходствомъ или не сходствомъ между двумя предметами и, для объясненія одного другимъ, беретъ тотъ, который легко уживается съ его парадоксомъ.

кумента, который разъ уже гдѣ либо напечатанъ? Развѣ вы не знаете, что документы нами воспроизводимые можно отрывать только большею частію въ трудахъ ученыхъ обществъ, комиссій, дѣятельность которыхъ составляетъ достояніе лишь кабинетовъ не многихъ спеціалистовъ, тогда какъ мы сдѣлали задачею своею выдвигать эти документы изъ подъ спуда, популизировать и проводить въ массы народныя? Развѣ не видите, что эти документы служатъ у насъ фундаментомъ зданія, безъ которыхъ оно висѣло бы на воздухѣ, не видите, какъ группа извѣстныхъ документовъ тѣсно граничитъ съ выводами, статьями, монографіями, которыя или предшествуютъ документамъ, или отсылаютъ къ нимъ незнающихъ или невѣрующихъ? Развѣ отъ того, что извѣстное сочиненіе напечатано, оно уже не смѣетъ выходить въ свѣтъ другимъ—третьимъ изданіемъ? Развѣ отъ того, что вы поцитуете извѣстный текстъ изъ св. писанія, онъ дѣлается вашею безраздѣльною собственностью и ни кто уже цитовать его не смѣетъ? А текстъ для богослова тоже, что древній документъ для историка, онъ и существуетъ для пригоднаго употребленія всѣмъ и каждому. Нѣтъ, г. критикъ, мы видимъ, что вамъ не нравится не столько перепечатаніе документовъ, сколько самые документы, отъ перечатыванія дѣлающіеся, конечно, для нѣкоторыхъ невыносимыми кислицами. Въ такихъ же отношеніяхъ стоите вы и къ *полемическому направленію Вѣстника.* Развѣ онъ далъ вамъ поводъ думать, что полемика не его дѣло? Развѣ журналъ, обязанный своимъ бытіемъ объявленной намъ нравственной войнѣ враговъ нашей вѣры и народности, *смѣетъ* отказаться отъ полемики? Прочтите наше объявленіе и скажите по совѣсти—устраняетъ ли 3-й отдѣлъ нашего журнала полемику? Видно какъ день, что вы хотите сбить насъ съ пути полемики не для пользы Вѣстника или международныхъ вопросовъ, а для безопаснаго вояжа своей Основы и ея тенденцій. Чувство самосохраненія похвальное и довольно смышленое! Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, если, идя своей полемической дорогой, Вѣстникъ какъ нибудь столкнется на этой дорогѣ съ Основой? Драться имъ не приходится, отступить трудно и стыдно, а идти вмѣстѣ—значило бы подвергать себя опасности извѣстнаго глинянаго горшка, задумавшаго путешествовать вмѣстѣ съ мѣднымъ казаномъ. Имѣяй уши слышати, да слышитъ! Но, простите насъ, читатель, если мы утомили васъ по неволѣ личною бесѣдою съ нашимъ критикомъ о такомъ предметѣ, на который, безъ особыхъ побужденій, не стоило бы расходовать и пары словъ.

Но нигдѣ такъ не видно у критика торжество побѣдителя, какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сравниваетъ автора статьи »Литва въ отношенiи къ Россiи и Польшѣ« съ извѣстнымъ сочинителемъ историческихъ документовъ, г. Падалицею. Тутъ критикъ рѣшительно не умолимъ. Этотъ его аргументъ, какъ главнѣйшiй, и сбереженъ имъ для десерта. Сильнѣй его (по мнѣнiю критика) только ударъ, нанесенный г. Воронину. За то этотъ ударъ, по теорiи древнихъ реторикъ, какъ аргументъ самый сильный, и заключаетъ угощенiе Основою Вѣстника. Это что-то въ родѣ кофе Основы. Но не тѣшьте себя, г. критикъ, заранѣе увѣнчанiемъ геройской головы вашей вѣнцемъ побѣднымъ. Сдѣлали вы, правда, натискъ ръяный, нѣсколько даже восточный (чтобы не выразиться о немъ не деликатнѣе), но вы забыли немножко крѣпость европейскаго карэ и смертоносность ихъ штыковъ. Дѣло идетъ о крещенiи въ православную вѣру Витовта или Витольда, великаго князя литовскаго. Авторъ названной недавно статьи—«Литва» и проч. говоритъ: »многiе первый разъ услышатъ, что литовскiй князь — богатырь, составлявшiй гордость народа литовскаго, былъ сыномъ православной церкви. Но это подтверждается словами... Длугоша.« Слѣдуетъ извѣстная цитата. Что она подтверждаетъ? Почти ничего. Доказываетъ ли она то, что Витовтъ составлялъ гордость народа литовскаго, или, что онъ принялъ православiе, неизвѣстно. Положимъ, что первое недоумѣнiе — натяжка; въ такомъ случаѣ цитата дѣйствительно немножко двусмысленна. Куда отнесть слово illi; отъ чего по одному чтенiю выходитъ afficiebantur, по другому—addicti erant? Не руководствовались ли авторъ статьи и критикъ разными редакцiями Длугоша, съ различными чтенiями, влiяющими на разность смысла и, быть можетъ, умышленно искаженными о. о. унiатами и iезуитами? Отвѣты на эти вопросы не такъ категоричны, какъ кажется критику. Но, положимъ даже, что авторъ статьи торопливо взглянулъ на Длугоша, нашелъ не нужнымъ слово hunc, отнесъ слово illi къ Витовту, увлекся словомъ Ruthenorum, ritus identitatem, усвоилъ цитатѣ не тотъ смыслъ, который долженъ быть ей усвоенъ,—чтожъ изъ этого видно? Ни больше ни меньше какъ только одно,—что авторъ впалъ въ весьма популярную, весьма извинительную ошибку—различнаго (пожалуй, невѣрнаго) толкованiя цитаты, — не болѣе; но отнюдь не видно того, чтобы онъ навязалъ это толкованiе цитатѣ злонамѣренно, допустилъ недобросовѣстность историческую, равносильную сочиненiю документовъ—*ананасовъ* когда они нужны, какъ жизнь, когда ихъ

нѣтъ въ нашей аранжереѣ, а все только попадаются кислицы. Намѣренія можетъ видѣть одинъ только Богъ. Критику постоянно мерещится недобросовѣстность во всѣхъ и во всемъ. Нельзя ли объяснить этой подозрительности, этого постоянства миража какими нибудь субъективными качествами критики или хоть польскимъ афоризмомъ: ta krowa, która wiele ryczy, najmney mleka daie? А что въ цитатѣ автора статьи Литва и пр. нѣтъ правящаго глагола, это отъ того, что авторъ приводилъ только то мѣсто, которое ему представлялось необходимымъ, замѣнивъ остальное знакомъ опущенія или многоточіемъ, которое промахнула и типографія и корректура. Такія цитаты попадаются у всѣхъ писателей. На подобные *сучцы* можетъ обращать вниманіе одна придирка.

Что недавно сдѣланный намекъ на сомнительную честность въ обращеніи нашего критика съ историческими матеріалами слишкомъ недалекъ отъ аксіомы, это подтверждается тѣмъ, что онъ увидѣлъ *сучецъ* (и то воображаемый) въ глазѣ (одномъ) брата своего, тогда какъ оба его глаза были завалены цѣлымъ бревномъ недобросовѣстности, въ минуту взгляда его на православіе Витовта. Тутъ ужъ дѣло не въ буквѣ, которая можетъ и docere и nocere, а въ дѣлѣ—въ умышленномъ отрицаніи и искаженіи г. критикомъ факта крещенія Витовта въ православную вѣру. Пропустивъ цѣлую группу доказательствъ, подтверждающихъ несомнѣнность этого факта, какъ то: свидѣтельство Нарбута и Ярошевича, грамату Витовта, данную православному троцкому монастырю 23 августа 1384 г., и лѣтопись Новгородскую, — критикъ съ безпримѣрною безцеремонностію (чтобъ не сказать болѣе) обращается съ самымъ яснымъ доказательствомъ автора,—свидѣтельствомъ Виганда. Критикъ, даже не поморщившись, цитуетъ изъ Виганда то мѣсто, которое трактуетъ о крещеніи Витовта у крестоносцевъ и какъ ни въ чемъ не бывало бракуетъ—ни больше ни меньше—какъ эти слова Виганда: post hoc (послѣ предыдущихъ, т. е., обстоятельствъ, въ томъ числѣ и крещенія [о которомъ говоритъ положительно и авторъ »Литвы и проч.] у рыцарей креста и возврата на родину) fecit se Ruthenice baptizare. Чтожъ это, г. критикъ,—шутка или что либо другое? Это что-то покрупнѣе бревна недобросовѣстности. Тутъ ужъ самъ г. Падалица становится предъ вами просто школьникомъ въ мастерствѣ выкидыванія разныхъ *художествъ,* въ окрашиваніи документовъ и метаморфозѣ кислицъ въ ананасы. По неволѣ повторяются слова критика съ измѣненіемъ только немногихъ словъ: »Wet

za wet! Г. критикъ и Падалица (разница между ними недавно указана) воюютъ однимъ оружіемъ: они смѣло пропускаютъ въ цитатахъ и аргументахъ то, что имъ не нравится. Вотъ до чего доводитъ пристрастіе. Неужели подобныя средства могутъ сдѣлать честь человѣку какой бы то ни было репутаціи«?...

II.

Критикъ Основы такъ снисходителенъ, что не отвергаетъ *насилій,* какія терпѣло *православіе* отъ поляковъ и такъ смѣлъ и индифферентиченъ, что изумляется *польскимъ патріотамъ,* старающимся *укрыть и смягчить эту горькую истину.* Хвалитесь, дескать, друзья любезные, этими насиліями; къ чему излишняя скромность! Вѣдь вы не принимали никакого участія въ этихъ насиліяхъ! Полно—такъ ли? Это ужъ—самое отчаянное сальто-мортале историческое,—это ужъ не пропускъ не нравящихся въ цитатѣ словъ, а глумленіе надъ 4-хъ вѣковою исторіей западнаго края Россіи, умышленное закрытіе глазъ отъ безконечной вереницы докучливыхъ видѣній, вызванныхъ исторіей для укора нашей совѣсти. Ктоже былъ причиною тѣхъ гоненій, тѣхъ истязаній, того попранія всякаго права, отъ которыхъ задыхались русины подъ гнетомъ Польши? Кто лишалъ православныхъ мѣста въ сенатѣ, отчуждалъ ихъ отъ государственныхъ должностей, конфисковалъ имѣнія, запрещалъ исповѣдывать православную вѣру въ цѣлыхъ областяхъ *, посредственно или непосредственно былъ причиною повседневныхъ, вѣковыхъ страданій, пытокъ, систематическаго преслѣдованія церкви православной, изувѣрскаго глумленія надъ нею даже жида? Короли, вельможи, паны и *подпанки* польскіе! Документами, подтверждающими постоянство и несомнѣнность этихъ тяжкихъ гоненій, можно запрудить Неву. Десятки ихъ, воспроизведены уже, а сотни еще явятся на страницахъ Вѣстника. Вся статья г. Синицкаго: »Характеръ церковнаго управленія« и проч. есть сплошное доказательство происхожденія гоненій на православіе изъ указаннаго нами источника. Про-

* Наприм. Казиміръ В. въ Галиціи, Баторій, Сигизмундъ III Владиславъ IV, въ Литвѣ, Бѣлоруси и частію Малоруси и друг. О первомъ изъ нихъ весьма выразительно отзывается Морачевскій: »Dzieje Rzeczy pospolitey Polskiey, T. I, стран. 195, 196.

тестами и жалобами, поданными отъ православныхъ въ разныя мѣста, разнымъ лицамъ, начиная отъ короля и сеймовъ генеральныхъ, до сеймиковъ и книгъ *Градскихъ*, Земскихъ и Трибунальныхъ, можно было бы истопить всѣ бани какой нибудь *Александріи*.

Но всѣ эти гоненія и насилія были дѣломъ *своеволія частныхъ лицъ,* возражаетъ критикъ Основы. Какихъ это *частныхъ,* г. критикъ? Подъ именемъ частныхъ лицъ можно разумѣть или лицъ не административныхъ, не служебныхъ, или, пожалуй, нѣкоторыхъ, немногихъ, какъ вы, кажется, понимаете. Но развѣ короли, нунціи, примасы, воеводы, старосты и проч. небыли лицами административными, и развѣ не всѣ они, то водиночку, то дружно, были и явными и тайными, вѣковыми врагами русской народности и православія? Но развѣ тысячи пановъ и *подпанковъ,* тысячи ксендзовъ, сотни чиновниковъ, десятки магнатовъ, сотни тысячъ жидовъ клевретовъ панства и союзниковъ ихъ въ дѣлѣ угнетенія и обнищанія русиновъ, могутъ быть названы только *нѣкоторыми,* немногими врагами нашихъ предковъ? Подобный произволъ въ употребленіи слова умѣстенъ тогда только, когда неточностію выраженія хочется замаскировать дѣло и защитить больное зрѣніе отъ яркихъ лучей истины.

Мы и неспоримъ съ критикомъ на счетъ того, что *причины* указанныхъ *насилій лежатъ не въ духѣ нѣтерпимости и фанатизма польскаго народа.* Но опять таки не мѣшаетъ установить ясное понятіе объ идеѣ *народа.* Если критикъ подъ именемъ его разумѣетъ *одно* простолюдье польское, *хлопство,* то мы согласны съ нимъ болѣе чѣмъ на половину, и даже можемъ указать причины этого согласія. Простолюдье польское было собственно *славянское.* Его славянизмъ, единство его преданій, склада бытоваго, примѣтъ физіологическихъ и психическихъ, общность злополучія, всегда роднило его душой и тѣломъ со всякимъ славяниномъ, влекло его симпатіи ко всему единоплеменному, не зависимо отъ разности религіозныхъ убѣжденій. *Польскій славянинъ* скорѣе сердцемъ, нежели памятью, помнилъ родство свое, прежнее свое единовѣріе съ *русскимъ,* пропаганда всегда была ненавистна его славянской натурѣ. Но и тутъ опять таки не слѣдуетъ слишкомъ обобщать идеи народа. Говоря объ отношеніяхъ его политическихъ или религіозныхъ къ русинамъ, всегда нужно опредѣлить эпоху и мѣстность разсматриваемыхъ явленій. По мѣрѣ того, какъ католицизмъ или точнѣе пропаганда въѣдалась въ мозгъ и сердца польской шляхты и администраціи, и народъ польскій болѣе или менѣе подчинялся дѣйствію этой эпидеміи, ржавчины,

костоѣды, назовите, какъ хотите. Совсѣмъ иное дѣло народъ Пяста и иное Сигизмунда III. Между этими крайностями есть еще болѣе или менѣе ясные оттѣнки терпимости или фанатизма. Не полагая иниціативы гоненія на русскую народность и православіе, народъ польскій и даже ополяченный и окатоличенный нерѣдко былъ орудіемъ истязанія православныхъ, болѣе или менѣе произвольно служилъ чѣмъ могъ творцамъ насилій и двигателямъ пропаганды. Такихъ примѣровъ въ исторіи здѣшняго края довольно. Но не въ томъ существо дѣла, терпѣлъ ли народъ русскій насилія отъ частныхъ лицъ или отъ народа польскаго, отъ пришлыхъ сарматовъ или славянъ, а въ томъ терпѣлъ ли и въ какой степени. Ктобы недавилъ его, ему отъ этого небыло легче. И выписка изъ г. Иванишева, на которую опирается съ такою торжественностію Основа, ничего неговоритъ вопреки приведенной сію минуту истины и убѣжденій Вѣстника. Онъ тоже говоритъ, что къ славянской вѣротерпимости привилась въ полякахъ давно нетерпимость католицизма, отъ которой страдала и Польша и Русь, что Польша даже немогла (даже когда хотѣла) отстоять равноправность десидентовъ и свободу православія, что слѣдовательно—такъ ли или иначе—православные страдали беззащитно, безконтрольно. Если г. Иванишевъ и поставляетъ на видъ безразличное отношеніе въ дѣлахъ религіи польскаго дворянства къ ксендзу или священнику; то этихъ случаевъ было очень мало и всѣ они объясняются или индифферентизмомъ немногихъ ренегатовъ въ дѣлѣ религіи, или невозможностью воспользоваться услугами ксендза, по случаю отсутствія его или отдаленности, соединенному съ нуждою безотлагательнаго совершенія христіанской требы, неимѣющаго существеннаго различія по уставамъ православнаго и католическаго вѣроисповѣданія. Что касается сеймовыхъ голосовъ, какъ будто благопріятствовавшихъ иногда вѣротерпимости, то, не отвергая ихъ наличности, мы все таки неможемъ приписать имъ той чести, которой они незаслуживаютъ—ни по своей иниціативѣ, ни по результатамъ. Всякій разъ, какъ только на сеймѣ раздавались многіе или немногіе голоса въ пользу православія, они были исторгаемы изъ панской груди не вѣротерпимостью, для которой нѣтъ даже названія * на поль-

(1) У нихъ для выраженія этой идеи заимствовано слово изъ латынскаго языка Tolerantia. Михаловскій говоритъ по этому поводу: къ чему говорить о терпимости тѣхъ, у кого, въ ихъ собственномъ языкѣ, даже нѣтъ словъ для названія. Michałowski изд. граф. Генр. Ржевускимъ С. П. Б. и Могилевъ. 1855—57 г. Ч. I. стр. 154

своемъ языкѣ, а грознымъ говоромъ, съ побрякиваньемъ *шаблюками,* Сѣчи или бурнымъ движеніемъ *люду* въ той либо другой области русской, или коалиціей честнаго козачества, или сочувствіемъ судьбѣ единовѣрцевъ и соплеменниковъ Великой Россіи, или виднѣющаяся въ недалекой перспективѣ внутренняя либо внѣшняя опасность. Только страхъ и расчетъ могъ и можетъ вызвать изъ духа католика слово терпимости, но отнюдь не разумное убѣжденіе, не жалобы безащитныхъ страдальцевъ, не краснорѣчіе Кониских. Если же, наконецъ, и вырабатывалось какое либо сеймовое постановленіе, королевскій декретъ, универсалъ, привиллегія, согласныя съ нуждами Руси и православія, вы можете быть смѣло увѣрены, что онѣ никогда не были выполняемы. Между закономъ и исполненіемъ у поляковъ весьма была слабая связь, а въ дѣлѣ примѣненія закона къ гарантіи русской народности и православія — ровно никакой. Король смѣло могъ давать универсалы, писать декреты, ни сколько не опасаясь ихъ исполненія, какъ я, напр., могъ бы дать кому нибудь на бумагѣ мильонъ, не рискуя сдѣлаться отъ того бѣднѣе и копѣйкой. Онъ зналъ, что его гуманность не причинитъ ни какого ущерба пропагандѣ, что католики исполнители не наложатъ руки сами на себя, такъ что и честь его останется при немъ и угнетеніе православія, въ слѣдствіе его толеранціи, можетъ еще усугубиться для »chwały Bozkiey,« усердіемъ фанатиковъ властей, пановъ, ксендзовъ и проч. Словомъ: никто не докажетъ намъ, ни однимъ фактомъ историческимъ, чтобы извѣстный законъ, декретъ или что либо въ этомъ родѣ, были добросовѣстно примѣнены къ дѣлу православія. За то декреты, постановленія, граматы противоположнаго содержанія и направленія выполнялись съ изумительною торопливостію, неразборчивостію и преувеличеніемъ. Однѣ и тѣже личности въ этомъ случаѣ являлись образчиками исполнительной власти.

Выгородивъ и польскій народъ и администрацію отъ отвѣтственности за гоненія народности русской и православія, и оставивъ такимъ образомъ явленіе почти безъ причинъ, — критикъ Основы, прибѣгаетъ къ новому и, по его мнѣнію, самому сильному аргументу невинности, чуть не святости, поляковъ. *Польша,* говоритъ критикъ, *платя данъ вѣку, все таки всравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось въ тѣ времена въ З(з)ападной Европѣ, была вѣротерпимою и гуманною страною.* Критикъ — не первый заимствуетъ аргументъ отъ моды и подражанія. Но этотъ аргументъ не дѣлается состоятельнѣе отъ своей популярности. Будучи довольно сносенъ въ дѣлѣ теоріи,

онъ оказывается слишкомъ безбожнымъ въ примѣненіи къ практикѣ, довольно безразличный въ примѣненіи къ кринолинамъ, онъ является звѣрскимъ въ приложеніи къ гоненіямъ за вѣру. Жгите, рѣжьте, давите, друзья православныхъ, продавайте реликвіи ихъ жиду, не стѣсняйтесь отнятіемъ у нихъ всего, что отнять можете, а вы, гонимые, молчите, не стѣсняйтесь причиняемыми вамъ насиліями и муками, ни кого за нихъ не пеняйте; — это теперь въ модѣ, это, дескать, дѣлается и въ Испаніи и во Франціи и т. д., это виноватъ одинъ *духъ времени*. Хорошъ аргументъ, хорошо и утѣшеніе! Но мы не такъ идеальны, чтобъ искать причинъ злополучія нашихъ предковъ въ отвлеченной идеѣ духа времени, когда намъ исторія указываетъ на причины съ тѣломъ и костями, съ *духомъ польскимъ,* — и не такъ развращены, чтобы могли утѣшить себя въ злополучіи злополучіемъ другихъ, о существованіи которыхъ мы, быть можетъ, и не знаемъ. Нужно быть двойнымъ аматеромъ злополучія, чтобы сказать: пусть рѣжутъ и меня, когда рѣжутъ другихъ. Не думаемъ, чтобы Петру было легче отъ того, что гдѣ-то за морями и лѣсами терзаютъ въ тоже время неизвѣстнаго Ивана. Если у этаго Петра есть сердце, есть христіанское братолюбіе, если онъ знаетъ Ивана, его страданія должны даже удвоиться отъ страданій Ивана. Только діаволъ любитъ утѣшаться въ своемъ горѣ возможно большею группою раздѣляющихъ его участь. Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, было бы отыскать въ исторіи образчикъ такого гоненія русиновъ, при развитіи котораго, при вопляхъ и стонахъ гонимаго, гонители говорили бы имъ: чего вы горланите; мы тутъ Богу душою виноваты; это васъ терзаетъ духъ времени! Гонимые, вѣроятно, не поняли бы даже этаго утѣшенія. Да и терзанія эти для компаніи—не такъ блѣдны предъ разными ужасами религіознаго фанатизма Европы, какъ ихъ хотѣлось бы поставить критику. Та или другая рѣзня, та или другая вспышка кровавыхъ явленій инквизиціи,—слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ моральными и физическими, постоянными истязаніями 10 мильоннаго населенія, въ теченіи вѣковъ,—истязаніями, содня на день въѣдавшимися въ народъ русскій, притупившими въ немъ чувство сознанія, чувство права своего человѣчества, повергшими его въ какое то идіотство неразумныхъ животныхъ, остановившими его развитіе на цѣлые вѣка. Это было не минутное пламя какого нибудь авто-да-фе инсвизиціи, нѣсколько часовая рѣзня протестантовъ въ варѳоломеевккую ночь, а тотъ медленный, непрерывный, ѣдкій огонекъ, который, прожегши тѣло и кости, начинаетъ жечь душу, — не

тотъ проливной дождь, который больше производитъ шуму, нежели влаги, а тотъ мелкій, но спорый и продолжительный дождикъ осенній, который, переполнивъ землю, образуетъ на ея поверхности мутныя лужи, море грязи. Но вамъ, г. критикъ, хочется крупной рѣзни, вы охотникъ до трагическихъ эффектовъ? Извольте, мы можемъ служить вамъ варшавскими нешпорами! Вамъ еще, можетъ быть, не стаетъ инквизиціи? Напрасно вы затрудняетесь! Должно быть вы не такъ тверды въ исторіи здѣшняго края, когда, увлекшись разными *букашками и таракашками, слона и не примѣтили*,—промахнули ни больше ни меньше какъ продолжительное тяготѣніе надъ православіемъ (по преимуществу) инквизиціи въ Польшѣ, Литвѣ и Бѣлоруси. Кровавыя пятна этого изувѣрскаго порожденія католицизма и доселѣ еще не изгладились въ подземельяхъ и катакомбахъ бывшихъ разныхъ *коллегій*.

А вы, г. критикъ, позволили себѣ сказать, что въ Польшѣ не существовало никакой *власти, которая бы мучила, била, сѣкла, запирала въ тюрмы, жгла* и проч. А ктожъ это, позвольте спросить васъ, мучилъ, билъ, сѣкъ, жегъ, запиралъ въ тюрмы и все это и многое другое дѣлалъ въ буквальномъ смыслѣ этаго слова — и не только дѣлалъ самъ, но и позволялъ дѣлать все это жиду—арендатору? Не думаемъ, чтобы послѣ той дилеммы, которою мы подѣлились съ вами, послѣ той, массы вопіющихъ противъ васъ документовъ, которою закидаетъ (и частію закидалъ) васъ Вѣстникъ, вы еще имѣли охоту сваливать вину этихъ бѣдствій на какихъ-то *частныхъ* лицъ. Какіяжъ это частныя лица могли довести Конисскихъ до спасенія своей жизни въ навозѣ? Какое это частное лице могло держать въ *Варшавѣ*, въ двухлѣтнихъ узахъ, Садковскихъ? Какія это частныя лица распоряжались тѣмъ сеймовымъ постановленіемъ, въ силу котораго погибли въ изобрѣтательныхъ мукахъ многіе герои Малороссіи*? Мы не такъ трусливы, чтобы отступились въ настоящемъ случаѣ отъ истины изъ опасенія со стороны вашей тѣхъ любезностей, которыя составляютъ популярный языкъ героевъ толкучихъ рынковъ и которыми угостили вы одного изъ достойнѣйшихъ сотрудниковъ нашихъ**. Мы не такъ легковѣрны, чтобы повѣрили вамъ на слово при извращеніи вами такого историческаго убѣжденія, которое опирается на 3-хъ историкахъ, сеймововомъ постановленіи, королевскомъ

* Мы проходимъ молчаніемъ факты помельче и повседневные, равно какъ и личности менѣе казистыя и беззащитнѣе.

** Г. Воронина.

универсалѣ, всеобщемъ убѣжденіи, раздѣляемомъ польскими даже писателями (Трентовскій и многіе другіе). Мы повторяемъ вамъ въ 1862 г. то, что, по вашему мнѣнію, достойно 26 *годовъ* (какъ будто ихъ можетъ быть много?) и спрашиваемъ васъ: какія это *частныя* лица могли позволять хозяйничать такъ безконтрольно въ теченіи вѣковъ, раздѣлываться такъ свободно и свирѣпо съ личностями историческими? Если за успѣхъ и неуспѣхъ битвы отвѣчаетъ предводитель, если безурядицъ въ домѣ бываетъ причиною слабость или тиранія главы семейства, если за плохую выправку полка отвѣчаетъ его командиръ,—то какъ вамъ, г. критикъ, пришло въ голову выгораживать польское панство и администрацію отъ отвѣтственности за угнетеніе русской народности и православія. Ужели панъ не повѣсилъ бы жида, тиранящаго цѣлую околицу православныхъ его холоповъ, если бы жидъ дѣйствовалъ вопреки намѣреній и приказаній пана? Ужели можетъ страдать весь народъ, когда это страданіе противно волѣ властей предержащихъ, имѣющихъ силу недопустить до страданій, если бы даже кто либо, гдѣ либо дерзнулъ причинять ихъ мимо воли и вѣдома этихъ властей? Кто же наконецъ, кромѣ власти могъ отвергать протесты и жалобы православныхъ, стоны и вопли цѣлыхъ областей русскихъ? Но не слишкомъ ли много потратили мы словъ, для доказательства историческихъ аксіомъ? Для аксіомъ точно много, но для критика далеко нѣтъ.

Невольнымъ намекомъ на голословность отрицанія тѣхъ жестокостей, которыя истощены были варварствомъ поляковъ надъ нѣкоторыми героями Малороссіи, мы уже подошли къ той самонадѣянной и грубой выходкѣ критика Основы, которою онъ думалъ нанести окончательный ударъ и Вѣстнику вообще и г. Воронину (которымъ гордится Вѣстникъ, какъ открытіемъ замѣчательнаго таланта) въ частности.

Статья »о польскомъ аристократическомъ элементѣ юг. зап. Россіи« заслужила особенное нерасположеніе критики Основы. Выхвативши изъ ней нѣсколько фактовъ, приводимыхъ авторомъ изъ »Исторіи Малороссіи« Маркевича только мимоходомъ, для болѣе рѣзкаго обозначенія характера ожесточенной борьбы, ознаменовавшей кровавый періодъ возстанія южнорусской народности противъ польскаго гнета,—критикъ потѣшается надъ наивнымъ довѣріемъ автора къ »Исторіи руссовъ«, приписываемой Конисскому и, произведя малорусскія лѣтописи, подтверждаемыя согласіемъ польскихъ писателей и преданіемъ народнымъ, въ сказки, съ высоты своего юпитеровскаго

величія снисходитъ до сожалѣнія о »старыхъ предразсудкахъ«, которые, будтобы, еще живутъ въ Вѣстникѣ полною жизнію, несмотря на »разширеніе средствъ узнать и уразумѣть прошедшую жизнь юж. и зап. Руси«. Но, при всей самоувѣренности въ непогрѣшимости своихъ приговоровъ, при всей безцеремонности обращенія съ чужимъ трудомъ и съ чужими мнѣніями, не согласными съ убѣжденіями критика, онъ видимо смущается, теряетъ спокойствіе нелицепріятнаго судьи и изъ неподкупнаго стража »исторической истины« является горячо заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицомъ. Тонъ глумленія и сожалѣнія надъ заблудшими, вдающійся въ избитые пріемы ученаго фата, поднимается у него на нѣсколько нотъ выше и переходитъ въ негодованіе, выражающееся языкомъ, достойнымъ задняго двора литературы и раздраженнаго гелертеровскаго самолюбія. Слова »чушь« и »жалкая компиляція« заканчиваютъ приговоръ неумолимаго стража »исторической истины«.

Неужели это серьезная критика? Неужели такими средствами, спрашиваемъ мы въ свою очередь, Основа надѣется разсѣять »старые предразсудки«, если бы они и дѣйствительно существовали? недумаемъ.

Не желая сражаться съ критикомъ тѣмъ же орудіемъ, мы охотно уступаемъ ему поле подобнаго сраженія и оставляемъ въ его безспорномъ владѣніи всякую чушь и все возможные возгласы, исполненные сожалѣнія или брани. Замѣтимъ только, что пока разсказанные Маркевичемъ событія неопровергнуты добросовѣстною критикою, до тѣхъ поръ книга его все таки останется однимъ изъ главныхъ пособій къ изученію исторіи Малороссіи и будетъ еще долго служить источникомъ вѣры въ тѣ сказки, изъ которыхъ сложились цѣлыя возрѣнія народа на свое прошедшее.

Смерть гетмановъ Косинскаго, Наливайки, Павлюка, Остряницы (или какъ назвала его Основа (*) Остранина) и постановленія сейма 1597 г. расказаны у Маркевича на основаніи лѣтописей, королевскаго универсала и другихъ источниковъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ къ его исторіи, въ 5-мъ томѣ, къ которому и отсылаемъ читателей.

Авторъ статьи »о польскомъ аристократическомъ элементѣ«, поставилъ себѣ задачею не критическое изслѣдованіе событій, составляющихъ исторію козацкихъ войскъ, а опровер-

*) А почему, наконецъ, если сказаніе Основы не с к а з к а, нельзя предположить, что между Остряницею и Остраниною нѣтъ ничего общаго?

женіе притязаній польской шляхты на западный край, притязаній, такъ безцеремонно и нагло заявленныхъ, не смотря на то, что народъ, судьбами котораго шляхта хочетъ теперь распоряжаться, хранитъ еще живую память о потокахъ крови, пролитой на защиту своихъ правъ, своей религіи и своей національности. Онъ не писалъ диссертаціи на ученую степень а только, для заявленія исторической несостоятельности сказанныхъ притязаній, нашелъ нужнымъ, въ видѣ предисловія, намѣтить общія характеристическія черты народной борьбы, и при этомъ высказалъ свой взглядъ на исторію Юж. Россіи. Въ очеркѣ этомъ, чуждомъ всякихъ притязаній на многоученое изслѣдованіе, испещряемое разнообразными цитатами и предназначавшемся для полемическаго отдѣла журнала, изложены только одни извѣстные историческіе факты изъ жизни Руси и Польши, которымъ авторъ и остается вѣренъ, но взглядъ его на эти факты и ихъ значеніе въ исторіи совершенно оригиналенъ и слишкомъ далекъ отъ какой-бы то нибыло компиляціи. Съ мнѣніями автора, можно пожалуй, несоглашаться; онѣ могутъ противорѣчить общепринятымъ въ польской исторической литературѣ взглядамъ и даже имѣть дерзость быть несогласными съ убѣжденіями авторитетовъ, предъ которыми, преклоняется Основа, но въ компиляціи упрекнуть ихъ нельзя. Если бы критикъ не торопился такъ съ своимъ приговромъ, приступалъ къ нему безъ желчи, предзанятой мысли и дождался окончанія возмущавшей его статьи; то увидѣлъ бы, что онъ слишкомъ поспѣшилъ съ выраженіемъ своего сожалѣнія о «старыхъ предразсудкахъ» и съ названіемъ этой статьи компиляціей. Предразсудки дѣйствительно существуютъ во взглядѣ на исторію и современное положеніе зап. и юж. Россіи и даже являются съ тѣмъ же неуваженіемъ ко всему, что составляетъ основы народности 9-ти миліоннаго населенія, его прошедшее и его будущность,—съ тою же наглостію и пренебреженіемъ къ исторіи и современнымъ требованіямъ жизни, съ тѣми же, наконецъ, запальчивостію и неразумѣніемъ, которыя отличали эпоху кровавой борьбы; но только эти предразсудки не на нашей сторонѣ. Критикъ Основы, если только онъ, въ силу крайняго увлеченія довѣріемъ къ своему «уразумѣнію прошедшаго», не завербовался подъ то истлѣвшее уже знамя, подъ которымъ воюетъ теперь шляхта, не можетъ не видѣть этого. Отчего же эти сѣтованія на пристрастіе, эти сожалѣнія о предразсудкахъ, это глумленіе надъ историческими фактами, неo-

провержденными еще критикою, эти наконецъ щедро расточаемые эпитеты изъ словаря литературныхъ свистуновъ?

По видимому, все дѣло въ томъ, что взгляды автора на исторію юж. Руси не сходятся съ воззрѣніями на этотъ предметъ критика Основы. Въ самомъ дѣлѣ, обозрѣвая исторію юж. Руси, г. Воронинъ видитъ въ ней только живую часть одного цѣльнаго организма, оторванную было отъ общей жизни несчастнымъ ходомъ нашей исторіи, но долженствовавшую или соединиться въ одно русское государство, или погибнуть и исчезнуть подъ гнетомъ иной народности, указываетъ на отсутствіе въ этой части задатковъ самобытной жизни и безсиліе выработать отдѣльное цѣлое и находитъ залогъ могучаго развитія Руси только въ органическомъ сліяніи ея частей, на которыя раздѣлила ее историческая случайность, опредѣливъ ихъ то пространствомъ (Великая и Малая Русь), то цвѣтами (Бѣлая, Черная и Красная Русь). Дѣйствительно, критику Основы было отчего прийдти въ негодованіе и излить гнѣвъ свой достойнымъ внушившаго его чувства языкомъ.

Чего же хочетъ критикъ? Желаетъ ли онъ вырвать изъ исторіи кровавыя страницы, вызывающія такія тяжелыя воспоминанія при чтеніи ихъ, окрестивши, вмѣстѣ съ польскими публицистами, весь періодъ многотрудной и мучительной борьбы народа, чуждымъ намъ словомъ манеріи, возвести шляхту въ идеалъ общественнаго устройства и броситься въ распростертыя объятія ея?—Желаемъ ему всякаго благополучія, но этимъ путемъ мы не намѣрены за нимъ слѣдовать. Мы знаемъ эти братскія объятія, съ слѣдами ихъ мы встрѣчаемся на каждомъ шагу въ жизни нашего края и на нашемъ бѣдномъ, многострадальномъ народѣ видимъ во очію результаты того единенія и братства, которыя, во время оно, когда слагались историческія »сказки«, торжественно привозглашены были въ Городнѣ и Люблинѣ. Въ этомъ случаѣ мы готовы лучше остаться съ нашими »старыми предразсудками«, составляющими продуктъ тысячелѣтней жизни народа, отстоявшими его самобытность и сложившими его въ ту плотную, крѣпкую массу, о которую неразъ уже разбивались злобныя усилія враговъ и предъ которою блѣднѣли разнообразныя теоріи, почерпаемыя изъ книжной мудрости запада или выращенныя домашнею обиходною ученостію и предразсудками, обѣщающими намъ самобытное названіе и сохраненіе нашей личности; нежели съ проповѣдуемымъ Основою, »уразумѣніемъ« жизни юж. и зап. Руси идти наперекоръ вѣковой исторіи и непреоборимымъ стремленіямъ на-

родной жизни. Мы убѣждены, что такіе предразсудки, спасшіе Русь отъ многихъ и многихъ бѣдъ, приведутъ ее рано или поздно къ выполненію той роли въ исторіи человѣчества, къ которой она призвана историческими судьбами и которая, надѣемся, будетъ по глубже и по шире той, какую хотѣла бы навязать ей Основа съ своимъ узкимъ южнорусскимъ патріотизмомъ и съ своими тощими идейками о федераціи.

Такъ, ктоже, наконецъ былъ причиною и ополяченья и окатоличенья русскихъ вельможъ и тѣсноты, подъ которою задыхалась народная масса — или точнѣе — народность русская? Выгородивъ отъ отвѣтственности за эти преступленія польское панство и администрацію, критику Основы оставалось свалить ее на самыхъ же русскихъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Но такъ какъ иногда бываетъ легче сказать, нежели доказать; такъ какъ критикъ поставленъ былъ въ это именно трудное положеніе: то предположеніямъ его, софизмамъ, парадоксамъ нѣтъ числа и границы. Занявшись пріятною темою, онъ варіировалъ свои аргументы до утомленія. Но, при всей своей натугѣ, при всемъ постоянствѣ труда, онъ только прошелъ по торной дорожкѣ общихъ мѣстъ и даже промахнулъ то главное предположеніе, что русскіе должно быть особенно любили страданія, когда сами бросались въ ихъ горнило — и притомъ цѣлыми мильонами, на цѣлые вѣка.

Прежде всего критикъ опирается на аргументъ отрицательный, — на невозможность насилія со стороны такой свободной націи, какою, будтобы, была Польша. Не доискиваясь природной силы этаго аргумента, мы говоримъ еще разъ и послѣдній (*), что этой свободы въ Польшѣ было едвали не меньше, нежели въ Турціи. Существо личной свободы — не разнузданность страстей, а способность выбирать изъ многихъ благъ (не забудьте *благъ*) лучшее. Существо свободы національной есть терпимость убѣжденій, языка, обезпеченіе личности, независимость труда, вообще — свободное проявленіе всѣхъ движеній жизни. Кто осмѣлится сказать, не рискуя прослыть невѣждою или сторонникомъ польскихъ патріотовъ, что въ Польшѣ было что либо похожее на эту свободу частную или общественную? Не скорѣе ли это была самая гнетущая нація всего того, что къ ней соприкасалось не только отвнѣ, но внутри. Образчиками ея *насилій* (неотвергаемыхъ, незабудьте, и критикомъ) пере-

---

(*) Послѣ того, что уже сказано у насъ о свободѣ Польши, теперь совѣстно былобы и поднимать вопросъ о ней, еслибы критикъ Основы не вызвалъ насъ на эту необходимость.

полнены ея (не забудьте ея) хроники, архивы, память народная. Въ Польшѣ даже король небылъ существомъ свободнымъ, — и его желанія, его декреты, универсалы, особенно благодѣтельные для народа, для Польши, всякой разъ стѣснялись, парализовались, убивались заносчивостью, разнузданностью, корыстолюбіемъ, фанатизмомъ шляхты и насиліями пропаганды. Какаяжъ тамъ могла быть свобода у холопа, особенно русскаго, православнаго, когда его давилъ не только панъ, но даже жидъ, когда его трактовали наравнѣ съ животнымъ или вещію? Какая могла быть свобода у предковъ тѣхъ, потомки которыхъ выбиваются теперь (не забудьте—теперь), изъ силъ, чтобы навязать намъ свои убѣжденія, свои страсти, свою національность, религію, языкъ (свой костюмъ даже), чтобы поработить насъ снова своему деспотизму? Это ли признаки свободы, уваженія къ ней? Однажды навсегда, гг. полонофилы, перестаньте смѣшивать произволъ животнаго съ свободою человѣка, безпримѣрное своеволіе шляхты съ національною свободой!

Положительныя доказательства критика его постыдной для русскаго человѣка темы еще жалче, еще не состоятельнѣе. Выгородивъ даже Сигизмунда III отъ участія въ фанатизмѣ пропагандистовъ, критикъ думаетъ, что *никто немогъ воспрепятствовать смѣлымъ сочиненіямъ въ защиту православія, никто немогъ воспретить являться панамъ русской вѣры быть сенаторами воеводами*. Отдѣлимъ *книги* отъ *сенаторства* и спросимъ критика: надъ кѣмъ онъ глумится—надъ нами или исторіей? Многоли было издано этихъ книгъ? Лифосъ да еще двѣ-три компиляціи, прятавшіяся, какъ контрабанда, въ келіяхъ, подземельяхъ. Ужели критику не извѣстно, что подобныя книги составляли самый запрещенный продуктъ, самый главный предметъ преслѣдованія пропаганды, что нетолько строго запрещалось пускать въ ходъ новыя сочиненія въ защиту православія, но что существовали положительныя приказанія конфисковать у русскихъ всѣ православныя книги и сожигать ихъ (*) цѣлыми кострами, на площадяхъ, рукою палачей? Если и уцѣлѣлъ отъ этихъ авто-да-фе какой нибудь лифосъ, то только подъ защитой своего могучаго автора-издателя и распространенія (Петра Могилы) этой книги посредствомъ братствъ; если и спа-

(* Смотр. стат, Вѣст. «Литва въ отношеніи» и проч. Книж. 5. Отд. 11. стр. 217. Да не мѣшалобы критику вчитаться и во всю эту статью въ 5 книжкѣ. Онъ тамъ найдетъ много для себя поучительнаго и не много найдетъ даже поводовъ придраться къ буквѣ.

слось полдюжины анти-католическихъ сочиненій, то только въ такихъ мѣстахъ, въ какихъ наши предки прятали свои сокровища во время варварскихъ набѣговъ татаръ. Стыдно критику незнать этихъ истинъ, еще стыднѣе говорить то, чего онъ не знаетъ, еще стыднѣе навязывать русскимъ свой анти—русскій парадоксъ. Безпрекословное занятіе русскими вельможами сенаторскихъ и воеводскихъ мѣстъ относится къ разряду тѣхъ же галлюцинацій, къ которому принадлежитъ и свободное изданіе книгъ въ защиту православія. Ужели критику не извѣстно, что даже герой, драгоцѣннѣйшій алмазъ въ вѣнцѣ князей русскихъ, получилъ сенаторское кресло *не въ примѣръ другимъ* и что король (Сигизмундъ 1), въ постановленіи объ этомъ, торжественно обязался *впредъ не нарушать (?) правъ подобнымъ образомъ* и больше никто, не состоящій въ послушаніи римской церкви, сенаторскаго званія не получитъ, хотябы былъ послѣднею подпорою отечества (1)? Развѣ критикъ незнаетъ что, во время смерти Сигизмунда III, въ сенатѣ не было ни одного дисседента? Десятки различныхъ постановленій, прямо или косвенно воспрещающихъ православнымъ занятіе не только сенаторскихъ, но и какихъ бы то нибыло должностей, мы проходимъ молчаніемъ, чтобы не утомить читателей трактаціей о несомнѣнномъ. *Развѣ православные,* вопрошаетъ критикъ, *не могли основывать школы (*) чтобы готовить защитниковъ—отеческаго населенія.*—Конечно не могли! Ужели вы и этаго не знаете? Развѣ вы не знаете, что даже школы при знаменитыхъ братствахъ несвободны были отъ моральныхъ и физическихъ насилій пропаганды, что всѣ онѣ были, наконецъ, уничтожены, кромѣ Кіевобратской, ведшей вѣчную войну съ доминиканскою школою Петропавловскаго монастыря и непобѣжденной по милости только такихъ братчиковъ—протекторовъ, каковы Кіевскіе митрополиты, малороссійскіе гетманы, полковники и все *лыцарство* православное? Развѣ вы не знаете, что даже въ началѣ XIX вѣка во всемъ Западномъ краѣ Россіи было одно только православное училище, оставшееся одинокимъ, конечно, не изъ любви къ невѣжеству нашихъ предковъ, а по милости варварскаго фанатизма латинопольской пропаганды? *Развѣ* продолжаетъ критикъ, *Русь не была больше Польши? Послѣ-*

(* Obr. Lit. Jaros T. II. стр. 34. Совѣтуемъ особенно критику вчитаться въ статью г. Порошина L'Histoire de la Lithuanie et de la Russie. Статья эта вся почти составлена изъ цитатъ выписанныхъ у Лелевеля.

дняя не моглабы сладить съ его матеріальными средствами, еслибъ употребила насиліе... Шибко критикъ метнулся въ сторону, но мы попадемъ на слѣдъ его! Коварно вы употребили слова *матеріальными*! Какъ будто моральныя средства въ рукахъ польской власти, пановъ, іезуитовъ были такими ничтожными орудіями, которыхъ однѣхъ было мало для пропаганды? Развѣ не эти (почти однѣ) средства были причиною совращенія въ католицизмъ русскихъ дворянъ? Развѣ вы не видите, какъ, даже теперь, подобныя средства мутятъ, среди насъ, умы и сердца многихъ и многихъ, какъ, то здѣсь—то тамъ пріютилась чисто польская, съ пропагандической цѣлью, школа, какъ въ иныхъ школахъ заправляютъ полякн отъ пять до тѣмени, во-образѣ мироваго посредника, сельскаго волостнаго писаря или другой служебной дѣлу Польши челяди. Чтоже было сотни лѣтъ тому назадъ? Но критику хочется однѣхъ физическихъ или, какъ онъ выражается, *матеріальныхъ* насилій. Извольте! Но что мы сказали—извольте! Развѣ мы можемъ перечислить всѣ случаи отраженія силою русиновъ насилій польско-латинской пропаганды? Всѣ знаменитости Западной Россіи, въ томъ числѣ и герой Богданъ Хмельницкій, записали имена свои въ исторію на полѣ битвъ съ поляками; вся исторія южной и западной Россіи есть сплошная лѣтопись кровавыхъ катастрофъ, вызванныхъ насиліемъ съ одной и защитою родной вѣры, и народности съ другой стороны. Кромѣ повседневныхъ стычекъ, Западный край видѣлъ, въ теченіи 200 съ лишнимъ лѣтъ сцены въ родѣ Хмельниковщины и *Коліивщины*. И эти доблести, эти порывы выведеннаго изъ терпѣнія отчаянія, не прошли безплодно: сила отразила насиліе, русь и православіе уцѣлѣли въ здѣшнемъ краѣ, народъ не ополячился и не окатоличился, вопреки увѣренію критика. Даже сама унія болѣе обманула, нежели совратила православный людъ русскій. Ополячилось только и окатоличилось одно панство русское; но мы и не извиняемъ его и даже презираемъ за то, что оно не съумѣло защитить своихъ правъ и реликвій, что оно поймалось ловушкой политико-религіозной пропаганды, оказало безсиліе въ борьбѣ съ прижимками латино-польскаго панства и правительства. Что касается тирады критика на счетъ *перевертней*, дѣйствующихъ будто бы *слабо, вяло, безъ энергіи*, она равно не состоятельна въ смыслѣ психическомъ, какъ и въ историческомъ. Довольно, мы думаемъ, указать критику на такихъ перевертней каковы Кунцевичъ, Вишневецкій и подобные имъ, чтобы онъ взялъ обратно свою тираду о вялости ренегатовъ, какъ бы

желая заглушить укоры своей совѣсти, доказать всѣмъ и каждому, что измѣна произошла въ слѣдствіе убѣжденія, ренегатъ съ особеннымъ упорствомъ старается защищать новую доктрину и съ судорожнымъ постоянствомъ выбивается изъ силъ, чтобы сгруппировать вокругъ себя побольше сторонниковъ, меньше видѣть вокругъ себя нѣмыхъ и гласныхъ обличителей измѣны, менѣе всврѣчать на этой дорогѣ личностей, предъ которыми совѣсть заставляетъ опускать глаза въ землю. Вотъ отъ чего сложилась латинская сентенція: nemo inimicus (мы пропускаемъ первую половину этой весьма глубокомысленной сентенціи) inimicissiums, nisi ex amico«. Пропускаемъ въ этомъ отдѣлѣ критика и то поминутное смѣшеніе народа и народности съ шляхтой и дворянствомъ, и то прятанье мысли или явленія въ идею перваго, когда она никакъ не уживется съ идеей послѣдняго. Явленіе весьма понятное! Только истина не любитъ мрака, маски, софизмовъ. Но на эти софизмы поймаются немногіе. Такъ заецъ, желая скрыть мѣсто своего отдыха отъ обонянія ищейки, напутаетъ вокругъ себя цѣлый лабиринтъ фальшивыхъ, отводныхъ слѣдовъ; но хорошая ищейка съумѣетъ ихъ распутать, спугнуть хитреца и вывести его для расправы въ чистое поле....

III.

Къ этому отдѣлу мы относимъ симпатіи критика Основы вообше и несочувствіе его къ тому племенному родству ополячившихся (и конечно, неополячившихся; вѣдь они одного роду—племени) русиновъ, *за которое ратуетъ Вѣстникъ,* вчастности. Тутъ ужъ критикъ дѣлаетъ такіе нехитрые слѣды, чувство такъ невольно пробивается въ фразѣ, что намъ совѣстно даже распутывать эти слѣды, еслибъ это небыло неосторожно и неизбѣжно. Критикъ прежде всего совѣтуетъ намъ *сойдти съ точки непріязни и вражды къ польской народности* (ужъ эта намъ народность! изволь ее распутывать!). Пусть себѣ критикъ сходитъ съ этой точки; попутчиковъ найдетъ немного. Мы можемъ только пожелать ему счастливаго пути, а сами за нимъ непослѣдуемъ. Да и желаніе-то наше счастливаго пути останется обычной фразой, но, конечно, не желаніемъ искреннимъ, тѣмъ болѣе удобоисполнимымъ. Мы можемъ, пожалуй, забыть, по чувству христіанскаго незлобія, вражду въ полякамъ, но не въ нашей волѣ забыть истину, вытѣснить

изъ памяти народной историческія воспоминанія. Не такова память у критика! Она у него такъ коротка, такъ забывчива, что утратила воспоминаніе не только о давнопрошедшемъ, но и вчерашнемъ. Вслѣдствіе слабости этой способности, у него совершенно перепутались понятія: поляки смѣшались съ русскими, шляхта съ народомъ и вышло то, что явленія, которыхъ причиною были поляки, приписаны критикомъ русинамъ, что въ одномъ мѣстѣ подъ именемъ народа разумѣется одна шляхта, въ другомъ на оборотъ, что своеволіе и деспотизмъ панства ему померещились свободой, фанатизмъ - терпимостью и тому подобные метаморфозы qui pro quo. Подъ диктовку этой фантастической и нетвердой памяти, критикъ рисуетъ какъ то особенно восторженно (правда, назадъ тому нѣсколько страницъ) счастіе Руси отъ великаго и могучаго федеративнаго союза съ Польшей и наоборотъ. Въ порывѣ пророческаго вдохновенія, онъ приходитъ въ паѳосъ и восклицаетъ: *Польша съ Русью продолжала бы возрастать въ силѣ и благоденствіи, и Богъ знаетъ, какихъ размѣровъ достигли бы онѣ?* Да ни большихъ ни меньшихъ, какъ такихъ, какихъ достигли! Спросите, почему такъ мы думаемъ? Да хотьбы потому, что еще незабыли положенія общечеловѣческой логики: ab esse ad posse valet consequentia и помнимъ оборотное продолженіе той же аксіомы, на основаніи котораго построенъ весь миражъ критика о возможной длинѣ и ширинѣ, блаженствѣ и силѣ Польши. То благополучіе, великость и крѣпость Польши и союза ея съ Русью, о которыхъ со вздохомъ воспоминаетъ критикъ, прошли такъ давно, что мы не можемъ не удивляться исключительному свойству памяти критика — помнить весьма древнее и забывать довольно не старое и даже новѣйшее. Съ тѣхъ поръ, какъ это было, пролетѣло много вѣковъ! Съ тѣхъ поръ, какъ это было, Польша приняла такъ много, такихъ сильныхъ пріемовъ самоотравленія, которыхъ достаточно было бы для самоубійства и менѣе хилаго и менѣе мелкаго организма. Не въ федеративныхъ союзахъ заключалась тогда ея сила, а въ самодовольствѣ и разумномъ и спокойномъ наслажденіи благами, дарованными ей Провидѣніемъ. Коль скоро эта умѣренность перестала быть главною чертою характера націи, она ступила на обычную стезю паденія царствъ. Швейцарія небогата федеративными союзами, а какъ прочно, какъ долго, какъ мирно, честно и благополучно продолжаетъ она бытіе свое! Какъ богата федеративными союзами, Турція, а какая нація несчастнѣе ея и ближе къ судьбѣ Польши! Нѣтъ, г. критикъ, сила и счастіе обществъ человѣческихъ—какъ и отдѣль-

ныхъ семействъ — не въ количествѣ федеративныхъ союзовъ, не въ разнообразіи ихъ (*), а въ условіяхъ болѣе личныхъ, болѣе внутреннихъ, чѣмъ паутинныя нити внѣшнихъ федерацій. Федерація вѣдь Польши съ русскими областями продолжалась до конца XVIII вѣка, а много ли счастья принесла она союзникамъ. Много — много нужно было другихъ гарантій этаго счастія, кромѣ эфемерной федераціи! Если человѣкъ приметъ достаточную дозу страхнина, его не спасетъ фадерація даже съ отцомъ и братомъ, не только другомъ, и сосѣдомъ. А Польша, какъ замѣчено выше, приняла слишкомъ много разныхъ стрихниновъ, что бы ее могла спасти хоть всесвѣтная федерація. Нужно было, что бы въ Польшѣ законъ не былъ тою паутиной, въ которой гибнетъ муха, и которую уничтожаетъ воробей (что и говорить о животныхъ по крупнѣе!), нужно чтобы въ умѣ и сердцѣ или хоть въ лексиконѣ поляка-католика было слово — терпимость, нужно было, чтобы панъ небылъ деспотомъ, народъ мученикомъ, чтобы полякъ уважалъ хотя бы то избраннаго имъ самимъ короля, чтобы хоть въ своей семьѣ у поляковъ больше было единодушія, любви къ общему интересу, менѣе смутъ, предательствъ, рѣзни и безурядицы изъ-за личныхъ интерессовъ, т. е.: чтобы разные стрихнины небыли приняты. Но они приняты, и Польша погибла и a posse ad esse non valet consequentia критика. Угодно кому либо возобновить это счастіе федераціи? Недумаемъ, чтобы нашлось слишкомъ много *разумныхъ* охотниковъ.

Далѣе критикъ говоритъ что то такое *хитренькое собі*, чтобы не сказать яснѣе. Похваливъ сознаніе народомъ своихъ пороковъ (не слитія ли ручьевъ съ рѣкою?....), критикъ говоритъ, что *оно укрѣпляетъ народныя силы и дѣлаетъ способнѣе къ энергичной дѣятельности самосохраненія и нравственнаго саморазвитія. Можетъ быть это сознаніе пришло* (?) *уже поздо. Но лучше поздо, чѣмъ никогда. Поздо для прежнихъ* (,) *отживщихъ формъ*,— (,) *но не поздо для дальнѣйшей исторической жизни* (!) *въ будущемъ*. Смыслъ этихъ фразъ не то, чтобы двоится, а оставляетъ возможность другаго толкованія, оставляетъ безопасное мѣсто для *укрывательства*. Мы

*) Критикъ увлекся прелестью разнообразія природы видимой и построилъ весьма неудачное наведеніе на счетъ національнаго разнообразія въ единствѣ. Камешокъ съ травкой уживаются мирно, деревцо съ птицей тоже; но уже голубь съ коршуномъ, волкъ съ овцой — неполадятъ. Въ федераціяхъ человѣческихъ виднѣется тоже. Много автономій, много языковъ, много вѣрованій, обычаевъ, съ трудомъ составятъ одну, ненарушимую, единодушную, стройную федерацію

уважаемъ секретъ критика и избавляемъ его и себя отъ заявленія того толкованія поцитованныхъ сейчасъ словъ, которое намъ представляется болѣе естественнымъ, гармонирующимъ съ образомъ мыслей нашего критика и контекстомъ его критики.

Далеко нетакъ таинственно то мѣсто его критики, въ которомъ онъ называетъ, съ обычною безцеремонностію, взглядъ Вѣстника на родство племенное (или, какъ онъ лукаво выражается, тождество и преемничество) малой Россіи съ великою — *фальшивымъ*. Критикъ, намъ кажется, слишкомъ ужъ загордился. Ему стыдно даже брататься съ прямыми потомками Рюриковъ, Мономаховъ, его геральдическія притязанія, должно быть, намѣтили куда нибудь по выше (*). Богъ съ нимъ! Спѣсь его столько же странна, сколько и безполезна. Не въ нашей волѣ отказаться отъ родства, уже состоявшагося; не въ нашей волѣ переиначить родство съ отцомъ и братомъ, коль скоро оно существуетъ. Не критику уничтожить то единство племени, языка, вѣрованій, нравовъ, обычаевъ, которыми, отъ временъ до историческихъ, запечатлѣны вѣтви одного народа, названныя по величинѣ или цвѣтамъ разными лишь именами, и то не такъ давно. Мы считаемъ постыднымъ для нашего національнаго чувства и сознанія, оскорбительнымъ для исторіи, спорить въ настоящемъ случаѣ съ критикомъ. Только друзья разныхъ Духинскихъ, да творцовъ демагоговъ разныхъ «Газетъ Народовыхъ», могутъ увлечься до такого насильственнаго забвенія и попранія узъ родства самаго кровнаго. И критикъ замѣтно стѣсняется смѣлостью своею отреченія отъ родства малой Россіи съ великою: онъ прячется, на сколько можетъ, съ ясностію своей мысли, но уже такъ неудачно, что мы вынуждены сравнить его не съ зайцемъ, а съ куропаткой, которая, спрятавъ свою голову въ снѣгъ и невидя человѣка, думаетъ, что сдѣлала для него невидимкой и все свое вкусное тѣло. Критикъ толкуетъ то о народности вообще, — *которая до сихъ поръ живетъ въ народѣ,* то о народности ополячившихся только русскихъ, то отрекается отъ родства этихъ народностей *съ народностью* (?!?) *высшаго класса въ Россійской имперіи,* то вообще съ народностью *общерусскою.* Быть можетъ тутъ и есть смыслъ, да нѣтъ истины. Развѣ народность ополячившихся разнится чѣмъ либо отъ неополячившихся русскихъ? Это разъ. Второе:

*) Въ Вѣстникѣ было уже кое-что сказано на счетъ родства разныхъ Россій и даже, помнится, было сказано нѣчто о капризѣ и спѣси тѣхъ малороссовъ, которые брезгаютъ родствомъ съ великороссами.

Развѣ народность высшаго класса въ *россійской* (*) имперіи не таже, что и народность не высшаго? Вы не въ силахъ доказать основательность отрицательнаго на эти вопросы отвѣта, вы не въ силахъ бороться и съ этимъ силлогизмомъ: народъ мало-*русскій* и народъ велико-*русскій* — народъ руссвій; высшій классъ какъ того такъ и другаго народа — не чужой народу, слѣдовательно не чужой онъ и между собою. Слѣдовательно, если *передѣлать* ополячившихся *еще одинъ* (отнюдъ не *лишній*) *разъ* и передѣлать (незабудьте этого) въ русскихъ, или, пожалуй, велико-русскихъ, то *третій разъ* передѣлывать ихъ уже незачѣмъ; потому что они собственно не будутъ передѣлываться, а только сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были, возвратятся къ семьѣ своей, получатъ то, что потеряли, получатъ обратно *свое*, — свой языкъ, вѣру и народность. По какой же это логикѣ подобная передѣлка равносильна передѣлкѣ *хоть въ нѣмцевъ?* Ужели сдѣлаться русскому русскимъ — тоже, что сдѣлаться нѣмцомъ? Ужели найдти свой потерянный рубль — значитъ украсть чужой? До какихъ, подумаешь выводовъ и предположеній можетъ дойдти человѣкъ, сбившійся съ пути истины и хладнокровія, подстрекаемый заднею мыслію и отдавшійся на произволъ разгоряченной фантазіи! Считаемъ не лишнимъ намекнуть, что все, сказанное объ ополячившихся русскихъ, имѣетъ, въ настоящее время, нѣкоторое примѣненіе и къ нѣкоторымъ не ополячившимся.

Тираду о Чернышевскомъ и *жаргонѣ* галицiйскихъ русиновъ мы оставляемъ въ сторонѣ — частію потому, что она насъ не касается, частью потому, что мы скоро будемъ имѣть случай поговорить окончательно о *жаргонѣ* (вотъ это такъ настоящій жаргонъ!) *малороссійскаго простолюдья* (**). Можемъ только назвать эту тираду «Національною безтактностью», — названіемъ единственнымъ, какъ для этой тирады и всей Основы, такъ и для статьи г. Чернышевскаго, или лучше, самаго Чернышевскаго.

IV.

На счетъ *поляно-руссовъ* мы не намѣрены распростра-

---

*) Слово россійскій критикъ употребляетъ въ какомъ то ироническомъ значеніи. Пусть себѣ забавляется, а мы гордимся этимъ названіемъ. И есть чѣмъ, слава Богу!

**) Тогда же мы встрѣтимся и съ разными Стояновыми, Скавронскими и К-о, о существованіи и заядлости которыхъ мы весьма случайно узнали недавно изъ «Современнаго Слова» № 157. Редак.

няться. Не преподавать же намъ статистику всѣмъ незнакомымъ съ нею. Можемъ только отослать критика къ статьѣ г. Лебедкина, помѣщенной въ IV Отд., 4 книжки Вѣстника: «О племенномъ составѣ» и проч., а потомъ — къ отвѣту его же, вызванному Сѣверн. Пчелой. (См. Сѣвер. Пчела № 341).

Иное дѣло — совѣтъ Основы, чтобы Вѣстникъ *удѣлялъ вниманіе современному положенію края, — настоящимъ его потребностямъ — нравственнымъ и вещественнымъ......* (обратите вниманіе на....!). То есть, г. Критикъ? На что вы приказываете обратить вниманіе? На современное положеніе края? Какого? Быть можетъ Западнаго? Слушаемъ — съ, и тѣмъ охотнѣе, что это *положеніе* такъ отрадно, что намъ остается только благодарить критика за случай и побужденіе сказать мимоходомъ нѣсколько словъ о предметѣ пріятномъ, о которомъ хотѣлось бы думать и говорить и кстати и не кстати.

Нигдѣ, никогда въ мірѣ улучшеніе быта народнаго, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, не совершалось такъ быстро такъ благодѣтельно, какъ оно совершилось въ западномъ краѣ Россіи. Кто изучалъ малоросса, бѣлоросса назадъ тому три только года и присмотрится къ нему внимательнѣе въ настоящую минуту, тотъ не узнаетъ въ немъ его самаго. Такъ онъ выпрямился, похорошѣлъ, помолодѣлъ, поумнѣлъ, повеселѣлъ, обновился, переродился! Прошлое теперь только изрѣдка тревожитъ его память, какъ тяжелая сонная греза. Не давитъ его теперь ни панъ, ни жидъ, ни фанатикъ. Его личность, его собственность гарантирована заботливѣйшимъ въ мірѣ правительствомъ отъ всякихъ насилій и самоправствъ. Теперь онъ смѣло можетъ сказать: я тружусь для себя, для дорогой семьи, это мое! Скоро — скоро онъ будетъ собственникомъ не менѣе кого либо другаго. Съ ума его и сердца поминутно отваливаетъ кора невѣжества, нараставшая и толстѣвшая въ теченіи вѣковаго рабства и самоправства. Теперь уже въ Западномъ краѣ Россіи — сотни-тысячъ людей грамотныхъ. Благодаря православному, братолюбивому духовенству и правительству, вы теперь съ трудомъ найдете село (даже въ иныхъ мѣстахъ деревеньку, хуторъ, застѣнокъ, рудню), гдѣ бы они не пріютили возлѣ церкви школы сельской, православной. Теперь у народа своя управа; довольство, счастье, миръ и радость однажды на всегда поселились въ ихъ незатѣйливыхъ хижинахъ, въ ихъ добрыхъ, христолюбивыхъ душахъ. Имъ только остается съ благоговѣніемъ и слезами благодарить Провидѣніе, во благости

своей, пославшее Россіи Освободителя народа и передать имя Александра, сугубо *благословеннаго*, признательной молитвѣ своихъ дѣтей и внуковъ. Но, простите г. критикъ, если мы не смогли даже въ общихъ чертахъ обрисовать характеръ тѣхъ міровыхъ событій, которыя такъ быстро, такъ тихо и величаво являются одно на смѣну другаго, и которыя такъ благотворно отразились въ судьбахъ особенно Западнаго края Россіи... Подобныя дѣла займутъ много самыхъ видныхъ, во вѣки не забвенныхъ, страницъ даже во всемірной исторіи.

Быть можетъ, г. критикъ, мы не совсѣмъ попали въ вашу мысль, не съумѣли вчитаться въ ваше многоточіе? Быть можетъ вамъ бы хотѣлось, чтобы мы *сочинили* побольше мрачныхъ сторонъ быта народнаго, распространились объ угнетеніи его, объ ошибочномъ къ нему отношеніи русскаго правительства, а особенно о какомъ то его особоразвитіи, особоязычіи....? Винимся г. критикъ, что мы не способны *сочинять* на заданныя темы, особенно, если нѣкоторыя изъ нихъ не вошли въ маршрутъ нашего умственнаго вояжа, нѣкоторымъ мы несочувствуемъ, а для нѣкоторыхъ требуется слишкомъ вольная фантазія, видящая и то, чего нѣтъ, гоняющаяся за миражами. А этою то способностію и бѣдны мы до невозможности помочь нашему горю.

Сичтаемъ не безполезнымъ сдѣлать, въ родѣ послѣсловія, нѣсколько замѣчаній, могущихъ устранить между нами и Основой нѣкоторыя настоящія и будущія недоразумѣнія.

1) Мы не читаемъ Основы (да и кто ее читаетъ, кромѣ людей, наслаждающихся ею ex officio?). Въ Кіевѣ она библіографическая рѣдкость. Мы бы и доселѣ ничего не знали о ея противъ насъ выходкѣ, (*) еслибы одинъ добрый человѣкъ не нарушилъ этого пріятнаго невѣдѣнія. Вотъ почему мы отвѣчаемъ Основѣ слишкомъ поздо. *Но лучше поздо,* скажемъ вмѣстѣ съ критикомъ, *чѣмъ никогда. Поздо для отжившихъ* книжекъ Основы, *не поздо для дальнѣйшихъ,* если онѣ не найдутъ удобнѣйшимъ прекратить свое *безцѣльное* бытіе.

(*) Доказательствомъ тому служитъ и то, что мы узнали о достойной »свитинка« свирѣпости г. Стоянова назадъ тому нѣсколько дней, изъ Совр. слова, какъ это замѣчено выше. **Редак.**

2) Когда мы ступили на поле нашей битвы, мы не думали встрѣтить на немъ кого либо кромѣ чужихъ. Мы даже не думали, чтобы кто либо изъ нашего лагеря сталъ отвлекать насъ отъ дѣла, раздвоять наши силы, втягивать въ междоусобицы. Къ несчастію мы судили о другихъ по себѣ,—по насъ открыли канонаду свои же и вызвали на тяжкую необходимость раздѣлаться съ ними окончательно. Вотъ почему отвѣтъ нашъ Основѣ нѣсколько длинѣе того, какимъ бы онъ долженъ быть, судя по слабости непріятеля, и какимъ бы его хотѣлось видѣть, судя по любви нашей къ братьямъ нашимъ, хоть и заблуждающимся. Хотѣлось, видите, сказать однажды на всегда все поучительное для Основы,—такъ, чтобы не имѣть нужды другой разъ поворачивать оружіе назадъ. Теперь, еслибъ Основа захотѣла сдѣлать намъ честь своими возраженіями, она будетъ имѣть дѣло съ безоружными; отвѣчать ей мы не станемъ. Право-слово, жаль, да и некогда.

3) Кое-какія мелкія недоразумѣнія между нами и Основой остались не тронутыми. Это или потому, что онѣ не заслуживали отвѣта, или потому, что отвѣтъ на нихъ заявленъ по поводу однородныхъ съ этими недоразумѣніями несогласій Основы съ нашими воззрѣніями, или потому, наконецъ, что намъ нехотѣлось обнажать матеріаловъ, лежащихъ въ *основѣ* »Основы«. Скажемъ откровенно, что уже одно то, что Основа говоритъ не въ нашу пользу, слишкомъ много говоритъ во вредъ ея.

4) Къ вамъ рѣчь наша, братья русскіе! Въ самый разгаръ современной намъ битвы съ *нашими общими* врагами, да будетъ стыдно затѣвать русскому какія бы то ни были междоусобицы или просто усобицы. Прочь всякія семейныя дрязги, мечтательныя затѣи не сбыточныхъ сепарацій, провинціальныхъ притязаній, прочь охота за миражами! Святая Русь! Порадуй твоего Бога и Промыслителя своимъ единодушіемъ, единодѣйствіемъ, не смущай доброй души нашего Царя-Отца, не тѣшь враговъ его своимъ разномысліемъ и разножеланіемъ. Докажи, что ты *одна* великая семья православная! Скорѣе — скорѣе, всѣ вы и великіе и, малые, и бѣлые русскіе, бросьтесь другъ другу въ объятія, крѣпко крѣпко прижмите братъ брата къ своей груди богатырской и дружно летите къ великой будущности, указываемой Провидѣніемъ нашему великому отечеству, подъ руководствомъ великаго Преобразователя, Обновителя, Освободителя, можно сказать, творца новой Россіи!

Ив. Эремичъ.

IV.

РУССКАЯ ДѢВУШКА,

ЗАБОЛѢВШАЯ ВЪ ПАРИЖѢ ТОСКОЙ ПО РОДИНѢ. (*)

Въ краю чужомъ, гдѣ жизнь людская
Себѣ создала міръ чудесъ,
Гдѣ роскошь царствуетъ земная
И споритъ съ роскошью небесъ,

Ни въ чемъ отрады не встрѣчала
Ея душа, полна тоской:
Она томилась, увядала,
Она просилась въ край родной.

(*) Недугъ этотъ до того овладѣлъ молодою дѣвушкой, что медики потребовали немедленнаго ея возвращенія въ Россію, не ручаясь иначе за ея жизнь. Это явленіе тѣмъ болѣе замѣчательно и поразительно, что будучи родною внукой, по матери, одного изъ бывшихъ французскихъ перовъ реставраціи, она принадлежала не только по своему общественному положенію, но и по родственнымъ связямъ, самому высшему аристократическому кругу Парижа и, слѣдовательно, была окружена всѣмъ блескомъ парижской жизни.

Тоска по родинѣ, какъ болѣзнь, до сихъ поръ считалась свойственною только жителямъ горъ, гдѣ природа, внѣшній міръ, способны привязать къ себѣ человѣка до страсти. У насъ же, жителей равнинъ, окружающей природѣ нечѣмъ внушить къ себѣ такой привязанности. По этому источникъ этой болѣзни у насъ должно искать не въ отношеніяхъ къ нашему внѣшнему міру, а въ сочувствіяхъ души къ нашему міру внутреннему.

Просилась въ Русь она родную,
Туда, гдѣ міръ, чудеса
Не поглащають жизнь людскую
И гдѣ суровы небеса.

Тамъ просты нравы, скучны грады,
Искусства жить не знаютъ тамъ,
И у людей всего отрады,
Что кровъ семьи, да Божій храмъ.

Чтожъ сердце рвалось молодое
Туда, съ слезами и мольбой,
Изъ края чаръ, гдѣ все земное
Такою блещетъ красотой?

Гдѣ въ обаяньи, въ упоеньи,
Кипитъ немолчно жизни пиръ,
Гдѣ цѣль одна: жить въ наслажденьи,
И каждый самъ себѣ кумиръ.

Но есть у жизни цѣль иная,
Иныя блага есть у ней:
Ты знаешь ихъ, о Русь родная,
Ты ихъ хранишь въ глуши своей.

И тотъ, изъ братства кто людскаго
Своей души не выдѣлялъ,
Кто братолюбьемъ духа злаго
Гордыни личной отогналъ,

Наша тоска по родинѣ, въ самомъ центрѣ современнаго образованнаго міра, лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ коренномъ различіи, какое существуетъ между требованіями духа у насъ и на западѣ.

Кто сердцемъ созналъ цѣль живую
Тѣхъ двухъ великихъ, дивныхъ словъ,
Что разрѣшаютъ жизнь земную
Отъ всѣхъ неправдъ, отъ всѣхъ оковъ,

Тому противенъ міръ лукавый,
Съ приманкой всѣхъ его чудесъ,
И тотъ бѣжитъ въ твои дубровы,
О Русь! подъ кровъ твоихъ небесъ.

X.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

VI.

Ю н і я.

Почти отвѣсшею, песчаною стѣною, поднялся надъ Днѣпромъ его берегъ у Аскольдовой могилы; а гдѣ могила, тамъ широкій и длинный уступъ этой стѣны, также отвѣсно поднявшейся уже надъ самою могилою и на темени этой стѣны, какъ и по уступу, поросъ вѣковой и непроходимый лѣсъ. Въ густотѣ этого лѣса, по разнымъ мѣстамъ удолья и даже въ глубинѣ овраговъ, пріютились крошечныя клѣти крещенаго люда, укрывавшагося въ этой дикой мѣстности отъ злобныхъ кіевскихъ перунщиковъ.

Густота угорскаго лѣса была такая, что и среди бѣлаго дня въ немъ было довольно сумрачно, среди лѣтняго полдневнаго зноя—прохладно до озноба. Овраги, частыя рытвины и горные ручьи пересѣкали эту мѣстность на каждомъ шагу, и если попадалъ сюда незнакомый съ мѣстностью, то на всякомъ шагу встрѣчалъ препятствія свободному исходу изъ этого мѣста.

У самой глинисто-песчаной, отвѣсной возвышенности на Угорскомъ, шагахъ въ тридцати отъ божницы, стояла домина старца-попа Григорія. Два кругловатыя отверстія, закрытыя кусками потускнѣвшаго отъ времени стекла, да небольшая,

довольно низкая дверь домины были обращены къ сторонѣ божницы или церковки. Дверь домины запиралась деревянною щеколдою, которую легко было отперетъ и, отворивъ дверь, войти въ небольшую келью, въ которой жилъ попъ Григорій. Въ переднемъ углу этой уютной келійки, простиравшейся въ длину аршина на четыре и на столько же въ ширину, если не уже,—былъ привѣшенъ къ стѣнѣ старинный образъ благословляющаго Спасителя, коего ликъ и одежда отъ времени почти изгладились и сдѣлались почти черными. Предъ образомъ теплилась маленькая лампадка, синяго византійскаго стекла, привѣшенная къ потолку мѣдными цѣпочками. Подъ образомъ была придѣлана маленькая, деревянная полочка и на ней лежало небольшое, писаное на пергаментѣ греческое Евангеліе и черныя четки съ перломутровымъ крестикомъ. Подлѣ образа, на потолкѣ, у оконныхъ отверстій, на внутренней сторонѣ дверей, были нападены копотью свѣчей шести-конечные кресты. Въ западномъ углу кельи была сдѣлана уютная глиняная печка и припечокъ, на коемъ стояло два черныхъ маленькихъ горшечка, прикрытыхъ покрышками. Подъ печкой спалъ сѣрый жирный котъ и слышались день и ночь неумолкаемые крики множества сверчковъ. За печкою стояла деревянная скамья съ изголовьемъ и на ней лежала одежда попа, а между печкой и скамьей, въ небольшомъ промежуткѣ, виднѣлась маленькая дверка, которая вела въ другую еще меньшую первой келью, въ которой одна продушина, заставленная также кусочками стекла, пропускала тускло дневный свѣтъ. Въ этой келіи было небольшое ложе и у него полочка, прибитая къ стѣнѣ, на коей стоялъ небольшой образъ Богоматери и также теплилась небольшая стеклянная лампадка. За образомъ виднѣлась масличная вѣтвь, принесенная попомъ Григоріемъ изъ Іерусалима и подаренная имъ Юніи.

На другой полкѣ, придѣланной противъ ложа, стояла разная посуда. Въ обѣихъ келіяхъ полъ былъ земляной, но вездѣ была замѣтна изысканная чистота и порядокъ. Въ большей келіи жилъ попъ, а въ меньшей его воспитанница Юнія.

Семидесяти-шести лѣтній старецъ попъ Григорій былъ уже замѣтно дряхлъ: часто онъ такъ ослабѣвалъ, что безъ сторонней помощи не могъ даже встать съ постели. Однакожe слухъ и зрѣніе его довольно хорошо сохранились.

Все утѣшеніе благочестиваго старца, вся его христіанская заботливость сосредоточилась на его воспитанницѣ, которую онъ любилъ, какъ можетъ только любить самый нѣжный

отецъ свою дочь. Была ли Юнія съ нимъ, или въ отсутствіи, она ни на одно мгновеніе не выходила у него изъ мысли. Придетъ ли Юнія къ нему, возметъ его тощую, покрытую толстыми синими жилами руку, и приложитъ къ своему коралловому ротику; старикъ осыплетъ ея кудрявую, свѣтлорусую головку безчисленными поцѣлуями, осѣнитъ стократно крестнымъ знаменіемъ благословенія и начнетъ молиться о ея возрощеніи и ниспосланіи ей всѣхъ благъ въ жизни.

Еще востокъ не румянится зарею, какъ Юнія уже готова идти въ церковь къ заутрени. Потомъ, ежедневно и непремѣнно бываетъ на обѣдни, затѣмъ, послѣ небольшаго отдыха, попъ Григорій учитъ ее грамотѣ славянской и греческой. И Юнія въ короткое время научилась свободно читать и даже писать по гречески и славянски. Попъ Григорій и два или три пріѣхавшіе съ нимъ изъ Византіи грека, занимавшіеся въ Кіевѣ торговлею, постоянно между собою говорили по гречески. Понятливая Юнія, ежедневно слыша ихъ разговоры, и сама начала говорить на ихъ языкѣ. Это еще болѣе привлекало къ ней попа Григорія, заступившаго для нея мѣсто и отца роднаго и отца духовнаго.

Для ухода и присмотра за Юніей, попу Григорію Провидѣніе послало неусыпную и ревностную помощницу въ лицѣ *дочери лѣса*—древлянки Олели.

Ежедневныя наставленія въ истинахъ христіанской вѣры; суровая, аскетическая жизнь старца, забывшаго свѣтъ и людей, расторгшаго всякое съ нимъ сношеніе и поселившагося среди дебри и овраговъ, въ мѣстѣ недоступномъ и дикомъ и все прочее имѣло благотворное вліяніе на многихъ женщинъ, покланявшихся идоламъ, въ томъ числѣ и на душу лѣсной скиталицы Олели.

Свѣтлый князь кіевскій не преслѣдовалъ, не гналъ крещеныхъ, которыхъ въ то время было значительное число даже въ ближней дружинѣ князя, но закоснѣлые въ идолопоклонствѣ старики и старухи не терпѣли крещеныхъ и гдѣ только можно было и когда можно было, дѣлали всякія непріятности, посягали на имущество и самую жизнь исповѣдниковъ Христа. Защитить ихъ отъ этихъ насилій было некому; ибо великій князь былъ и самъ идольщикъ, любилъ многоженство и разгульныя идольскія требища и пиршества, а христіанствомъ все это отвергалось. Много было злобныхъ идольщиковъ и въ числѣ приближенныхъ къ великому князю и княжичамъ, нетерпѣвшихъ христіанъ, потому-то крещеные

въ тѣ дни и укрывались, для исповѣданія истиннаго Бога, среди дебрей и мѣстъ пустынныхъ. Даже самые казары-христіане, жившіе по откосу горы Кія, за Пасынчей бесѣдой, опасались злобныхъ перунщиковъ. Крещеная же Русь, то есть собственно кіевскіе поляне, убѣгая идольщиковъ, какъ разъяренныхъ звѣрей, пріютились на площадкѣ уединенной Аскольдовой могилы, и всѣми средствами старались избѣгать общенія съ идольщиками, а если съ какимъ нибудь перунщикомъ и сносились, то единственно потому, чтобы наставить его на путь истины и пріобщить къ христову стаду. Еслибы не залетала въ это уединенное гнѣздышко христіанъ райская птичка—великая княгиня, давно кровожадный ястребъ-язычникъ кіевскій, заклевалъ бы всѣхъ птенцовъ витавшихъ въ немъ.

Какъ только въ велико-княжескомъ теремѣ собирались пріѣзжавшіе изъ разныхъ странъ *слы*, или свои приближенные воеводы, знатные и нарочитые мужи, или великій князь собирался на ловы, или созывалъ своихъ мудрыхъ бояръ для рѣшенія съ ними вопросовъ: выѣзжать ли на битвы съ печенѣгами, собирать ли рати и вести ихъ на ляховъ и половцевъ,—всякій разъ затѣивалось шумное столованіе, а потомъ плясованіе и всякія бѣсовскія игрища. Тогда, бывало, великая княгиня, втихомолку, не замѣтно ни для великаго князя, ни его приближенныхъ, сядетъ съ своимъ любимымъ внукомъ Владиміромъ на свой малый повозъ и одна небольшая лошадка потащитъ ихъ тихимъ шагомъ по извилистой, лѣсной, холмистой тропѣ къ Угорскому, на Аскольдову могилу. И здѣсь она, «предтекущая христіанстѣй землѣ, аки денница предъ солнцемъ, аки заря предъ свѣтомъ», находила то сердечное утѣшеніе, тотъ неземной восторгъ души, котораго не испытывалъ ея сынъ, предаваясь шумному веселію и языческимъ оргіямъ. Да, пріѣдетъ, бывало, денница спасенія Руси на Угорское, оставитъ свой повозъ подъ деревомъ, у церковки, и пойдетъ съ внукомъ помолиться христіанскому Богу, потомъ посѣтитъ любимаго ею старца попа Григорія, и тотчасъ весь народъ крещеный, жившій на Аскольдовой могилѣ, соберется *узрѣть* великую княгиню, а она, некрещеная еще, наставляла ихъ въ правилахъ христіанства и, когда говорила она объ обязанности каждаго смертнаго, то изъ устъ ея капалъ духовный медъ любви къ Богу и ближнему. Одѣлитъ бывало всѣхъ щедрою милостынею, уговоритъ съ терпѣніемъ и смиреніемъ переносить всѣ казни перунщиковъ, порадуетъ предсказаніемъ, что скоро настанетъ година, въ которую всѣ

идолы и языческія капища исчезнутъ съ лица земли, какъ исчезнетъ туманъ предъ восходомъ солнца, и вся Русь признаетъ одного истиннаго Бога, утѣшитъ этою святою рѣчью сердца аскольдовскихъ христіанъ и потомъ, скромно, безъ всѣхъ почестей, но сопровождаемая толпою любившихъ ее христіанъ, осыпавшихъ ее сердечными благожеланіями, сядетъ въ свой повозъ и поѣдетъ обратно въ шумный градъ, дѣлить съ сыномъ своимъ труды по управленію всею Русью. Мила была Юнія и великой княгинѣ; она осыпала ее нѣжнымъ материнскимъ попеченіемъ и безграничною любовью, находя въ этой дѣвочкѣ много прекрасныхъ душевныхъ качествъ, при поразительной тѣлесной красотѣ. Великая княгиня не могла провесть двухъ, а много трехъ дней, чтобы не видѣть Юніи, не прижать ее къ своему сердцу, не покрыть своими поцѣлуями ея свѣтло-русую, кудрявую головку,—не могла довольно налюбоваться ею, насмотрѣться на нее.

Бывало, посѣтивъ попа Григорія, непремѣнно спроситъ: гдѣ моя Юнія? и прилетитъ этотъ ангелъ во плоти, съ небесною радостію въ голубыхъ очахъ, съ невинною улыбкою на алыхъ устахъ, и бросится въ объятія великой княгини, прижавъ къ ея сердцу свою кудрявую головку. Тогда нѣжнымъ ласкамъ княгини не было конца. Дѣвочка, не испытывая подобныхъ ласкъ ни отъ кого болѣе, конечно, также безгранично была привязана къ княгинѣ и считала ее своею матерью.

Когда, бывало, Юнія склонитъ на колѣна великой княгини свою головку и княгиня начнетъ ее ласкать, въ тѣ минуты черная дума западала въ душу великой княгини и какъ червь точила ея сердце. Думу свою не разъ княгиня сообщала попу Григорію, говоря:

— Тяжко мнѣ будетъ перенести ту роковую минуту, когда я услышу, что мое дитя, моя милая, несравненная Юнія, воспитанная въ христіанскомъ законѣ, попадетъ въ адскую пасть перунщика и сойдетъ съ того пути, по которому я повела ее.... А это такъ легко и такъ трудно предотвратить отъ нее подобное несчастіе! Она будетъ рѣдкая красавица, а эта красота и можетъ погубить ея душу...., о, какъ мнѣ тяжко будетъ услышать, что кровожадный звѣрь похитилъ у меня невиннаго птенца!

Юнія возростала; годы проходили и слова великой княгини вполнѣ надъ ней сбывались, ибо красота Юніи такъ развивалась, что сдѣлалась не только какою то притчею сре-

ди жителей Аскольдовой дружины, но и въ самомъ градѣ многіе знали, что на Угорищѣ великая княгиня воспитываетъ дѣвочку необыкновенной красоты. Ходили слухи, но до поры до времени темные, и при велико-княжескомъ дворѣ о красивой дѣвочкѣ, живущей въ бору на Аскольдовой могилѣ, но какъ всѣ слухи относились къ дѣвчонкѣ, то никто особенно и не интересовался еще этою красоткою.

Зима нежданно смѣнила теплую и сухую осень. Кіевляне легли спать теплымъ вечеромъ, а встали и увидѣли поля покрытыя глубокимъ снѣгомъ, и вѣтви сосенъ склонившіяся къ долу, подъ тяжестію покрывшаго ихъ пушистаго снѣга. Повозы замѣнились санями и прекрасный зимній путь вполнѣ установился. Великая княгиня только и ждала санной дороги, чтобы пуститься въ далекіе края своего государства и обозрѣть разныя его области. Отъѣздъ ея былъ по душѣ перунщикамъ и несчастіемъ для христіанъ, потому что въ отсутствіи покровительницы и защитницы ихъ, перунщики смѣло тѣснили и угнетали своихъ противниковъ по вѣрѣ. Не разъ, пользуясь отсутствіемъ княгини, пробирались на Аскольдову могилу отроки княжескіе и высматривали, кто покрасивѣе изъ крещеныхъ дѣвицъ и, замѣтивъ такую, старались похитить ее и скрыть отъ христіанъ и слѣдъ, кѣмъ и куда несчастная увезена. Конечно, что въ то время подобные подвиги не только не считались преступленіемъ, но напротивъ, принимались въ обществѣ идольщиковъ за молодецкую удаль, а похититель, словно герой, пользовался почестями и славою общества. Съ своей стороны крещеные употребляли разныя средства предотвращать подобныя козни идольщиковъ, но средства эти въ сравненіи съ средствами язычниковъ, далеко не могли сравниться.

Всю зиму княгиня пробыла въ разъѣздахъ. Она посѣтила даже Новгородъ, была въ Псковѣ и во время самаго цвѣтенія деревъ возвратилась въ Кіевъ. После суровой зимы, чрезвычайно отрадно было наслаждаться роскошною весною. Теплые, ясные дни, благоуханіе цвѣтущихъ деревъ и тысячи различныхъ цвѣтовъ, коими покрылись откосы и вершины холмовъ, изумрудная зелень среди лѣса и пѣніе соловьевъ въ густотѣ рощъ, восхищали кіевлянъ.

Весна на Аскольдовой могилѣ была особенно очаровательна—множество цвѣтущихъ деревъ, изумрудная зелень лѣса, а у подножья холмовъ широкая полоса Днѣпра и за нимъ прелестныя луга, съ разбросанными по мѣстамъ поселеніями,

а за ними темно-зеленый боръ, не могли не восхищать жильцовъ этой очаровательной мѣстности. Восхитила весна на Аскольдовой могилѣ и великую княгиню, когда она послѣ объѣзда земель своихъ, посѣтила аскольдовцевъ.

Въ полдень, когда въ каменномъ теремѣ собиралась боярская знать, подумать да порадить, какъ повыгоднѣе для кіевскихъ купцовъ: вести дѣла съ Греціею и доставать оттуда подешевле, да получше разныя вина, одежду, злата и сребра, и когда бояре ожидали на совѣтъ великаго князя и матери его великой княгини Ольги,—княжескій отрокъ Волчій Хвостъ сѣлъ на сѣраго коня, на которомъ часто ѣздилъ на ловлю великій князь, и сколько достало прыти у коня, помчался со двора терема къ перевнищу, и скрылся въ чащѣ лѣса. Стоявшіе у входа въ теремъ дѣтскія и гридни весело разговаривали, смотря въ слѣдъ Волчьему Хвосту и одни изъ нихъ смѣялись, а другіе что то серьезно говорили смѣявшимся. Потомъ всѣ стоявшіе у дверей ушли внутрь терема и только два челядина ходили по двору передъ теремомъ.

Ряды великихъ бояръ и свѣтлаго великаго князя кончились тѣмъ, что во чтобы то ни стало, а отъ гречниковъ русскимъ необходимо нужно имѣть по всякъ день злато и паволоки, и овощи разноличныя, и вина, и всякое узорочье, а потому то и слѣдуетъ Руси умириться съ греки, любить другъ друга отъ всей души и изволенія. Такую ряду утвердили своими руками князь, княгиня и бояре.

Послѣ ряды великая княгиня, по обыкновенію, сѣла въ свой повозъ съ внукомъ своимъ княжичемъ Владиміромъ и поѣхала на Аскольдовую могилу. Шагъ за шагомъ плелась ея лошадка, пробираясь по возвышенностямъ узкою извилистою тропою, которая то подымалась на вершину холма, то спускалась въ оврагъ, по дну котораго, въ зеленой заросли журчалъ горный ручеекъ. Она уже приближалась къ самому Угорищу, какъ на право отъ тропы, по которой ѣхала княгиня, шагахъ въ двадцати, въ чащѣ лѣса, раздался какъ бы дѣтскій, жалобный крикъ, умолявшій о пощадѣ, и въ тоже время въ густотѣ лѣса послышался сильный трескъ вѣтвей, словно въ чащѣ ломался лютый звѣрь.

Невольный трепетъ объялъ великую княгиню, но близость доминъ аскольдовцевъ успокоила ее. Однако отчаянный крикъ ребенка сильно поразилъ ея сердце.

Повозъ великой княгини остановился у входа въ домину попа Григорія, и едва княгиня вышла изъ повоза, какъ

къ ногамъ ея повалилась залитая слезами, блѣдная какъ смерть, Олель.

— Что съ тобою?

— Отрокъ велико-княжескій подъѣхалъ верхомъ на конѣ ко мнѣ, въ то время когда я мою несчастную Юнію учила твердить молитву, быстро, такъ что я не успѣла и опомниться, схватилъ ее, посадилъ къ себѣ на коня и, какъ вихрь, умчалъ ее изъ глазъ моихъ...

Великая княгиня печально покачала головою.

— Горе, тяжкое горе! какой же отрокъ, и точно-ли велико-княжескій?

— Не знаю!

— Куда же онъ ее увезъ?

— Не знаю, — говорила Олель, заливаясь горючими слезами.

— Успокойся, успокойся. Конечно, твое извѣстіе поразило меня; ты знаешь, какъ я люблю это прекрасное, кроткое, умное дитя,—этотъ благоуханный цвѣтокъ; но, видно такъ было угодно Богу; во всемъ Его святая воля—надобно покоряться Его промыслу.

А въ то время, когда у дверей жилья попа Григорія происходилъ плачъ и утѣшеніе, въ чащѣ густого лѣса, сколько было силы у коня, мчался съ дѣвочкой велико-княжескій отрокъ—Волчій Хвостъ. Онъ мчалъ ту дѣвочку, которую назадъ тому лѣтъ десять спасъ младенцемъ отъ закланія въ жертву перуну, положивъ ее на порогъ домины попа Григорія. Онъ мчалъ Юнію и не зналъ кого именно онъ похитилъ.

Отрокъ мчалъ дѣвочку въ теремъ великаго князя по его же повелѣнію. Несчастная дѣвочка лишилась чувствъ. Обхвативъ лѣвою рукою станъ дѣвочки, отрокъ не обращалъ вниманія на то, что колючія вѣтви кустовъ и деревъ хлещутъ нагія ноги дѣвочки, а длинныя, свѣтло-русыя пряди волосъ, закинувшейся въ обморокѣ головы дѣвочки, цѣпляясь за одежду вершника.

Происшествіе съ Юніей сильно опечалило великую княгиню, и она, не пробывъ и часа на Аскольдовой могилѣ, поспѣшила возвратиться въ каменный теремъ. Великій князь съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія княгини. Привезенную отрокомъ Юнію онъ тотчасъ приказалъ ордынницамъ княгини какъ можно красивѣе принарядить дѣвочку и самъ ее старался успокоить и обласкать.

Юнію нарядили въ бѣлую шелковую фофудью, сверху накинули голубую эпончицу, ноги обули въ красные сафьянные башмачки, украшенные золотистымъ шитьемъ. Въ этой одеждѣ Юнія была очаровательна, но такъ была поражена всѣмъ происходившемъ съ нею и вокругъ нее, что не могла понять, во снѣ или на яву все съ нею творится и гдѣ она и кто окружаетъ ее.

— Въ число твоихъ ордынницъ я помѣстилъ одну, ужъ подлинно *честную жемчужину*; прикажешь ли предоставить ее? — сказалъ великій князь, возвратившейся съ Аскольдовой могилы своей матери.

— Хорошо, — съ грустью произнесла великая княгиня.

— Для ловли близъ Угорскаго, въ лѣсной чащѣ, встрѣтилъ я, совершенно нежданно, женщину съ юницей. Дѣвочка невообразимою красотою своею такъ меня вдругъ поразила, что я тогда же умыслилъ, по возвращеніи твоемъ, помѣстить ее въ число твоихъ ордынницъ. Вѣроятно эта дѣвочка была въ лѣсу съ матерью, которую за дочь чѣмъ нибудь можно и наградить.

— Вели привесть эту дѣвочку.

Чрезъ минуту, блѣдная, дрожащая отъ испуга, но все-таки прелестная, была приведена къ великой княгинѣ — Юнія.

— Юнія! это ты. Мое сердце не обмануло меня. Я почти была увѣрена, что ты здѣсь, что я тебя сегодня же увижу, подойди ко мнѣ.

Дѣвочка затрепетала отъ восторга, съ веселымъ невиннымъ хохотомъ подошла она къ княгинѣ, бросилась къ ея ногамъ и начала ихъ цѣловать. Княгиня обняла ея прелестную головку, наклонилась къ ней и нѣсколько разъ поцѣловала.

— Радуюсь за тебя, дитя мое, радуюсь; — потомъ, обратясь къ великому князю, княгиня сказала: — это моя прелестная птичка, это мое утѣшеніе, моя радость. Богъ мнѣ ее послалъ, она выросла на Аскольдовой могилѣ, зачѣмъ ты взялъ этого птенца моего изъ его гнѣздышка? Завтра же, Юнія, ты возвратишься на Аскольдову могилу, а теперь разсмотри все здѣсь и скажи мнѣ, понравится ли тебѣ все, что ты увидишь.

— Такую жемчужину ты бы оставила при себѣ, въ теремѣ.

— Юнія и Богу нужна.

— Богъ, два и въ жены....

— Да, тому кто познаъ истиннаго Бога.

Святославъ замѣтилъ, что великая княгиня приняла его предложеніе вовсе не такъ, какъ онъ предполагалъ, и узнавъ, что дѣвочка, которую онъ хотѣлъ показать княгинѣ, давно уже была ей знакома, поспѣшно простился съ княгинею и отправился въ свой теремъ.

Юнія осталась въ ордынѣ княгини.

Проходили дни, великая княгиня, занятая хлопотами по внутреннему управленію своихъ земель, оставалась въ Кіевѣ и, сколько разъ ни собиралась поѣхать на Аскольдову могилу, все что либо мѣшало ей. Юнія оставалась при ней и почти шагу не сдѣлали отъ нее. Присутствіе ея въ теремѣ еще болѣе привязало великую княгиню къ этой дѣвочкѣ.

— Это дочь моя,—говорила княгиня своимъ ордынницамъ, лаская дѣвочку, а ордынницы искоса посматривали на крещенку—она была для нихъ порядочная заноза въ сердцѣ.

— Мы боярскаго роду, мы дочери *нарочитыхъ* мужей, а между тѣмъ не такъ любы княгинѣ, какъ поганая крещенка,—ропотно говорили между собою комнатныя дѣвицы; но для угожденія княгинѣ, должны были хоть наружно ласкать Юнію.

Такое положеніе дѣвочки, проведшей первые годы жизни подъ непрерывнымъ наитіемъ молитвъ и наставленій строгаго аскетика старца, попа Григорія, да еще въ безмолвномъ и дикомъ лѣсу Аскольдовой могилы, гдѣ она могла только видѣть густоту зелени древесныхъ вѣтвей, синія волны Днѣпра, да голубое небо и слышать однѣ христіанскія молитвы и наставленія въ правилахъ этой вѣры и порицаніе и отвращеніе крещеныхъ отъ всего идольскаго, языческаго,—конечно было, съ одной стороны, и для нее, довольно тягостнымъ. Ей не понятны и ненавистны были рѣчи ордынь-идольницъ и даже самая пышность терема и всего окружавшаго ее. И потому часто, пригорюнившись въ какомъ нибудь углу, она просиживала въ безмолвіи по нѣскольку часовъ. Въ тѣ часы она, потупивъ взоры къ долу, не отзывалась на веселый зовъ шаловливыхъ ордынь, не раздѣляла ихъ игръ и всякихъ затѣй.

Чрезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и нѣсколько болѣе, послѣ того какъ Юнія была привезена Волчьимъ Хвостомъ въ велико-княжескій теремъ, въ одинъ день, съ ранняго утра, въ теремѣ поднялась необыденная тревога. Много разнаго люду собралось на дворѣ теремномъ, много было суетившихся и внутри терема. Въ тотъ день должны были поселиться

въ теремѣ великому князю и великой княгинѣ, и всѣмъ княжичамъ *слы*, прибывшіе отъ древлянъ, съ данью и оброками для Кіева и *Вышегорода*, и гости съ Новугорода, привезшіе богатые дары для великой княгини и князей.

Не любила *денница наша* шумныхъ пріемовъ и пышныхъ столованій, но обстоятельства были таковы, что она не могла на этотъ разъ уклониться отъ торжественныхъ праздненствъ, по случаю пріѣзда древлянскихъ и новугородскихъ пословъ. Торжество для пріема пословъ готовилось такое, какого не бывало со времени прибытія цареградскихъ пословъ, пріѣзжавшихъ къ великому князю Игорю *обновлять ветхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ и утвердити любовь межи греки и Русью.*

За нѣсколько еще дней до дня, въ который назначенъ былъ пріемъ пословъ, рано по утру въ теремъ собирались нарочитые мужи и отроки, былъ ежедневно, въ числѣ послѣднихъ и любимый отрокъ в. князя Святослава—Волчій Хвостъ. Замѣчали другіе отроки, что лишь только войдутъ они въ теремъ, Волчій Хвостъ старался незамѣтно пробраться въ тѣ гридницы, въ которыхъ, нежданно, Юнія можетъ ему встрѣтиться и при встрѣчѣ съ нею, сперва безмолвно смотритъ на нее, потомъ, какъ хищный звѣрь, бросится къ ней и, то ущипнетъ за плечо или руку, или укуситъ, или наконецъ вопьется поцѣлуемъ въ ея щеку, отъ котораго долго послѣ того остается на щекѣ багровое пятно. Боязливая и смиренная Юнія вырвется изъ звѣрскихъ объятій Волчьяго Хвоста, и со слезами на глазахъ убѣжитъ въ какой либо потаенный уголъ, не смѣя жаловаться на отрока любимаго великимъ княземъ.

Костарь, непремѣнное лицо при всѣхъ церемоніяхъ, происходившихъ въ велико-княжескихъ теремахъ, соединенныхъ съ различными языческими обрядами, часто подсмѣивался надъ питомцемъ своимъ—Волчьимъ Хвостомъ, и смѣхомъ своимъ еще болѣе споспѣшествовалъ такому обхожденію его съ невинною Юніею. Ординницы издѣвались надъ Костаремъ, расхваливая его красоту, стройность стана. Костарь понималъ насмѣшки, сердился на ординницъ и въ отмщеніе за то напускалъ на нихъ Волчьяго Хвоста въ то время, когда никто изъ нихъ не надѣялся встрѣтить его въ теремѣ.

Присутствіе въ теремѣ крещенки, произвело замѣченное и великою княгинею неудовольствіе среди *теремныхъ;* въ особенности пребываніе ея неправилось ординицамъ, кото-

рыя ясно видѣли, что Юнія далеко привлекательнѣе ихъ красотою, и нравится всѣмъ и каждому отъ челядина до великаго князя.

Въ особенности ненавистна была Юнія старымъ женщинамъ и старикамъ, закоснѣлымъ перунщикамъ, нехотѣвшимъ знать ничего, кромѣ Перуна и Волоса—скотья Бога. Эти изувѣры твердили великому князю и великой княгинѣ, что держать въ теремѣ крещенку—дѣло *триклятое*, что Перунъ не пошлетъ счастливой доли, что Черно-Богъ поселится въ теремѣ, а Бѣлъ-богъ отступится отъ него. Настроенный такими наговорами Костарь, да подпоенный медомъ, прорывался въ гридницу, къ великой княгинѣ, и если тамъ встрѣчалъ ее, то, *съ дурнаго разума* начиналъ совѣтовать выслать крещенку изъ терема, потому, что Перунъ поморгиваетъ уже однимъ усомъ,—что онъ вчастую примѣчаетъ. Не разъ великая княгиня отдавала приказаніе выгонять такого совѣтника изъ терема, и даже вовсе запрещено было Костарю ступить на теремный дворъ, но турій рогъ меда заставлялъ хмѣльнаго Костаря ослушиваться и, по обыкновенію, онъ послѣ самаго строгаго запрещенія, являлся въ гридницѣ княгининой и то пѣлъ, то плясалъ, то разсказывалъ разныя забавныя побасенки, и всегда кончалъ тѣмъ, что хотя Перунъ и бревно, и всѣ истуканы гнилыя полѣнья, но они боги Руси, и что, если старики и старухи говорятъ, чтобы крещенки не держать въ теремѣ, то они говорятъ потому, что желаютъ великой княгинѣ много лѣтъ здравствовать, а его поить хмѣльнымъ, да сладкимъ медомъ.

Какъ діаволъ не терпитъ ладона, такъ Костарь не терпѣлъ распоряженій великой княгини, которая давно бы приказала отправить этого кудесника съ града, да великій князь не могъ пожертвовать этимъ уродомъ, котораго кіевская Русь считала за существо духовное, самое приближенное къ богу Перуну, которое и составляло тѣсную связь между Перуномъ и поклонниками его. Самая уродливость печенѣжскаго плѣнника, частое его опьяненіе и даже порицаніе Костаремъ боговъ, ставились закоренѣлыми язычниками въ достоинства Костарю и въ неопровержимыя доказательства того, что Костерь *милый блажникъ* Перуна, что онъ кудесникъ, волшебникъ, кобникъ—словомъ, воплощенный *идолъ*, нѣкогда стоявшій на стоялѣ, а потомъ сошедшій съ него, чтобы послужить Перуну и перуновой Руси.

Костарь провожалъ древлянскихъ пословъ въ *мовню.* Пожелавъ имъ сладкаго пара, Костарь заперъ, уходя изъ мовни, за собою на глухо дверь, и потомъ поджегъ ее. Удушливый дымъ столбомъ поднявшійся изъ подозженной мовни, всею своею массою охватилъ Костаря и онъ упалъ, и еслибы великій князь не приказалъ его оттащить отъ пылавшей мовни, то быть бы и ему тамъ гдѣ и послы древлянскіе. Всѣ знали, что великій князь приказалъ спасти Костаря, но закоренѣлые идольщики считали спасеніе Костаря чудеснымъ, и когда кто говорилъ, что Костарь спасенъ по повелѣнію великаго князя, то идольщики, смѣясь надъ такими, съ особымъ убѣжденіемъ твердили, что Костарь не простой *людина,* что ему смерти нѣтъ отъ обыкновеннаго случая, что если онъ умретъ, то его сгонитъ со свѣта такой же какъ и онъ самъ волшебникъ.

Отношенія Волчьяго Хвоста къ Костарю были дружественныя. Правда, иногда Храблъ посмѣивался надъ его уродливостію, но почти никогда не отказывалъ въ нуждахъ Костаря. Даже иногда Храблъ былъ особо довѣрчивъ къ нему. Онъ сознавался Костарю въ томъ, что ему очень нравится Юнія, что онъ желалъ бы имѣть такой красоты женъ и что даже готовъ похитить Юнію и умчаться съ нею на край свѣта, за *тридесять земель, въ десятое царство.* Иногда Храблъ вдругъ начиналъ ненавидѣть Юнію и она ему казалась самою отвратительною дѣвочкою, и это чувство онъ передавалъ Костарю, который съ своей стороны совѣтовалъ Храблу вовсе не обращать вниманія на такую дѣвчонку какъ Юнія, которая если избѣжала жертвеннаго ножа въ младенчествѣ, то не избѣжитъ въ лѣтахъ дѣвичьихъ, и что по его мнѣнію Юнія была бы даже славная жертва для Перуна, о чемъ онъ и скажетъ великому князю, а самъ заблаговременно приготовитъ для нее жертвенный ножъ.

— Діяволъ возьми, черно-богъ растерзай эту дѣвицу, зачѣмъ она такъ мила мнѣ; все бы смотрѣлъ да смотрѣлъ ей въ очи — нѣтъ, куда смотрѣлъ, съѣлъ бы ее живую. Эка крещенка, не отыщешь такой чудо-красоты и среди перунщинъ.

— Пойдемъ-ка Храблъ въ теремъ великаго князя; тамъ собрались уже *слы* и оттуда будутъ они шествовать въ теремъ княгининъ съ дарами и оброкомъ.

— Пойдемъ Костарь...

Костарь побрелъ впередъ, Храблъ шелъ за нимъ, и какъ будто бы нарочно при самомъ выходѣ изъ терема Храблъ

увидѣлъ Юнію подымавшуюся вверхъ по лѣстницѣ, во второй ярусъ терема, въ ордынницу великой княгини. Храблъ бросился вслѣдъ за Юніей, настигъ ее, схватилъ въ объятія, какъ коршунъ беззащитную птичку и впился въ щеку ея поцѣлуемъ. Быть можетъ онъ даже укусилъ бы ее, но услышавъ сверху лѣстницы голоса ордынницъ, Храблъ поспѣшилъ отскочить отъ своей жертвы и быстро ушелъ за порогъ терема.

Проходя по двору терема, Костарь неожиданно остановилъ Храбла, посмотрѣлъ вокругъ себя, какъ бы желая узнать, нѣтъ ли кого вблизи, подслушивающаго ихъ. Не видя никого вблизи, Костарь спросилъ:

— Давно уже мать оставила тебя и ты, кажется, забылъ объ ней, ты даже и теперь не знаешь гдѣ она, что съ нею? А я знаю гдѣ она. Вотъ твою бы мать слѣдовало отправить къ Черно-богу. За что она бросила меня и тебя? Я пріютилъ ее, когда жены и наложницы отца твоего искали ее, чтобы растерзать по частямъ и куски тѣла отдать на съѣденіе псамъ, я укрылъ ее тогда, я сохранилъ ей жизнь, а она оставила меня несчастнаго. Одинъ, какъ песъ, какъ чертъ въ болотѣ, живу я въ моей клѣти, и если не встрѣчу добраго люда, который перевяжетъ мнѣ голову, такъ эти ремни по нѣсколько десятковъ дней тѣснятъ мою грудь и рѣжутъ кожу до крови... И то еще возмущаетъ меня, что она пристала, какъ заблудшій песъ на Угорище, къ крещенымъ, и слышу даже, что попъ крестилъ ее.

— Слышалъ и я отъ княжескихъ отроковъ, что мать моя пристала къ крещенымъ на Угорищѣ и считается по Аскольдовой могилѣ и Берестовому, но я думалъ, что они какъ псы брешутъ. А вотъ когда съ великимъ княземъ на ловахъ мы нежданно наѣхали на Юнію съ женщиною, которая заставляла ее креститься, какъ крещеные, то въ тоже время сердце мое говорило мнѣ: смотри, это твоя мать. Не было *годины* тогда разузнать, что то была за женщина; а когда князь послалъ меня схватить дѣвчонку тайно и привезть въ теремъ, чтобы показать ее великой княгинѣ, то я подкрался къ Угорскому, привязалъ коня у дерева, осторожно спустился по оврагу къ божницѣ, и, какъ выжидаетъ котъ мышъ, такъ ожидалъ я дѣвчонки и женщины. И долго я ждалъ ихъ выхода, но дождался. Та женщина вывела дѣвчонку и въ тоже самое мѣсто пошли онѣ, гдѣ видѣли мы ее, когда дѣяли ловы. Онѣ подошли къ той могилѣ крещенаго, у которой стоитъ дерево

съ вырѣзаннымъ на корѣ его крестомъ, и начали креститься, я тихо подошелъ сзади, быстро схватилъ за станъ дѣвицу, потащилъ къ коню, вскочилъ съ нею на него и, какъ вихрь, помчался въ лѣсной чащѣ. Дѣвица въ испугѣ кричала: Олель, Олель, но можно ли было мнѣ тогда возвратиться, чтобы увидѣть Олель, если то была и моя мать! Да и она, какъ дымъ, быстро скрылась отъ взоровъ моихъ.

— Такъ, Храблъ, то была твоя мать, а не другая какая Олель, да и Алла живетъ на Угорищѣ.

— Если мать моя на Угорищѣ, то пойдемъ, отыщемъ ее, и я заставлю ее украсть изъ терема Юнію и отдать ее мнѣ. Не послушаетъ меня, такъ я вонжу въ сердце ея этотъ ножъ. Она старая уже, и что мнѣ до того, что крещеная, у меня богъ Перунъ, и онъ велитъ дѣтямъ убивать старыхъ отцевъ и матерей, чтобы они не тяготили земли, а она еще и болѣе достойна смерти, она возненавидѣла вѣру своихъ отцевъ и сблизилась съ крещеными, послѣ этого какая она мнѣ мать? Смерть ей, смерть лютая изъ моей руки. Пойдемъ Костарь, пойдемъ. отыщемъ ее.....

— Не спѣши, надобно подумать, быть можетъ она въ чемъ либо и будетъ еще полезна тебѣ или мнѣ.

— Смерть ей, вотъ и все, она даже измѣнила вѣрѣ своихъ отцевъ.... И, если ты, Костарь, не хочешь мнѣ сопутствовать на Угорище, то я сяду на коня и помчусь туда одинъ, я найду мою мать и самъ съ нею управлюсь. Богъ Перунъ за такую жертву подастъ мнѣ много добра и злата.

Костарь молчалъ. Они дошли къ велико-княжескому терему, на пространномъ дворѣ котораго стояло множество нагруженыхъ кладью повозовъ; подлѣ нихъ суетилась толпа древлянъ и новгородцевъ. Въ туже годину *слы* были въ гридницѣ свѣтлаго князя. Вскорѣ пріятели разошлись въ противуположныя стороны. Костарь побрелъ къ площади, на которой стоялъ Перунъ, а Храблъ въ теремъ.

(Продолженіе впредь).

Объясненіе словъ вошедшихъ изъ славянскаго языка въ сочиненіе.

Слы—послы, посланники. *Ординница*—комнатная дѣвица. *Ординя*—комната, покой. *Гридня*—передняя комната, пріемная и столовая. *Гридни*, *гридь*—служители, стражи. *Мовня*—баня.

НОВЫЙ ПРОЭКТЪ
НЕИЗВѢСТНАГО ПРОФЕССОРА.

Что за обязательный человѣкъ Иванъ Гаврилычъ! Просто кладъ для Кіева! Безъ него все бы было печаль и запустѣніе..... Хочешь гдѣ нибудь провести время въ умной бесѣдѣ—ступай къ Ивану Гаврилычу; тамъ вся суть мудрости политической, административной, финансовой,—словомъ всякихъ хитростей человѣческихъ.... Что за общество собирается у Ивана Гаврилыча! Что ни человѣкъ—какая нибудь серьезная личность, личность съ вѣсомъ, съ тактомъ, съ далекимъ, всеобъемлющимъ взглядомъ. Просто чудо! Въ другомъ домѣ, сиди хотя цѣлый день, не услышишь дѣльнаго разсужденія, а у него довольно просидѣть полчаса, такъ наслушаешься такихъ диковинокъ, что и въ умъ не придетъ... Чисто школа премудрости!

Много я слышалъ хорошаго въ домѣ Ивана Гаврилыча; но одинъ разговоръ особенно врѣзался въ мою память, и какъ онъ заинтересовалъ меня новизною взгляда на современныя событія,—то я рѣшился подѣлиться имъ съ публикой; тѣмъ болѣе, что этого желала одна ученая личность, которая была душою, или, лучше сказать, умомъ-разумомъ этой бесѣды. Будемъ разсказывать со всевозможною точностію, что и какъ было.

Нѣсколько дней тому назадъ, я вздумалъ зайдти вечеромъ къ Ивану Гаврылычу. Въ гостиной было довольно много гостей; но какъ всѣ они, вмѣстѣ съ хозяиномъ, вели общій, довольно спорный разговоръ о музыкѣ и пѣніи, до чего, признаюсь откровенно, я небольшой охотникъ,—то я пошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежали на столѣ журналы и газеты, чтобы пробѣжать нѣсколько печатныхъ новостей. Когда я туда вошелъ, за столомъ сидѣлъ уже пожилой, тощій

господинъ въ очкахъ, покуривая сигару и разсѣянно пересматривая періодическія изданія. Этотъ господинъ, какъ узналъ я послѣ, былъ профессоръ, не знаю только какой..... (Нынче, вѣдь, не разберешь: всякаго лѣкаря, даже ветеринарнаго, зовутъ докторомъ, всякаго учителя, чуть ли даже и танцовальнаго, зовутъ профессоромъ... Это дѣлается для того, чтобы больше придать значенія личностямъ гостей, особенно въ ученомъ обществѣ). Но не въ этомъ дѣло. Объ ученой степени профессора намъ не нужно знать,—намъ нужна его личность, и его ученый разговоръ въ упомянутый мною вечеръ, и потому будемъ продолжать нашъ разсказъ.

Когда я взялъ одну изъ русскихъ газетъ,—профессоръ, вѣроятно слѣдившій за моими движеніями, обратился тотчасъ ко мнѣ съ вопросомъ: „вы читали о Замойскомъ? — Прочтите—это интересная вещь."

Когда я отвѣтилъ на это профессору, что извѣстіе о Замойскомъ для меня уже не новость, онъ началъ разсказывать мнѣ о его взглядѣ на это происшествіе, закидалъ меня разными вопросами и вообще силился вызвать меня на разговоръ.... Видя, что читать съ такимъ словоохотнымъ собесѣдникомъ не было никакой возможности, и хотя я почти столько же не люблю политическія разсужденія, какъ и сужденія меломановъ, но какъ не было другого исхода, нужно было выбрать одно изъ двухъ: или ретироваться въ гостиную, откуда я бѣжалъ, или сдѣлаться жертвою профессорскихъ разсужденій,—то я выбралъ послѣднее. Закуривъ папиросу, я усѣлся въ кресла и началъ нехотя перебрасываться съ нимъ словами. Впрочемъ, благодаря словоохотливости профессора, я не долженъ былъ много напрягать свой умъ, чтобы дѣлать возраженія на его глубокомысленные вопросы и предположенія,—онъ не ожидалъ меня и начисто заговорилъ.... Ужъ чего онъ не высказалъ мнѣ тутъ!..... А все больше о политическомъ.....

Не знаю, чѣмъ бы кончился нашъ tête à tête съ господиномъ профессоромъ, потому, что я уже начиналъ томиться зѣвотой, но, на мое счастіе, вошелъ старичокъ, съ почтеннымъ, добродушнымъ лицомъ и съ орденомъ на шеѣ, подсѣлъ къ намъ и вмѣшался въ нашъ разговоръ

— А что, батюшки, позвольте васъ спросить,—началъ господинъ съ орденомъ, выждавъ небольшую паузу, когда профессоръ разкуривалъ потухшую сигару,—правда ли, что нашу кіевскую губернію къ Польшѣ присоединяютъ?

— И, полно-те?—Кто это вамъ сказалъ? Вы, вѣроятно, основываете это на адресѣ каменецъ-подольской шляхты. Но это пустая выходка, не имѣющая послѣдствій,—отвѣчалъ профессоръ.

— Слава Богу, слава Богу!... А я ужъ крѣпко потужилъ... Да, въ правду сказать, и пришелъ сюда, чтобы освѣдомиться объ этомъ. Мнѣ одинъ панъ, пріѣхавшій недавно, такой дичи напоролъ, что просто досадно стало..... Ну что, думаю, станется съ нами православными, когда опять польская расправа будетъ?!... Вѣдь, за чѣмъ же, думаю, это? Земля то здѣсь наша старинная, да и теперь въ нашемъ государствѣ состоитъ, долженъ быть верхъ нашъ, а то, ни съ того, ни съ сего, отдай полякамъ и православныхъ всѣхъ подъ команду, да, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нашу матушку—святую Печерскую обитель, гдѣ наши Христовы угодники почиваютъ...

Хотя эта простодушная рѣчь добраго старичка не требовала глубокомысленныхъ разсужденій, но профессоръ, разувѣряя его, не преминулъ высказать свою многостороннюю ученость, упомянулъ о древностяхъ кіевскихъ, о происхожденіи славянъ, о польской конституціи 3-го мая и Богъ знаетъ о чемъ ни наговорилъ, такъ что и въ умъ не возмешь..... Пользуясь случаемъ, что профессоръ крѣпко наступаетъ на господина съ орденомъ, а меня оставилъ въ покоѣ, я хотѣхъ выйдти изъ ихъ кружка и сталъ пробираться потихоньку; но профессоръ, замѣтивъ это, удержалъ меня за рукавъ.

— Позвольте, позвольте,—сказалъ онъ,—я хотѣлъ сообщить вамъ весьма важное предположеніе, которое я обсуживаю теперь! Вы не поскучаете двѣ, три минуты—выслушать меня?

Я, разумѣется, изъ вѣжливости, увѣрялъ, что уши мои ждутъ его сладчайшихъ рѣчей чуть ли не жаднѣе райскихъ пѣсень.

— Вотъ, что я хотѣлъ вамъ сказать,—началъ профессоръ.—Эти неугомонные ляхи такъ все перевертываютъ верхъ дномъ, что просто досадно становится. Поютъ лазаря, корчатъ изъ себя страдальцевъ такихъ невинненькихъ, что кажется сейчасъ въ рай войдутъ, а сами, втихомолку, обдѣлываютъ свои дѣлишки, какъ нельзя лучше.... Вездѣ пролѣзли... Посмотрите, сколько защитниковъ поляковъ вы найдете въ Петербургѣ, во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ разря-

дахъ общества и, наконецъ, во всѣхъ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ!... Полякъ, мало-мальски образованный, найдетъ вездѣ дорогу, его вытащатъ за уши, не то, что нашего брата — русскаго; и такъ они съумѣли поставить общее мнѣніе, что когда выказываютъ патріотическую любовь, словами или оханьемъ, или хвалятъ что нибудь польское, то это не кажется страннымъ, и даже многіе русскіе имъ сочувствуютъ...... Даже сочувствуютъ имъ и тогда, когда они бранятъ все русское.... Русскаго нельзя ничего похвалить, хотя, согласитесь, что между нами есть много людей далеко дѣльнѣе и основательно-образованнѣе поляковъ.... можно только похвалить русскаго мужика за его простодушную, глупую фигуру и ослиное терпѣнье... Но такая похвала хуже брани... Согласитесь со мной, что я говорю правду?

Я не возражалъ, не желая мѣшать потоку красноръчія профессора, а господинъ съ орденомъ, вздохнувъ и поднявъ кверху глаза, проговорилъ:

— Да, батюшка, къ несчастію, истинная правда!

— Сколько разъ хотѣхъ я опровергнуть это ложное понятіе, продолжалъ профессоръ. — Писалъ, желалъ публично заявить все это, и чтожъ? Даже журналы отказались печатать мои сочиненія, отзываясь, что это противъ ихъ направленія... Каково вамъ покажется?.... А поляки продолжаютъ дѣлать свое, сумазбродничаютъ, развѣеваютъ тихомолкомъ разныя интриги, мутятъ общественное спокойствіе и, не смотря на запрещеніе правительства, продолжаютъ свои продѣлки... Напримѣръ, посмотрите на трауры ихъ, на пѣніе въ церквахъ гимновъ, на панихиды по возмутителямъ..... Сколько разъ ни хотѣло правительство прекратить всѣ эти затѣи, — они нисколько не унимаются... Взгляните, когда здѣсь въ Кіевѣ выходятъ въ праздникъ изъ костела, — вы не увидите ни на одной женщинѣ цвѣтнаго наряда, — просто вся сплошная масса черницъ... Многіе думаютъ, что эти продѣлки слишкомъ ничтожны для того, чтобы ихъ строго преслѣдовать; — нѣтъ, я доложу вамъ, эти продѣлки зародышъ недовольства въ народѣ и служатъ самыми плодотворными сѣменами къ распространенію ненависти къ общему порядку вещей въ государствѣ... Положимъ, если онѣ и не такъ сильно подѣйствуютъ на всю массу народа, то, по крайней мѣрѣ, послужатъ проявленіемъ между поляками отчаянныхъ фанатиковъ. Мало ли чего не можетъ произвести идея недовольства, если будутъ развивать ее на разные лады... И могу вамъ сказать

утвердительно, что эти мелкія проказы западно-католическаго населенія были причиною всѣхъ демонстрацій, бывшихъ въ Варшавѣ и западномъ русскомъ краѣ... Нужно прекратить все это, нужно выхватить зло съ самымъ корнемъ.....

-- Да, что же, батюшки, не запретятъ все это?—возразилъ господинъ съ орденомъ—я давно думалъ, что же это въ самомъ дѣлѣ, развѣ нѣтъ ужъ на нихъ никакой расправы? Приказать бы настрожайше, чтобы пикнуть не смѣли, вотъ и кончено было бы дѣло.

— Приказываютъ и наказываютъ, да не унимаются,. возразилъ, улыбаясь, профессоръ.

— Да, что это за наказаніе, коли не боятся?! По моему, свернулъ, пугнулъ бы по старинному: гдѣ какъ, а гдѣ и такъ, да хорошенько... проговорилъ господинъ съ орденомъ, похлопывая ладонью по колѣну и приходя въ горячность,—такъ и все бы притихло. Эхъ, хоть мнѣ, на мои бы зубы; на что я смиренъ, больно смиренъ, а проучилъ бы порядкомъ!...

— Ну, такія крутыя мѣры, возразилъ профессоръ, не въ духѣ вѣка, да при томъ это не радикальное средство. Оно, быть-можетъ, и поможетъ на нѣсколько времени, но не искоренитъ зла..... Это все равно, что приставлять піявки, чтобы вытягивали закожную кровь, когда нужно разжидить ее въ самыхъ венахъ... Нѣтъ, это не резонъ... А вотъ я выдумалъ проэктъ радикальнаго исправленія смутъ въ западномъ краѣ,—о чемъ и хотѣлъ сообщить вамъ.

Послѣднія слова профессора относились ко мнѣ. Я, въ знакъ согласія, кивнулъ слегка головою. Профессоръ продолжалъ:

— Всякой членъ общества долженъ сочувствовать тому обществу, къ которому принадлежитъ и обязанъ ставить интересы своей общественной семьи неизмѣримо выше интересовъ личныхъ, или какой либо части общественнаго цѣлаго. Если же кто либо изъ членовъ (одинъ, или въ нѣкоторой массѣ), будетъ возставать противъ принятаго въ обществѣ порядка вещей и даже необходимаго для прочнаго его существованія и не будетъ убѣждаться никакими резонными доводами въ ложности своихъ понятій,—то таковаго вреднаго члена, или многихъ членовъ, слѣдуетъ изгонять. Это все равно, что прополоть огородъ: вырвать изъ него плевелы, чтобы могли шире и могучѣе выростать полезныя растенія. Но, можетъ быть, скажутъ, развѣ не дѣлается этого у насъ?

Когда замѣтятъ кого нибудь, противящагося учрежденіямъ закона, или разсѣевающаго намѣренно какіе нибудь вредные для правительства слухи, то ссылаютъ на житье въ отдаленныя губерніи и отдаютъ подъ надзоръ полиціи. Положимъ, что и это можетъ служить нѣкоторой мѣрой къ исправленію хотя временному, но, такимъ образомъ, исправляя одну часть государства, портятъ другую. Ссыльный интриганъ надѣляется деньгами отъ своихъ земляковъ-собратьевъ и, водворившись на мѣстѣ новаго жительства, съ уклончивостію и ласкательствомъ укореняется на новой почвѣ и старается потихоньку распускать свои идеи, которыя, по новизнѣ, почти всегда понравятся его сообитателямъ... Проживъ, такимъ образомъ, ни мало не тужа, нѣсколько лѣтъ, ссылаемое лицо возвращается на свою родину и получаетъ еще большій авторитетъ, какъ *пострадавшій за отчизну*... Нѣтъ, это тоже, да не то... Посмотрите какъ изгоняли въ древнихъ Аѳинахъ или Римѣ заподозрѣнныхъ въ чемъ либо гражданъ, какъ напримѣръ поступили съ Аристидомъ, съ Коріоланомъ и другими. Ихъ изгоняли вовсе изъ отечества, изгоняли публично. Эту-то мѣру я и хотѣлъ бы предложить въ отношеніи безпокойныхъ умовъ нашего государства, къ несчастію сильно умножающихся въ послѣднее время. Мѣру эту я признаю полезною въ трехъ отношеніяхъ: моральномъ, финансовомъ, и административно-политическомъ. Въ моральномъ потому, что обозначится самымъ вѣрнымъ способомъ, число людей истинно-любящихъ свое отечество. Поляки, и вообще всѣ католики, называющіе себя поляками, хвалятся нынче любовью къ отчизнѣ, и, если они дѣйствительно ее любятъ, то будутъ избѣгать изгнанія, разъединяющаго ихъ съ дорогимъ краемъ навсегда, ибо изгнаніе должно быть—*вѣчное*; а если не подорожатъ этимъ, то чрезъ то выкажутъ, что они морочили народъ, прикрываясь мнимою любовью. Народъ его пойметъ и не станетъ имъ вѣрить. А, между тѣмъ, общество избавится лживыхъ своихъ членовъ, тревожившихъ общее спокойствіе, и разцвѣтетъ съ новою, плодотворною цѣлію—потому, что цѣль его будетъ—благо и покой. Въ финансовомъ потому, что всякой изгоняемый членъ, въ наказаніе за нарушеніе мѣстныхъ узаконеній и обычаевъ, долженъ быть наказываемъ, вмѣстѣ съ изгнаніемъ, и денежно. Изъ движимой собственности, не составляющей части государства, онъ можетъ брать все съ собою, но изъ недвижимой должна быть отдѣляема часть въ казну, для употребленія на какіе нибудь

полезные для государства предметы, т. е. напримѣръ на выкупъ у помѣщиковъ земель для надѣла бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Это я полагаю сдѣлать такимъ образомъ: при объявленіи рѣшенія объ изгнаніи изъ государства кого либо изъ владѣющихъ недвижимымъ имѣніемъ, тотчасъ должна оцѣняться его собственность; *двѣ трети* (можно даже и половину) ея стоимости выдавать владѣльцу, при выѣздѣ за границу, а третью обращать въ казну. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время, будутъ дѣлаться два весьма полезныхъ для государства дѣла: избавится общество отъ вреднаго члена и прибавится средство къ довольству страждущихъ ея сыновъ. При томъ, съ обнародованіемъ такого положенія, уменьшатся и другіе расходы, которые вынуждено нынче дѣлать правительство, какъ то: теперь, ссылая въ отдаленныя губерніи, сажая въ крѣпости, или отдавая подъ надзоръ полиціи, правительство должно употреблять расходы на содержаніе лишнихъ служащихъ, присматривающихъ за штрафованными и на содержаніе помѣщеній для арестантовъ; тогдаже, напротивъ, наказуя, оно не будетъ расходовать казенныхъ доходовъ, въ которыхъ у насъ большая надобность, а станетъ еще ихъ увеличивать... И, наконецъ, въ административно-политическомъ,—потому, что, изгнавъ вредныхъ членовъ общества, правительство населитъ оставленныя ими земли людьми русскими, преданными интересамъ отечества, въ которыхъ не будетъ недостатка. Посмотрите какъ у насъ густо населеніе внутреннихъ, примосковскихъ губерній [1]). И чрезъ

[1]) Противъ этого довода могутъ сказать, что у насъ въ Россіи нѣтъ недостатка въ земляхъ, а скорѣе недостатокъ въ рабочихъ рукахъ: посмотрите, какое пространство неразработанныхъ, годныхъ къ употребленію, земель у насъ въ Оренбургской, Пермской и сибирскихъ губерніяхъ? Справедливо, но это не составитъ большаго убытка государству. Незаселенныя и неразработанныя земли не долго пролежатъ впустѣ. Посмотрите, какъ быстро занимаются эти мѣста, и какъ сильно возвышается цѣнность на земли. Напримѣръ, на моей памяти, можно было пріобрѣсть землю въ Саратовской и Оренбургской губерніяхъ (въ мѣстностяхъ, отшедшихъ нынѣ къ Самарской губерніи) за самую ничтожную плату отъ одного рубля до трехъ, а теперь въ Самарской губерніи платятъ втрое за распашку только нови. Тоже самое можно видѣть и изъ дѣйствій правительства. Лѣтъ за 25

это явится новый духъ въ общей массѣ народа, и вскорѣ всѣ, до нынѣ безпокойныя мѣста, сплотятся въ одно прочное, политическое тѣло. Я говорю о переселеніи русскихъ потому, что надѣюсь, что если подобные осужденные и будутъ, то не иначе, какъ въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, изъ числа поляковъ и ополячившихся русскихъ шляхтичей, мечтающихъ о прежнемъ панскомъ самоуправствѣ и мнимой шляхетской вольности, дозволявшей имъ жить на счетъ бѣднаго поселенческаго класса холоповъ-русиновъ; дворянство же русское, въ особенности внутреннихъ губерній, на это не рѣшится. Истинно русскіе любятъ непритворно свое отечество. А если случаются таковые между русскими, потому, что въ большой семьѣ не безъ уродовъ, то о такихъ не стоитъ и разсуждать: худая трава изъ поля вонъ. Можетъ быть возразятъ противъ этого, что такая мѣра можетъ послужить къ обѣднѣнію и обезсиленію государства, если окажется огромное число изгнанниковъ, и что сверхъ того, эти изгнанники, увеличивъ собою массу другихъ государствъ, куда перейдутъ, сдѣлаются нашими непримиримыми врагами, и въ случаѣ войны будетъ несравненно труднѣе нашему государству, какъ по вышеобъясненной причинѣ, такъ и потому, что убавится народонаселеніе и будетъ меньше силъ для отпора непріятеля. На это я вотъ что скажу: если выбудутъ паны землевладѣльцы, то нетолько не принесутъ убытка, но прибыль, какъ я и имѣлъ честь вамъ объяснить, а если выбудетъ безпомѣстная шляхта, то она, какъ часть населенія государства непроизводительная, живущая на счетъ народа, облегчитъ самый народъ..... Что же касается до воинскихъ

предъ симъ правительство переселяло казенныхъ крестьянъ и свободныхъ сельскихъ обывателей въ нынѣшнюю Самарскую и Оренбургскую губерніи, представляя имъ большія льготы и давая пособіе; а уже нѣсколько лѣтъ, какъ отказано въ переселеніи даже въ Тобольскую губернію; слѣдовательно у насъ осталось не слишкомъ много земель, неприносящихъ дохода. Пусть полежатъ до времени ненаселенныя пространства, съ годами увеличится ихъ цѣнность и казна возметъ свое... Да, еслибы и долго продолжалось это безполезное лежаніе необработанныхъ земель, то все лучше имѣть спокойное пустое пространство, могущее принести когда-либо пользу и не требующее для себя расходовъ казны, чѣмъ густое, безпокойное населеніе, тревожащее цѣлое государство, и заставляющее содержать болѣе войска.

силъ, то въ Россіи, за исключеніемъ могущихъ быть изгнанниками [2]), останется еще много народа, изъ котораго можно составить огромное войско. Да при томъ, если будетъ и меньше войска,—то все же оно будетъ надежнѣе, если составятъ его люди довольные своимъ правительсвомъ, люди вѣрные своему долгу Извѣстно, что лучше одна тысяча единодушныхъ воиновъ, чѣмъ пятнадцать разномыслящихъ... Вспомните битвы Гарибальди съ Австрійцами! да и сколько найдется другихъ подобныхъ примѣровъ въ исторіи..... Повѣрьте мнѣ, господа, тогда мы дружно станемъ грудью противъ врага, и значеніе русскаго народа вновь встанетъ колосальнымъ атлетомъ въ глазахъ изумленной Европы. Да, господа, я желаю такой войны, войны за русскую національность, не смѣшанной съ другими соплеменностями, и желаю для того, чтобы Русь,—этотъ старый боецъ, позабывшій свои силы, всталъ какъ уязвленный левъ! .. Да не въ тѣсномъ мѣстѣ, какъ водъ Севастополемъ, гдѣ искусство и морская сила помогли непріятелю, а на полѣ, на широкомъ полѣ!... Тогда прочь западники, пусть всѣ идутъ отъ насъ,—намъ ихъ не нужно, мы съумѣемъ отстоять свое!... Пусть возмутъ поляки все съ боя, тогда ихъ верхъ,—но до тѣхъ поръ не смѣй касаться достоянія Руси, ея кореннаго, выстраданнаго въ продолженіи столькихъ вѣковъ достоянія!...

Профессоръ пришелъ въ пафосъ восторга: очки сдвинулись на бокъ и онъ крѣпко трепалъ господина съ орденомъ за бортъ сюртука. Старикъ тоже воодушевился, поддакивалъ ему и, размахивая руками, возглашалъ по временамъ:

— Давай ихъ намъ, давай! Покажемъ себя!...

Эта сцена была чрезвычайно комическая, такъ что я едва могъ удержаться отъ смѣха, смотря на этихъ будущихъ храбрыхъ воиновъ, изъ которыхъ ни одинъ не могъ поднять порядочнаго ружья. И, чтобы не обидѣть ихъ улыбкой, хотѣлъ уйдти... Но профессоръ опять удержалъ меня и спросилъ, какъ мнѣ нравится его предположеніе? Я отвѣчалъ общими фразами, что это можетъ быть хорошо, но нужно все оформить, обсудить, сообразить съ обстоятельствами и тому

---

[2]) Въ утѣшеніе можно сказать, что изгнанниковъ, конфискованныхъ согласно моему проэкту, будетъ немного, быть можетъ столько, сколько теперь эмигрантовъ.

подобное... Не помню хорошенько всего, но что-то я тоже наговорилъ ему много въ этомъ родѣ.

— Разумѣется, разумѣется...—сказалъ профессоръ.—Это дѣло нешуточное... Нужно обсудить, да обсудить... Я только теперь высказалъ свою мысль, но она требуетъ серьезной обработки, и если эта мысль будетъ признана дѣльною и полезною, я готовъ ее развить со всевозможною точностію, т. е. разсмотрѣть ее со всѣхъ трехъ, мною указанныхъ точекъ зрѣнія; присоединивъ при томъ статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи западнаго нашего края, о числѣ владѣльческихъ земель, а также узаконенія древнія и новыя, примѣнимыя къ этому предмету, и вообще округлить этотъ проэктъ въ формѣ законодательной... Но мнѣ одно бы хотѣлось, докторъ Штука, чтобы вы нѣсколько посодѣйствовали въ этомъ дѣлѣ.. Даете ли слово?

Я отвѣчалъ, что охотно сдѣлаю все, что возможно.

— Нѣтъ, даете ли честное слово помочь мнѣ? Это для васъ очень возможно, добавилъ профессоръ.

По слабости характера, я не могъ отказать въ просьбѣ профессору. Онъ пожалъ мнѣ съ чувствомъ руку и началъ говорить, сильно сдвинувъ вмѣстѣ брови:

— Хорошо... Вотъ въ чемъ моя просьба Развитіе этого проэкта преждевременно, потому, что я еще не знаю какъ будетъ принята его идея... Но вы, какъ сотрудникъ Вѣстника Юго-западной и Западной Россіи, разскажите про нашъ разговоръ въ какой хотите формѣ, посмотримъ, что-то объ немъ станутъ толковать..,. И, если выйдетъ что нибудь порядочное, то я готовъ употребить трудъ, даже безвозмездный.

Не понутру мнѣ была навязываемая работа, да дѣлать нечего. Если проговорился, нужно было соглашаться.

— Да, не забудьте, г. докторъ,—продолжалъ профессоръ, вотъ что присовокупить: что изгнаніе, по моему предположенію, должно быть на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Лица обоихъ половъ и всякаго званія, безъ исключенія даже духовнаго, замѣчанныя въ противузаконныхъ поступкахъ, сначала увѣщаваются, но несекретно, а въ особо-учрежденномъ присутствіи, явно. Если не послушаются этого, сажаются во второй разъ подъ арестъ отъ 3-хъ до 10 дней, и потомъ уже, если не исправятся,—изгоняются публично.

2. Чтобы это изгнаніе не было одной формой, а служило самымъ тяжкимъ наказаніемъ, то, какъ я уже сказалъ прежде, оно должно быть вѣчнымъ, неизмѣняемымъ никакими будущими заслугами изгнанниковъ.

3. Дабы въ этихъ изгнаніяхъ не было никакихъ уловокъ, т.е. въ случаѣ замѣшательства въ дѣла политическія цѣлаго семейства, не стали бы выдавать умышленно одного какого либо члена, дабы сохранить чрезъ то недвижимое имѣніе и часть доходовъ пересылать изгнаннику, должно постановить, что глава семейства отвѣчаетъ за поступки другихъ неотдѣленныхъ членовъ, и если, по сдѣланіи ему замѣчанія, не пріиметъ къ удержанію ихъ какихъ либо способовъ, то изгоняется вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ. Тоже самое должно быть постановлено въ отношеніи мужа и жены. Если мужъ, зная возмутительныя дѣйствія жены и будучи предувѣдомленъ объ этомъ начальствомъ, не постарается оставить ее, или въ случаѣ новыхъ со стороны ея попытокъ, не заявитъ объ этомъ правительству, то изгоняется вмѣстѣ съ женою, на общемъ основаніи.

4. Хотя взрослые сыновья и дочери, составляющіе отдѣльныя семейства и незаподозрѣнные ни въ чемъ, не могутъ раздѣлять участи изгоняемыхъ родителей, но все же изъ конфискованнаго достоянія отцевъ и матерей имъ не слѣдуетъ ничего выдавать, потому, что право на наслѣдство они имѣютъ только по смерти своихъ родителей, а на теряемое сими послѣдними при жизни состояніе права ихъ, и по нынѣшнимъ законамъ, не распространяются;

и 5 Чтобы эту мѣру въ особенности расширить на женскій полъ и на духовенство, потому, что они служатъ главною причиною безпорядковъ въ западномъ краѣ.

Профессоръ еще хотѣлъ что-то говорить, но нахлынувшіе изъ другой комнаты гости-меломаны и, въ особенности, самъ хозяинъ, прервали нашъ разговоръ. Профессоръ на прощаніе потрепалъ только мнѣ руку и попросилъ убѣдительно еще разъ, исполнить въ точности данное слово

Исполняю, кажется, добросовѣстно. Изъ словъ профессора, или, по крайнѣй мѣрѣ, изъ числа высказанныхъ имъ мыслей, ничего не упустилъ. Впрочемъ, на грѣхъ мастера нѣтъ; нельзя твердо вѣровать въ память, а потому г. профессоръ если замѣтитъ какой нибудь пропускъ, то покорнѣйше прошу его заявить объ этомъ публично. Но въ томъ могу смѣло завѣрить, что все, что здѣсь сказано, принадлежитъ не мнѣ,

а г. профессору, и что къ его предположенію я не прибавилъ своего ни на волосъ.

Развѣ одно только могу прибавить,—это попросить почтенную публику принять какъ можно одобрительнѣе или горячѣе этотъ проэктъ, дабы доставить чрезъ то г. профессору возможность высказаться печатно въ новомъ, обѣщанномъ имъ сочиненіи и развить разностороннѣе свою глубокую ученость и тонкость пониманія въ дѣлахъ политическихъ.

Докторъ Штука.

ПОСЛАНІЕ
СВЯТѢЙШАГО ВСЕЛЕНСКАГО ПАТРІАРХА ІОАКИМА ВКУПѢ СЪ СВЯТЫМЪ СОБОРОМЪ.

(АДРЕСЪ).

Высокопочтеннѣйшему Протоіерею Господину (Киръ) Іосифу Васильеву) и благочестивому и достопочитаемому аббату Гете, мужамъ мудрымъ и всеполезнымъ, достойнымъ представителямъ редакціи издаваемаго въ Парижѣ журнала «l'Union Chrétienne», чадамъ нашимъ о Господѣ возлюбленнымъ и превожделѣннымъ.

Примѣчаніе 1. Аббатъ Гете принадлежалъ къ римско-католическому исповѣданію. Читателямъ нашимъ извѣстно, какъ дѣятельно и безкорыстно ратовалъ онъ во Франціи за тѣ истины, которыя составляютъ существо православной церкви. Обладая глубокою богословскою ученостью и занимаясь по преимуществу историческими изслѣдованіями, аббатъ Гете началъ сличать памятники христіанской древности съ тѣмъ, что происходитъ въ церкви католической, и вскорѣ убѣдился въ неосновательности притязанія римскаго патріарха на главенство въ церкви христіанской. Дошедши до истины въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ различія двухъ главныхъ христіанскихъ церквей, ученый аббатъ приступилъ къ изученію другихъ вопросовъ, составляющихъ предметъ спора между православными и католиками, и здѣсь истина православія не замедлила явиться ему во всей чистотѣ своей. Новыя убѣжденія г. Гете были поводомъ къ сближенію его съ русскимъ духовенствомъ, находящимся въ Парижѣ, и это сближеніе окончательно утвердило его въ истинѣ православнаго ученія. Будучи уже редакторомъ религіознаго журнала **Observateur Catholique** и авторомъ историческихъ твореній: **Histoire de l'église gallicane** и **La papauté jugée par saint Grégoire le Grand**

«Іоакимъ, Божіею милостію Архіепископъ Константинополя, новаго Рима, и Вселенскій Патріархъ.

† Мудрые и всеполезные мужи, высокопочтеннѣйшій Протоіерей господинъ Іосифъ Васильевъ и благочестивый и достопочитаемый аббатъ Гете, достойные представители редакціи издаваемаго въ Парижѣ журнала «l'Union Chrétienne», чада наша о Господѣ возлюбленныя и превождѣленныя!

Благодать вамъ, и милость отъ Христа Спасителя нашего!

Не неизвѣстны были намъ доблестные и полезные труды издателей «Христіанскаго Единенія» въ охраненіе цѣлости вѣры Христовой; давно уже мы превозносили оные похвалами

(Папство предъ судомъ св. Григорія Великаго). **Histoire des Jésuites** (Исторія Іезуитовъ) и нѣсколькихъ другихъ, весьма замѣчательныхъ произведеній, аббатъ Гете принялъ самое дѣятельное участіе въ основанномъ о. протоіереемъ Васильевымъ журналѣ **Union Chrétienne**, котораго цѣль—соединеніе христіанскихъ церквей на началахъ православія. Статьи почтеннаго аббата, обличая въ авторѣ замѣчательный талантъ писателя, отличались глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ каѳолическаго ученія и рѣдкой энергіей въ преніяхъ съ защитниками римско-католическихъ идей. Вступленіе такого лица въ православіе не можетъ не имѣть глубокаго значенія и важныхъ послѣдствій для церкви.

Присоединеніе аббата Гете къ православію послѣдовало въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года. Св. мѵропомазаніе совершалъ надъ нимъ о. протоіерей І. В. Васильевъ и, по желанію самаго аббата, нарекъ ему православное имя Владиміра, въ честь равноапостольнаго просвѣтителя Россіи. На другой день совершена была въ новосозданной православной церкви божественная литургія, и какъ всякій католическій священникъ, чрезъ самое дѣйствіе вступленія въ православіе, становится священникомъ православнымъ, то и вновь присоединенный отецъ Владиміръ Гете присутствовалъ при богослуженіи уже въ рясѣ и подрясникѣ, на подобіе нашихъ священниковъ, возложивъ на себѣ кромѣ того поверхъ рясы епитрахиль. Въ этотъ день онъ въ первый разъ сподобился принятія Тѣла и Крови Христовой, по чину нашей церкви, какъ православный священникъ.

Частное извѣстіе, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, къ сожалѣнію не сообщаетъ болѣе никакихъ подробностей о присоединеніи о. Гете къ православію. Мы желали бы какъ можно скорѣе найти подтвержденіе сообщаемаго здѣсь извѣстія въ офиціальныхъ отдѣлахъ нашихъ духовныхъ журналовъ.

(Странникъ).

и напутствовали благословеніями. Нынѣ же съ радостью получили мы любезное письмо вашего благочестія, съ приложеніемъ къ оному драгоцѣннаго собранія всего вашего изданія.

Узнавши изъ онаго точнѣе вашу цѣль, мы возблагодарили Бога всяческихъ, призвавшаго всѣхъ людей къ единенію и дающаго глаголъ благовѣствующимъ оное силою многою. Воистину мы относимъ ко внушенію Божію, не только вашу благодѣтельную мысль для тѣла Церкви, но и во Христѣ единодушіе и сотрудничество, а равно и искренность и богоугодность цѣли трудовъ вашихъ, и законность и благоприличіе употребляемыхъ вами средствъ, и вѣрность руководителей, которымъ слѣдуете, и твердыя и непоколебимыя основанія, на которыхъ право созидаетесь, и удивительную кротость слова, доходящаго до слуха не яко во огни, не яко въ трусѣ, но въ гласѣ хлада тонка, проникающаго въ душу съ кротостью, достойною Бога, коего дѣлу служите, являющаго силу свою не крѣпостію слова, но простотою.

Вы же, возлюбленные, извѣстно пріимете достойную мзду вашихъ священныхъ трудовъ въ пользу святаго дѣла.

Что же касается нашей Православной Восточной Церкви, она всегда со скорбію взирала на удаленіе отъ нея нѣкогда столь почтенныхъ ей сестеръ Западныхъ Церквей, а особенно церкви древняго Рима. Хотя Церковь наша и утѣшается сознаніемъ своей невинности, что въ началѣ она не была причиною раздѣленія, а потомъ ни увеличивала, ни укрѣпляла онаго, однакожъ она никогда не переставала со слезами возносить теплыя молитвы своему Богу и Спасителю, сотворившему обоя едино и средостѣніе ограды разрушившему, да приведетъ Церкви къ единодушію, даровавъ намъ единство вѣры, и общеніе Духа Святаго. Чтобы умилостивить Его, она показываетъ Ему язвы своего мученичества и раны претерпѣваемыя ею за Православную вѣру въ продолженіи столькихъ вѣковъ отъ нарушителей мира и кроткаго ея во Христѣ пребыванія, что безъ сомнѣнія не неизвѣстно вашей мудрости.

И такъ, мѣрность наша и окружающій насъ Священный Соборъ Преосвященнѣйшихъ Митрополитовъ, нашихъ въ Святомъ Духѣ братій и сослужителей, извѣстившись особенно изъ вашихъ писаній о божественной ревности вашей о вожделеннемъ соединеніи Церквей, и исполняясь духовной радости, вѣн-

чаемъ ваше Святое дѣло достойнѣйшими похвалами, изъ глубины души преподаемъ Вамъ и соревнующимъ вамъ сотрудникамъ наши патріаршія и соборныя благожеланія и благословенія, молясь о скоромъ достиженіи цѣли «Христіанскаго Единенія.« И какъ утѣшительно было намъ видѣть въ писаніи вашей честности мужа Западнаго съ Восточнымъ братски единомысленныхъ въ любви къ истинѣ и вмѣстѣ подписавшихся; такъ да дастъ Господь намъ и всему христіанскому міру узрѣть, во глубинѣ судебъ и щедротъ всемогущаго Бога, и нѣкогда бывшія сестры—церковь восточную и западную утвердившимися искренно и не лестно въ единеніи духа, въ союзѣ мира, яко да будутъ всѣ едино тѣло Христово въ славу Отца, Сына и Святаго Духа, въ Тройцѣ нераздѣльнѣй и не слитнѣй покланяемаго Бога нашего, Его же благодать и не исчетная милость да будетъ съ вами! Индикта V, 23 Августа 1862 года.

(Подписали:)

† **Архіепископъ Константинопольскій**, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Паисій**, митр. Кесарійскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Паисій**, митр. Ефесскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Меѳодій**, предстоятель Карпатскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Стефанъ**, митр. Ларисскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Софроній**, митр. Артскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Хрисанѳъ**, митр. Смирнскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Мелетій**, митр. Митиленскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Дороѳей**, митр. Димитріадскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Діонисій**, митр. Меланикскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Мелетій**, митр. Фаскопрескренскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Анѳимій**, митр. Бѣлградскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

† **Агапій**, митр. Гревенскій, вашъ во Христѣ богомолецъ.

ПРИМѢЧАНІЕ II. Съ чувствомъ духовной услады, номѣщая на страницахъ нашего изданія „Посланіе Патріарха Константинопольскаго Іоакима къ оо. издателямъ **l'Union Chrétienne**, протоіерею I. Васильеву (настоятелю русской-посольской церкви въ Парижѣ) и аббату В. Гете", мы сочли весьма умѣстнымъ помѣстить рядомъ съ этимъ торжественнымъ для православія посланіемъ и выписку изъ отзыва о немъ о. протеіерея Васильева, объясняющаго различныя, соприкосновенныя къ нему обстоятельства, объясняющія цѣль и характеръ самаго посланія и восторгающія душу всякаго православнаго тѣмъ сочувствіемъ, какое заявлено всѣмъ православнымъ востокомъ замѣчательной дѣятельности оо Васильева и Гете (*). Ред.

Выписка изъ письма настоятеля Русской посольской церкви въ Парижѣ протоіерея Васильева къ г. Оберъ-прокурору св. Сvнода отъ 19 (31) октября 1862 г.

Въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ 15 (27) дня мы, я и отецъ Владиміръ Гете, имѣли честь и радость получить одобрительную для «l'Union Chrétienne» грамату отъ вселенскаго патріарха Іоакима и состоящаго при немъ собора двѣнадцати митрополитовъ.

Мѣсяцевъ за шесть предъ симъ я былъ извѣщенъ частнымъ письмомъ изъ Константинополя, что первый іерархъ православной церкви и единовѣрные намъ восточные епископы со вниманіемъ и любовію читаютъ наше скромное еженедѣльное изданіе, имѣющее цѣлію соединеніе церквей на почвѣ православія. Вскорѣ послѣ я былъ почтенъ благосклоннымъ письмомъ Аѳанасія, митрополита керкирскаго (Корфу). Церковный предстоятель Іоническихъ острововъ радуется появленію въ свѣтъ «Христіанскаго Единенія» на защиту православія, похваляетъ христіанскую ревность и труды моего недостоинства, одобряетъ къ продолженію дѣла и осѣняетъ оное архипастырскимъ благословеніемъ. Спустя недолго послѣ, прибылъ изъ Константинополя въ Парижъ ученый монахъ и писатель, апостолъ Макракисъ, и доставилъ мнѣ письмо отъ митрополита кесарійскаго

(*) Цѣна журнала **l'Union Chrétienne** для петербургскихъ подписчиковъ **СЕМЬ** рублей, а для иногородныхъ **ДЕВЯТЬ** рублей, съ пересылкою. Подписываться можно у с.-петербургскихъ книгопродавцевъ: ***Вольфа***, ***Якова*** и ***Василія Исаковыхъ***, у ***Дюфура*** и ***Мюнкса***.

Паисія, перваго члена патріаршаго Синода, мужа необыкновенно чтимаго за твердость въ вѣрѣ и строгость жизни. Преемникъ св. Василія Великаго также не щадитъ ни похвалъ, ни одобреній, ни благословеній и молитвъ «Христіанскому Единенію» и его грѣшному основателю.

Въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ, проживающій въ Парижѣ для усовершенствованія себя въ наукахъ (онъ уже учился въ Германіи, гдѣ получилъ степень доктора богословія), бывшій при Патріархѣ Константинопольскомъ діаконъ, а нынѣ состоящій при аѳинскомъ университетѣ профессоръ богословія Евстафій Клеовулъ, получилъ извѣстіе изъ Константинополя, что вселенскій патріархъ желаетъ имѣть все изданіе «Христіанскаго Единенія.» Вслѣдствіе сего я и о. Гете поднесли его Святѣйшеству полное собраніе нашего журнала при почтительнѣйшемъ письмѣ.

Отвѣтомъ на сіе была грамата святѣйшаго вселенскаго патріарха Іоакима вкупѣ со священнымъ Синодомъ, состоящимъ изъ двѣнадцати митрополитовъ.

Препровождая намъ сей документъ, повѣренный по ученымъ дѣламъ патріарха, Полихроніадесъ, извѣстилъ насъ, что его святѣйшество изъявилъ согласіе на напечатаніе его писанія въ «Христіанскомъ Единеніи.»

Считаю излишнимъ выставлять важность его писанія, ибо она очевидна и по своему источнику и по содержанію. Да видитъ же Западъ смыслъ и Духъ Православія и да молчитъ предъ его истиною, святостью и любовью.

Кромѣ «Христіанскаго Единенія», грамата святѣйшаго Іоакима была добровольно напечатана въ журналѣ «La Semaine Universelle», и будетъ напечатана въ «L'esprit Public et le Nord.» Трудно надѣяться, чтобъ другія здѣшнія періодическія изданія, напоенныя фанатизмомъ, или невѣріемъ, дали мѣсто въ своихъ столбцахъ высокому слову православныхъ восточныхъ іерарховъ. Но по частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что грамата обратила на себя вниманіе, смѣшанное съ удивленіемъ.

«Христіанское Единеніе» уже пользовалось большимъ значеніемъ на Востокѣ, равно какъ и серьезнымъ вниманіемъ на Западѣ. Большая часть статей, помѣщенныхъ въ этомъ листкѣ, переводятся и помѣщаются въ православныхъ журналахъ, какъ то: «Единодушіе» (Ὁμόνοια патріаршій листокъ въ Константино-

полѣ), «Благочестіе» (Ευσεβια въ Смирнѣ), «Евангельскій проповѣдникъ (Εὐαγγελικὸς Κυριξ въ Аѳинахъ) «Кліо» (Κλειω въ Тріестѣ). Но патріаршее свидѣтельство даетъ, такъ сказать, исключительный вѣсъ «Христіанскому Единенію.» Не знаю, удостоивалось ли какое либо періодическое изданіе столь высокаго одобренія и ободренія.

О, еслибы голосъ нашихъ восточныхъ отцовъ въ вѣрѣ расположилъ въ пользу «Христіанскаго Единенія» и нашихъ отечественныхъ іерарховъ! Со стороны сихъ послѣднихъ намъ не нужно гласнаго свидѣтельства, а намъ дорого ихъ сочувствіе и благословеніе; сверхъ же того необходима и благовременная помощь.

Въ настоящее время, при угрожающемъ переломѣ папства, особенно важно заявленіе православія; ибо Римъ силенъ не приверженностію къ нему, а привычкою; онъ стоитъ не вѣрою, а искуснымъ устройствомъ; голоса вопіющіе въ пользу его не столько одушевлены благочестіемъ, сколько расчетомъ. Этотъ Іерихонъ силенъ противъ внѣшней силы; но падетъ предъ силою вѣры. *Вѣрою стѣны Іерихонскія падоша.* Съ Ковчегомъ Завѣта мы уже нѣсколько разъ обходили эти стѣны, но ни разу не исполнили Божія повелѣнія—испустить сильный вопль. Начинаетъ едва слышный голосъ, пусть другіе усилятъ его.

ЗАМѢЧАНІЯ

По поводу вопроса о народныхъ у насъ школахъ.

Статья «О народныхъ у насъ школахъ», напечатанная во 2-й книжкѣ Вѣстника юго-западной и западной Россіи, заключаетъ въ себѣ самый жизненный вопросъ въ нашей странѣ. Вполнѣ сочувствуемъ мнѣніямъ почтеннаго и вполнѣ уважаемаго автора въ главныхъ основаніяхъ, но, по важности предмета, позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, которыя, какъ кажется, не лишены основанія и могутъ послужить къ лучшему разъясненію вопроса о народномъ образованіи.

Прежде всего скажемъ, что по всѣмъ тремъ примѣчаніямъ, сдѣланнымъ Редакціею Вѣстника, мы болѣе раздѣляемъ мнѣніе Редакціи. Съ вопросомъ о народныхъ школахъ, неразрывно связанъ вопросъ о духовенствѣ. Почтенный авторъ признаетъ, что ближайшимъ и самымъ удобнымъ орудіемъ народнаго образованія есть разумѣется духовенство, и что безъ его участія, нормальное народное образованіе не мыслимо. Совершенно справедливо. Далѣе сказано: «Говорятъ, что наше сельское духовенство стоитъ на слишкомъ низкой ступени развитія, чтобы служить съ успѣхомъ дѣлу народнаго образованія.» Въ этомъ случаѣ авторъ не высказываетъ своего личнаго мнѣнія, но слѣдующее замѣчаніе его позволяетъ думать, что такое мнѣніе о духовенствѣ усвоено и самимъ авторомъ. Не упрекаемъ его въ такомъ предубѣжденіи на счетъ здѣшняго православнаго духовенства. Не далѣе какъ лѣтъ 20 назадъ, это мнѣніе имѣло основаніе, отчасти было справедливо; но что можно было сказать тогда, далеко не слѣдуетъ говорить теперь. При томъ же и въ то время духовенство не отставало въ образова-

ніи отъ другихъ цивилизованныхъ сословій Имперіи (*). Нынѣ почти все уже духовенство старое замѣнено новымъ, получившимъ болѣе чѣмъ гимназическое образованіе въ семинаріяхъ;

([1]) До 30-хъ годовъ въС.-Петербургѣ почти всѣ чиновническія мѣста были въ рукахъ поляковъ и лицъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не говоря о Сперанскомъ, много изъ нихъ состояло во главѣ разныхъ администрацій. Лучшіе профессора въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были семинаристы или академисты, почти всѣ прежнія наши гимназіи имѣли начальниковъ и воспитателей изъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній. На казенное содержаніе въ педагогическій институтъ и медицинскую академію принимали исключительно только однихъ семинаристовъ, а за границу, для образованія будущихъ профессоровъ во всѣ факультеты русскихъ университетовъ, высылаемы были на счетъ казны только одни студенты духовныхъ академій. Такимъ образомъ, если въ тѣ времена образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ было выше образованія въ свѣтскихъ училищахъ, такъ что воспитанники первыхъ исключительно стояли во главѣ русской образованности, то что же сказать о современномъ образованіи въ сихъ заведеніяхъ, въ которыхъ дѣло это подвинулось далеко впередъ? И теперь какъ и прежде, воспитанники духовныхъ училищъ не только что не уступаютъ, но большею частію превосходятъ воспитанныхъ въ другихъ заведеніяхъ и развитостію и глубокомысленностію и строгою, логичною послѣдовательностію, и, наконецъ, безукоризненностію и чистотою слога въ своихъ сочиненіяхъ. Неоспоримымъ сему доказательствомъ служитъ то, что лучшіе современныя сочиненія, лучшія журнальныя статьи, принадлежатъ перу *семинаристовъ*. Кто также не знаетъ, что почти во всѣхъ редакціяхъ петербургскихъ журналовъ главные, неутомимые дѣятели—тѣ же *семинаристы!* Укажите наконецъ хоть одно высшее и среднее учебное заведеніе военнаго, мин. нар. просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, гдѣ бы въ числѣ лучшихъ преподавателей не находились *семинаристы?* Рѣдкій изъ директоровъ гимназій

довольно есть пастырей съ образованіемъ академическимъ. Говоря вообще, духовенство нынѣ, по большей части, люди достойные, понимающіе свое назначеніе, и прежнее нареканіе, кото-

---

въ Имперіи, который бы первоначально не воспитывался въ семинаріи. И теперь какъ и прежде на поприщѣ военной и гражданской службы *семинаристы* считаются не послѣдними. *Семинаристами* наполнены всѣ губернскія присутственныя мѣста и они лучшіе дѣятели, лучшіе помощники своихъ начальниковъ. Сельскіе священники настоящаго времени—тѣ же семинаристы, съ тѣмъ только различіемъ, что они изъ числа лучшихъ воспитанниковъ, потому что только таковымъ даются наличныя, вакантныя священническія мѣста, а худшіе или должны ожидать открытія вакансіи на эти мѣста, или искать службы внѣ духовнаго вѣдомства. Скажемъ еще и то, что въ курсъ семинарскаго образованія входятъ не только *всѣ* предметы гимназическихъ курсовъ, но еще и такіе, какіе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просвѣщенія или вовсе не преподаются (философія), или только что еще вводятся теперь (естественная исторія). А цѣлый факультетъ богословскихъ наукъ (со всѣми ихъ вѣтвями), развѣ мало способствуетъ къ умственному развитію молодыхъ людей? Мало ли обогащаетъ умъ такими знаніями, о которыхъ воспитаннымъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и во снѣ не мерещилось. А что будто бы въ семинаріяхъ заучиваютъ предметы въ долбежку—по мнѣнію завистниковъ духовнаго образованія, это невѣжественная ложь, клевета. Можетъ быть это водилось въ старину, когда тоже самое было въ обычаѣ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но теперь далеко не такъ, даже нечего зубрить на изустъ, когда по главнымъ предметамъ семинарскаго курса нѣтъ даже учебниковъ! Напротивъ, напр. курсъ словесности состоитъ весь въ наставленіяхъ преподавателей живымъ языкомъ, какъ должно мыслить и излагать эти мысли на бумагѣ правильно, въ чтеніяхъ образчиковъ разнаго рода слога и въ *постоянныхъ*, въ классѣ и внѣ его, упражненіяхъ воспитанниковъ въ со-

рое оно могло заслуживать, теперь далеко не умѣстно (нѣтъ рѣчи объ исключеніяхъ). Оно всегда отличалось любознательностію и любовью къ чтенію, а теперь любовь эта едва-ли у него не превратилась въ страсть: нѣтъ почти прихода, гдѣ бы не получалось двухъ, трехъ журналовъ и даже газетъ,

---

чиненіи на заданныя или по ихъ собственному выбору темы. Укажите хоть одну гимназію, гдѣ бы русская словесность преподавалась такимъ практическимъ образомъ? За то сочиненіе семинариста, не зная автора, сейчасъ отгадаете—по чистотѣ русскаго языка и безукоризненной грамотности, по логичной послѣдовательности и глубокомыслію; за то духовная литература едвали произведеніями—не какими нибудь пустыми, но серьезными, въ настоящее время не богаче свѣтской. Сколько, почти ежедневно, выходитъ въ свѣтъ образцовыхъ проповѣдей, поученій, рѣчей; сколько сочиненій по разнымъ отраслямъ историко-богословскихъ наукъ, сколько нравственно-философскихъ, назидательныхъ для чтенія всякаго возраста, пола и сословія православныхъ христіанъ, сколько, наконецъ, появилось журналовъ и разныхъ другихъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ нѣкоторые не уступаютъ лучшимъ нашимъ журналамъ. И послѣ всего этого сказать, что наше духовенство до того неразвито, что не въ состояніи нетолько надзирать за сельскими первоначальными школками, но даже обучать и грамотѣ—стыдно и въ высшей степени обидно и несправедливо.

Въ заключеніе, спрашиваемъ у васъ, такъ называемые, передовые люди, потому что это только вы собственно, для весьма понятныхъ цѣлей, пустили въ ходъ молву о неразвитости нашего духовенства,—спрашиваемъ: у кого обучались русской грамотѣ и первоначальнымъ знаніямъ ваши благородные отцы и дѣды, если не у дьячковъ и пономарей, у кого приготовлялись къ поступленію въ народныя училища, если не у своихъ приходскихъ священниковъ и однакожъ сдѣлались ли они чрезъ это менѣе умными и добродѣтельными? менѣе способными къ высшему образованію?

Редакторъ.

большею частію духовныхъ, но многіе выписываютъ газеты и журналы свѣтскіе; церковныя библіотеки не составляютъ уже хранилища только однѣхъ книгъ богослужебныхъ и другихъ на церковно-славянскомъ языкѣ, но годъ отъ году обогащаются почти всѣми новѣйшими произведеніями духовной и болѣе полезными свѣтской литературы; кромѣ того въ каждомъ благочиніи заводятся благочинническія библіотеки (²), значитъ, духовенство неотступно слѣдуетъ прогрессу—но, конечно, прогрессу правильному и разумному; при томъ, не въ одной теоріи, но старается примѣнять его и въ практикѣ. Не говоримъ о совершенствѣ духовенства, оно имѣетъ и недостатки, съ одной стороны присущіе всему русскому народу, не исключая никакихъ званій и состояній, а съ другой исключительно свои собственные, происходящіе, большею частью, отъ той среды, въ которой оно находится и его положенія въ обществѣ, и нисколько отъ односторонности и, якобы, недостаточности образованія, какъ думаютъ нѣкоторые (³).

Мы говоримъ, что сельское духовенство отличается особенною любовью къ чтенію. Мало того, оно высказываетъ такую

(²) Не угодно ли, оставя самый Кіевъ въ сторонѣ, проѣхать наши города, села и деревни и удостовѣриться въ справедливости сказаннаго; тогда какъ во всѣхъ другихъ сословіяхъ, не исключая высшаго, въ большей части не найдется въ домѣ ни одной книжки и ни одного печатнаго слова.

(³) Нельзя не замѣтить при этомъ, что недостаточность образованія у насъ замѣчается всеобщая: статьи и проэкты постоянно печатаемыя въ разныхъ газетахъ и журналахъ, служатъ тому доказательствомъ. Если бы и духовенству, даже сельскому, но все-таки образованному, предоставлено было излагать откровенно свои мысли, на счетъ преобразованія или улучшенія духовно-учебныхъ заведеній, нѣтъ сомнѣнія, было бы высказано много дѣльныхъ мыслей и замѣчаній, которыя могли бы послужить полезнымъ руководствомъ для начертанія новыхъ правилъ. Какъ мы слышали, нынѣ уже вводится въ семинаріяхъ краткій курсъ педагогіи.

же любовь и къ умственнымъ упражненіямъ: пять періодическихъ изданій въ одномъ Кіевѣ, заведенныхъ большею частію въ недавнее время по духовному вѣдомству, въ коихъ не малое количество статей принадлежитъ сельскому духовенству, могутъ служить тому неопровержимымъ доказательствомъ. Прочитывая отъ времени до времени эти изданія, мы находимъ въ нихъ весьма много прекрасныхъ статей, здравыхъ сужденій, много живыхъ идей и полное знаніе дѣла; есть и статьи съ исключительнымъ богословскимъ содержаніемъ, но схоластическихъ статей почти нѣтъ, а клерикальныя, если попадаются, то какъ рѣдкія исключенія. На столько ли проявляетъ свою литературную дѣятельность свѣтское общество Кіева? Далеко нѣтъ! Перевѣсъ слишкомъ очевиденъ въ пользу здѣшняго духовнаго вѣдомства. Это фактъ неоспоримый.

Затѣмъ, когда, три года назадъ, сельскому духовенству предложено было епархіальнымъ начальствомъ приступить къ заведенію сельскихъ приходскихъ школъ, для образованія народа, съ какимъ успѣхомъ приступило оно къ исполненію этого, вовсе необязательнаго для него предложенія! По нашему мнѣнію, успѣхъ въ этомъ дѣлѣ превзошелъ всякія ожиданія: въ теченіи не болѣе 2-хъ *зимнихъ сезоновъ*, заведено далеко болѣе чѣмъ по тысячи школъ въ каждой изъ нашихъ 3-хъ югозападныхъ губерній, въ которыхъ обучающіеся мальчики и дѣвочки считаются уже большими десятками тысячъ. Можно положительно сказать, что кромѣ духовенства, никто другой не въ состояніи сдѣлать подобнаго успѣха. Допустимъ, что въ числѣ этихъ школъ можетъ быть половина не вполнѣ удовлетворительныхъ, а нѣкоторая часть посредственныхъ; но въ числѣ ихъ довольно найдется школъ весьма порядочныхъ, вполнѣ удовлетворяющихъ первымъ потребностямъ сельской школы. Для начала и этого весьма много, особенно если принять во вниманіе, что всѣ эти школы образованы, такъ сказать, изъ ничего; что никакихъ особыхъ средствъ, ни пособій для этого духовенству не давалось, что со стороны образованныхъ классовъ доселѣ не оказано никакого, даже нравственнаго сочувствія. Мало того, не разъ случалось читать статейки нѣкоторыхъ личностей, повидимому, имѣющихъ свои особенныя тенденціи и принадлежащихъ къ разряду людей одержимыхъ *горячечнымъ прогрессомъ*, которые, побывавши въ одной ка-

кой нибудь сельской школѣ, съ *предварительнымъ* къ ней предубѣжденіемъ, находили въ ней все дурнымъ, т. е. *не отвѣчающимъ ихъ личнымъ тенденціямъ* (4).

Наконецъ вѣдомство Народнаго Просвѣщенія не оказываетъ школамъ, открытымъ духовенствомъ, ни сочувствія, ни поощренія (5); даже напротивъ, учрежденіемъ особыхъ народныхъ школъ, среди заведенныхъ духовенствомъ, высказываетъ какъ будто недоброжелательство къ послѣднимъ и хочетъ парализовать добрыя намѣренія пастырей сельскихъ. Къ чему эти народныя школы, внѣ участія духовенства? Къ чему это разобщеніе жизни съ религіей? Мы не понимаемъ даже, гдѣ могутъ

---

(4) Не говоря о различныхъ мелкихъ статейкахъ, недавно, въ одномъ изъ №№ Спб. Вѣдомостей, мы прочли статью, безъ подписи, слишкомъ уже несправедливую къ этимъ сельскимъ школамъ и духовенству, даже безъ исключенія. По всему видно, что авторъ этой статьи не имѣетъ никакого понятія объ этихъ школахъ. Такъ можно думать уже по тому одному, что онъ говоритъ о полотьи мальчиками *огородовъ дьячковскихъ*, тогда какъ заведенныя нынѣ школы духовенствомъ открываются въ *ноябрѣ* и закрываются въ *мартѣ*.

(5) Этого нельзя сказать о виленскомъ учебномъ округѣ; намъ *документально* извѣстно, что тамъ сельскія школы учреждаются общими, единодушными усиліями тамошняго учебнаго вѣдомства съ мѣстнымъ приходскимъ духовенствомъ, которому предоставленъ не только непосредственный надзоръ за сими школами, но въ число наставниковъ еще не втерся ни одинъ уличникъ, ни одинъ нигилистъ и ни одинъ человѣкъ, пропитавшійся разрушительными идеями ученія Герценовъ и такъ называемой юной Россіи; потому что наставниками назначены, съ жалованьемъ отъ министерства, только одни лица духовнаго вѣдомства (куда еще, слава Богу, это милое ученіе не успѣло проникнуть) священники, дьяконы, дьячки и, ожидающіе священническихъ вакантныхъ мѣстъ, воспитанники минской и литовской духовныхъ семинарій.

Редакторъ.

найдти способныхъ учителей для этихъ школъ и притомъ такихъ учителей, которые бы могли стоять выше священниковъ и пользоваться у народа большимъ, чѣмъ сіи послѣдніе, довѣріемъ? Скорѣе всего нужно ожидать, что сельскія народныя школы, заводимыя официально, внѣ вліянія духовенства, охладятъ усердіе сего послѣдняго, и школы, съ такимъ успѣхомъ нынѣ начатыя, должны будутъ упасть, или остановиться въ своемъ развитіи. Однимъ словомъ, особыя народныя школы будутъ скорѣе вредить дѣлу народнаго образованія, нежели помогать ему и поведутъ *къ раздвоенію* (6). Если бы еще, пожалуй, учебное вѣдомство заводило сельскія народныя школы,

---

(6) Имѣемъ основаніе говорить такимъ образомъ, потому что знаемъ сельскія школы, которыя будучи заведены духовенствомъ, отобраны отъ него для народныхъ школъ, съ удаленіемъ отъ нихъ священниковъ. Учитель, молодой, неопытный, обыкновенно полуграмотный человѣкъ, хорошо знаетъ, что онъ казенный учитель; онъ получаетъ жалованье, учебныя пособія и поддержку начальства, а по неразумію своему, считаетъ себя чѣмъ то высшимъ священника, объ этомъ трубитъ въ уши своимъ полудикимъ воспитанникамъ и ихъ родителямъ, или на каждомъ шагу, что называется, даетъ *себя знать*. Священникъ же ничего этого не имѣетъ, въ добавокъ долженъ сносить начальническія претензіи, невѣжественное чванство казеннаго учителя, долженъ видѣть, что его труды не признаются даже за труды, и отовсюду является недовѣріе къ нему,—откуда же можетъ взяться у него усердіе къ обученію народа, при такомъ порядкѣ вещей? Результаты выходятъ неутѣшительные: раздоры, ссоры, жалобы между учителемъ, священникомъ, прихожанами, а затѣмъ дѣла и слѣдствія. (Мы это говоримъ, основываясь на личномъ нашемъ наблюденіи— на первыхъ же порахъ учрежденія этихъ зловредныхъ для простолюдиновъ школъ). По нашему мнѣнію, поручать молодому человѣку, почти мальчику, самостоятельное обученіе народа, почти безъ контроля (полагаемъ, что въ деревняхъ не можетъ же быть контроля, внѣ вліянія духовенства), противно здравому разсудку.

въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ нѣтъ заведенныхъ духовенствомъ, если бы школы эти, имѣя научное и матеріальное пособіе отъ казны, заводились съ тою цѣллю, чтобы служить образцомъ для всѣхъ другихъ сельскихъ школъ и пособлять имъ учебниками и другими книгами, въ чемъ они имѣютъ крайній недостатокъ и въ чемъ главнѣйше можетъ заключаться ихъ недостатокъ и неудовлетворительность,—если бы наконецъ испытанныхъ наставниковъ высылало въ лучшія школы не какъ самостоятельныхъ надзирателей школъ, а только въ помощь священникамъ, тогда бы это было другое дѣло, и подобныя школы и дѣйствія учебнаго вѣдомства вступили бы въ нормальную сферу своихъ дѣйствій, встрѣтили бы всеобщее сочувствіе и принесли великую пользу дѣлу народнаго образованія (7).

Почтенный авторъ вышеупомянутой статьи сказалъ: «желать отстраненія духовенства отъ народнаго образованія, можетъ только умственное ослѣпленіе или злонамѣренность.» Мы вполнѣ и совершенно раздѣляемъ это мнѣніе. Такимъ образомъ, если бы учебное вѣдомство безпристрастно и безъ предубѣжденія къ духовенству, ограничилось (какъ сказано выше) основаніемъ школъ только тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, особенно подальше отъ Кіева, а затѣмъ посмотрѣло внимательно на заведенныя уже школы, обратило вниманіе на лучшія изъ нихъ, оказало бы пособіе, гдѣ можно, матеріальное, въ замѣнъ заведенія особыхъ народныхъ школъ, а гдѣ хоть одно нравственное и научное, и не отказывало бы въ своемъ постоянномъ вниманіи и содѣйствіи духовенству въ дѣлѣ образованія народа (въ чемъ, со стороны просвѣщеннаго епархіальнаго начальства, столько заботящагося о заведеніи школъ и обученіи народа, нѣтъ сомнѣнія, не было бы отказа, лишь бы въ такомъ участіи не заклю-

(7) Мы имѣемъ въ виду, что въ нѣкоторыхъ школахъ мальчики выучившіеся читать, сами просятъ книгъ, которыя могли бы читать на свободѣ. Къ сожалѣнію, духовенство не всегда имѣетъ средства добывать, въ потребномъ количествѣ, эти книги, часто даже, живя въ деревни, не знаетъ гдѣ ихъ достать. Это самый важный вопросъ въ дѣлѣ народнаго образованія и здѣсь всякое пособіе было бы благодѣтельно.

чалось одной формальности и требованія подчиненности): тогда, при единствѣ дѣйствій, содѣйствіе учебнаго вѣдомства безспорно, имѣло бы благодѣтельные результаты, и дѣло народнаго образованія двигалось бы и правильнѣе и успѣшнѣе,—тогда не было бы надобности заботиться много объ учителяхъ; духовенство само находило бы ихъ, какъ находитъ и теперь для многихъ школъ, не отказалось бы принимать и такихъ учителей, которые будутъ рекомендованы учебнымъ вѣдомствомъ; ибо, при дружномъ общемъ содѣйствіи и стремленіи къ одной цѣли, не мыслимо раздвоеніе. Особенно хорошо было бы, если бы оканчивающіе нынѣ курсъ семинаріи и незанявшіе еще священно-служительскихъ мѣстъ, были приглашаемы на должности сельскихъ учителей, съ тѣмъ, чтобы, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, эти должности были переходными къ званію священническому. Поступая въ это званіе, они могли бы оставаться и учителями, въ чемъ и отказывать имъ не слѣдуетъ (8). Намъ кажется, что это самый лучшій способъ замѣщенія должности учителей, по селамъ, и мы увѣрены, что каждый здравомыслящій согласится съ нами. Въ нашемъ краѣ раздѣленіе сельскихъ школъ на свѣтскія и духовныя въ высшей степени вредно (9).

Въ настоящее время заведенныя духовенствомъ сельскія школы, не имѣютъ, положимъ, еще вполнѣ опредѣленной организаціи. Между тѣмъ нельзя и требовать отъ каждаго прихода, чтобы мальчики и дѣвочки многому научились,—читать, писать, знать молитвы—этимъ едва ли не будетъ ограничиваться каждая приходская школа (10). Познанія, конечно, полез-

---

(8) Точно такъ и сдѣлано въ виленскомъ учебномъ округѣ, какъ мы замѣчали выше. *Редакторъ.*

(9) Но къ сожалѣнію, на радость врагамъ нашей вѣры и народности, оно въ нашемъ краѣ существуетъ—кто виновникъ этого прискорбнаго явленія, разбирать не наше дѣло. *Ред.*

(10) Мы видѣли прописи учениковъ самыхъ посредственныхъ школъ, по 2-му зимнему курсу и находимъ, что они въ состояніи уже писать и весьма порядочно. Многіе уже въ церквяхъ на клиросахъ читаютъ, поютъ по книгамъ, даже сноено организован-

ныя, но довольно скудныя. Натурально, во многихъ школахъ, гдѣ позволяютъ средства, кругъ обученія можетъ быть (и бываетъ) шире. Можно бы даже образовать окружныя сельскія школы, хоть бы по одной въ каждомъ благочиніи (гдѣ заведены благочинническія библіотеки), предоставивъ имъ болѣе правильную организацію и съ какимъ нибудь положительнымъ содержаніемъ. Эти школы могли бы уже получать и разсылать въ другія: учебники, руководства, заводить библютеки и дѣлиться, по возможности, учеными пособіями съ ближайшими къ нимъ сельскими школами. Такія окуужныя школы могли бы уже быть съ учителями, присылаемыми (съ приличнымъ, конечно, содержаніемъ), или испытываемыми въ учебномъ вѣдомствѣ, но все-таки состоящими подъ ближайшимъ руководствомъ благочиннаго и избранныхъ духовнымъ начальствомъ наблюдателей сельскихъ школъ.

Затѣмъ уже только высшія школы, преимущественно съ спеціальною цѣлью (тутъ уже школа составляетъ прямой предметъ заботливости народнаго просвѣщенія), должны быть учреждаемы непосредственно вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія, съ участіемъ духовенства только въ дѣлѣ преподаванія закона Божія ([11]), и ближайшаго надзора за направленіемъ ученія.

нымъ хоромъ, чѣмъ прихожане особенно довольны. Это только по 2-у курсу, которые слѣдуетъ считать не болѣе 4-хъ зимнихъ мѣсяцевъ. Есть личности, которымъ все это не нравится (лучше бы они распѣвали плясовыя пѣсни на улицѣ и у кабаковъ, чѣмъ священныя—въ церкви), но на всѣхъ угодить нельзя; довольно и того, что это нравится крестьянамъ и что все это подвигаетъ дѣло впередъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ можно ожидать болѣе. (Мы слышали, что одинъ казенный учитель—меломанъ, преимущественно упражнялъ своихъ воспитанниковъ въ пѣніи этихъ пѣсенъ, на что родители жаловались благочинному).

([11]) Давно уже въ литературѣ возбуждается вопросъ о необходимости ремесленныхъ школъ, съ заведеніемъ мастерскихъ. Въ этихъ школахъ настоитъ необходимость повсемѣстная и вопіющая, особенно въ сельскомъ населеніи. Весьма жаль, что вѣ-

Высказанные нами выше факты, кажется весьма ясно говорятъ въ пользу духовенства и его способности обучать народъ; при теперешнемъ многостороннемъ и весьма основательномъ воспитаніи въ семинаріяхъ, при настоящемъ ходѣ общественныхъ дѣлъ, можно рѣшительно полагать, что духовенство съ большимъ успѣхомъ будетъ выполнять свое назначеніе какъ учителей и руководителей народа, а говорить о низкой степени его развитія, будетъ крайне недобросовѣстно. Въ особенности много могло бы принести пользы, еслибы (скажемъ снова) нынѣшніе порицатели духовенства и самое учебное вѣдомство, въ замѣнъ порицанія сельскихъ школъ, заводимыхъ духовенствомъ, приняли систему поощренія, руководства и посильнаго вспоможенія.

Вопросъ за тѣмъ слѣдуетъ на счетъ администраціи школъ. Авторъ находитъ, что школы не должны подлежать административному вѣдѣнію духовной власти, а напротивъ, должны подлежать вѣдѣнію власти свѣтской. Не видимъ никакихъ уважительныхъ поводовъ къ такому заключенію, тогда какъ, напротивъ, имѣемъ много побужденій къ выводу радикально противоположному. Ошибка въ настоящемъ мнѣніи произошла, вѣроятно отъ того, что авторъ разумѣетъ сельскія или народныя школы, заведенныя путемъ офиціальнымъ, для которыхъ будто бы нужна особая администрація и *начальство*. Къ чему всѣ эти хлопоты? Развѣ сельскому юношеству отъ этого будетъ легче или выгоднѣе, особенно если принять во вниманіе, что вообще здѣшнее сельское населеніе стѣсняется начальственною организаціей школы. Нынѣ школы заведены священниками, большею частію въ своихъ домахъ или причетническихъ. Во

домство народнаго просвѣщенія не обращаетъ на это вниманія, тѣмъ болѣе, что безъ денежныхъ издержекъ, хоть и незначительныхъ, такихъ школъ завести нельзя. Надо ожидать, что духовенство, или другія лица и въ этомъ случаѣ примутъ на себя иниціативу, когда найдутъ къ тому средства, въ чемъ мы не сомнѣваемся. Тогда, можетъ быть, и учебное вѣдомство примется за нихъ. Пора бы кажется уже не съ другихъ примѣры брать, а служить примѣромъ другимъ.

многихъ мѣстахъ, по ихъ предложеніямъ, общества отводятъ и особыя помѣщенія, или даже устраиваютъ новыя. Гдѣ необходимо и возможно, приискиваются особые учители, которымъ общества платятъ деньги. Устраиваются библіотеки изъ тѣхъ книгъ, какія могутъ достать—и все это дѣлается подъ вѣдомствомъ и руководствомъ священниковъ; для надзора же за обученіемъ, назначены изъ духовенства особые *наблюдатели*. Администрація самая несложная и ничего не стоющая ни обществамъ, ни правительству.

Положенія 19 февраля 1861 г. возлагаютъ на волостныхъ и сельскихъ старшинъ и старостъ обязанность заботиться о заведеніи школъ; таже самая обязанность принадлежитъ наблюденію и мировыхъ посредниковъ. По кругу дѣйствій сихъ послѣднихъ, на нихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя возлагать непосредственной обязанности постояннаго наблюденія за школами и за обученіемъ въ нихъ; но участіе косвенное, которое должно заключаться въ нравственномъ только пособіи духовенству—приглашеніи мальчиковъ и дѣвочекъ къ обученію и поддержанію этихъ школъ, а обществъ къ матеріальнымъ пожертвованіямъ,—весьма возможно даже въ нашихъ странахъ. На сколько достанетъ у нихъ усердія къ такому содѣйствію, это другой вопросъ и его рѣшитъ время.

Въ видахъ административнаго наблюденія за школами, авторъ предлагаетъ оброзовать *братства*, предоставивъ заботу о нихъ духовенству. Намъ кажется, что время къ учрежденію ихъ еще далеко, польза отъ сихъ учрежденій еще невыяснена и этотъ вопросъ еще только недавно поступилъ на очередь, а потому проще всего было бы образовать приходскіе совѣты, для наблюденія и участія въ матеріальныхъ потребностяхъ: церкви, школы, богадѣльни, больницы и т. п. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, общества принимали бы участіе посредствомъ своихъ выборныхъ въ совѣтѣ, съ постоянными при томъ членами старостъ: сельскаго и церковнаго, подъ предсѣдательствомъ священника. Стороннія лица, непринадлежащія къ обществу, могли бы принимать званіе почетныхъ членовъ приходскаго совѣта и могли бы содѣйствовать имъ и матеріально и морально. Эти совѣты должны бы быть въ непосредственной подчиненности духовнаго вѣдомства.

Съ проэктомъ объ образованіи второстепенныхъ сельскихъ учителей, изъ среды крестьянскаго сословія, слѣдуетъ вполнѣ согласиться. Чѣмъ далѣе, тѣмъ потребность въ нихъ будетъ необходимѣе, а небольшія льготы для такихъ учителей, весьма могутъ поощрить къ самому обученію. Нельзя при этомъ случаѣ не изъявить желанія, не разъ уже высказывавшагося въ печати, чтобы и въ семинаріяхъ было введено педагогическое воспитаніе, особенно введеніемъ дѣльнаго *практическаго* курса педагогіи. Подобный курсъ могъ бы воодушевить воспитанниковъ семинаріи на это новое и прекрасное для нихъ поприще, имѣющее историческую важность и ознакомило бы ихъ съ нѣкоторыми необходимѣйшими педагогическими пріемами (впрочемъ, относительно образованія крестьянскихъ дѣтей, весьма незатѣйливыми и едва ли необходимыми).

Вотъ тѣ краткія замѣчанія, которыя находимъ необходимымъ и справедливымъ высказать. Считаемъ не лишнимъ повторить еще то, что уже не разъ говорили: для болѣе успѣшнаго образованія народа, для передачи ему различныхъ свѣдѣній, которыя могли бы пригодиться ему въ быту сельскомъ, настоитъ особая нужда въ созданіи учебниковъ, руководствъ, различныхъ книгъ для чтенія, кромѣ извѣстныхъ и церковныхъ. Въ виду этой необходимости, мысль почтеннаго автора—возстановить кіевское братство (или совѣтъ, общество), для общаго *наблюденія, руководства* и *содѣйствія* въ дѣлѣ народнаго развитія, полезна въ высшей степени, и желать образованія его, даже въ скорѣйшемъ времени, есть прямой долгъ современнаго русскаго общества. Органомъ этого братства или общества могъ бы служить Вѣстникъ югозападной и западной Россіи. Кто же приступитъ къ исполненію этой благодѣтельной для страны мысли?

Оканчивая эту статью, мы прочли въ Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника (№ 46) *отзывъ изъ Кіева*, высказанный, какъ говорятъ сами подписавшіеся, отъ лица такъ называемыхъ *хлопомановъ*. Они высказываютъ убѣжденіе свое, что ни отдѣльная личность, ни группы, ни даже весь образованный слой общества, не вправѣ навязывать огромному боль-

шинству народа какую бы то ни было теорію, что *единственная* обязанность людей, успѣвшихъ пріобрѣсти высшее образованіе, состоитъ въ томъ, чтобы употребить всевозможныя усилія, съ цѣлію доставить народу возможность образоваться и проч.

Не касаясь прочихъ обстоятельствъ отзыва, остановимся на этомъ. Высказанныя въ отзывѣ мысли, съ перваго взгляда кажутся заслуживающими вниманіе и сочувствіе. Но такъ ли, господа, на самомъ дѣлѣ? Не будутъ ли слѣдующія замѣчанія противурѣчить вашимъ словамъ:

Во первыхъ—мы знаемъ школу, которая заведена была вами въ стѣнахъ университета, гдѣ русскій языкъ былъ изгнанъ, церковный тоже, законъ Божій и молитвы также.

Во вторыхъ—Вы выставляете на первомъ планѣ образованіе народа въ духѣ религіозномъ, и то потому только, что онъ въ высшей степени религіозенъ, а не потому, что образованіе въ этомъ духѣ необходимо ему нужно, но совершенно умалчиваете о духовенствѣ—какимъ же образомъ преподавать эту религіозность?

Въ третьихъ—Вы устраняете отъ обученія народа всѣхъ безъ исключенія, а только себя, какъ получившихъ высшее образованіе, почитаете способными къ этому и притомъ безконтрольно. По какому это праву? А другія лица, хотя бы получившія тоже высшее образованіе, но имѣющія убѣжденія противуположныя вашему, которыхъ мы знаемъ значительное большинство, которые можетъ быть болѣе вашего желаютъ истинной пользы и добра народу, почему не могутъ быть способны къ этому? Наконецъ самое главное—*духовенство*, которое принадлежитъ къ тому же самому народу, которое имѣетъ нравственно-религіозное, несравненно большее образованіе чѣмъ вы, которое при всѣхъ бѣдствіяхъ и случаяхъ прошедшихъ, всегда было съ нимъ неразлучно, а теперь вмѣстѣ съ нимъ начинаетъ подниматься, почему оно не имѣетъ права на образованіе народа?

Затѣмъ неужели вы думаете, что самый народъ (разумѣя одинъ простой народъ), болѣе вамъ сочувствуетъ? Смѣемъ увѣрить, что нѣтъ. Данныхъ для этого много; но пропустимъ мелкіе факты, которые могутъ быть случайны, укажемъ только на крупные, напримѣръ на сельскія школы, заводимыя духовенствомъ. Не говоримъ, что школъ этихъ заведено цѣлыя тысячи, но мы знаемъ, что въ одной *Кіевской* губерніи уже

болѣе 200 приходовъ есть такихъ, гдѣ крестьяне составили добровольные приговоры, на отводъ или постройку помѣщеній, на отопленіе для школъ и на назначеніе жалованья учителямъ, и во многихъ такихъ школахъ имѣется по 50 и болѣе учениковъ и особо ученицъ (чего ни одна даже изъ внутреннихъ губерній не можетъ представить) и все это сдѣлано по вліянію одного духовенства, въ теченіи не болѣе 2-хъ лѣтъ, безъ всякаго пособія или содѣйствія административныхъ властей, даже при существованіи (какъ намъ извѣстно) противудѣйствій. Доказываетъ ли это несочувствіе народа къ *настоящему* образованію или къ духовенству? Возьмемъ другой примѣръ—Галицію, однородную съ нашею страною, гдѣ уже само правительство положительно запрещаетъ даже употреблять въ печати общій русскій языкъ и шрифтъ. Что же мы тамъ видимъ—есть ли что похожее на ваши стремленія? Время, опытъ и бѣдствія убѣдили ихъ не дѣйствовать по фантазіи и теоріи.

Продолжаемъ далѣе. Вы говорите какъ будто о новомъ какомъ образованіи, которое только хотятъ вводить и неправильно. Такъ ли это? Со вчерашняго дня, что-ли, началось здѣсь образованіе? Оглянитесь назадъ, придите къ началу, т. е. къ Русской Правдѣ и Лѣтописи Нестора и прослѣдите образованіе съ того времени и до настоящаго. Было ли что похоже на ваши желанія и когда? Если въ теченіи періода уніи, отъ вліянія обстоятельствъ внѣшнихъ, здѣсь была незначительная разница въ языкѣ литературномъ, то она давно уже изгладилась и идетъ по одной дорогѣ со всею прочею Русью; съ какою же цѣлью вводить нынѣ новость—обучать на такъ называемомъ малорусскомъ языкѣ (какъ крестьяне сами называютъ мужицкомъ), въ существѣ простонародномъ, даже и не во многомъ разнящемся отъ живаго народнаго языка; съ какою, наконецъ, цѣлью необходимо вести простой народъ отдѣльною дорогою и заводить раздвоеніе.

Послѣ этого спрашивается—кто же вы такіе господа въ самомъ дѣлѣ и откуда призваны для исключительнаго образованія народа. Какъ извѣстно и какъ доказываетъ ваша статья, вы противъ помѣщиковъ, безразлично худыхъ и добрыхъ,—вы вообще противъ образованныхъ людей, которые не держатся вашихъ идей,—вы противъ духовенства, которое положительно не пойдетъ за одно съ вами,—остается одинъ простой народъ,

которому вы желаете будто добра, и, при неразвитости котораго, вы мечтаете сдѣлать съ нимъ все что угодно и надѣетесь образовать его какъ можно лучше, т. е. по своимъ мыслямъ.

Но въ послѣднемъ случаѣ едва ли вы не болѣе разочаруетесь, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Народъ не такъ уже глупъ и неразвитъ какъ вамъ кажется; онъ чувствуетъ, что добра, и добра истиннаго, желаете ему не вы одни. Да и объ одномъ ли языкѣ тутъ рѣчь? Вѣдь учась на общемъ русскомъ языкѣ и славянскомъ, можно свободно читать написанное и на малороссійскомъ *нарѣчіи*, на которомъ писать и читать нѣтъ запрета. Нѣтъ ли тутъ *какихъ другихъ мыслей??..* .

Помѣщикъ Кіев. губ. **Степанъ Еремѣевъ.**

АЛЕКСАНДРЪ ГЕРЦЕНЪ, ОНЪ ЖЕ ИСКАНДЕРЪ (1).

Невѣріе, святотатски прикрывшись именемъ прогресса и цивилизаціи, давно уже начало между нами свои разрушительныя дѣйствія. Сперва оно доказывало, докторальнымъ голосомъ, что преподаваніе Богословія въ университетахъ вредно, и что университеты вовсе не должны заботиться о нравственномъ воспитаніи юношества; потомъ доказывало, что преподаваніе Катихизиса и Священной Исторіи въ уѣздныхъ училищахъ такъ же вредно, что, при воспитаніи юношества, не надобно никакого принужденія, наказанія и поощренія, что между дѣтьми надобно развивать систему самоуправленія, т. е. самовольства, которое есть самый высшій идеалъ всякаго благоустройства, семейственнаго, общественнаго и государственнаго, что женщина должна быть уравнена съ мужчиною во всѣхъ

---

(1) Послѣ статей о Герценѣ, напечатанныхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, въ Странникѣ и Домашней Бесѣдѣ (выпускъ 45, 1862 г.), и настоящая статья, надѣемся, не будетъ излишнею для разоблаченія богопротивной и безумной дѣятельности нашего „генерала отъ революціи,“ который равно вреденъ для всей Россіи,—въ томъ числѣ для юго-западной и западной,—и мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ ее на страницахъ нашего журнала, имѣющаго цѣль защищать эту часть нашего громаднаго отечества отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, ищущихъ его гибели. Въ ближайшихъ книжкахъ Вѣстника, мы перепечатаемъ и вышесказанныя, вполнѣ основательныя статьи о г. Герценѣ — этомъ злѣйшемъ врагѣ Россіи и ужаснѣйшемъ развратителѣ ума и сердца юного нашего, легкомысленнаго поколѣнія. Затѣмъ, мы постараемся высказать и наше собственное мнѣніе объ его сатанинскомъ ученіи—въ предостереженіе еще имъ нерастлѣнныхъ юношей.

Редакторъ.

правахъ своеволія и поползновенія къ разврату,—что для всѣхъ должна быть узаконена свобода убѣжденій, или свобода совѣсти и свобода слова, напримѣръ, ежели воръ воруетъ по искреннему убѣжденію въ томъ, что ему надобно стянуть чужую вещь, то онъ, *какъ дѣйствующій по убѣжденію*, достоинъ всякаго уваженія; или, ежели кому нибудь не понравилась христіанская вѣра, то онъ свободно можетъ перейти въ жидовскую или магометанскую, или даже и совсѣмъ оставаться безъ религіи, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что такая безрелигіозность вовсе не должна лишать его довѣрія ни въ какихъ дѣлахъ и случаяхъ жизни, ибо-де-можно быть честнымъ человѣкомъ и безъ религіи. Или: ежели бы кто нибудь съ дуру или съ пьяна написалъ, напримѣръ, какую нибудь нелѣпость или дерзость даже противъ Бога, то онъ невозбранно—въ силу свободы слова, можетъ печатать и распространять въ народѣ всякое богохульство, пока то «карательная цензура» доберется до него. Нашлись и такіе мудрецы, которые безъ зазрѣнія совѣсти доказывали равное и одинаковое достоинство (чуть-ли даже не преимущество) еврейской вѣры съ христіанскою;—этого мало, требовали даже, чтобъ и расколу были даны права православія..... Всѣ такія, и многія подобныя имъ нелѣпости, беззаконія и безумства давно уже проповѣдуются и устно и печатно; читатели уже привыкли къ подобному литературному безобразію и безчинству.....

Но—невѣрію и нечестію наскучила такая постепенность и медленность развращенія! Вотъ оно и рѣшилось за однимъ разомъ изрыгнуть изъ себя всю блевотину: «уничтожить браки! долой всякую религію и всякую церковь! долой всякую власть, кромѣ власти *собственнаго нашего кулака!*» (²). Современный человѣкъ, по своей природѣ, имѣющій высокое достоинство образа и подобія Божія, не захотѣлъ разумѣть своей чести, приложился къ скотамъ несмысленнымъ и уподобился имъ (Псал. 48, 11.) Свѣтскіе *передовые* мудрецы,—такъ называемые, или, лучше сказать, навывающіе себя прогрессистами, гуманистами и соціалистами объюродѣли, разтлѣлись, омерзились въ начинаніяхъ своихъ; нѣтъ между ними творящихъ добро; всѣ

(²) Мы разумѣемъ распространяемыя герценовскія и подземной нашей литературы прокламаціи, въ которыхъ излагается это сатанинское ученіе.

уклонились, всѣ сдѣлались непотребны (Пс. 13, 1, 3.) Тайна беззаконія уже въ дѣйствіи. Богъ, за грѣхъ беззаконниковъ, послалъ на нихъ дѣйствіе обольщенія, такъ что они уже повѣрили лжи (Солун. 2. 7, 11.)

Вотъ какой *иногда* бываетъ прогрессъ! вотъ какая бываетъ *иногда* цивилизація!

Горе, вѣчное горе тому несчастному, кто первый у насъ распочалъ эту цивилизацію и этотъ прогрессъ. Горе тому, кто взялъ на себя апостольство антихриста, и изъ развращенія Россіи сдѣлалъ задачу для всей своей постыдной жизни! Этотъ несчастный — ***Александръ Герценъ, онъ же Искандеръ.*** Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ были вредны пока жили, а Герценъ вреднѣе ихъ потому, что ядовитые листки и книжки его переживутъ его, и долго будутъ отравлять неосторожныхъ читателей.

Старинная слабость нашей природы—nitimur in vetitum cupimusque negata—наше лакомство къ запрещенному плоду чрезвычайно благопріятствовало доселѣ безцеремонному и ѣдкому тону сужденій и приговоровъ Герцена; и многіе изъ имѣвшихъ несчастіе читать его контрабандныя сочиненія, нерѣдко, по причинѣ недостатка логическаго образованія, принимали дерзость приговоровъ его—за правду. Не даромъ говоритъ пословица: кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ у насъ и капралъ. Вотъ въ такіе именно капралы надъ легковѣрными умами нѣкоторыхъ своихъ читателей произвелъ самъ себя Герценъ. Построенное имъ капральство, или система прогресса, т. е. развращенія Россіи, уже проявляетъ у насъ свои дѣйствія; зараза уже пущена имъ въ русскую атмосферу. Это *кажется,* еще не *холера,* но какое-то странное, *предхолерное время, располагающее къ эпидеміи.* Пора, пора принять мѣры предосторожности.

Ктожъ это Герценъ? какія идеи распространяетъ онъ?

Опишемъ его собственными его словами, въ сокращенномъ видѣ, изъ его автобіографическихъ статей (3).

Когда, послѣ укрощенія безумнаго бунта 14-го декабря 1825 г., въ Москвѣ среди Кремля было съ колѣнопреклоне-

(3) Полярная Зв. Кн. I.

ніемъ совершаемо благодарственное Господу Богу молебствіе за избавленіе насъ отъ междоусобной брани, въ то время, въ толпѣ среди молившагося народа стоялъ 14-ти-лѣтній мальчикъ, *Александръ Герценъ*, который былъ такъ недоволенъ этимъ молебномъ, что тамъ же поклялся (*неизвѣстно, предъ какимъ божествомъ*) употребить всю свою жизнь на истребленіе христіанской вѣры и монархическаго правленія. Такъ точно самъ Герценъ разсказываетъ въ описаніи происшествій своей жизни.

Въ 14-ти-лѣтнемъ мальчикѣ такая богохульная клятва и такое адское намѣреніе!! Очевидно, этотъ несчастный мальчикъ былъ уже *поврежденъ въ умѣ и сердцѣ*, хотя по формальному медицинскому освидѣтельствованію и могъ еще быть не признанъ за сумасшедшаго. Діавольская ненависть его къ святынѣ неба и земли есть важная задача для психологіи и педагогики. Какимъ образомъ это несчастное дитя такъ рано и такъ сильно испортилось и развратилось? Кто развратилъ его—родители или воспитатели, семейство или школа? Какъ происходилъ у него весь процессъ развращенія?..... (1).

Мальчикъ выросъ. Кощунство надъ святынею и дерзость противъ правительства скоро довели его до того, что онъ былъ высланъ въ Вятку подъ надзоръ полиціи. Изъ Вятки перевели его въ Владиміръ, гдѣ онъ служилъ редакторомъ губернскихъ вѣдомостей; а потомъ перевели въ Новгородъ совѣтникомъ въ тамошнее губернское правленіе. Очевидно, что правительство, допуская его къ такимъ почетнымъ должностямъ въ государственной службѣ, не наказывать хотѣло его, но поощряло его къ исправленію. Не смотря на все это, Герцену не жилось на Руси православной. Чувствуя антипатію къ своему отечеству, онъ вышелъ въ отставку, перевезъ за границу всѣ капиталы, доставшіеся ему вслѣдствіе незаконнорожденства его, и самъ выѣхалъ изъ Россіи.

---

(1) Ключомъ къ отвѣтамъ на эти вопросы можетъ быть то, извѣстное обстоятельство, что Герценъ — незаконнорожденный сынъ отца—русскаго атеиста и матери—иновѣрки.

Теперь онъ живетъ въ Лондонѣ; завелъ тамъ типографскій станокъ для печатанія русскихъ книгъ, и—печатаетъ богохульство за богохульствомъ, клевету за клеветою. Судъ православной церкви на такихъ богохульниковъ, какъ Герценъ, ежегодно повторяется въ Недѣлю Православія: слѣдовательно нашъ несчастный отщепенецъ и бѣглецъ не можетъ не знать, какая участь ожидаетъ его въ вѣчности, если онъ не покается, и ежели только вѣритъ еще въ загробную жизнь и въ вѣчность души человѣческой..... А что касается этой путаницы скандаловъ о Россіи и ея правленіи, которые безпрестанно печатаетъ Герценъ, то ежели бы въ ней и могла быть какая-либо доля горькой правды,—посудите однакожъ, каково это бѣшеное дитя, которое бьетъ по щекамъ свою родную мать, вскормившую его своею грудью... ([5]) Очевидные свидѣтели говорятъ, что въ Лондонѣ добросовѣстные англичане презираютъ Герцена.

Сотрудниками Герцену обѣщались быть: Прудонъ, Мадзини, Мишеле и Викторъ Гюго. Всѣ они дали ему слово разрушать, соединенными силами, христіанскую церковь и монархическое правленіе, «чтобы люди, по ихъ словамъ, покланялись только богу натуры, и чтобъ на всемъ свѣтѣ была республика.» Объ этомъ объявляетъ самъ Герценъ, съ приложеніемъ и писемъ всѣхъ четырехъ своихъ сотрудниковъ.

Чтобъ подсластить ядъ своего адскаго ученія, Герценъ употребляетъ слѣдующую уловку: прикидывается поборникомъ правды и честности, бранитъ злоупотребленія (неизбѣжныя у насъ такъ же точно, какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ обществѣ), изъ кожи вонъ лѣзетъ за угнѣтенную невинность, да тутъ же разомъ—всякую, выставляемую имъ на позоръ неправду частнаго лица растворяетъ своею удушливою ненавистью къ оставленному имъ отечеству, и съ особеннымъ злорадствомъ приписываетъ нашему правленію всѣ наши част-

---

([5]) За образчикомъ такой, а можетъ быть еще и большей неблагодарности, и намъ южно-руссамъ ходить не далеко. Личность эта извѣстна всѣмъ..... но, слава Богу, она отошла уже ad patres.

ныя неправды и злоупотребленія, которыя впрочемъ публикуются имъ безъ всякихъ доказательствъ въ справедливости навѣта. Пусть, кто хочетъ, выдумаетъ и напишетъ какую угодно ложь оскорбительную для чести Россіи, для ея религіи и ея правленія, и пусть пошлетъ Герцену,—жалкій отщепенецъ съ особеннымъ удовольствіемъ напечатаетъ всякую ложь! Одно изъ двухъ: или вовсе нѣтъ на свѣтѣ ни логики, ни здраваго смысла, или всѣ здравомыслящіе люди должны единогласно признать ремесло Герцена *безчестнымъ* и *безсовѣстнымъ*. Впрочемъ, какой же чести и совѣсти можно ожидать отъ безбожника, даже гордящагося своимъ безбожіемъ?...

Свои отвратительные и богомерзкіе листки и книжки Герценъ распространяетъ въ Россіи *путемъ контрабанды*. Не можетъ быть, чтобъ онъ, торгуя контрабандой, не зналъ, что контрабанда, какъ и всякое другое *воровство*, нигдѣ не почитается честнымъ дѣломъ, но законами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ подвергается достойной казни. А ежели онъ знаетъ это, и всё таки продолжаетъ свою беззаконную дѣятельность и торговлю, то это значитъ, что онъ самъ себя уже причислилъ къ числу «*отъявленныхъ*»... Имѣть дѣло съ такимъ «отъявленнымъ,» т. е. читать, не ex officio, его контрабандные листки, есть уже преступленіе противъ чести и нравственности, противъ всякаго благородства и самоуваженія. Кромѣ опасности такого нравственнаго проступка, неосторожные читатели Искандера рискуютъ еще своей головою: мало мальски не крѣпкая голова какъ разъ одурѣетъ отъ этого ядовитаго чтенія. Посмотрите: какое множество такихъ несчастныхъ-одурѣлыхъ! Это стадо такое жалкое, что нашъ простой народъ, не разбирая праваго и виноватаго, и не зная истиннаго значенія иностраннаго слова «прогрессъ,» но только помня свою обиду, уже безъ разбора называетъ всѣхъ прогрессистовъ—мошенниками: въ устахъ нашего народа это—два синонима. Страшно попасть на языкъ нашему народу, а не приведи Богъ попасть ему *въ руки* съ герценскимъ прогрессомъ—будетъ еще хуже.

Г. Нѣжинъ.

И. К—ій.

ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?

Въ виду быстро развивающейся въ народѣ нашемъ потребности въ грамотности, благовременно заняться обсужденіемъ, что читать народу? Какими преимущественно предметами нужно занять пробуждающуюся въ немъ мыслительность, какую духовную пищу дать его простому чувству, какія основы указать для развитія его характера. Впрочемъ, задавая себѣ эти вопросы, мы не желаемъ сказать, что доселѣ никто не думалъ отвѣчать на нихъ, что у народа не было чтенія вполнѣ пригоднаго ему. Одни Святители Димитрій Ростовскій и Тихонъ Воронежскій сдѣлали въ этомъ отношеніи для народа столько, сколько не сдѣлано послѣ нихъ никѣмъ. Лучшимъ доказательствомъ сего служитъ то извѣстное всѣмъ обстоятельство, что доселѣ народъ нашъ почти исключительно и въ сытость читаетъ или слушаетъ произведенія указанныхъ Богомъ просвященныхъ и Богомъ прославленныхъ пастырей. Но такъ какъ творенія ихъ въ цѣломъ составѣ не для многихъ доступны, издаваемыя же изъ Четьихъ Миней напр., отдѣльными брошюрами, жизнеописанія нѣкоторыхъ святыхъ, по немногочисленности предметовъ, не могутъ вполнѣ удовлетворять пробуждающейся общей потребности въ чтеніи или слушаніи, то не безполезно придумать, какимъ образомъ съ одной стороны готовымъ уже и любимымъ народомъ произведеніямъ дать болѣе широкое развитіе, сдѣлавъ ихъ болѣе доступными народу; а съ другой—составить новыя примѣнительно къ историческому развитію, по преимуществу религіозному, народа и къ его духовному, такъ сказать, вкусу. По важности самого дѣла, я полагалъ бы нужнымъ, чтобы предметомъ этимъ занялись высшія духовныя корпораціи, и 1) чтобы при всѣхъ четырехъ духовныхъ академіяхъ въ Россіи,

учреждены были особые комитеты изъ лицъ, найболѣе знакомыхъ съ бытомъ и духовными потребностями народа, и въ тоже время обладающихъ способностію удовлетворить этимъ потребностямъ. Обязанностію комитетовъ должно быть приготовленіе и изданіе статей, приспособленныхъ къ нуждамъ народа. 2) Статьи сіи должны быть возможно кратки, и издаваться небольшими брошюрами (не больше 50 страницъ, или около того въ каждой), по самой умѣренной цѣнѣ. 3) Изданіе можетъ быть предпринято на акціяхъ. 4) Статьи могутъ быть составлены или нарочито, вновь, или же выбраны изъ изданныхъ уже духовныхъ сочиненій. 5) Найболѣе полезными для сей цѣли я нахожу журналы: Воскресное Чтеніе, Душеполезное чтеніе, Странникъ и Домашнюю Бесѣду; изъ книгъ: Четьи Минеи, Краткія жизнеописанія Святыхъ, изданныя на русскомъ языкѣ, Творенія св. Тихона Воронежскаго, Училище благочестія, Молитвенныя воздыханія, или Вѣра, Надежда и Любовь, Письма Святогорца и другія. 6) Издаваемыя для народа статьи въ общей совокупности должны имѣть свою систему, а именно: а) должны заключать въ себѣ краткія изъясненія замѣчательнѣйшихъ и найболѣе нужныхъ для народа мѣстъ Св. Писанія; б) характеристическіе очерки лицъ церковно-историческихъ; в) краткія изъясненія богослуженій православной церкви; г) Нравственныя правила приспособительно ко всѣмъ состояніямъ народа. Желательно было бы, чтобы независимо отъ дѣйствій комитетовъ, предпринялъ, кто либо изъ знающихъ хорошо бытъ и характеръ народа, періодическое изданіе, программою коего были бы показанные выше пункты, съ присовокупленіемъ особаго отдѣла, въ коемъ помѣщались бы статьи, не подходящія подъ рубрику указанныхъ отдѣловъ, напр. разсказы изъ отечественной исторіи, популярной физики и астрономіи, и естественной исторіи, объясненія происхожденія, характера и вреда ходячихъ предразсудковъ и суевѣрій и проч.....

Говоря объ изданіи и распространеніи брошюръ, пригодныхъ для народа, естественно коснуться вопроса и о томъ, гдѣ хранить эти брошюры, или вообще книги для народа? Не благовременно ли подумать и объ устройствѣ народныхъ библіотекъ? Въ настоящее время въ кіевской епархіи заводятся исподоволь, такъ называемыя, благочинническія библіотеки, учреждаемыя въ какомъ либо одномъ мѣстѣ для цѣлаго благочинни-

ческаго округа, на средства, жертвуемыя, по добровольной подпискѣ, священно и церковно-служителями каждаго благочинія. Большею частію въ библіотеки эти выписываются духовныя періодическія изданія, которыя, очевидно, предназначаются для чтенія по преимуществу самихъ жертвователей, т. е. духовенства. Могутъ быть, конечно, читаны нѣкоторыя статьи изъ выписываемыхъ духовныхъ журналовъ и народомъ. Но собственно говоря, эти библіотеки не для народа. По моему мнѣнію, нужно неотложно устроить при каждой приходской церкви особую народную библіотеку изъ книгъ, исключительно принаровленныхъ къ потребностямъ народа. Помѣщеніемъ, на первыхъ порахъ, можетъ быть шкапъ, поставленный въ самой церкви. Завѣдываніе подобною библіотекою и выдача книгъ, само собою разумѣется, должны быть представлены мѣстному священнику. Но гдѣ же взять средства для устройства подобныхъ библіотекъ? Разумѣется, нужно поискать ихъ первѣе всего подъ рукою т. е. въ той самой общинѣ, въ которой и для которой предполагается устройство библіотеки. Но такъ какъ въ мѣстностяхъ, еще недавно избавленныхъ отъ крѣпостной зависимости, есть много другихъ настоятельныхъ нуждъ, на удовлетвореніе коихъ требуются отъ небогатаго вообще народа нашего не маловажныя жертвы; то, по важности самаго дѣла, можно бы объявить общую подписку во всемъ государствѣ, и по мѣрѣ накопленія симъ путемъ суммъ, учреждать повсемѣстно, хотя въ самыхъ простыхъ и скромныхъ размѣрахъ, библіотеки. Во всякомъ случаѣ, пишущій эти строки знаетъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, опытно важность этого учрежденія, и душевно желалъ бы, чтобы мыслъ его благосклонно принята была русскою публикою теперь же, когда умѣющихъ чичать въ народѣ не мало уже. Я знаю мѣстности, гдѣ подобныя библіотеки уже заведены пожертвованіями особенныхъ лицъ, и гдѣ выучившіеся читать дѣти берутъ книги на домъ и читаютъ ихъ по вечерамъ вслухъ своимъ неграмотнымъ родителямъ и родственникамъ. Съ величайшимъ наслажденіемъ слушаютъ ихъ, въ особенности старики, въ длинные осенніе и зимніе вечера, и опытно убѣждаются въ пользѣ распространенія грамотности. А это обстоятельство очень немаловажно. Видимымъ приложеніемъ грамоты къ дѣлу, очевидно, удобнѣе всего убѣдить простолюдина въ пользѣ образованія.

Протоіерей **Гр. Крамаревъ.**

Корреспонденція внутренняя и заграничная, извлеченія изъ газетъ и журналовъ русскихъ и иностранныхъ, некрологъ, объявленія и проч.

— **Письмо изъ Венгерской Руси. IV. Густъ 18 (30) Ноября 1862 года.** — Люди, обыкновенно живутъ надеждами; и потому весьма естественно, что и мы питаемся тѣмъ же, предаваясь съ увлеченіемъ задушевнымъ нашимъ мечтамъ и очаровательнымъ ожиданіямъ. Извѣстно, что австрійское правительство уже нѣсколько разъ торжественно провозгласило начало равноправности всѣхъ національностей. И кто же не увлекся бы обаятельною силою этого свыше раздающагося голоса?! Австрійскіе народы постоянно принимали его за провѣщаніе ихъ гражданскаго благополучія и за основаніе водворенія, такъ сказать, земного рая. Но кажется, долго еще прійдется намъ наслаждаться однимъ только обаяніемъ вышезамѣченнаго начала равноправности всѣхъ народностей; ибо, какъ видимъ на опытѣ, приведеніе его въ дѣйствіе весьма медленно подвигается впередъ.

По императорскому указу, примѣненіе упомянутаго начала, къ отношеніямъ народовъ живущихъ въ Венгріи, должно послѣдовать на основаніи рѣшенія, законодательною властію, слѣдовательно, безъ предварительнаго собранія земскаго сейма, нельзя ожидать его осуществленія. А собраніе земскаго сейма въ Венгріи, въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ вопросамъ крайне затруднительнымъ. Всѣ мы полагали, что по распущеніи венгерскаго сейма въ августѣ мѣсяцѣ 1861 года, согласно императорскому

объявленію, спустя шесть мѣсяцевъ, послѣдуетъ собраніе новаго венгерскаго сейма; но вотъ, прошло уже болѣе года, а мы все еще не знаемъ, будетъ ли, и когда созванъ венгерскій сеймъ? Правда, австрійское правительство непрестанно хлопочетъ о примиреніи съ Венгріею, или, лучше сказать, съ мадярскою націей, но, при всемъ томъ, не хочетъ ни мало отказаться также и отъ задуманнаго имъ конституціоннаго централизма, имѣющаго свое выраженіе въ Райхсратѣ. Для достиженія этой цѣли, оно старается заблаговременно пріобрѣсть себѣ партію, не только раздѣляющую его политическіе виды, но вмѣстѣ и обезпечивающую своимъ перевѣсомъ ихъ успѣхъ. По случаю недавняго путешествія по Венгріи королевскаго намѣстника, графа Палфія, была письменно сообщаема нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ настоящая программа австрійскаго правительства. Эта программа заключаетъ въ себѣ слѣдующія условія: а) чтобы мысль объ уничтоженіи конституціи не была приведена въ дѣйствіе; б) чтобы дотолѣ не приступать къ рѣшенію политическихъ отношеній Трансильваніи, Кроаціи и Славоніи къ Венгріи, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о политическомъ отношеніи Венгріи ко всей австрійской державѣ; в) чтобы пренія о законахъ 1848 года были устранены постановленіями сейма, рѣшенными прежде, до коронованія австрійскаго императора какъ короля венгерскаго, и, далѣе, чтобы, при разсмотрѣніи упомянутыхъ законовъ 1848 года, вниманіе было обращено на конституцію, дарованную прочимъ австрійскимъ провинціямъ, особенно же, чтобы вопросы, касающіеся заграничной политики, финансовъ, военныхъ дѣлъ и коммерціи, подлежали и впредь общему обсужденію и рѣшенію государственной власти и состояли въ ея вѣдѣніи. Принимающіе эти условія, должны быть избираемы въ депутаты и въ избиратели депутатовъ, считая своею обязанностію приводить также и другихъ къ такому же убѣжденію и поощрять ихъ къ содѣйствію видамъ правительства.

Кажется, австрійское правительство понынѣ еще не успѣло, въ смыслѣ своей программы образовать надежную партію, ибо иначе нельзя объяснить, почему оно медлитъ созваніемъ венгерскаго сейма. Тѣмъ не менѣе мы не покидаемъ надежды на собраніе его, и въ самомъ дѣлѣ, ожидаемъ отъ него рѣшенія самыхъ

важныхъ вопросовъ. Именно по части равноправности національностей, для чего уже наряжена коммиссія при угорскомъ намѣстничествѣ. Въ члены этой коммиссіи со стороны румыновъ, сербовъ, русиновъ и словаковъ избраны слѣдующія лица: Михалій, Мандичъ, Добрянскій и Даніеликъ, всѣ дѣйствительные совѣтники, состоящіе при упомянутомъ намѣстничествѣ.

Хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при всей этой борьбѣ, относящейся до національной равноправности, нѣмцы и мадяры всѣхъ болѣе успѣваютъ въ распространеніи и упроченіи своихъ народныхъ правъ; однакожъ должны мы замѣтить, что и прочіе народы, по возможности стараются воспользоваться обстоятельствами, для споспѣшествованія хоть духовному образованію своихъ отдѣльныхъ племенъ. Такъ угорскіе русины, подъ предводительствомъ Пряшевскаго преосвященнаго Іосифа, учредили общество св. Іоанна Крестителя, имѣющее цѣлію вспомоществовать молодежи, учащейся въ гимназіяхъ и высшихъ училищахъ. Это общество, подъ названіемъ: „Воспитальница,“ утверждено правительствомъ 30 (18) Августа с. г. Равнымъ образомъ и словаки основали общество ученыхъ или академію наукъ, подъ именемъ „*Slovenska Matica*,“ утвержденную его величествомъ 21 (9) Августа с. г. Оба эти общества имѣютъ въ распоряженіи своемъ уже и нѣкоторыя суммы для развитія своей дѣятельности, именно въ пользу общества св. Іоанна Крестителя, по случаю открытія его, послѣдовавшаго 30 Октября (11 Ноября), поступило пожертвованій 7,000 австрійскихъ гульденовъ; а „*Slovenska Matica*“ имѣетъ нынѣ 9,122 гульд. подписанныхъ, и 1,491 гульд. наличныхъ.

Сверхъ сего, должны мы также замѣтить, что, вслѣдствіе правительственнаго распоряженія, въ нѣкоторыхъ училищахъ, какъ то въ Унгварской и Сиготской гимназіяхъ заведено преподаваніе русскаго языка и его литературы, равно какъ и предписано преподаваніе на немъ нѣкоторыхъ учебныхъ предметовъ. Въ странахъ словаковъ быстрицкая (Neisohl) гимназія объявлена правительствомъ словацкою.

Конечно, если эти начатки духовнаго житія окрѣпнутъ въ славянахъ, то можно надѣяться, что ихъ народная жизнь вскорѣ

станетъ процвѣтать въ Венгріи и приносить обильные плоды для преуспѣянія въ гражданскомъ благосостояніи. І. **Раковскій.**

— Письмо въ Редакцію г. Мамышева и объявленіе о новомъ періодическомъ изданіи. — Приступая къ высоко-патріотическому изданію, программу котораго имѣю честь при семъ доставить, смѣю покорнѣйше просить къ нему благосклоннаго вниманія Редакціи Вѣстника, а также и о напечатаніи этого объявленія.

Если благоугодно будетъ, Редакція Сборника съ удовольствіемъ согласна на взаимную мѣну изданій.

Наконецъ, Редакція Сборника покорнѣйше проситъ не отказать сообщить сотрудникамъ и корреспондентамъ Редакціи Вѣстника, что всякая статья, соотвѣтственная программѣ Сборника, будетъ принята съ полнымъ радушіемъ, за вознагражденіе одинаковое съ выдаваемымъ прочими журналами. Въ этомъ случаѣ провинціальнымъ дѣятелямъ открывается самое обширное поле: ибо кому-же легче, какъ не мѣстному жителю извлечь изъ матеріаловъ, теперь безъ пользы пропадающихъ, множество любопытныхъ свѣдѣній за все тридцатилѣтіе, которыя разработываетъ Сборникъ, или за какое нибудь извѣстное число лѣтъ; а кругъ свѣдѣній можетъ быть чрезвычайно обширный; напримѣръ изложеніе мѣръ и результатовъ разныхъ отраслей управленія въ губерніи, историко-статистическія данныя о населеніи народномъ просвѣщеніи, промышленности, описаніе замѣчательныхъ сооруженій, событій, напримѣръ подробности о путешествіяхъ въ Бозѣ почивающаго Государя, очерки дѣятельности начальниковъ губерній, архіереевъ и вообще достопамятныхъ лицъ всѣхъ сословій, и проч. и проч. (*).— Редакторъ-издатель В. Мамышевъ.

(*) Редакція Вѣстника, помѣщая съ удовольствіемъ объявленіе объ изданіи «Сборника свѣденій о жизни и царствованіи Государя Императора Николая Павловича, считаетъ себя обязанною принять посильное участіе въ этомъ великомъ предпріятіи и, по мѣрѣ своихъ силъ, выполнить заявленныя въ этомъ отношеніи желанія редактора-издателя «Сборника.»

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНІЕ:

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ

О ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІИ
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Двадцати-девятилѣтнее благотворно-блистательное царствованіе въ Бозѣ почивающаго, вѣчной и славной памяти достойнаго Государя Императора Николая Павловича составляетъ эпоху, навсегда незабвенную въ лѣтописяхъ Россіи и міра.

Великій Монархъ въ первомъ Своемъ словѣ къ Россіи, сказанномъ въ день Своего восшествія на престолъ, призывалъ всѣхъ насъ соединить съ Нимъ теплыя мольбы ко Всевышнему, „да укрѣпитъ благія намѣренія Его жить единственно для любезнаго Отечества; потомъ, снова призывая насъ къ общей молитвѣ, чтобы, вмѣстѣ съ священнымъ елеемъ мνропомазанія, излилась на главу Его и на Его царство святая благодать Божія, и чтобы это таинственное дѣйствіе служило знаменемъ и залогомъ благодати Господней къ Нему и печатію любви, соединяющей Его съ вѣрными подданными, торжественно объявилъ, что счастіе Своихъ народовъ признаетъ единою цѣлію мыслей Своихъ, исполненіемъ желаній, наградою трудовъ, верховною обязанностію Своею предъ Царемъ Царствующихъ; а въ священный день совершенія этого таинства высказалъ, столь-же торжественно, желаніе, чтобы Всевышній исчелъ всѣ дни жизни Его, днями счастія и славы любезнаго Отечества Его.

Таковы были первые обѣты Отца-Монарха. Каждый день,— что говорю день—каждый часъ, каждая минута Его царствованія вполнѣ свидѣтельствуетъ, какъ прекрасно они исполнены для блага нашего и для блага міра. Нѣтъ истинно-русскаго, который бы не чувствовалъ благодѣяній, столь щедро разсыпанныхъ на насъ державною Его десницею; скажемъ болѣе, нѣтъ честнаго человѣка въ образованномъ мірѣ, который бы не отдалъ Ему справедливой дани удивленія. Но не каждый можетъ вполнѣ оцѣнить

Его заботы, потому что не каждый имѣетъ возможность знать всѣ Его дѣянія и вѣрно судить о всѣхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ Россіею въ Его незабвенное царствованіе.

Можно утверждать, какъ это и не покажется страннымъ, что до сихъ поръ у насъ многимъ лучше извѣстно все сдѣланное въ вѣкъ Николая правительствами Франціи и Англіи и современное состояніе иностранныхъ государствъ, нежели подробности за это же время о своемъ Отечествѣ. Заграничныя же сужденія о Россіи рѣдко пишутся людьми добросовѣстными и, слѣдственно, ложность ихъ почти постоянно превосходитъ всякое понятіе.

Всему этому виноваты отчасти мы сами. Давно уже, и справедливо, замѣчено, что мы, русскіе, дѣйствуемъ и не хвалимся, поступая въ этомъ совершенно противно Западу.

Между тѣмъ, по волѣ Государя Императора Николая Павловича постоянно обнародывались свѣдѣнія о распоряженіяхъ правительства и объ успѣхахъ всѣхъ частей государственнаго благосостоянія, которыми Онъ имѣлъ полное право гордиться, какъ результатомъ Своей неусыпной попечительности. Журналы и газеты, издаваемые отъ министерствъ и главныхъ управленій, посредствомъ которыхъ, съ самаго начала учрежденія этихъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ, признано полезнымъ сообщать во всеобщее свѣдѣніе извѣстія о распоряженіяхъ правительственныхъ и распространять, такимъ образомъ, какъ между всѣмъ народонаселеніемъ вообще, такъ и въ особенности между служащимъ сословіемъ, познанія по части администраціи, въ послѣднія тридцать лѣтъ получили обширное развитіе. Кромѣ того, въ истекшее благотворное царствованіе было принято также за непремѣнное правило обнародовывать годовые отчеты разныхъ вѣдомствъ, что прежде дѣлалось только по временамъ. Наконецъ, хотя и изрѣдка, печатались отдѣльные обзоры о состояніи разныхъ вѣтвей государственнаго благоустройства.

Эти періодическія изданія, отчеты и обзоры представляютъ множество свѣдѣній, чиселъ и фактовъ, пріобрѣтеніе которыхъ недоступно трудолюбію частнаго лица. Сосредоточивая безчисленные опыты и подводя ихъ подъ общія численныя категоріи, они составляютъ драгоцѣнные матеріалы для познанія Россіи въ бла-

готворно-блистательное царствованіе въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, представляютъ—хотя, какъ далѣе скажемъ, очень отрывочную—картину нашего быта, народнаго духа и нравовъ; изъ нихъ видно, хотя отчасти, въ какой степени исполнялись мудрыя мѣры Великаго Монарха, неусыпно заботившагося о благосостояніи милліоновъ разноплеменныхъ подданныхъ обширнѣйшей Имперіи; они могутъ служить, въ извѣстной степени, мѣриломъ и знаменателемъ развитія народа въ вещественномъ, общественномъ и личномъ отношеніяхъ; всегда будутъ имѣть высокую цѣну для людей мыслящихъ и вести къ важнымъ и любопытнымъ выводамъ.

Частныя періодическія изданія, особенно въ послѣднее двадцати-лѣтіе, также постоянно сообщали свѣдѣнія объ успѣхахъ въ благосостояніи Россіи, заимствуя ихъ или изъ изданій правительственныхъ, или, въ гораздо меньшей степени, отъ своихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Но, утверждаемъ смѣло, прекрасная цѣль исчисленныхъ изданій—постепенно распространять, среди всѣхъ сословій, вѣрныя извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, почти не достигнута. Офиціальные журналы, не смотря на любопытнѣйшее свое содержаніе, не имѣли, какъ не имѣютъ и нынѣ, почти читателей (сравнительно съ числомъ грамотныхъ, или даже съ числомъ образованныхъ соотечественниковъ), листки газетъ, промелькнувъ — истребляются, отдѣльныхъ отчетовъ и обзоровъ, даже напечатанныхъ именно во всеобщую извѣстность, въ продажѣ почти нѣтъ; многихъ изъ нихъ не имѣютъ и публичныя библіотеки столицъ. Наконецъ, чтобы вполнѣ вѣрно судить объ успѣхахъ въ благосостояніи Россіи, въ этихъ изданіяхъ показанныхъ, необходимо имѣть ихъ за цѣлый рядъ годовъ. Послѣднее необходимо тѣмъ болѣе, что, къ сожалѣнію, извлеченія изъ нѣкоторыхъ отчетовъ иногда обнародованы въ газетныхъ листкахъ весьма неисправно, особенно въ цифрахъ; но, многимъ ли это возможно?

Совершенно противное видимъ въ современной исторіи другихъ государствъ. Если бы все, совершившееся у насъ въ незабвенное царствованіе, происходило въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, то газеты, брошюры, письма, книги, эстампы, панорамы,

драматическія представленія и пр. и пр. трубили бы безъ устали, на тысячи ладовъ, объ этихъ общественныхъ улучшеніяхъ, о вѣковыхъ сооруженіяхъ, о преуспѣваніи народа въ разныхъ частяхъ. Примѣръ тому царствованіе Наполеона I. У насъ, въ свое время, публиковался фактъ или новое узаконеніе, сообщалось, нерѣдко въ нѣсколькихъ строкахъ, извѣстіе о закладкѣ или открытіи сооруженія—и только. Послѣдствія предпринятыхъ мѣръ, развитіе ихъ, подробности сдѣланнаго—почти никому неизвѣстны; многія же административныя реформы даже совершились такъ не гласно, что публика знаетъ о нихъ только по благодѣтельнымъ дѣйствіямъ на общественную жизнь.

Чувствуя все это, я, съ малолѣтства благоговѣющій предъ громадою доблестныхъ дѣлъ Незабвеннаго Монарха, давно уже посвятилъ себя труду, которымъ бы, по мѣрѣ моихъ средствъ и умѣнья, отстранялись затрудненія для познанія Его великаго вѣка.

Съ такимъ намѣреніемъ, еще съ 1842 года, я принялся за изученіе всѣхъ распоряженій Его Императорскаго Величества, всѣхъ успѣховъ бывшихъ ихъ слѣдствіемъ и извлекъ множество свѣдѣній изъ большей части періодическихъ изданій, собралъ, съ большимъ трудомъ, значительное число отчетовъ и обзоровъ по разнымъ частямъ; но, не смотря на все рвеніе, предпринятый трудъ еще далекъ отъ окончанія.

Желаніе сдѣлать употребленіе изъ собранныхъ матеріаловъ, доставить возможность пользоваться ими другимъ и получить средства пріобрѣсти еще неизвѣстныя, побудило меня рѣшиться приступить къ отдѣльному изданію, посвященному исключительно Незабвенному Монарху, подъ заглавіемъ:

СБОРНИКЪ СВѢДѢНІЙ

о жизни и царствованіи

Государя Императора

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Въ вѣчно-горестной день 18-го Февраля 1855 г. мною была написана подробная программа такому предпріятію; но тогда же

С.-петербургское дворянство сдѣлало мнѣ честь, удостоивъ меня избрать въ число защитниковъ „Вѣры и Царя“, созванныхъ въ Бозѣ почивающимъ Державнымъ Вождемъ св. Руси. Я поспѣшилъ оправдать выборъ благородныхъ согражданъ и, смѣло скажу, служилъ не хуже другихъ; слѣдовательно, въ это время было не до литературы. Не прежде какъ когда Отечество видѣло отъ нынѣ благополучно-царствующаго нашего Владыки отданіе долга не только сыновняго, но и долга Россіи,—я имѣлъ возможность приступить къ осуществленію моихъ мыслей. Въ день открытія памятника Петру I Екатериною II, бѣдный Голиковъ поклялся посвятить всю жизнь собиранію матеріаловъ о Великомъ,—такъ и я, въ день открытія памятника Николаю I Александромъ II, дерзнулъ поклясться именемъ Всемогущаго посвятить всю жизнь мою собиранію и обнародовыванію свѣдѣній о Незабвенномъ.

Но разныя обстоятельства не дозволили и тогда немедленно осуществить задачу моей жизни и только, наконецъ, теперь отстранены всѣ препятствія и, благословясь, призвавъ Бога на помощь, я приступаю къ этому истинно-патріотическому дѣлу.

Предпринимаемое изданіе я постараюсь сдѣлать общимъ хранилищемъ, куда поступятъ:

а) Подробныя обозрѣнія особенно замѣчательныхъ событій;

б) Историческія и статистическія описанія состоянія отдѣльныхъ частей управленія, за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени;

в) Обозрѣніе успѣховъ разныхъ отраслей наукъ, литературы, искуствъ и промышленности за извѣстное время;

г) Подробные историческіе очерки каждаго учрежденія, заведенія, полка и проч.;

д) Отчетливое описаніе замѣчательныхъ сооруженій и т. д.;

и е) Жизнеописанія всѣхъ достопамятныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на поприщахъ государственной и частной дѣятельности, или сдѣлавшихся чѣмъ либо извѣстными въ великое царствованіе.

Считаю лишнимъ распространяться о важности предпринимаемаго Сборника. Сердце русское оцѣнитъ мое предпріятіе.

Изданіе содержащее: подробное и вѣрное изображеніе событій, составляющихъ справедливую гордость нашу—побѣды надъ

врагами внѣшними и подвиги образованія, просвѣщенія, труда народнаго и доблестей гражданскихъ: Елисаветполь и Эривань, Варна и Браиловъ, Карсъ и Ахалцыхъ, Кулевчи и Балканы, Арзрумъ и Адріанополь, знамена Николая на Тигрѣ и Евфратѣ и повтореніе временъ Олега—Русскіе подъ стѣнами завѣтнаго Царь-града; Грохово и Остроленка, грозный штурмъ Варшавы и едва-ли не безпримѣрная сдача Гергея; осуществленіе піитическихъ мечтаній временъ Петра и Екатерины—освобожденіе древней Греціи; русскіе штыки защитники Стамбула и спасители древняго Габсбургскаго дома, а вмѣстѣ и всей средней и восточной Европы; Наваринъ, припоминавшій Чесму и Синопъ, снова доказавшій, что правнуки достойны прадѣдовъ; Баяндуръ и Башъ-Кадыкъ-Ларъ; начало безсмертной обороны Севастополя и проявленіе общей готовности напомнить двѣнадцатый годъ—тѣмъ, кто забылъ его, и лечь костьми „за Вѣру и Царя"; Дарго и Андія, Гергебиль и Сальты, Ахта и Михайловское; Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ, Уложеніе 1845 года и возобновленіе всѣхъ уставовъ; мирное прекращеніе уніи и всѣ душеспасительныя постановленія; устройство христолюбиваго воинства и возсозданіе флота; мѣры для усовершенствованія порядка и попеченіе о промышленности; основаніе и устройство ученыхъ и учебныхъ заведеній и щедрое поощреніе талантамъ; изданіе, въ которое войдутъ жизнеописанія кроткихъ и краснорѣчивыхъ Іерарховъ—истинныхъ пастырей стада Христова и достопамятныхъ лицъ свѣтскаго духовенства; біографіи полководцевъ и героевъ, память которыхъ дорога современникамъ и потомству—за ихъ побѣды, труды, кровь и раны, претерпѣнныя за отечество; государственныхъ сановниковъ—своими гражданскими подвигами способствовавшихъ къ возвеличенію Россіи: совѣтниковъ царскихъ, министровъ, дипломатовъ, законовѣдовъ, правителей народа, судей, а равно и скромныхъ тружениковъ науки, искусствъ и промышленности и благотворителей согражданъ; наконецъ, изданіе, сверхъ всего этого, содержащее описаніе и изображеніе храмовъ и дворцевъ, крѣпостей и портовъ, дорогъ и мостовъ, памятниковъ и медалей: Соборъ Исаакіевскій и храмъ Спасителя, Новогеоргіевскъ и Кіевъ, Бобруйскъ и Варшава, Кронштадтъ и Свеаборгъ,

дворцы Зимній и Кремлевскій, Николаевская желѣзная дорога и шоссе, мосты Николаевскіе въ С.-Петербургѣ и въ Кіевѣ, Александровская колонна и повсемѣстные памятники славѣ Россіи, и лучшимъ сынамъ ея, почесть Дѣду русскаго флота и Бородинская годовщина, Калишскій и Вознесенскій смотры, тысячеверстныя царскія путешествія и множество другихъ предметовъ,— смѣло надѣюсь, такое изданіе сдѣлается народнымъ.

Сборникъ однимъ представитъ неизвѣстное, другимъ напомнитъ позабытое, третьимъ покажетъ упущенное изъ вниманія и не можетъ не исполнить всѣ сердца любовію и благоговѣніемъ къ великому нашему Благодѣтелю. Это изданіе осязательно, такъ сказать, доставитъ большинству возможность знать то, что оно донынѣ только чувствуетъ; оно удостовѣритъ, совершенно безпристрастнымъ изложеніемъ успѣховъ, сдѣланныхъ Россіею, что если иноземцы были нашими учителями во многомъ, то въ царствованіе Государя Императора Николая Незабвеннаго ученики не далеко отстали отъ своихъ профессоровъ въ большой части отношеній, и что каждый русскій, съ гордостію, простительною въ этомъ случаѣ, можетъ указать на благодѣтельныя начала, обезпечивающія на долго и долго,—ибо на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго,—наше государственное благоустройство и политическое значеніе и заставитъ, изъ глубины признательнаго сердца, повторить о Виновникѣ столь блистательнаго состоянія нашего отечества, сказанное нѣкогда о Петрѣ Великомъ:

О Немъ вездѣ несутся славы клики,
И доблестямъ и сердцу и уму;
Другіе пусть зовутъ и Первымъ, и великимъ,
Для насъ же, русскихъ, Онъ—нѣтъ имени Ему.

Для правительственныхъ мѣстъ и лицъ, для всѣхъ занимающихся изученіемъ нашего великаго отечества, въ какомъ бы то ни было отношеніи, наконецъ, просто для всякаго любящаго св. родину, Сборникъ, смѣю думать, будетъ неоцѣненнымъ изданіемъ, давая возможность имѣть подъ рукою свѣдѣнія, въ настоящее время почти недоступныя большинству, и самое отысканіе которыхъ въ десяткахъ тысячъ листовъ, при несуществованіи подробныхъ указателей, едва ли многимъ возможно.

Относительно духа изложенія, редакція будетъ руководствоваться строгою справедливостію, и выставлять, на сколько возможно откровенно, свѣтлыя и темныя стороны предметовъ. Подробный разборъ бывшихъ удачъ и ошибокъ, съ указаніемъ вѣроятныхъ причинъ ихъ, даже и при неискусномъ изложеніи, можетъ принести много пользы. Разбирая ошибки, Редакція поставляетъ себѣ непремѣннымъ правиломъ щадить личность дѣятелей, не выставлять ихъ, безъ нужды, на публичное порицаніе, какъ потому, что часто нѣтъ возможности никогда узнать всѣхъ подробностей обстоятельствъ, въ которыхъ находилось лице, сдѣлавшее ошибку, такъ и потому, что въ осмѣяніи личности дѣйствователей мало пользы для исторіи. Вообще редакція будетъ, по возможности, удерживаться отъ своихъ личныхъ взглядовъ и собственныхъ разсужденій, а все объяснять самымъ ходомъ событій, и ставить читателя въ такое положеніе, чтобы онъ смотрѣлъ на предметъ независимо отъ ея мнѣній и выводилъ заключенія по собственному убѣжденію, а не по теоріи, заранѣе составленной.

Можно надѣяться, что наше изданіе вызоветъ со стороны образованныхъ и свѣдущихъ лицъ поправки, пополненія и даже опроверженія, которыя редакція съ удовольствіемъ приметъ, если только они будутъ написаны въ приличномъ и ни для кого лично не оскорбительномъ видѣ. Это, мы убѣждены, будетъ лучшимъ способомъ для повѣрки свѣдѣній, сгрупировываемыхъ изъ прежнихъ изданій и воспоминаній, извлекаемыхъ изъ источниковъ не всегда безупречныхъ, часто составлявшихся небрежно или съ незнаніемъ дѣла, а иногда и умышленно искаженныхъ.

Въ заключеніе повторяемъ обѣтъ, посвятить всю жизнь этому предпріятію и молимъ Господа только объ одномъ, даровать намъ силы, средства и возможность осуществить самое пламенное желаніе—заняться этимъ дѣломъ не поверхностно, а „не щадя труда“, какъ говорили наши отцы и дѣды, т. е. собрать возможно болѣе свѣдѣній о царствованіи нашего Великаго и Незабвеннаго Отца-Монарха, ибо это такой предметъ, о которомъ нельзя никогда достаточно наговориться.

Въ этомъ случаѣ скажемъ словами поэта-сановника Николая—прямо идущими въ русскую душу:

Россія Имъ жила, какъ жилъ и Онъ Россіей,
Онъ первый былъ изъ насъ—не властью, не вѣнцемъ,
Но тѣмъ, что духъ сроднивъ съ народною стихіей,
Онъ русской доблести былъ высшимъ образцомъ.

Въ Немъ зрѣлся русскій Царь:—станъ стройный, величавый;
Орлиный взглядъ; чело запечатлѣла честь;
Плеча могущія подъять судьбы державы,
Готовыя народъ чрезъ бездну перенесть.

И духъ державный въ Немъ подъ ростъ Его былъ стану,
Онъ Вѣнценосецъ былъ и духомъ и челомъ.
Царь-рыцарь, вѣренъ былъ Онъ царственному сану;
Царь-честный человѣкъ, Онъ чести былъ рабомъ.

Желѣзной волей былъ онъ крѣпокъ и упоренъ,
Затѣмъ, что въ совѣсти Онъ закалилъ ее,
Что долгу, какъ земной святынѣ, былъ покоренъ
И посвятилъ ему Свой путь и бытіе...

Онъ жилъ Царемъ; какъ Царь и умеръ смертью славной:
Послыша, что Его грядущій часъ зоветъ,
Дѣла земныя сдалъ нашъ Труженникъ державный,
Небесному Царю готовясь дать отчетъ.

И смертный одръ Его взросъ другимъ престоломъ,
Который всѣхъ земныхъ престоловъ выше сталъ;
И никогда еще столь царственнымъ глаголомъ,
Какъ въ часъ послѣдній, Царь души не обнажалъ.

Душа созрѣла въ немъ подъ зноемъ испытаній
И свѣтлой красотой покорства облеклась,
Зажглась кадильницей святыхъ благоуханій
И къ небу, жертвою вечерней, вознеслась.....

Мірскую лѣтопись царей и царствъ прочтете,
Прекраснѣй смерти сей въ преданьяхъ не сыскать,
И умилительнѣй картины не найдете,
Какъ этотъ смертный одръ—походную кровать.

Свой царственный походъ свершившаго во славѣ,
Того, кто тридцать лѣтъ, какъ воинъ на стѣнѣ,
Съ престола прослужилъ народу и Державѣ,
Родной твердыни стражъ и щитъ, внутри и внѣ.

Изданіе будетъ выходить съ января 1863 года выпусками отъ 5 до 8 листовъ каждый, въ большую 8-ю долю листа, печататься на хорошей бѣлой бумагѣ, прекраснымъ шрифтомъ, съ большимъ числомъ рисунковъ, портретовъ, картъ, плановъ, снимковъ, литографированныхъ, а также рѣзанныхъ на стали, мѣди и деревѣ, а частію и фотографическихъ и пр.

Подписка принимается на первые десять выпусковъ (не менѣе 1000 страницъ), которые будутъ выданы въ теченіи будущаго 1863 года. Цѣна за нихъ, съ пересылкою и доставкою, десять рублей.

Примѣчаніе. Лица, затрудняющіяся въ высылкѣ разомъ всей подписной суммы, могутъ присылать ее въ три срока: 4 р. при подпискѣ и по 3 р. предъ выходомъ 4-го и 7-го нумеровъ; но съ непремѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія на подобномъ условіи были дѣлаемы не иначе, какъ на имя редакціи.

При малѣйшей возможности число листовъ будетъ увеличено, безъ возвышенія платы, а также будутъ раздаваться особыя преміи, состоящія изъ отдѣльныхъ сочиненій и переводовъ, прежде или вновь изданныхъ, разумѣется исключительно относящихся къ незабвенному царствованію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Редакціи, помѣщающейся въ С. Петербургѣ по Каменно-Островскому проспекту, въ домѣ Нишпаркевича, № 39, въ Главной конторѣ изданія Литейной части, по Итальянской улицѣ, домъ № 17. Гг. иногородные благоволятъ надписывать свои требованія просто: „въ Редакцію изданія Сборникъ свѣдѣній о жизни и царствованіи Государя Императора Николая Павловича, въ С.-Петербургъ“, ибо дальнѣйшій адресъ всегда извѣстенъ почтовому вѣдомству.

Редакторъ-издатель ВС. МАМЫШЕВЪ.

— Крамолы партіи безпорядковъ.— Подъ этимъ заглавіемъ, въ послѣднемъ нумерѣ офиціальной газеты Царства Польскаго читаемъ слѣдующее: „Недавно наша газета опубликовала организацію заговора, дѣйствія котораго видѣла Варшава. Въ дополненіе къ этому, печатаемъ присланный сюда изъ-за границы, съ цѣлію распространенія въ краѣ, „уставъ національнаго революціоннаго союза, уставъ комитета этого союза“, а также „инструкцію уѣзднымъ комитетамъ.“

„Разбрасываніе этихъ листковъ имѣетъ цѣлію новую складку или, такъ называемый, налогъ въ Варшавѣ и въ провинціи, ибо въ связи съ этою публикаціею находится постановленіе будто бы „центральнаго національнаго комитета“, отъ 18-го октября сего года, о взиманіи подати съ капитала и доходовъ. Печатаемъ также и это постановленіе. Самое основаніе этихъ листковъ, въ виду здраваго разсудка, лучшее противъ нихъ предостереженіе.

„Поддерживая эти несообразности, распространили вѣсть въ провинціи, что возстаніе вспыхнетъ весною. Можно замѣтить, что эти слухи возвращаются періодически. Всякую осень разглашаютъ слухъ, что весною будетъ возстаніе; съ наступленіемъ же весны возстаніе откладывается до осени, а между тѣмъ, въ виду воображаемыхъ возстаній, сборъ податей производится, какъ осенью, такъ и весною. Это особенный родъ спекуляціи, облеченный въ патріотическую оболочку и разсчитанный на легковѣріе и на возбужденіе тревожнаго состоянія. На сколько эти угрозы производятъ свое дѣйствіе, можно судить изъ того, въ чьи карманы и въ чью пользу обращается выжатая подать. Нынѣшній новый налогъ съ капиталовъ и доходовъ, какъ кажется, назначенъ комитетомъ въ пользу лицъ, подлежащихъ рекрутскому набору, для обезпеченія имъ средствъ къ оставленію края и удобнаго пребыванія за границею. Вѣроятно, немногіе послѣдуютъ этимъ повелѣніямъ, которыя повлекли бы за собою двойное обѣдненіе страны: вопервыхъ вслѣдствіе собранной складки, во-вторыхъ, по необходимости замѣнить бѣжавшихъ за границу новыми конскриптами, которые могли бы быть сбережены. Если, при всемъ этомъ, возмемъ въ соображеніе, что необыкновенные расходы казны царства, вызванные необходимостію употребить военныя и полицей-

скія мѣры противъ безпорядковъ и смятеній, составили въ прошломъ году цѣлые милліоны, то увидимъ, какія тягости приносятъ странѣ „эти правленія комитетовъ“, и какъ все это ведетъ къ поддержанію въ краѣ и за границею празднаго пролетаріата политическихъ агитаторовъ, каковы **генералы** и **президенты**, дѣлающіе себѣ игрушку изъ блага страны.

„Прибавимъ еще, что сказанное въ 1-й статьѣ устава комитета объ отвѣтственномъ его предсѣдателѣ, котораго комитетъ, согласно 9-й статьѣ, считаетъ революціоннымъ трибуналомъ, объясняетъ теперь, кто виноватъ въ сообществѣ по недавнимъ покушеніямъ, и кто отвѣчаетъ за участь совершившихъ покушеніе.

„**Уставъ національнаго революціоннаго комитета.** 1) Цѣль союза—возстановить Польшу на демократическихъ началахъ, въ предѣлахъ, въ которыхъ она была до перваго раздѣла.

„2) Вооруженное возстаніе считается единственнымъ средствомъ къ достиженію этой окончательной цѣли.

„3) Главною задачею союза будетъ затѣмъ приготовленіе всевозможныхъ средствъ къ началу вооруженнаго возстанія.

„4) Во главѣ союза стоитъ національный революціонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ **генерала Людвика Мирославскаго**, исключительному и особенному вѣдѣнію котораго поручены всѣ работы и пріуготовленія за границею.

„5) Національный революціонный комитетъ состоитъ изъ 5-ти лицъ, пребываетъ въ краѣ, рѣшаетъ большинствомъ голосовъ и издаетъ приказы посредствомъ своихъ уполномоченныхъ коммиссаровъ.

„6) Назначаетъ начальниковъ уѣздной организаціи, предоставляя имъ право выбрать себѣ четырехъ лицъ, долженствующихъ, вмѣстѣ съ ними, составить революціонные уѣздные комитеты.

„7) Союзъ развѣтвляется слѣдующимъ образомъ: каждый изъ членовъ уѣздныхъ революціонныхъ комитетовъ составляетъ новый кружокъ изъ 5-ти человѣкъ, принимая въ немъ званіе предсѣдателя и сообщая ему распоряженія высшаго комитета, исполненія

которыхъ обязательны во всей точности. Въ такомъ же порядкѣ распространяется общество и далѣе.

8) При составленіи всѣхъ кружковъ принимается постоянное начало—низшіе кружки ничего не должны знать о составѣ высшихъ.

„9) Всѣ члены обязаны повиновеніемъ распоряженіямъ высшихъ комитетовъ.

„10) Всякая измѣна и непослушаніе, считаемое наравнѣ съ измѣною, влекутъ за собою самое строгое наказаніе. **Порядокъ суда и наказанія порѣшитъ національный революціонный комитетъ.**

„11) Каждый изъ членовъ союза вноситъ въ его кассу, на руки своему предсѣдателю, не менѣе 2-хъ злотыхъ (30 коп. ежемѣсячно.

„12) Приступающій къ союзу обязывается формально, подачею руки принимающему и повтореніемъ за нимъ слѣдующей присяги: „присягаю на исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на меня уставами союза, на **сохраненіе строжайшей тайны,** и послушаніе распоряженіямъ національнаго революціоннаго комитета.

„**Уставъ комитета.** 1) Національный революціонный комитетъ состоитъ изъ пяти лицъ.

„2) Составъ комитета можетъ измѣниться, только за согласіемъ **генерала Людвика Мирославскаго, какъ отвѣтственнаго президента союза.**

„3) Постановленія издаются большинствомъ голосовъ.

„4) Засѣданія происходятъ періодически.

„5) Дежурный чиновникъ долженъ находиться постоянно въ мѣстѣ присутствія, для дѣйствій, не требующихъ отлагательства.

6) Три наличные члена, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, составляютъ законный комплектъ для всевозможныхъ постановленій.

„7) Національный революціонный комитетъ раздѣляется на отдѣленія: а) провинціяльно-административное; б) административное города Варшавы и полицію; в) финансовъ; г) путей сообщенія

и д) корреспонденцій заграничныхъ и съ союзами другихъ провинцій.

„8) Управляющіе отдѣленіями суть исполнители рѣшеній, послѣдовавшихъ въ засѣданіяхъ комитета.

„9) **Комитетъ въ полномъ составѣ считается революціоннымъ трибуналомъ.**

„10) Назначаетъ и удаляетъ всѣхъ чиновъ организаціи.

„11) Онъ обязанъ о своихъ дѣйствіяхъ ежемѣсячно доставлять рапорты президенту общества, который будетъ его увѣдомлять о всевозможныхъ дѣйствіяхъ за границею.

„12) Обязуется усиливать, по мѣрѣ возможности, постоянный легіонный капиталъ.

„13) Всѣ члены обязываются къ взаимной солидарности и **тайнѣ.**

„14) Они присягаютъ на вѣрность началамъ союза. Нарушеніе присяги считается государственною измѣною, и влечетъ за собою соотвѣтственное наказаніе.

„15) Политическо-административное отдѣленіе за границею находится подъ управленіемъ **помѣщика Яна Куржины**, на имя котораго комитетъ адресуетъ всѣ корреспонденціи.

Инструкція уѣзднымъ комитетамъ.

„1) Національный революціонный комитетъ назначаетъ и удаляетъ уѣздныхъ начальниковъ.

„2) Начальникъ уѣзда пріискиваетъ себѣ четырехъ усердныхъ помощниковъ, руководя ими въ качествѣ предсѣдателя революціоннаго провинціяльнаго комитета.

„3) Ему подчинены всѣ лица въ уѣздѣ, посвященныя въ дѣло, самъ же онъ повинуется безусловно приказамъ національнаго революціоннаго комитета, передаваемымъ ему воеводскимъ коммиссаромъ, отдавая, въ свою очередь, послѣднему отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

„4) Назначаетъ и удаляетъ, какъ окружныхъ, такъ равно и начальниковъ второстепенныхъ городовъ, за дѣйствія которыхъ онъ отвѣтствуетъ.

„5) Содержитъ уѣздную кассу и передаетъ проценты въ главную кассу.

„6) Доставляетъ самые подробные рапорты о состояніи уѣзда, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, именно: а) о числѣ и общественномъ положеніи принадлежащихъ къ союзу и о средствахъ, которыми они могутъ располагать въ минуту возстанія; б) о количествѣ оружія и военныхъ снаряженіяхъ; в) о состояніи уѣздной кассы; г) о всевозможныхъ важнѣйшихъ событіяхъ, движеніяхъ непріятельскихъ войскъ, постановленіяхъ и преслѣдованіяхъ наѣздниковъ, о **взаимномъ настроеніи простаго народа и евреевъ,** о каждомъ шагѣ и намѣреніяхъ какъ антиреволюціонной, легальной партіи, такъ **славянофильской, Віелопольскаго,** или наконецъ, о преждевременныхъ выходкахъ демагоговъ и анархистовъ всякаго рода.

„7) Однимъ изъ первыхъ занятій будетъ составленіе, а впослѣдствіи дополненіе статистическаго описанія всѣхъ городовъ и деревень уѣзда. Обрабатывая рубрики описанія, слѣдуетъ имѣть въ виду мѣстность въ хозяйственномъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи, а также и самихъ жителей, которыхъ нужно раздѣлить на три категоріи: а) готовыхъ къ возстанію; б) равнодушныхъ и нерѣшительныхъ; в) антиреволюціонеровъ, выступающихъ подъ какимъ бы то ни было названіемъ и предлогомъ. Независимо отъ политическаго характера, слѣдуетъ указать на общественное положеніе людей. Сверхъ того, слѣдуетъ исчислить средства уѣзда въ капиталахъ и въ сырыхъ военныхъ продуктахъ, каковы: кожа, сукно, полотно, желѣзо, лошади и т. п., которые въ данномъ случаѣ могли бы пригодиться въ дѣлѣ возстанія.

„8) Начальникъ уѣзда постарается наложить подать на непосвященныхъ въ тайну, подъ какимъ нибудь предлогомъ, и займется извлеченіемъ капиталовъ изъ всевозможныхъ источниковъ, отысканіе и собираніе которыхъ предоставляется его усердію.

„9) Наконецъ, онъ займется устройствомъ сообщеній для пересылки корреспонденцій союза, и о способѣ таковой будетъ увѣдомлять національный революціонный комитетъ.

Варшава, 18-го октября 1862 года.

Центральный національный комитетъ

Находя:

„1) Что только энергическое слитіе всѣхъ силъ и средствъ народа доставитъ намъ возможность выдержать съ каждымъ днемъ упорнѣйшую борьбу съ наѣздомъ, который напрягаетъ противъ насъ всю силу своей централизированной организаціи.

„2) что противъ послѣднихъ усилій и исключительной нынѣ энергіи наѣзда мы обязаны противопоставить также исключительное самоотверженіе и исключительную энергію всѣхъ безъ различія составныхъ частей народа, постановляетъ, что слѣдуетъ:

Статья I. Каждый гражданинъ, любящій отечество и жаждущій его независимости, обязанъ внести единовременную національную подать, въ видѣ чрезвычайной жертвы, для поддержанія дѣйствій, стремящихся къ освобожденію отечества.

Статья II. Размѣръ этой подати опредѣляется количествомъ имущества, полагая полпроцента съ недвижимаго имѣнія и ипотечныхъ суммъ.

„Ст. III. Лица, не владѣющія ни недвижимымъ имуществомъ, ни капиталами, платятъ съ ежегоднаго дохода пять процентовъ.

„Статья IV. Ежели въ разсчетѣ доходовъ встрѣтится затрудненіе въ болѣе строгомъ контролѣ, — то за норму подати принимается годичная арендная плата за квартиру, которую слѣдуетъ считать въ Варшавѣ третьею, а въ провинціяльныхъ городахъ пятою частію годичнаго дохода.

„Статья V. Лица, владѣющія движимымъ или недвижимымъ имуществомъ, и имѣющія, сверхъ того, другіе источники доходовъ, вносятъ національную подать, въ отдѣльности съ имущества и съ дохода.

„Статья VI. Взиманіе подати производится чиновниками организаціи, спеціально назначенными къ подобному роду дѣйствія, и снабжеными для этой цѣли полномочіями. Чиновники эти будутъ также снабжены шнуровою квитанціею центральнаго національнаго комитета, одна половина которой отрѣжется для врученія даннику, а другая съ распискою въ полученіи денегъ, вмѣстѣ съ таковыми, препровождается въ главную кассу.

„Статья VII. Срокъ внесенія національной подати назначается на 10-е ноября текущаго года. *(Изъ Сѣв. Пч. № 287)*.

(Смотри: «Слово русскаго къ русскимъ» и пр. на стр. 262.)

— Вѣсти изъ Польши. — Въ нумерѣ 278 „Официальной Газеты царства польскаго" читаемъ слѣдующее: „29-го ноября (11-го декабря), въ 10 часовъ утра, въ дворцѣ Паца, начались публичныя засѣданія военнаго полеваго суда, по дѣлу нижепоименованныхъ лицъ, обвиненныхъ въ участвованіи въ тайномъ обществѣ, имѣющемъ цѣлью формированіе революціоннаго войска, для произведенія всеобщаго возстанія въ царствѣ польскомъ:

„Лица, преданныя военному суду:

„Людовикъ Бондель, Валентинъ Бенчковскій, Казиміръ Бѣльскій, Іосифъ Блюмъ, Францъ Блашковскій, Леонардъ Будны, Филиппъ Чарнецкій, Донатъ Чижевскій, Петръ Домбровскій, Владиславъ Филипковскій, Францъ Фольварнякъ, Евгеній Гуркевичъ, Іосифъ Грендзинскій, Станиславъ Грошкевичъ, Леопольдъ Грудзинскій, Валентинъ Грудзинскій, Вавржинецъ Грушевскій, Константинъ Грыгляшевскій, Ксаверій де-Гайдесъ, Константинъ Янковскій, Петръ Янковскій, Андрей Конаржевскій, Янъ Ковальскій, Станиславъ Ковальскій, Іосифъ Козерскій, Іосифъ Красинскій, Феликсъ Квѣцинскій, Михаилъ Линземанъ, Антонъ Любонинскій, Владиславъ Михальскій, Александръ Микушевскій, Викентій Міодушевскій, Францъ Модлибовскій, Лудовикъ Ноговичъ, Станиславъ Носковскій, Ксаверій Обарскій, Романъ Ольшевскій, Игнатій Павловскій, Адамъ Піотровскій, Стефанъ Польковскій, Казиміръ Поросъ, Янъ Росинскій, Шимонъ Рыдзевскій, Войцѣхъ Сикорскій, Леонъ Стржелецкій, Валерій Шлерытъ, Янъ Шипинскій, Станиславъ Тржебинскій, Людовикъ Вадзынскій, Михаилъ Вагнеръ, Іосифъ Валюзинскій, Теофилъ Верецкій, Эдуардъ Венгжиновичъ, Іосифъ Весоловскій, Алоизій Вержбицкій, Романъ Витковскій, Андрей Влодарскій, Владиславъ Войткѣвичъ, Александръ Заборовскій, Албинъ Закржевскій, Болеславъ Закржевскій, Стефанъ Закржевскій, Матвѣй Залевскій, Александръ Завадзкій. *(С. От.)*

— О убіеніи помѣщика Старчевскаго. — Оффиціальная газета царства польскаго сообщаетъ, что въ началѣ ноября н. ст. въ городѣ Хелмѣ безъ вѣсти пропали тамошній помѣщикъ Александръ-Андрей Старчевскій и его хозяйка Констанція Чер-

някъ. Распространился слухъ, что они убиты. Изъ произведеннаго по этому поводу слѣдствія оказалось, что въ концѣ сентября нѣкто Леонъ Немировскій получилъ отъ центральнаго народнаго комитета порученіе убить Старчевскаго. Приведеніе убійства въ исполненіе было сначала поручено 12 лицамъ, связаннымъ революціонною присягою. Нѣкоторые изъ нихъ поколебавшись въ своемъ намѣреніи, отправились къ мѣстному ксендзу Маркевичу за совѣтомъ. Ксендзъ Маркевичь утвердилъ ихъ въ намѣреніи совершить упомянутое преступленіе. 21 октября (2-го ноября) Старчевскій съ Констанціей Чернякъ собрались отправиться на крестины въ деревню Окшову. Одинъ изъ сообщниковъ убійства уговорилъ Старчевскаго взять его съ собою. На возвратномъ пути, на разстояніи версты отъ Окшовы, гдѣ была устроена засада, 11 убійцъ напали на Старчевскаго, который, не смотря на отчаянное сопротивленіе, былъ удушенъ съ помощію веревки и повѣшенъ на деревѣ. Констанція Чернякъ, желавшая защищать Старчевскаго, была зарѣзана и тоже повѣшена. Убійцы во время борьбы били Старчевскаго палками, ножами и пильниками и раздробили черепъ его хозяйкѣ. Тѣла убитыхъ были сначала брошены въ лѣсу, но потомъ, по приказанію Немировскаго, перевезены въ каменоломню, ему принадлежавшую, гдѣ и спрятаны въ нарочно приготовленномъ погребѣ. Леонъ Немировскій, Ксендзъ Маркевичъ и остальные участники этого преступленія, за исключеніемъ двухъ бѣжавшихъ, находятся въ рукахъ правосудія. Официальная газета прибавляетъ, что разсказъ этотъ составленъ по показаніямъ обвиненныхъ; по ихъ же указанію тѣла убитыхъ были найдены и похоронены на хелмскомъ кладбищѣ. По окончаніи производящагося, въ настоящее время, слѣдствія, будетъ опредѣлено законное наказаніе. **(Совр. Сл.)**

— **Объ Эдуардѣ Бонгардѣ.** — Въ № 268 Dziennika Powszechnego читаемъ слѣдующее: „Въ 1857 году, прибылъ въ царство польское по паспорту, выданному швейцарскими властями, нѣкто **Эдуардъ Бонгардъ,** и съ тѣхъ поръ проживалъ постоянно въ деревнѣ Морочынѣ, въ грубѣшовскомъ уѣздѣ, люблинской

губерніи, въ качествѣ товарища сына тамошняго помѣщика, графа Старженскаго.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, правительство получило достовѣрное донесеніе, что Бонгардъ ведетъ переписку съ извѣстнымъ выходцемъ Мирославскимъ, съ преступною политическою цѣлью собирать денежныя пожертвованія отъ жителей царства польскаго. Вслѣдствіе этого, послѣдовало распоряженіе произвести обыскъ у Бонгарда, и арестовать его, что и было исполнено 23-го апрѣля.

„По произведеніи обыска и ареста, Бонгардъ, подъ предлогомъ, будто бы, дурноты, получилъ позволеніе зайти къ управляющему имѣніемъ графа Старженскаго напиться чаю. Одновременно съ нимъ вошли туда же лица, которымъ поручены были обыскъ и арестованіе, а именно: полковникъ Масловскій, капитанъ Цывинскій и унтеръ-офицеръ Босакевичъ. Вскорѣ затѣмъ вбѣжалъ въ первую комнату сынъ помѣщика графъ Александръ Старженскій, и выстрѣломъ изъ пистолета убилъ унтеръ-офицера; вбѣжавъ далѣе во вторую комнату, выстрѣлилъ въ капитана Цывинскаго, который отъ полученной раны впослѣдствіи умеръ. Третьимъ выстрѣломъ Старженскій нанесъ рану въ лѣвый бокъ полковнику Масловскому, и наконецъ бросившись въ сѣни, застрѣлился самъ.

„Арестованнаго Бонгарда отвели въ Грубѣшовъ.

„При первоначальныхъ допросахъ Бонгардъ, не сознаваясь въ тяготѣющихъ надъ нимъ упрекахъ, объяснилъ, что во время своего пребыванія въ деревнѣ Морочинѣ, занимался филологическими науками, не имѣлъ ни съ кѣмъ никакихъ особенно близкихъ сношеній, и посѣщалъ исключительно тѣ дома, въ которыхъ бывало семейство графа Старженскаго.

„Тогда обратили вниманіе Бонгарда на одно изъ его писемъ, отправленное въ январѣ за границу, и которое, какъ безспорно было извѣстно, было адресовано на имя Мирославскаго. Сверхъ того, привели ему нѣкоторыя подробности объ этомъ письмѣ, а именно, что оно было начато въ Морочинѣ, а окончено въ Львовѣ.

„Не смотря на это, Бонгардъ не переставалъ утверждать, что изъ Львова писалъ только къ своимъ родителямъ и къ своей

прежней любовницѣ: но когда ему начали читать упомянутое письмо, то онъ, послѣ первыхъ же словъ, прервалъ чтеніе, сознавшись, что оно писано имъ.

„Содержаніе вышеупомянутаго письма, съ одной стороны ясно убѣждаетъ, что Бонгардъ велъ съ Мирославскимъ тайную переписку, стремящуюся къ извлеченію средствъ въ цѣляхъ сокрушенія законной власти въ царствѣ польскомъ, при посредствѣ вооруженнаго возстанія, а, съ другой стороны, что Бонгардъ принадлежалъ уже къ тайному обществу, имѣющему въ виду вызвать это вооруженное возстаніе. Съ этимъ намѣреніемъ онъ принялъ на себя, согласно избранію революціонной партіи, титулъ представителя грубѣшовскаго революціоннаго округа, въ составъ котораго вошло 8 городовъ; приготовилъ циркуляръ къ представителямъ этихъ городовъ, рекомендуя имъ собираніе денегъ и свѣдѣній объ участникахъ союза и о настроеніи умовъ между поселянами: организовалъ общество взаимной помощи, имѣющее въ дѣйствительности, въ виду сближеніе лицъ, дѣйствующихъ согласно видамъ революціонной партіи; распространялъ возмутительныя газеты и революціонные знаки, и вообще, принималъ самое дѣятельное участіе въ отысканіи и подготовленіи средствъ къ возстанію.

„При слѣдующихъ допросахъ Бонгардъ, упорно воздерживаясь отъ указанія лица, за посредствомъ котораго онъ получалъ письма отъ Мирославскаго, сознался, что онъ былъ вовлеченъ къ принятію участія въ преступныхъ намѣреніяхъ революціонной партіи нѣкіимъ **Леономъ Франковскимъ**, выдававшимъ себя за члена варшавскаго революціоннаго комитета. Пріѣзжая къ нему нѣсколько разъ, Франковскій уговорилъ его принять титулъ представителя грубѣшовскаго революціоннаго округа, возложивъ на него обязанность собирать, какъ можно болѣе денегъ, частію путемъ добровольныхъ пожертвованій, частію при помощи распродажи возмутительныхъ газетъ и революціонныхъ эмблемъ, а также объѣхать окрестные города для установленія городскихъ представителей и ознакомленія съ лицами, на которыхъ было бы можно разсчитывать во всякое время.

„При этомъ Франковскій вручилъ ему: программу революціоннаго комитета (которую Бонгардъ, приложивъ къ письму, отправилъ Мирославскому), роволюціонныя газеты, прокламаціи къ русскимъ войскамъ, разныя эмблематическія медали, картины и т. п.

„Предметы эти частію онъ распродалъ разнымъ лицамъ, а собранныя деньги вручилъ Франковскому; частію же уничтожилъ передъ обыскомъ.

„Сверхъ того, Франковскій обѣщалъ ему прислать типографскій станокъ, для печатанія на русскомъ языкѣ воззваній къ войску; но намѣреніе это не было приведено въ исполненіе, такъ какъ Бонгардъ не имѣлъ для этого достаточнаго у себя помѣщенія.

„Далѣе Бонгардъ, сознаваясь въ образованіи общества взаимной помощи и въ составленіи циркуляра къ городскимъ представителямъ, прибавилъ, что его участіе въ дѣйствіяхъ революціонной партіи было весьма ограничено, и что Мирославскій, который былъ ему лично неизвѣстенъ и отъ котораго онъ получилъ лишь одно письмо, обратился къ нему, по всей вѣроятности, въ слѣдствіе какой нибудь рекомендаціи, желая пріобрѣсть свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ тамошней окрестности и о существующихъ въ краѣ тайныхъ обществахъ.

„Уликою помянутому признанію Бонгарда служитъ его письмо къ Мирославскому, въ которомъ, выражая желаніе вести съ нимъ дальнѣйшую переписку, и сообщая ему секретъ особенныхъ химическихъ чернилъ, проситъ его между прочимъ, помогать ему своими совѣтами, донести о дѣйствіяхъ и средствахъ, какими располагаютъ заграничные члены, о своихъ проектахъ по осуществленію возстанія, прислать циркуляръ и брошюры появляющіяся за границею и составляющія одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, дѣйствующихъ на умы, и т. п.

„По окончаніи слѣдствія, Бонгардъ былъ отданъ подъ военный судъ.

„Военный судъ, сообразивъ вышеупомянутыя обстоятельства, призналъ Бонгарда виновнымъ: 1) въ веденіи, во вредъ государству, тайной переписки съ извѣстнымъ выходцемъ Мирославскимъ

2) въ принадлежности къ тайному революціонному обществу, имѣющему цѣлію возбужденіе вооруженнаго возстанія для сокрушенія въ царствѣ польскомъ законнаго порядка, и 3) въ участіи въ возстаніи и подготовленіи къ нему средствъ.

„За эти преступленія военный судъ, на основаніи §§ 83, 96, 196 и 606 книги I главнаго военнаго устава (изданнаго въ 1859 году) и §§ 185, 276, 283 и 360 книги I тома XV Св. законовъ (изданіе 1857 г.), приговорилъ Бонгарда по лишенію его всѣхъ правъ состоянія, къ наказанію смертію, черезъ разстрѣляніе.

„По представленіи военнымъ судомъ дѣла на ревизію, Бонгардъ подалъ Его Высочеству Великому Князю намѣстнику прошеніе о помилованіи, ссылаясь на искренность своихъ показаній и на то, что онъ, какъ иностранецъ, не долженъ отвѣчать за письмо къ Мирославскому, тѣмъ болѣе, что онъ отправилъ его изъ Львова въ Австріи. "

„Полевой аудиторіатъ, разсмотрѣвъ съ надлежащимъ вниманіемъ дѣло Бонгарда, призналъ приговоръ суда законнымъ и вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами, сопровождавшими это дѣло, При этомъ аудиторіатъ, въ своемъ представленіи къ Его Императорскому Высочеству, прибавилъ, что просьба Бонгарда о помилованіи не должна быть принята во вниманіе, ибо его показанія, какъ видно изъ вышеупомянутаго, были далеки отъ искренности и вызваны единственно положительными уликами. Сверхъ того, независимо отъ этихъ преступленій, въ совершеніи которыхъ рѣшительно убѣдили Бонгарда и за что онъ подлежитъ означенной судомъ карѣ, онъ оказался виновнымъ въ веденіи переписки съ выходцемъ Мирославскимъ, къ явному вреду государства, во время своего пребыванія въ предѣлахъ Царства Польскаго, а потому примѣняя къ строгости § 186 свода уголовныхъ и исправительныхъ наказаній, Бонгардъ подлежитъ отвѣтственности, наравнѣ съ подданными царства. Если же Бонгардъ, желая скрыть свои преступныя намѣренія, прибѣгнулъ къ пересылкѣ писемъ Мирославскому чрезъ посредство заграничныхъ почтамтовъ, то это свидѣтельствуетъ только о хорошо имъ обдуманномъ планѣ вѣрнѣе и безопаснѣе осуществить эти намѣренія, что не только не уменьшаетъ, но, собственно увеличиваетъ степень его виновности.

„Его Императорское Высочество намѣстникъ Царства Польскаго, конфирмуя приговоръ, милостиво повелѣть изволилъ: преступника Бонгарда, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудники на 12 лѣтъ.“ (Сѣв. Пч.)

— Дворянскіе выборы въ Подольской губерніи. — Дворянскіе выборы въ Каменцѣ были открыты начальникомъ губерніи (Рудольфомъ Ивановичемъ Браунштейгомъ) 16-го сентября. Дворяне, вмѣсто того, чтобы приступить къ исполненію прямой своей обязанности по избранію должностныхъ лицъ, занялись обсужденіемъ заранѣе приготовленнаго противузаконнаго адреса (*) Государю Императору, заставляя его подписать всѣхъ собравшихся на выборы дворянъ.

Начальникъ губерніи, узнавъ объ этомъ, старался отклонить дворянъ отъ составленія этого адреса, но, не смотря на его увѣщанія, дворяне подписали упомянутый адресъ и отправили г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Слѣдствіемъ этого было то, что, по распоряженію высшаго начальства, выборы признаны недѣйствительными и закрыты 22-го сентября. Къ вечеру того же дня почти всѣ дворяне оставили городъ.

Но дѣло тѣмъ не кончилось.

По Высочайшему повелѣнію, всѣ предводители дворянства преданы суду правительствующаго сената, и сами они лично потребованы и отправлены въ Санктпетербургъ; на мѣсто ихъ повелѣно назначить отъ короны.

На этомъ основаніи назначены и вступили въ отправленіе должностей уѣздныхъ предводителей, уѣздовъ: Ушицкаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Местмахеръ, Могилевскаго—помѣщикъ Чернышевъ, Ямпольскаго—помѣщикъ, титулярный совѣтникъ Бѣляевъ, Балтскаго—генералъ-майоръ Куликовскій, Брацлавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Абаза, Летическа-

---

(*) Отзывъ Редакціи Вѣстника на этотъ адресъ въ кн. IV сего журнала, отдѣлъ III.

го—графъ Михаилъ Марковъ, Литинскаго—генералъ-майоръ Лидерсъ, и губернскаго предводителя, графъ Ар. Ир. Марковъ.

(Рус. Инв.)

— О ЗАХВАТѢ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ТИПОГРАФІИ РЕВОЛЮЦІОННАГО ЖУРНАЛА „RUCH.“ — «Оффиціальная газета Царства Польскаго сообщаетъ, что во вторникъ 11 (23) декабря, варшавская полиція открыла и захватила типографію секретнаго журнала «Движеніе» (Ruch), издаваемаго, какъ органъ заговорщиковъ, именующихъ себя центральнымъ національнымъ комитетомъ. При этомъ арестованы также лица, принимавшія участіе въ этомъ изданіи. Арестъ воспослѣдовалъ въ минуту, когда десятый нумеръ этой публикаціи былъ уже набранъ къ печати.

СЛОВО

РУССКАГО КЪ РУССКИМЪ—ПО ПОВОДУ ГАЗЕТНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ О ВОЗМУТИТЕЛЬНЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ ПОЛЬСКИХЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

При размышленіи о всѣхъ этихъ затѣяхъ, низостяхъ, при чтеніи извѣстій объ этихъ ужасахъ, разбояхъ, вышедшихъ изъ употребленія между дикарями даже Новой Зеландіи, воображеніе поражается невѣроятною дерзостью польскихъ патріотовъ, душа кипитъ негодованіемъ къ людямъ, поправшимъ все святое: и здравый смыслъ, и исторію, и ученіе Христово и все, что составляло доселѣ различіе между животнымъ и человѣкомъ.

Чтожъ? Мы должны только пугать наше воображеніе явленіями польской злости и разнузданности, должны только портить свою кровь безплод-

нымъ негодованіемъ къ изувѣрамъ и мятежникамъ? Избави Богъ! Эти ощущенія, хотя и сильны, мало теперь принесутъ пользы, когда насъ поражаютъ оружіемъ и нравственнымъ и физическимъ,—ихъ нужно перенести изъ области теоріи въ сферу дѣлъ, примѣнить къ жизни, къ окружающимъ насъ опасностямъ. Теперь и холодное безразличіе, и апатичное безучастіе также преступны, какъ и прямая измѣна. Теперь ни одинъ русскій не смѣетъ сказать: «пускай себѣ бѣснуются, это насъ не касается!» Кто знаетъ, кто поручится, что опасность моя не сдѣлается завтра твоею, кто укажетъ черту, гдѣ остановится польское буйство и притязаніе, въ случаѣ продолженія нашего къ нимъ равнодушія! Знай, русскій—и *малый*, и *великій*, и *бѣлый*, и развитый и не развитый, и старый, и малый, что мы окружены равно коварными, равно опасными *для* всѣхъ насъ сѣтями клятвопреступниковъ, враговъ нашей вѣры и народности, спокойствія и цѣлости любезной отчизны нашей. Это ужъ не враги мои—твои, не враги извѣстной околицы, а враги дорогой намъ Россіи, нашего Батюшки Царя. Покажемъ же себя достойными той великой, той честной націи, къ семьѣ которой мы имѣемъ счастіе принадлежать. Не попустимъ врагу издѣваться безнаказанно надъ нами, топтать въ грязь наши реликвіи народныя: преданія, вѣру, народность! Да будетъ намъ стыдно, если мы позволимъ на своей землѣ, среди нашего огромнаго семейства, хозяйничать болѣе какъ дома горсти пришельцевъ или ренегатовъ, сотнямъ тунеядцевъ и демагоговъ! Да будетъ стыдно тому русскому, который замѣтитъ возлѣ себя измѣну, посягательство, затѣю и неподѣлится своимъ открытіемъ съ властію. Да покроется въ нашей исторіи вѣчнымъ безчестіемъ имя того хамелеона, того выродка земли русской, который словомъ или дѣломъ обнаружитъ сочувствіе, даже равнодушіе къ какой либо опасной для вѣры и народности нашей затѣѣ крамольниковъ. Всякъ изъ насъ зорко и поминутно долженъ осматриваться вокругъ себя, долженъ наблюдать: не пріютился ли гдѣ либо врагъ—въ панскомъ дворцѣ, въ укромной келіи, въ сельской школкѣ, въ мірской

сходкѣ (¹) въ званіи мироваго посредника, не затѣвается ли что либо на съѣздѣ шляхты, не пущена ли въ ходъ какая либо прокламація Мирославскаго, воззваніе do chłopów и другія порожденія злости къ намъ и ненависти древнихъ, какъ Россія и Польша, враговъ нашихъ. Лишь только подмѣтимъ мы эти зародыши смутъ и безурядицъ, дружно, міромъ, исторжемъ ихъ изъ среды насъ, обличимъ крамольника и предадимъ его власти и закону. Къ вамъ по преимуществу слово наше, достойные пастыри и учители народные! Вблизи вась, вдали отъ зоркихъ очей блюстителей общественнаго спокойствія, легче всего можетъ быть брошена опасная искра, ядовитый плевелъ (¹); топчите же тотчасъ первую, исторгайте съ корнемъ послѣдній. Дѣлитесь и съ властью и *съ нами* **плодами вашихъ наблюденій и усердія къ Россіи и православію, и мы собща обсудимъ дѣло, обличимъ злоумышленника, запретимъ злодѣю, разрушимъ крамолъ и затѣю. Теперь особенно докажите, что въ васъ не умерли доблести Гермогеновъ и Палициныхъ, что вы всегда были и будете главнымъ оплотомъ цѣлости и безопасности нашей народности и православія!** ***Блюдите, како опасно ходите, искупующе время, яко дніе лукави суть.***

Редакція.

— Радостное извѣстіе для нашего духовенства. — Государь Императоръ, въ Совѣтѣ министровъ, 28-го іюня сего года, утвердивъ предположеніе объ образованіи особаго присутствія изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства, высочайше повелѣть

(¹) Отсылаемъ всѣхъ нашихъ читателей, а особенно пастырей сельскихъ къ статьѣ Вѣстника: „Объясненіе одной фразы въ объявленіи" и проч., напечатанной въ IV книжкѣ, IV отдѣла, стр. 65—84, а о міровыхъ посредникахъ здѣшней страны смотри инструкцію имъ революціоннаго комитета въ Познанской Газетѣ въ нумерѣ отъ 10 (22) октября.

соизволилъ: потребовать заключенія святѣйшаго Сѵнода, не встрѣтитъ ли онъ препятствія сдѣлать учрежденіе сіе общеизвѣстнымъ. Святѣйшій Сѵнодъ, которому сообщено было объ этомъ, съ приложеніемъ проекта высочайшаго повелѣнія объ образованіи означеннаго особаго присутствія, нынѣ увѣдомилъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, что пріемля Монаршую волю относительно учрежденія сего присутствія съ чувствованіями глубочайшей признательности, святѣйшій Сѵнодъ находитъ, что если правительствомъ признано будетъ необходимымъ сдѣлать это учрежденіе общеизвѣстнымъ, то и онъ, съ своей стороны, не найдетъ уважительныхъ основаній прекословить опубликованію этой мѣры, какъ свидѣтелствующей объ отеческомъ попеченіи Его Императорскаго Величества о благѣ духовенства. По всеподданнѣйшему докладу г. министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю Императору изъясненнаго отзыва святѣйшаго Сѵнода на счетъ напечатанія текста означеннаго повелѣнія, высочайше разрѣшено это исполнить.

Въ запискѣ объ образованіи особаго присутствія для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства изъяснено: Государь Императоръ, во вниманіи къ настоятельной потребности въ большемъ обезпеченіи матеріальныхъ нуждъ православнаго духовенства въ имперіи, высочайше повелѣть соизволилъ:

„1) Составить особое присутствіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которому поручить изысканіе способовъ къ большему обезпеченію быта духовенства и между прочимъ именно:

1) Къ расширенію средствъ матеріяльнаго обезпеченія приходскаго духовенства; 2) къ увеличенію личныхъ его гражданскихъ правъ и преимуществъ; 3) къ открытію дѣтямъ священно- и церковно-служителей путей, для обезпеченія своего существованія, на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности; 4) къ открытію духовенству способовъ ближайшаго участія въ приходскихъ и сельскихъ училищахъ.

II. Всѣ постановленія сего присутствія всеподданнѣйше представлять на высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

III. Членами сего присутствія, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго быть, со стороны духовной тѣмъ же лицамъ которые, впродолженіе занятій комитета будутъ составлять присутствіе святѣйшаго Сунода, а со стороны свѣтской: генералъ-адъютанту князю Долгорукову, министру внутреннихъ дѣлъ, министру государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурору святѣйшаго Сунода и директору духовно-учебнаго управленія, статсъ-секретарю князю Урусову. Управленіе дѣлами присутствія возложить на служащихъ по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ: тайнаго совѣтника графа Толстаго и каммергера Батюшкова и служащаго по православному духовному вѣдомству, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домонтовича.

IV. Исполненіе настоящаго высочайшаго повелѣнія возложить на министра внутреннихъ дѣлъ и на оберъ-прокурора святѣйшаго Сунода по принадлежности.

V. Дѣлопроизводство по комитету предоставить въ завѣдываніе оберъ-прокурора святѣйшаго Сунода.

При семъ Государю Императору благоугодно было отозваться, что хотя предметы, поручаемые разсмотрѣнію сего присутствія, относясь исключительно къ усиленію матеріальныхъ средствъ духовенства и къ расширенію его правъ и преимуществъ въ составѣ гражданскаго вѣдомства, нисколько не касаются до внутренняго устройства самой церкви, а тѣмъ менѣе, ея святаго ученія, всегда неприкосновеннаго: со всѣмъ тѣмъ Его Величество повелѣть соизволилъ, при развитіи выше указанныхъ основаній, строго и неуклонно держаться постановленій св. церкви, дѣяній вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ.

Его Императорскому Величеству также угодно, чтобы могущія быть предоставленными православному духовенству новыя права и преимущества ни въ чемъ не стѣсняли тѣхъ, которыя присвоены духовенству другихъ исповѣданій въ Имперіи, сохраняющихъ полную независимость, законами для нихъ обезпеченную. (Сѣв. Пч.)

— Непріятное извѣстіе для польскихъ революціонеровъ. Начальникъ волынской губерніи сообщилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что со второй половины минувшаго октября мѣсяца стали являться къ нему депутаціи, съ представленіями или письмами изъ городовъ, мѣстечекъ и селеній волынской губерніи, отъ мѣщанъ-христіанъ, евреевъ, временно-обязанныхъ крестьянъ и однодворцевъ.

Въ письмахъ этихъ обществъ излагаютъ, что по-поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи и празднованія сего событія Государемъ Императоромъ, они спѣшатъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества свои вѣрноподданническія чувства и поздравленіе съ совершившимся торжествомъ, молятъ Бога о продолженіи существованія Имперіи на грядущія времена, и о здравіи и долгоденствіи Его Величества и всего августѣйшаго дома. При чемъ, въ чувствахъ благодарности къ русскимъ воинамъ, проливавшимъ кровь за отечество, многія общества представили посильную жертву въ пользу инвалиднаго капитала.

Депутаціи отъ обществъ продолжаются до сего времени, а изъ отдаленныхъ уѣздовъ письма получаются по почтѣ; крестьяне государственныхъ имуществъ представляютъ подобныя же письма управляющему волынскою палатою.

Какъ выраженіе вѣрноподданнической преданности преобладающаго въ волынской губерніи православнаго населенія, приводится здѣсь выписка изъ одного изъ представленныхъ обществами начальнику губерніи писемъ. Въ письмѣ андрушовецкой волости временно-обязанныхъ крестьянъ, значится: „Преданность Государю Императору завѣщана намъ нашими праотцами: но будучи подвластными, мы слагали ее только въ сердцахъ нашихъ. Нынѣ же, по освобожденіи насъ отъ крѣпостной зависимости, мы въ перьый разъ можемъ непосредственно высказать, что, не смотря на многолѣтнія бѣдствія, претерпѣнныя въ нашемъ краѣ православнымъ народомъ, мы сохранили завѣтъ нашей православной вѣры, вынесли на свѣтъ божій неповрежденную русскую народность и нашу вѣрность православнымъ Всероссійскимъ Государямъ. Наши предки передали намъ, что нашъ край былъ началомъ, колыбелью православнаго русскаго царства, что нашею пер-

вою столицею былъ г. Кіевъ, гдѣ мы приняли православную вѣру и гдѣ понынѣ почиваютъ мощи нашихъ православныхъ великихъ князей, митрополитовъ и угодниковъ божіихъ. И такъ, торжество Россіи есть торжество наше.“

Начальники уѣздныхъ полицій доносятъ также о празднествахъ крестьянъ, по случаю тысячелѣтія, во многихъ селахъ и деревняхъ, причемъ совершалось торжественное богослуженіе о здравіи Государя Императора; мѣстные священники говорили приличныя сему случаю проповѣди. Крестьяне м. Западинецъ, въ память празднованія, соорудили часовню, гдѣ помѣстили иконы: св. чудотворца Николая, св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго и св. Маріи, съ неугасимою лампадою.

Начальникъ губерніи приписываетъ общее настроеніе къ представленію вышеупомянутыхъ писемъ желанію заявить такимъ образомъ протестъ противъ стремленій, выраженныхъ въ противузаконномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи подольскаго дворянства, состоявшемся на послѣднихъ выборахъ.

Число обществъ и волостей, депутаціями коихъ представлены адресы на имя начальника волынской губерніи, простирается до 67.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ таковаго выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ со стороны городскаго и сельскаго сословій волынской губерніи, благоволивъ признать подобныя проявленія православнаго русскаго кореннаго населенія края весьма утѣшительными, всемилостивѣйше соизволилъ изъявить разрѣшеніе на принятіе денегъ, жертвуемыхъ тѣми сословіями въ пользу инвалидовъ (до сихъ поръ поступило 409 руб.) и объявить, чрезъ начальника губерніи, монаршее Его Величества благоволеніе обществамъ и волостямъ, представившимъ означенныя письма и сдѣлавшимъ денежное пожертвованіе въ пользу инвалиднаго капитала.

— Краткая замѣтка объ одномъ предложеніи въ государственномъ совѣтѣ Царства польскаго ксендза Маерчака.— Въ № 255 С.-петербургскихъ вѣдомостей напечатано,

что въ государственномъ совѣтѣ въ Варшавѣ слушано 5 предложеній ксендза Маерчака, между которыми достойно вниманія особенно послѣднее: **Объ исходатайствованіи разрѣшенія присылать греко-уніатскихъ семинаристовъ, для дальнѣйшаго образованія въ варшавскую духовную римско-католическую семинарію.**

Подобное требованіе неправильно: оно показываетъ и непониманіе смысла уніи, какъ соединенія, а не подчиненія, и неуваженіе правъ греко-уніатской церкви.

Православное духовенство русское, въ областяхъ, которыя нынѣ входятъ въ составъ царства польскаго, вступило въ единеніе съ римскою церковію только на основаніи двухъ принятыхъ имъ пунктовъ вѣроученія римскаго, а именно, ученія о главенствѣ папы и объ исхожденіи св. Духа **и отъ Сына**; но все остальное ученіе, равно какъ и обряды должны были оставаться неизмѣнными; точно также и по управленію, оно, подчиняясь папѣ, этимъ нисколько не обязывалось подчиняться духовенству римско-католическому. По этому требованіе Маерчака крайне неосновательно. За духовенствомъ греко-уніатскимъ русскимъ въ царствѣ польскомъ остается полное, ненарушимое право на образованіе самостоятельное, независимое отъ всякаго вмѣшательства духовенства римско-католическаго. Греко-уніатское духовенство чрезъ своихъ епископовъ даетъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ только папѣ и общей центральной власти въ Царствѣ.

Маерчакъ забываетъ, что и папы неоднократно высказывали, что хотя всѣ въ церкви римской **католики** (catholici), но не всѣ **римляне** (Romani). Это ясно показываетъ, что требовать, чтобы уніатскіе русскіе семинаристы обучались въ римско-католическихъ семинаріяхъ, значитъ или не понимать смысла уніи, или скрывая этотъ смыслъ, подъ предлогомъ его вводить не унію, а подчиненіе духовенства уніатскаго и всего его образованія римско-католическому духовенству.

Подобное порабощеніе уніатской церкви и уніатскаго духовенства римскому, уже однажды было допущено симъ послѣднимъ; но тогда оно было плодомъ простодушной довѣрчивости и имѣло гибельныя для него же послѣдствія; оно было совершенно подавлено и уничижено. Теперь греко-уніатское духовенство должно

бы понять свои прежнія ошибки и умѣть сохранить какъ независимость своего управленія, такъ и независимость своего образованія отъ духовенства римскаго.

По нашему мнѣнію, уніатское духовенство царства польскаго должно бы не только удержать самостоятельность своего образованія, но и какъ можно лучше знакомиться съ православною русскою литературою. Это знакомство хотя сколько нибудь поддержало бы въ нихъ ту народность, которою русины, съ принятіемъ уніи, стали пренебрегать въ угоду неосновательнымъ претензіямъ католическаго духовенства. Смѣшно же, допустивши унію подъ условіемъ принятія двухъ вышеупомянутыхъ пунктовъ, чуждаться до такой степени нынѣшней духовной литературы той самой церкви, отъ которой отдѣлились уніаты. А нынѣшняя духовная русская литература (особенно духовные журналы) могла бы быть уніатскимъ семинаристамъ очень полезна. Читаютъ же воспитанники нашихъ духовно-учебныхъ заведеній сочиненія какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ богослововъ.

Не забудемъ, что требованіе Маерчака сдѣлано въ той странѣ, которая непремѣнно хочетъ увѣрить Европу въ необыкновенной своей вѣротерпимости.

— Мнѣніе ольмюцкой газеты «Гвезда», что только одинъ русскій языкъ можетъ быть языкомъ обще-славянскимъ. — Выходящій въ Ольмюцѣ журналъ „Гвезда“ сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ предисловія къ рубрикѣ „Сборникъ“ въ первомъ выпускѣ „Лѣтописи“ (Zeitschrift), издаваемой въ Бауценѣ I. Е. Смолеромъ (стр. 43). Въ означенномъ мѣстѣ именно сказано, что предварительно нельзя указать возможности возвести о д и н ъ изъ шести славянскихъ письменныхъ діалектовъ въ нарѣчіе, на которомъ писали бы всѣ славяне,— но что не невозможно одно изъ двухъ нынѣ употребительныхъ славянскихъ письменъ (кириловское или латинское) возвести на степень общаго для всѣхъ славянъ письменнаго алфавита. Но замѣчаніе „Гвезды,“ подписанное Прокопомъ Клетенскимъ, высказываетъ слѣдующее:

„Что касается до насъ, славяно-чеховъ, то между нами наиболѣе распространено мнѣніе, что какъ **одинъ** славянскій **діалектъ** не можетъ стать общимъ славянскимъ письменнымъ языкомъ, такъ и славяне не могутъ согласиться на принятіе **одного письменнаго алфавита.** Что такое соглашеніе невозможно, по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока оно на самомъ дѣлѣ могло бы помочь намъ въ нашихъ отношеніяхъ,—основанія для этого скоро найдетъ всякій, немного подумавъ объ этомъ.

У насъ именно господствующее убѣжденіе, что, по отношенію къ пониманію славянъ другъ другомъ, къ ихъ литературной или другой какой общительности, нѣтъ необходимости ни въ одномъ общемъ письменномъ языкѣ, ни въ одномъ только общемъ алфавитѣ, чтобы образованные классы всѣхъ славянскихъ племенъ постарались усвоить, кромѣ своего роднаго языка, какой нибудь славянскій діалектъ, посредствомъ котораго они не только могли бы объясняться съ образованными людьми всѣхъ славянскихъ націй, но и установить духовную общительность въ возможно большей степени. Кратко сказать, не нужны ни общій славянскій письменный языкъ, ни общій славянскій алфавитъ, чтобы у всѣхъ славянъ **одинъ** діалектъ былъ признанъ, такъ сказать, за **„дипломатическое“** нарѣчіе. Если сообразимъ, что на самомъ дѣлѣ есть такіе языки, посредствомъ которыхъ славяне объясняются между собою, и что эти языки для славянъ—**чуждые,** какъ напр. нѣмецкій, французскій и т. д., то мы поистинѣ не понимаемъ, отчего же не долженъ быть принятъ лучше какой нибудь славянскій діалектъ, какъ общее славянское средство для объясненія.

Какія произошли бы отъ этого выгоды, нельзя напередъ исчислить.

Къ тому же Челяковскій уже увѣрялъ, что всякій образованный славянинъ можетъ изучить любой славянскій діалектъ въ четверть года. Отчего же бы намъ не избрать скорѣе какой нибудь славянскій діалектъ, чтобы посредствомъ его намъ всѣмъ объясняться, чѣмъ прибѣгать для этого всегда къ языкамъ чуждымъ?!

А какой славянскій языкъ всѣхъ пригоднѣе для этого, на счетъ этого у насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такой

языкъ, по всей справедливости—**языкъ русскій.** Прежде всего въ пользу этого языка—великое политическое могущество народа, говорящаго имъ, равно распространенность и многочисленность этого народа.

За тѣмъ и то, что русскій языкъ уже на самомъ дѣлѣ получилъ самый широкій ходъ между образованными славянами, что особенно замѣтно у южныхъ славянъ. Это главнымъ образомъ внѣшнія основанія.

Кромѣ этого, русскій языкъ и самъ по себѣ стоитъ ближе ко всякому порознь славянскому діалекту ([1]), чѣмъ какой бы то ни было изъ нихъ вообще, и этимъ самымъ образуетъ естественную средину между всѣми славянскими діалектами. При томъ же русскій языкъ уже всесторонне образованъ, и больше выработанъ чѣмъ всѣ остальные славянскіе діалекты, а также онъ легокъ для выговора и пріятенъ для слуха. Наконецъ и литература его произведеніями по всѣмъ вѣтвямъ человѣческихъ знаній, едва-ли не богаче всѣхъ славянскихъ литературъ въ сложности, не исключая и польской.

По всѣмъ этимъ основаніямъ мы рекомендуемъ нашимъ образованнымъ молодымъ людямъ изучать этотъ языкъ самымъ тщательнымъ образомъ, ибо мы надѣемся, что такимъ путемъ можемъ приблизиться къ прекрасному идеалу, который носится въ сердцѣ всякого пробужденнаго славянина. Значеніе этого идеала: **духовная общительность** всѣхъ славянскихъ племенъ.“

Мы ничего не можемъ прибавить къ этому, кромѣ искренняго желанія, чтобы предложеніе „Гвезды“ могло найти всеобщее одобреніе.

(Zeitschrift für slav. Litt. etc. 1862. 1 B. 2 Heft. 122—125 pag.)

([1]) Потому, что изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только одинъ русскій народъ не подвергался вліянію, относительно языка, чужестранныхъ народовъ.

ПРОФЕССОРЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ВЕНЕДИКТЪ ПАВЛОВИЧЪ
ЧЕХОВИЧЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

20-го Ноября сего года во 2-мъ часу по полудни, неожиданно скончался на 59-мъ году жизни ординарный профессоръ кіевской духовной академіи, членъ кіевскаго духовнаго цензурнаго комитета, которому была поручена преимущественно цензура „Вѣстника югозападной и западной Россіи", статскій совѣтникъ Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ.

Мы знаемъ, что его имя, также какъ и имена большинства труженниковъ науки, за исключеніемъ особенныхъ избранниковъ или счастливцевъ, не имѣло громкой извѣстности; мы считаемъ излишнимъ—выставлять въ идеальномъ свѣтѣ чью бы то ни было жизнь потому только, что покойника уже нѣтъ и что, по древней поговоркѣ, de mortuis aut bene, aut nihil. Во всякомъ случаѣ полагаемъ, что многимъ изъ нашихъ читателей, помнящимъ покойнаго по 35-лѣтней службѣ его при кіевской духовной академіи, 9-лѣтней службѣ при университетѣ св. Владиміра и 8-лѣтней при кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, не говоря уже о тѣхъ, кто имѣлъ удовольствіе знать покойника по частнымъ сношеніямъ, будетъ пріятно привести себѣ на память хотя нѣкоторыя черты изъ жизни покойнаго.

Воспоминанія о всякомъ знакомомъ намъ покойникѣ невольно возбуждаютъ множество самыхъ разнородныхъ мыслей. При первой вѣсти о смерти человѣка намъ близкаго приходитъ на

мысль и его личная судьба, его жизнь внѣшняя и внутренняя, и его положеніе и отношеніе общественныя и общія соображенія о значеніи и назначеніи человѣка. Но понимая, что личныя впечатлѣнія пишущаго не могутъ имѣть равнаго интересса для всѣхъ читателей—мы ограничимся здѣсь только самыми краткими свѣдѣніями о жизни покойнаго профессора и впечатлѣніи произведенномъ его смертію на кругъ людей почему нибудь къ нему близкихъ.

Отецъ Венедикта Павловича Чеховича, родившагося въ 1804 г., былъ священникъ села Лаврова луцкаго уѣзда волынской губ. Къ крайнему сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о его дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи. Оставшіеся послѣ его смерти дальніе родственники и земляки не могли помочь нашему незнанію. Не трудно впрочемъ представить себѣ жизнь православнаго священника и его семейства, среди бѣднаго, угнетеннаго православнаго населенія, при господствѣ иновѣрцевъ, нерасположенныхъ къ русскимъ и смотрѣвшихъ на священниковъ, какъ на воплощенныя препятствія къ распространенію католической пропаганды. Жизнь эта представляла мало отраднаго. Нужно было много твердости духа и усилій, быть можетъ, самыхъ напряженныхъ, чтобы среди постоянной нужды, среди притѣсненій тайныхъ и явныхъ, священникъ могъ удержаться въ достойномъ его положеніи, тѣмъ болѣе, чтобы онъ могъ дать надлежащее образованіе своимъ дѣтямъ, сопряженное съ многими, немыслимыми теперь затрудненіями. И однакоже о. Павелъ, судя по послѣдующимъ успѣхамъ сына, съумѣлъ дать ему прочное домашнее воспитаніе, провести его чрезъ первоначальную школу и помѣстить и содержать въ острожской духовной семинаріи, куда Венедиктъ Павловичъ поступилъ 13-ти лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ и въ настоящее время рѣдкій поступаетъ въ 1-й классъ семинаріи, соотвѣтствующій 5-му классу гимназіи, а по числу лѣтъ предварительнаго ученія далеко превосходящій его, а въ то время, о которомъ мы говоримъ, многіе въ этихъ лѣтахъ только начинали первоначальное обученіе.

Шесть лѣтъ обычнаго семинарскаго ученія молодой питомецъ семинаріи радовалъ и порой изумлялъ всѣхъ отличными ус-

пѣхами, что видно и изъ его ученическаго свидѣтельства, въ которомъ значится, что онъ обучался нѣмецкому и французскому языкамъ, тогда какъ въ духовныхъ училищахъ обыкновенно представляется на выборъ обученіе одному изъ нихъ. О знаніи имъ польскаго языка нечего и говорить. Въ то время этотъ языкъ былъ и для православныхъ священниковъ почти природнымъ языкомъ, а знаніе въ совершенствѣ латинскаго языка составляло также потребность существенную стариннаго духовнаго образованія. Наконецъ, не напрасно значится въ ученическомъ свидѣтельствѣ Венедикта Павловича и знаніе еврейскаго языка. Мы имѣли случай съ удивленіемъ видѣть, что человѣкъ, 35 лѣтъ тому назадъ учившійся этому языку и, вѣроятно забывшій его на половину, могъ не только читать, но и понимать болѣе легкія мѣста въ еврейскихъ св. книгахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что занятія другими предметами семинарскаго образованія шли если не выше, то по крайней мѣрѣ въ уровень съ изученіемъ языковъ. Послѣ этого неудивительно, что 19-лѣтній ученикъ острожской семинаріи Венедиктъ Чеховичъ, въ числѣ двухъ или трехъ другихъ товарищей, былъ назначенъ мѣстнымъ училищнымъ начальствомъ для поступленія въ кіевскую духовную академію, незадолго предъ тѣмъ получившую свое настоящее преобразованіе.

По окончаніи обычнаго четырехлѣтняго академическаго курса, В. П., какъ отличнѣйшій студентъ и лучшій знатокъ математики, былъ оставленъ при академіи въ качествѣ баккалавра, (адъюнктъ-профессора) математическихъ наукъ. Стоитъ замѣтить, что и въ то время, когда чрезвычайная ограниченность содержанія наставниковъ академіи побуждала одного наставника преподавать два, нерѣдко разнородные, предмета, за которые давалось конечно, и двойное содержаніе, В. П. оставался отъ начала и до конца своей службы преподавателемъ одного и того же предмета. Что даетъ намъ право заключить съ одной стороны о его желаніи достигнуть, путемъ самоусовершенія, возможно большей спеціальности по части преподаваемаго имъ предмета съ другой стороны о его безкорыстіи, умѣніи довольствоваться малымъ, а равно и желаніи его сохранить какъ можно болѣе свободнаго отъ офиціальныхъ занятій времени для того, чтобы на досугѣ могъ

свободно употреблять свое время, сообразно съ своимъ личнымъ вкусомъ.

Въ началѣ его службы академія имѣла то завидное преимущество передъ нынѣшнимъ своимъ положеніемъ, что она была въ Кіевѣ единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и потому вниманіе начальства при всѣхъ случаяхъ сколько нибудь выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ порученій, обращалось къ наставникамъ академіи. Такъ, между прочимъ, послѣ смутной для здѣшняго края эпохи 1830 года, когда въ Кіевѣ учреждена была комиссія для разбора дѣлъ польскихъ мятежниковъ, В. П. Чеховичъ съ другимъ, тогда только что поступившимъ на службу, баккалавромъ академіи, былъ приглашенъ къ участію въ занятіяхъ комиссіи, въ качествѣ переводчика польскихъ бумагъ. Такой выборъ палъ на покойнаго какъ потому, что онъ зналъ въ совершенствѣ польскій языкъ, такъ и потому, что это занятіе требовало политическаго благоразумія и безкорыстія, которыми по преимуществу отличаются наставники духовно-учебнаго вѣдомства. Эти занятія продолжались съ небольшимъ промежуткомъ 4 года—съ іюля 1831 года, по февраль 1835.

Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на этомъ времени службы покойнаго Чеховича между прочимъ потому, что онъ счастливо избѣжалъ искушенія перемѣнить родъ своей службы, тогда какъ знакомство его съ многими вліятельными лицами военнаго и высшаго мѣстнаго гражданскаго управленія представляло ему, при его дѣятельности и образованности, удобный къ тому случай. Мы знаемъ, что его родные, хотя и уважали академію и ученую службу при ней, хорошо понимали всю матеріальную несостоятельность этой службы и не разъ совѣтовали ему воспользоваться этимъ случаемъ. Только привязанность къ мѣсту воспитанія и ученымъ занятіямъ могла удерживать В. П. на избранномъ однажды поприщѣ.

Что дѣйствительно одна только эта привязанность могла удерживать В. П. на духовно-училищной службѣ, это можно понять и изъ того, что онъ еще въ 1833 г. отказался отъ принятія духовнаго сана, уволившись изъ духовнаго званія. Съ этимъ увольненіемъ у насъ сопровождается не только лишеніе ежегод-

наго пансіона по ученой степени, но и чувствительная для небогатаго педагога плата за 4 чина, доступные профессору академіи (отъ коллежскаго ассесора до статскаго совѣтника). По этому нужно предположить важныя причины, побудившія покойника рѣшиться на перемѣну званія. Его увольненіе изъ духовнаго званія памятно между прочимъ и потому, что по этому поводу состоялось строгое постановленіе комиссіи духовныхъ училищъ (въ предписаніи отъ 20 марта 1833 г. № 626), которымъ поставлялось въ обязанность начальству академіи „стараться, при выпускѣ изъ академіи воспитанниковъ, узнавать истинное расположеніе ихъ къ принятію духовнаго сана.“ Впрочемъ это замѣчаніе, сдѣланное по поводу увольненія В. П., не имѣло вреднаго вліянія на дальнѣйшую службу его. Въ слѣдующемъ же году онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора физико-математическихъ наукъ. Этимъ онъ въ молодыхъ лѣтахъ достигалъ не только высшаго званія, какое доступно въ академіи лицамъ, не имѣющимъ духовнаго сана, но и пріобрѣталъ болѣе средствъ къ жизни, такъ какъ съ этого времени окладъ жалованья его увеличивался вдвое.

Скоро, открытіе въ Кіевѣ университета представило новое поприще дѣятельности В. П. Въ 1837 г. онъ былъ приглашенъ преподавать физику въ университетѣ и завѣдывать физическимъ кабинетомъ университета. Кажется, эта пора службы В. П. была самою дѣятельною и многотрудною. Продолжая занятія въ академіи и университетѣ, онъ имѣлъ нѣсколько уроковъ и въ частныхъ женскихъ пансіонахъ. Сверхъ того, въ 1838 г. онъ снова былъ приглашенъ къ участію въ занятіяхъ секретной комиссіи, учрежденной въ Кіевѣ для изслѣдованія о тайныхъ обществахъ. Эти усиленныя занятія продолжались болѣе года, отъ 12 ноября 1838 г. до 1 января 1840 г. и только небольшой промежутокъ времени закрытія университета облегчилъ труды дѣятельнаго профессора. Но немедленно по открытіи лекцій тъ университетѣ съ 17 августа 1839 г., онъ снова получилъ лестное приглашеніе занять туже каѳедру. Онъ оставался преподавателемъ физики и физической географіи до 1846 г., когда университетъ нашелъ, наконецъ, возможность имѣть своего штатнаго профессора. Съ от-

крытіемъ института благородныхъ дѣвицъ въ 1842 г., ему же предложено было и здѣсь занять каѳедру физики. Такимъ образомъ его время дѣлилось между тремя высшими учебными заведеніями и вездѣ съ отличіемъ и одобреніемъ. Нѣкоторый отдыхъ отъ этихъ трудныхъ занятій онъ дозволилъ себѣ только, отказавшись отъ преподаванія въ институтѣ съ 10-го сентября 1850 г. до іюня 1853 г., не имѣя въ это время никакой другой обязанности кромѣ профессорской въ академіи. Но извѣстная всѣмъ его дѣятельность и неутомимость, побудила начальство академіи пригласить его занять, сверхъ профессорской, не легкую должность секретаря внутренняго правленія академіи. Впрочемъ канцелярскія занятія не соотвѣтствовали его живой натурѣ, и лишь только онъ получилъ приглашеніе вступить въ качествѣ дѣйствительнаго члена въ учрежденную въ 1857 г. при кіевскомъ университетѣ коммиссію для описанія губерній кіевскаго университетскаго округа, отказался отъ должности секретаря правленія академіи, оставивъ за собою только должность секретаря кіевскаго духовнаго цензурнаго комитета. Послѣднимъ трудомъ его и послѣднею заслугою обществу было принятіе на себя должности цензора въ кіевскомъ духовномъ цензурномъ комитетѣ. Уже года три умноженіе духовныхъ изданій въ Кіевѣ заставляло чувствовать потребность въ увеличеніи числа членовъ цензурнаго комитета, которые по существующему порядку несутъ свою нелегкую обязанность безмездно, не освобождаясь отъ другихъ прямыхъ своихъ должностей; но съ нынѣшняго года съ началомъ изданія „Вѣстника югозападной и западной Россіи“, по самому роду статей, помѣщаемыхъ въ немъ, эта потребность сдѣлалась настоятельнѣе. Нуженъ былъ человѣкъ опытный, знающій языки, на которыхъ писаны акты, могущіе входить въ составъ этого журнала, человѣкъ знакомый съ исторіею и интересами края,—и единогласный выборъ членовъ конференціи кіевской академіи палъ на В. П. Только настоятельныя просьбы товарищей могли убѣдить утомленнаго уже и трудами служебными и невзгодами жизни В. П. согласиться на этотъ выборъ. Но съ того времени, какъ послѣдовало утвержденіе св. Сѵнода на представленіе конференціи, онъ дѣятельно занялся своею новою обязанностію. Въ самый день

смерти своей онъ прочитывалъ еще послѣдніе листы ноябрьской книжки журнала, порученнаго его цензурѣ.

Таковъ очеркъ служебной дѣятельности покойнаго Чеховича. Но если и въ жизни каждаго чиновника не вся его дѣятельность поглощается исполненіемъ служебныхъ обязанностей, не все высказывается въ переченѣ разныхъ должностей, проходимыхъ имъ; то тѣмъ болѣе перечисленіе ихъ не можетъ дать полнаго понятія о жизни покойнаго В. П. Къ сожалѣнію и скорость времени, въ которое мы должны представить немногія свѣдѣнія о покойникѣ и извѣстная его скромность къ несчастію не позволяютъ намъ дать полнаго отчета о его литературной дѣятельности. Знаемъ только, что по общей обязанности всѣхъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, состоящихъ въ духовномъ званіи, онъ въ первые годы своей службы произнесъ нѣсколько проповѣдей въ церкви. Судя по общему строю тогдашней академіи, славившейся нѣсколькими замѣчательными проповѣдниками, слушать которыхъ сходился едва не весь православный Кіевъ, можемъ думать, что молодой профессоръ, отличавшійся на другихъ поприщахъ, не рѣшился бы выходить на каѳедру проповѣдника, не имѣя увѣренности, что его проповѣди занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду произведеній лучшихъ академическихъ проповѣдниковъ. Между прочимъ воспоминаніе объ этой обязанности приводитъ намъ на память одинъ анекдотъ, слышанный отъ самаго В. П.: Въ ту пору, когда его занятія въ коммиссіи послѣ 1831 года доставили ему многихъ знакомыхъ между военною молодежью, ему однажды пришлось произносить одну изъ очередныхъ проповѣдей. Молва объ этомъ скоро распространилась между его знакомыми и въ назначенный день въ церкви Братскаго монастыря явилось нѣсколько небывалыхъ посѣтителей, какъ видно мало знакомыхъ съ церковностію. Зная, что В. П. состоитъ въ государственной службѣ, видя его ежедневно въ свѣтскомъ платьѣ, они не могли представить себѣ, чтобъ онъ не имѣлъ какого нибудь опредѣленнаго мундира. И потому увидѣвъ проповѣдника въ блестящемъ стихарѣ, они приняли церковную одежду за мундиръ службы своего знакомаго. На другой день при встрѣчѣ съ нѣкоторыми изъ этихъ знатоковъ всевозможныхъ униформъ,

кромѣ церковной, В. П. стоило не малаго труда объяснить имъ, что они видѣли на немъ не профессорскій академическій мундиръ, а церковную одежду, которая имѣетъ особенное значеніе и назначеніе.

Далѣе мы знаемъ по преданію, что съ начала изданія одного изъ старшихъ русскихъ духовныхъ журналовъ „Воскреснаго чтенія", В. П. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ, въ лучшую пору его существованія. Но какія именно статьи здѣсь принадлежали ему, этого указать нельзя, по извѣстному обычаю нашихъ духовныхъ журналовъ того времени, когда всѣ статьи, за исключеніемъ архіерейскихъ проповѣдей, являлись въ печати безъ подписи имени автора.

Капитальнымъ трудомъ его молодыхъ лѣтъ можно назвать изданіе частію въ его переводѣ, частію подъ его редакціею, извѣстной въ свое время Веберовой книги „Динамика вещества." Теперь послѣ стольких усовершенствованій и открытій въ области физики, поздно говорить о достоинствѣ этого труда. Но въ свое время онъ имѣлъ немалое значеніе и, конечно, не безъ причины былъ переводимъ профессоромъ физики въ академіи и университетѣ. Этотъ переводъ былъ изданъ въ 1838 г.

Но особенно памятны для сослуживцевъ покойнаго послѣдніе труды его. Превосходное знаніе имъ латинскаго языка заставило общество профессоровъ академіи обратиться къ нему съ просьбою принять на себя редакцію переводовъ Твореній западныхъ отцевъ церкви, издаваемыхъ по порученію св. Сгнода въ „Трудахъ кіевской д. академіи." Нужно сказать, что въ 1861 г. В. П. былъ по большей части не только редакторомъ этой части „Трудовъ", но и переводчикомъ. О достоинствѣ этихъ переводовъ можетъ судить всякій знакомый съ трудностями языка св. Кипріана, творенія котораго переводились въ этомъ журналѣ.

Цѣнили труды и дѣятельность Чеховича его сослуживцы во всѣхъ мѣстахъ его службы; не менѣе цѣнило ихъ и начальство. Изъ сравненія его послужнаго списка съ списками другихъ, старѣйшихъ его сослуживцевъ, нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи онъ былъ счастливѣе многихъ своихъ товарищей. Первую награду за службу—назначеніе квартирнаго пособія—онъ полу-

чилъ почти немедленно по выслугѣ узаконенныхъ 4-хъ лѣтъ, тогда какъ его сослуживцы, старшіе по службѣ, рѣшились просить о назначеніи имъ такаго пособія только черезъ семь, восемь лѣтъ. И послѣ, не говоря о чинахъ, которые служатъ не столько наградою, сколько бременемъ для удаляющихся въ свѣтское званіе наставниковъ духовно-учебнаго вѣдомства, В. Павловичъ имѣлъ возможность своимъ усердіемъ заслужить, въ теченіи 35 лѣтъ, четыре денежныхъ награды полнымъ годовымъ окладомъ жалованья; два подарка изъ Высочайшаго кабинета, одобреніе комиссіи духовныхъ училищъ; двукратно благословеніе св. Сvнода, одобреніе начальства за преподаваніе въ университетѣ и благодарность министра народнаго просвѣщенія; ордена: Анны 3-й, Станислава 2-й, Анны 2-й ст. и пряжки за 30-лѣтнюю безпорочную службу. Наконецъ въ послѣдніе дни жизни онъ былъ утѣшенъ ходатайствомъ академическаго начальства о награжденіи его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Нужно сказать, что это ходатайство принято было съ единодушнымъ удовольствіемъ всѣхъ сослуживцевъ, тѣмъ болѣе, что это былъ бы только второй примѣръ существованія дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ духовной академіи, тогда какъ служащихъ десятки лѣтъ въ чинѣ статскаго совѣтника и теперь найдутся десятки.

Нашъ предполагавшійся краткій очеркъ о жизни и заслугахъ покойнаго становится довольно длиннымъ. Стараясь сократить его, мы скажемъ только, что не смотря на завидное положеніе его, какъ члена общества, его положеніе какъ человѣка было далеко не такъ завидно. Супружество его первоначально встрѣтившее нѣкоторыя препятствія, побѣжденныя твердостію воли, увѣнчалось многочисленнымъ семействомъ, хоть радовавшимъ, но въ тоже время и бременившимъ покойника, по недостаточности средствъ. Семейная жизнь, по взгляду постороннихъ, доставляла ему не мало горя. Сперва рожденіе двухъ болѣзненныхъ дѣтей, потомъ разнообразное воспитаніе здоровыхъ, продолжительная болѣзнь и преждевременная смерть жены, оставившей на единственномъ его попеченіи непристроенныхъ пять сыновей и двухъ дочерей, все это тяжелымъ бременемъ должно было ложиться на впечатлительную хоть и бодрую душу покойника. Только въ по-

слѣдніе годы жизни онъ былъ утѣшенъ, видя устройство судьбы нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей. Свиданія съ двумя изъ нихъ, какъ самъ онъ говорилъ, онъ ожидалъ со дня на день. Говорить объ этомъ предметѣ болѣе мы не имѣемъ права.

Конецъ заслугамъ и радостямъ и горю смерть. Никѣмъ неожиданная смерть Венедикта Павловича, лишеннаго послѣдняго утѣшенія видѣть при себѣ дѣтей, кромѣ единственной дочери, жившей при покойникѣ, произвела какое-то невыразимо грустное впечатлѣніе на всѣхъ товарищей его. Не смотря на то, что въ послѣдніе годы, по отдаленности своего дома отъ академіи, В. П. долженъ былъ нѣсколько отдалиться и отъ тѣснаго кружка своихъ сослуживцевъ, его по прежнему любили и уважали товарищи, которые всѣ были или его учениками, или учились при немъ въ академіи. Его опытность и живость соображенія заставляла многихъ обращаться къ нему за совѣтами, и его мнѣніями нетолько въ дѣлахъ служебныхъ, но и въ частныхъ, и потому понятно, что люди, стоявшіе къ нему въ такихъ отношеніяхъ, первую вѣсть о смерти его приняли какъ что-то невозможное, тѣмъ болѣе, что многіе еще за день до его кончины видѣли его въ своемъ обществѣ, хотя немного грустнымъ, но какъ всегда занимательнымъ въ разговорахъ. И вотъ вдругъ, безъ всякаго подготовленія, почувствовался замѣтный пробѣлъ въ кружкѣ академическомъ. Большая часть наставниковъ академіи не условливаясь между собою, по одному только сердечному влеченію, въ тотъ же день собрались въ домъ покойника поклониться его останкамъ и выразить свое глубокое сочувствіе къ горю дочери—единственной свидѣтельницы смерти любимаго отца. За тѣмъ общество наставниковъ единодушно положило въ знакъ своего уваженія къ памяти покойнаго, сколько можно облегчить и нравственныя и матеріальныя затрудненія соединенныя съ погребеніемъ почти одинокаго покойника. Въ этомъ добромъ дѣлѣ приняли участіе и нѣкоторыя лица постороннія кружку наставниковъ академіи.

На другой день 21 ноября, въ 5 часовъ вечера, въ домъ покойника собралась значительная часть кіевскаго духовенства для выноса его тѣла въ церковь Братскаго монастыря. 22 числа послѣ литургіи, совершенной преосвященнымъ Серафимомъ, еписко-

номъ чигиринскимъ, викаріемъ кіевскаго митрополита, началось послѣднее отпѣваніе покойника, въ которомъ участвовали почти всѣ священники, получившіе образованіе въ академіи. Прекрасная проповѣдь, сказанная во время литургіи профессоромъ Пѣвницкимъ и три рѣчи во время отпѣванія, произнесенныя баккалавромъ Лебединцевымъ и студентами Палицынымъ и Лисицынымъ, разъяснили многочисленному обществу, собравшемуся къ печальной церемоніи и общее значеніе смерти христіанина, честно исполнявшаго свои обязанности, и личное значеніе покойника. Въ рѣчахъ произнесенныхъ студентами нельзя не видѣть глубокой грусти неожиданно потерявшихъ одного изъ самыхъ любимыхъ своихъ наставниковъ. И мы знаемъ, что эти слова были сказаны не по заказу; онѣ вылились прямо изъ души.

Никогда такъ живо не проявляется сочувствіе нѣкоторой части жителей Кіева къ академіи, какъ въ дни погребенія кого бы то ни было изъ лицъ принадлежащихъ къ академическому обществу. Не говоря о множествѣ присутствовавшихъ въ церкви, сотни лицъ провожаютъ почившаго до самой могилы. Смѣло можемъ сказать, что не одно праздное любопытство заставляетъ народъ принимать участіе въ этихъ печальныхъ торжествахъ. Нѣтъ, въ этомъ общемъ участіи къ скорби академіи мы видимъ пробужденіе того живаго сочувствія, какое въ старину связывало православныхъ жителей Кіева съ древнѣйшимъ русскимъ училищемъ.

Да, подобное чувство живой связи, которая нѣкогда существовала между обществомъ и училищемъ, невольно пробуждается въ то время, когда разрозненныя жизнь и школа становятся въ уровень своими дѣйствительными и возможными потерями. Сопровождавшіе покойника до послѣдняго жилища его, невольно обращали вниманіе на подвигъ одного глубокаго старца—архимандрита, который не смотря на суровость погоды и долгій утомительный путь на кладбищенскую гору, послѣ продолжительной литургіи и церковнаго отпѣванія, участвовалъ до конца въ духовной процессіи, сопровождавшей гробъ. И когда сослуживцы почившаго изъявляли ему свою благодарность за такое вниманіе къ ихъ общей скорби, онъ, оставшійся въ живыхъ въ числѣ очень

немногихъ воспитанниковъ старинной кіев. академіи, отвѣчалъ, что этимъ онъ только выразилъ возможное съ его стороны свидѣтельство уваженія къ почившему и другимъ представителямъ академіи (а изъ этихъ представителей иные могли бы быть его правнуками).

Плодотворна была жизнь достопочтеннаго Венедикта Павловича, небезплодна осталась, какъ намъ кажется, и его смерть, по крайней мѣрѣ въ кругу близкихъ къ нему людей. Много вопросовъ и общихъ и частныхъ вызвала она. Мы знаемъ, что эти вопросы даютъ свой плодъ рано или поздно. А между ними не послѣднее мѣсто занимаетъ единодушное предположеніе объ учрежденіи братства взаимнаго обезпеченія въ затруднительныхъ обстоятельствахъ наставниковъ кіевскихъ духовно-учебныхъ заведеній и духовенства кіевской епархіи. Не знаемъ, какой успѣхъ будетъ имѣть это предположеніе, но хорошо и то, что смерть почтеннаго лица возбудила добрую мысль. Дай Богъ, чтобы смерть каждаго изъ насъ приносила какой нибудь плодъ живому обществу. Если исполнится это предположеніе, то имя Венедикта Павловича Чеховича будетъ вдвойнѣ памятно многимъ и многимъ. Во всякомъ случаѣ всѣ знавшіе достопочтеннаго профессора и еще болѣе почтеннаго человѣка, повторятъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ, который, по полученіи въ Петербургѣ донесенія о смерти профессора Чеховича, написалъ въ отвѣтъ: „душевно сожалѣю о внезапной кончинѣ достойнаго профессора Чеховича и молю Господа Бога да пріиметъ его въ нѣдра Своей благости.

СОДЕРЖАНІЕ VI КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.